«Быстро меняются дома, улицы, сёла и города. Быстро меняются люди, их взгляды и ценности. А как коротка человеческая память: два–три поколения и, если нет никаких письменных источников, восстановить события прошлых лет почти невозможно».

Даниил Мочалов, Евгения Пучкова
Вишневка Воронежской обл.

«Сбор информации и работа с архивами – дело кропотливое и трудоемкое, требующее большого терпения, внимания и аналитических способностей. Но вместе с тем необычайно интересное. Я впервые в жизни увидел фотографии оригинальных документов времен Великой Отечественной войны. На меня это произвело очень сильное впечатление! Я раньше всегда воспринимал войну как некое эпохальное событие и не задумывался о каждодневной жизни солдат на фронте, и только теперь осознал, что люди на фронте не только воевали и погибали, но и ЖИЛИ!»

Андрей Козырев, г. Москва

ВЫРВАТЬ ВЕК ИЗ ПЛЕНА
ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

ВЫРВАТЬ ВЕК ИЗ ПЛЕНА...

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА
ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»
Международный благотворительный фонд имени Д. С. Лихачева
Союз краеведов России
Кафедра региональной истории и краеведения
Российского государственного гуманитарного университета

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников
«**Человек в истории. Россия — XX век**»

вырвать век из плена

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

Сборник работ лауреатов Всероссийского конкурса
исторических исследовательских работ старшеклассников
«Человек в истории. Россия – XX век» 2015 года

МЕМОРИАЛ 2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
В26

Издательская программа Международного общества «Мемориал»

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» проводится при поддержке Фонда Михаила Прохорова (РФ), Фонда Кёрбера (ФРГ), Фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ), Филиала «Фонда Фридриха Науманна за свободу» (ФРГ) в Российской Федерации

Издание осуществлено при поддержке Фонда Михаила Прохорова (РФ)

Редакционная коллегия Александр Даниэль, Лариса Еремина, Елена Жемкова, Татьяна Касаткина, Никита Охотин, Ян Рачинский, Арсений Рогинский (председатель)

Редактор-составитель Ирина Щербакова

Редактор Николай Гладких
Подготовка текста Любовь Гришина, Оксана Михайлова

Дизайн обложки Георгий Кизевальтер

Вырвать век из плена: Российская история XX века глазами школьников
М.: Мемориал, 2015. — 356 с.: ил.

ISBN 978-5-9902341-3-0

В сборник вошли работы российских школьников — лауреатов Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» 2015 года. В работах использованы уникальные источники, найденные школьниками в семейных и государственных архивах: письма, воспоминания, дневники, материалы следственных дел.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-9902341-3-0 © Международное общество «Мемориал», 2015

Содержание

О конкурсе 7

Судьба и жизнь
Дария Гизатуллина. «Что захочется, то и напишу...»
(дневник мальчика из «бывших») 11
Наталья Никоварж. Судьба чеха и его семьи в круговороте
Гражданской войны и репрессий на территории Сибири 41
Даниил Мочалов, Евгения Пучкова. Герой или злодей? 59
Елизавета Зотова. Тобиас Вайсман: судьба
человека XX века 73
*Николай Веретин, Дарья Гальцова, Софья Караборчева,
Виктор Мещеряков, Виктория Пятецкая, Александр Пятецкий.*
Сага о Щербакове 83

Человек и война
Виктория Леонова. «Сила веры, надежды и любви» 129
Андрей Козырев. Мой прадед — солдат
Великой Отечественной 149
Татьяна Глазырина, Елена Епанчинцева. «Не торопитесь
сжигать» 161
Владимир Алов. Человек. Плен 195
Елизавета Ампилогова. «Зачем ты, война, наше детство
украла?» 205
Анна Антонова. Боль в песенных строках:
песни, записанные бывшими фашистскими узниками
в проверочно-фильтрационном лагере
№ 219 летом 1945 года 233

Прошлое — далекое и близкое
Сергей Намятов. «Я другой такой страны не знаю!»
Страна Советов: мифы и реальность 253
Наталия Малова. Откуда мы будем. История моей семьи 275
Оксана Елисова. Я помню дни армейские... 291
Светлана Зверева. «Иногда мы не понимаем, с кем воюем» 309
Ольга Регулярная. Кто придумал «перестройку»,
или Жизнь работников бюджетной сферы
в 1980-х–1990-х годах 327

О конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век» 353
Жюри конкурса «Человек в истории. Россия — XX век» 355

О конкурсе

Даниил Гранин,
писатель, член Жюри конкурса

Конкурс ставит перед школьниками важную задачу. Они должны писать историю повседневности. Их интерес направлен на обычное ежедневное существование людей со всем, что их окружает — бытом, средой, поведением, лексикой…

Когда мы с Алесем Адамовичем писали «Блокадную книгу» и опрашивали людей, мы столкнулись с тем, что прошло 30 лет и возникли твердые стереотипы. Люди посмотрели фильмы про блокаду, прочитали книги и уже представляют себе блокаду в смешанном виде — то, что они сами пережили, и то, что они вычитали. Это очень сложная и тонкая операция, которая детям не под силу: соскрести, отделить слой чужой памяти от памяти опрашиваемого. Это и взрослым не всегда удается. Поэтому было бы очень интересно сделать комментарии к детским работам, которые были бы важны и для тех, кто вспоминает, и для читателей. Сами стереотипы и ложные представления тоже историчны, их тоже нельзя недооценивать. Интересно проанализировать, как пропаганда искажала нашу жизнь.

Есть и еще одна очень важная вещь в этих работах — суд потомства. Не нужно думать, что всё можно списать, что мы всё «замазали», — ничего подобного. Дети — это строгие и беспощадные судьи над нашим прошлым, нашей историей. Не пропадает ничего. Нам кажется, что всё прошло, но нет — нас будут судить.

Есть тезис: «История учит тому, что она ничему не учит». Это относится, прежде всего, к нашей истории. Наша фальсифицированная история действительно ничему не учит и не может ничему научить. А эти ребята делают большое дело — они поднимают подлинные пласты настоящей истории. Настоящая история многому учит и может научить. Разрушается многое, выученное в школе, но вместе с тем возникает понимание сложности той жизни, трагедии той жизни, радости той жизни.

А вообще я сторонник того, чтобы в разговоре с детьми ставились вопросы, а не давались ответы. Я думаю, что вы делаете очень большое дело, и нужно, чтобы как можно больше людей поняли это.

Людмила Улицкая,
писательница, председатель Жюри конкурса

Кроме большой официальной истории, записанной и переписанной, существует малая история семьи, которую можно забыть, но можно и восстановить, пока не умерли живые свидетели недавнего прошлого. Это «микроистория» — приключения малой песчинки в огромной горе песка. Но каждая песчинка — отдельный человек со своей уникальной историей — несет на себе отпечаток времени.

Сегодняшние молодые люди, исследуя документы и письма прошлого века, начинают понимать, какие жестокие испытания выпали на долю их предков, какое мужество и стойкость проявляли их деды в окопах чудовищной войны и в бараках сталинских лагерей, как безмерно трудна была жизнь их бабушек, — и поколенческое отчуждение сменяется глубоким уважением и восхищением. Таким образом, связь времен восстанавливается, и в этом глубокий смысл замечательного проекта «Человек в истории. Россия — XX век».

Людмила Алексеева,
правозащитник, председатель Московской Хельсинкской группы

Мы живем в такой стране, где история часто переписывается. А как на самом деле протекала жизнь хотя бы членов нашей семьи на той территории, где мы родились, которая является нашей малой родиной? К сожалению, по учебникам мы мало что узнаем. На самом деле история — это и есть то, что вокруг нас, вокруг каждого человека. Но дело здесь не только в том, чтобы знать, как жили раньше наши близкие и люди вокруг нас. Молодым людям надо решать, как строить свою жизнь, чтобы она была успешной и счастливой и чтобы их детям не было за них стыдно. Я очень рада, что находится в нашей стране столько молодых людей, которым это не безразлично, которые думают об этом. И не только думают, но и тратят время и силы, с увлечением, с интересом, с энтузиазмом работают.

судьба и жизнь

«Что захочется, то и напишу…» (дневник мальчика из «бывших»)

Дария Гизатуллина
Южно-Уральский государственный университет, г. Троицк, Челябинская область
научный руководитель Рауф Назипович Гизатуллин

В 10-е годы XX века семья Степановых была одной из самых влиятельных в Троицке; они владели заводом, загородным имением, одним из лучших особняков города. Степановы приобрели автомобиль марки «делоне бельвиль 45» французского производства. Петр Евдокимович имел звание Личного почетного гражданина, был председателем Троицкого вольно-пожарного общества, президентом Троицкого общества любителей конского бега, почетным блюстителем 2-го Приходского училища, был избран гласным Оренбургского губернского земского собрания от г. Троицка. В годы Первой мировой войны был членом Военно-промышленного комитета, а с мая 1916 года — его представителем в Уральском областном военно-промышленном комитете. Участвовал в торжественной встрече А. В. Колчака, приезжавшего в Троицк 15 февраля 1919 года. Летом 1919 года, после начала отступления колчаковцев, он покинул город с женой и младшими детьми, но смог добраться только до Красноярска. К тому времени город уже заняла Красная Армия, и Степановым пришлось вернуться в Троицк. В связи с тем, что их особняк национализировала новая власть, они были вынуждены жить в доме Гладких, а затем на съемных квартирах. Петр Евдокимович работал помощником бухгалтера (кассиром) в уездном финансовом управлении. Его жена, Софья Васильевна, — швеей в театральной мастерской. П. Е. Степанов умер в Троицке 13 мая 1926 года.

АВТОР

Автором дневниковых записей, о которых пойдет речь, является мальчик Гера (Герман), младший сын купца Петра Евдокимовича Степанова и Софьи Васильевны Лавровской, родившийся в Троицке 18 июля 1913 года. По окончании школы Герман работал чертежником в стройчасти Маслосоюза. С сентября 1939 по июнь 1940 года учился в Казанском институте инженеров комму-

нального строительства. С августа 1940 по август 1953 года работал в тресте «Красноярскстрой» (начал в должности прораба, закончил главным инженером треста, и. о. управляющего). Был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». С августа 1953 по август 1959 года работал доцентом Кемеровского горного института, заведовал кафедрой. Был депутатом Кемеровского городского Совета. В августе 1959 года с семьей переехал в Сталинград (с 1961 года — Волгоград), где работал доцентом Волгоградского инженерно-строительного института до 1985 года. Скончался 3 октября 1992 года и похоронен в Волгограде.

ДНЕВНИК

Дневник представляет собой две книжечки, сшитые из сложенных вдвое обычных тетрадных листков в линеечку. У современных школьников такие тетради называются «по русскому языку». Это связано, скорее всего, с тем, что после Гражданской войны в России царила разруха и найти блокнот или ежедневник фабричного производства было невозможно. Вообще-то я думаю, что идея дневника возникла у его мамы позже — вначале это был альбом для рисования, вернее для перерисовывания книжных иллюстраций: *«Я очень люблю рисовать и сшил себе книжечку и под наблюдением мамы начал рисовать. Я рисую из книжек те картинки, которые мне понравятся. Это очень интересно»*. Позже, через 5 лет, будет заметно, уже по самостоятельным рисункам — как окрепла рука. Так как листки сгибали по ширине, получилось, что горизонтальные голубые линии, нанесенные на фабрике, стали вертикальными. Но попадаются и нелинованные страницы, наверное, в ход шли чистые листы из старых запасов писчей бумаги. Чтобы мальчику было удобно писать, страницы разлинованы карандашом. Сохранность документа хорошая, если учитывать, что прошло столько времени, и дневники, видимо, неоднократно перечитывали и перелистывали. Тетрадей было больше, так как в самом начале говорится, что первая тетрадь была потеряна. Сохранившиеся записи охватывают период с ранней весны 1922 до весны (апрель?) 1925 года.

Записи, приводимые в качестве примера, я оставила без изменений и исправлений. Ясно, что ученик начальной школы не может писать без ошибок, и мне кажется, что неисправленный текст лучше передает возраст автора.

О чем записи? Вот как отвечает сам девятилетний автор: *«Темы для записок в дневник я придумываю сам, а потом показываю маме — ладно или нет, я написал. Иногда она меня хвалит, а иногда говорит, что этого бы не следовало писать и очень удивляется, что Таисия Петровна пишет "хорошо"»* (19.09.1922).

Мне эти записи интересны не только потому, что видно, как за это время совершенствовались орфография, грамматика и стиль Германа, а потому, что можно узнать, о чем думал в эти годы, на заре советской власти, юный школьник, сын бывшего миллионера-мукомола и поповны — дочери протоиерея городского собора.

ТЕКСТ И КОММЕНТАРИИ

«Мои воспоминания

Я вспоминаю часто как жил на даче каждое лето. Как было тогда хорошо. Я целые дни проводил в саду: ловил бабочек, рвал цветы грибы, ягоды, строил под деревьями домики в которых я играл со своими двоюродными братом и сестрой. Было так хорошо и весело. Сколько там было цветов, особенно я любил мак и синие васильки» (без даты).

Только зная драматическую историю этой семьи, можно полностью понять эту запись. Перед нами свидетельство грандиозного социального переворота.

К сожалению, до сих пор не удалось установить, где располагалось это загородное имение Степановых. Именно имение, а не дача, так как там у них были пахотная земля, рабочий и товарный скот. Для поездок использовали не лошадей, а свой мощный (7-ми местный, 70 л. с.) автомобиль «делонэ бельвиль 45». Части Красной Армии вошли в Троицк в августе 1919 года, так, что Герман мог проводить лето на даче только в 1914–1919 годах. Видимо, это было самое счастливое и безмятежное время, когда ребенок рос, окруженный всеобщей любовью и красотой. Память об этом времени грела душу Германа всю оставшуюся жизнь. Сохранившиеся фотографии подтверждают, что вся дача была в цветах, а небольшой фонтан был окружен клумбами. После конфискации советской властью всего имущества ни о каком отдыхе не могло идти и речи. Правда, в годы НЭПа Петр Евдокимович арендовал в 4-х верстах от города заимку у знакомых казаков из Солодянки (станица Клястицкое), но исключительно для выращивания хлеба и картошки на собственные нужды.

«Мои думы

Теперь я часто думаю о том, что скоро Рождество, будет ёлка. Я начал клеить ёлочные украшения. Придумываю разные звёздочки, клоунов и прочее».

Непростая судьба выпала на долю рождественской ёлочки: в XX веке она не раз подвергалась «гонениям». Во время Первой мировой войны ее пытались упразднить как «немецкий обычай», а после революции запретили как буржуазный пережиток. В конце 20-х Рождество будет запрещено, по улицам пойдут молодые дозорные — не горит ли где ёлочка, не проводят ли «мракобесы» свое религиозное антисоветское торжество? А еще лет через пять, в середине 30-х, ёлка, получившая название «новогодняя» и увенчанная пятиконечной звездой, станет обязательным делом в патриотическом воспитании советской малышни. Всё это впереди, а пока Германа никто не мешает клеить игрушки (в магазинах их уже не продают) и спокойно готовиться к празднику.

Записи в самом начале дневника говорят о детских проблемах, которыми живет ребенок, причем записи, по-моему, сделаны под контролем, а то и под диктовку матери: «Моя оплошность» — о том, как Гера, идя в школу, попал под лошадь; «Что я слышал» — о том, чем занимался в школе; «Что я видел» — как растут и изменяются домашние цветы и рассада на подоконниках. Видно, что Гера любит не только растения, но и животных; всё его детство проходит в окружении кошечек, собачек, а летом еще и всяких букашек. В заметке «Мои печали» он пишет о грядущем закрытии школы (видимо, школа была маленькая, может быть, частная, фактически один класс, который набирала учительница). Здесь уже врывается большой мир, мир взрослых с их преобразованиями в школьной сфере и т. п. Но и дальше Гера пишет о проблемах своих аквариумных рыбок, о том, что, из-за холодов мама не пускает его в школу. Природная доброта его видна в переживаниях о том, что рыбка гольян выпрыгнет из банки на пол и погибнет.

У мальчика добродушный нрав, ему нравится в школе, видимо, повезло с учителем. Для Германа горе, когда он болеет и не может посещать свою «любимую школку». И когда Таисия Петровна сообщила, что «школку» закроют. Когда болеет, то пьет чай с медом и хиной (это, как я понимаю, популярное лекарство тех лет). 10 марта 1922 года в дневнике бытовая зарисовка — как Гера ходил с няней вытаскивать из колодца ведерко. В колодце их оказалось четы-

ре штуки, три ведра вытащили, одно осталось на дне. Любопытно, в те времена уделялось много времени тому, чтобы сходить к колодцу за водой, к проруби — полоскать белье, топить печь, чтобы не замерзнуть.

«17 марта. Второй день меня мамуся не пускает в школку по случаю того, что на улице очень плохая погода, сильный буран и такой ветер, что с ног сшибает. Мне хоть и очень неприятно, но мамусю приходиться слушать. Я ее уже несколько раз пробовал упрашивать, но она не отпускала».

И правильно делала. В истории города были страшные бураны, как, например, в 1876 году: «25 декабря, в день рождества Христова, с 2-х часов дня начался буран, настолько сильный, что со многих домов сорвало крыши. Около собора было найдено два замерзших трупа: новокрещеный татарин и вышедшая из собора от всенощной девочка, лет 14-ти, унесенная бурей от строений к р. Ую». (*Архангельский И. И.* Материалы для истории города Троицка (1743–1891 гг.) // Труды Оренбургской Учёной Архивной Комиссии. Вып. VI. Оренбург, 1900. С. 43).

И тут же, видимо, навеянная холодами запись в дневнике:

«Жуткие воспоминания

Почти три года прошло, как мы уехали из Омска, а я до сих пор с ужасом вспоминаю об этом. Ехали мы зимой, в холодном вагоне, три недели до Челябинска. На каждой станции было много трупов и больных».

Наступление Красной Армии на Омск началось 4 ноября, после окончания успешной для нее Петропавловской операции. 10 ноября ударил сильный мороз. Иртыш замерз, и стала возможна переправа. 13 ноября А. В. Колчак вместе с золотым запасом бежал на восток. 15 ноября красные части без боя заняли город. Белые отступили к Новониколаевску (с 1926 года — Новосибирск) и Томску. Как считают родственники Степановых, их «семья действительно выехала из Троицка перед взятием города Красной Армией (в начале августа 1919-го — *Д. Г.*), но из-за ужасных транспортных условий добиралась до Челябинска три недели. Герман Петрович, сын Петра Евдокимовича, вспоминал, что на каком-то отрезке пути они ехали на какой-то подводе, по бездорожью (видимо, напрямую, через степи северного Казахстана — *Д. Г.*), ориентируясь на местности по телеграфным столбам, с какого-то момента — на поезде. Добрались они до Омска, где уже стояли красные (обогнавшие их). После они вернулись в Троицк, где все их имущество было

конфисковано». И в этой связи я хочу привести одну из первых записей дневника:

«Мой сон

Сегодня я ночью видел во сне, что я еду в поезде, кругом тесно, жарко. Поезд остановили в степи какие-то бродяги. Я испугался и стал кричать, а голосу у меня нет и в то время я проснулся. Долго я не мог прийти в себя, всё думал, что ещё в поезде один, но увидал, что папа с мамой со мной и успокоился, завернулся в одеялко и крепко снова заснул».

Наверное, в этом кошмаре отразились самые страшные события в короткой жизни Германа. Обратный путь домой у семьи занял почти месяц — это был ноябрь, когда уже начались зимние холода. Все подходящие здания возле железнодорожного полотна Транссиба были забиты людьми. Беженцы, пытавшиеся убежать от наступающей Красной Армии, десятки тысяч брошенных раненых, обмороженных и больных тифом солдат. И еше, гражданская война страшна не столько классовым противостоянием, сколько тем, что в прифронтовой полосе исчезает любая власть, любой порядок. Обыватель боялся не столько белых или красных, сколько того, что не будет ни тех, ни других, и маленькому человеку будет не к кому обратиться за защитой и спасением. В России, в условиях анархии и разрухи, развелось много полууголовных и просто уголовных банд, возможной встречи с которыми так опасались попутчики Степановых. Видимо, их вагонные разговоры и стали основой ночных страхов Геры. Вплоть до середины 20-х годов советская власть не могла прочно утвердиться в этих краях. Современники называли Зауралье «колыбелью бандитизма». Здесь никогда не было крепостного права, поместного дворянства и острого малоземелья, сюда веками ссылались каторжане и прочие нежелательные «в России» люди. Как писали в своих воспоминаниях чекисты 1920-х, «население преимущественно состояло из казаков, большая часть которых враждебно относилась к советской власти с первого дня ее провозглашения на Южном Урале». После отхода белой армии многочисленные дезертиры и недовольные новыми порядками составили так называемую «Голубую армию», после разгрома которой ее место заняла «Зеленая армия», составленная, как писали советские газеты, «из разгромленных белобашкир». После них регион охватило пламя крупнейшего, не меньше «антоновщины», Западно-Сибирского антибольшевистского восстания. Его участников также называли «зелеными», но безотносительно

к цвету религиозных знамен. Участниками так называемого «кулацкого мятежа» 1921–1922 годов были крестьяне, казаки, часть интеллигенции и городских рабочих.

«Мое говение

На четвертой неделе я говел. Последних два дня я не ходил в школку, так как эти два дня исповедовался и приобщался. Вместе со мной говел и Володя Ежов. В церковь я ходил с мамой, которая тоже говела. Народу в церкви было очень много. И когда стали приобщаться, то я подошел к батюшке и сказал свое имя. Он меня приобщил».

Здесь Герман говорит, видимо, о четвертой неделе Великого Поста, когда мальчик готовился — говел (постился) перед Причащением. Делал это он не только с близкими, но и со сверстниками. Еще не наступила эпоха повального атеизма, когда кроме бабушек в храм уже никто не ходил, а все дети сплошняком были в пионерах. Ну, и говоря о религиозности Германа, нельзя не затронуть темы мистицизма, причем мистицизма XX века, современного, — с «летающими тарелками» и «барабашками».

«Страшная звездочка

Вчера вечером, 28 марта я ложась спать увидал в окно странный свет, как будто сверкнула молния. Подойдя к окну, я заметил звездочку зеленого цвета, то появляющуюся, то исчезавшую, притом так резко, как будто разорвавшаяся ракета. Эта звездочка вспыхивала до самого утра. Что бы это могло значить и что это за звездочка, мне очень интересно знать. Целый день сегодня меня мучает этот вопрос».

Увы, до начала космической эпохи было еще 30 лет, а в 60-е годы, конечно, это явление сразу нашло бы объяснение. А вот следующий феномен:

«15-го ноября. Вчера вечером мама мне рассказала, что ночью 13 на 14-е она проснулась от звуков мандолины, она открыла электричество, мандолина играла. Прежде всего она подумала, что я задел одеялом за карту, а карта за мандолину (я спал как раз у той стены где висела мандолина), но помахав одеялом она пришла к тому, что одеялом задеть нельзя. Она ее приподняла, думая, что залез мышонок, но там ничего не оказалось. Мама повесила ее опять на прежнее место, легла спать, но мандолина всё ещё играла».

Странно, что мама, дочь видного священника, не дала ребенку какого-нибудь подходящего объяснения.

Для их сына события из церковного календаря были, прежде всего, праздниками, с угощениями и подарками:

«Приготовления к празднику

Уже приближается к нам великий праздник “Пасха”. Всё короче и короче остается время до неё, всего каких-то 4 дня и запоют “Христос Воскресе!”. Какие торжественные эти слова, как будто оживляют и проникают в глубину сердца эти слова! А сколько приготовлений к этому празднику, сколько труда затрачено в каждом доме, чтобы привести всё в порядок».

А для взрослых, возможно, это была ностальгия по старому времени и, наверное, акт сопротивления новой власти. Но, вернемся к дневнику. Герман продолжает:

«*11.09.1922. Моё любимое чтение.*

Я очень люблю читать “Дневник Мурзилки” и “Чёрный друг”. Эти оба рассказа мне читает мама, когда я болен, а когда здоров, то читаю сам. “Дневник Мурзилки” очень смешной и забавный, а рассказ “Чёрный друг” очень интересный, захватывающий и местами жуткий. Я удивляюсь, что такой маленький мальчик, как Пипо и такой находчивый, храбрый и добрый. Этот рассказ находится в “Задушевном слове”, жаль, что ½ потеряно».

Я всю жизнь думала, что «Мурзилка» — это название детского журнала, пусть самого старого (как говорил папа), но советского детского журнала. Оказывается, что Мурзилка — герой дореволюционных сказочных повестей писательницы Анны Борисовны Хвальсон, выходивших еще с 1887 года. Героями этих рассказов являлись лесные карлики-эльфы (!), среди которых не только Мурзилка, но и Чумилка-Ведун, Заячья Губа, Дедко-Бородач, доктор Мазь-Перемаз и даже Знайка, Незнайка и их друзья. Главное потрясение было не в том, что любимые коротышки совсем не из Цветочного города, а то, что они появились после того, как А. Б. Хвальсон творчески использовала идею автора американских комиксов Палмера Кокса (1840–1924). Этот художник выпустил множество книжечек о приключениях своих героев — маленьких человечков. Если честно — после того как я узнала об этом, появилось ощущение, как в детстве, когда понимаешь, что взрослые тебя обманывают…

И еще немного о любимых занятиях девятилетнего Геры:

«15.11.1922. Мой лучший друг

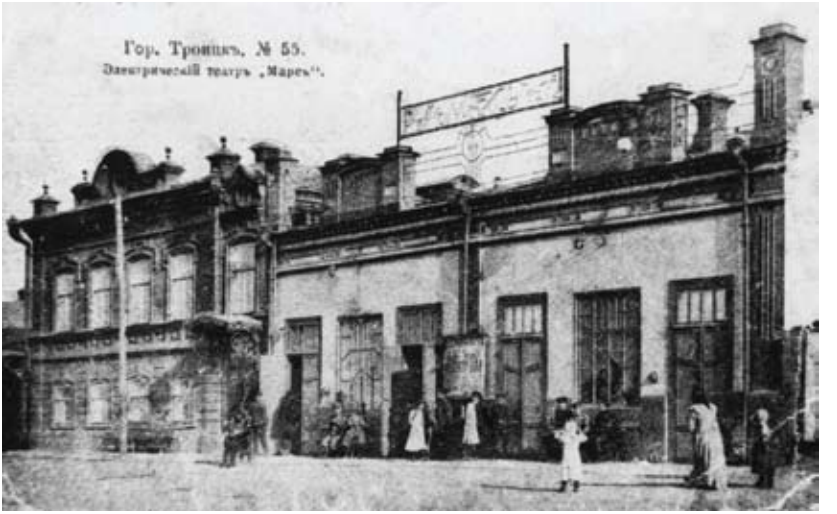
Когда мне было два года, мама привезла из Екатеринбурга мишку, с тех пор и стал он моим лучшим другом. Я никогда не рас-

Герман с мамой

Петр и Софья Степановы, родители Германа

П. Е. Степанов с сыновьями на даче

Автомобиль Степановых (70-литровый «делоне бельвиль 45») на даче. Герман (в белой панамке) сидит между братьями



Электротеатр «Марс»

Участники театрального кружка. 1925

Дневник Германа

15-го Марта.

Сегодня у меня такое настроение, что не знаю, что мне писать. Сегодня я нашел одну рыбку утром на полу уже мертвой. Очевидно ночью она выпрыгнула из аквариума. Она уже и раньше выпрыгивала несколько раз, но я ее сажал обратно. Эта рыбка называлась гальян. Теперь остался один пискарик.

Миндаль

17го Марта

Второй день меня мамуся не пускает в школку по случаю того, что на улице очень плохая погода, сильный буран и такой ветер, что ног сшибает. Мне хоть и очень не приятно, но мамусь приходится слушать. Я сегодня уже несколько раз пробовал упрашивать но она не отпускала.

Жуткие воспоминания.

Почти пять лет прошло, как мы уехали из Омска, а я до сих пор с ужасом вспоминаю об этом. Ехали мы зимой, в холодном вагоне, три недели до Челябинска. На каждой станции было много трупов и больных.

Мой лимон

У меня есть маленький лимон, который ростет в баночке. В прошлом году я, когда ели лимон, взял и посадил одно семечко в банку с землей. К лету оно выпустила из земли два хорошеньких, зелененьких листочка, а теперь уже целый кустик. Сегодня, я заметел, внизу из банки покозался корешек, должно быть баночка мала, придется пересадить в другую по больше. Я слежу и наблюдаю, как ростет мой маленький лимон.

Мое $\frac{11}{IX}$ любимое чтение.

Я очень люблю читать „Дневник Мурзилки" и „Черный друг". Эти оба рассказа мне читает мама, когда я болен, а когда здоров то читаю сам. „Дневник Мурзилки" очень смешной и забавный, а ~~за~~ рассказ „Р „Черный друг" очень интересный, захватывающий и местами жуткий. Я удивляюсь, что такой маленький мальчик, как Пипо и такой находчивый, храбрый и добрый. Этот рассказ находится в „Задушевном слове", жаль, что $\frac{1}{2}$ потерено.

19
XX.

Моя потеря.

Три недели тому назад, уехал мой брат Шура в Оренбург учиться. Я очень плакала, когда провожала его и теперь очень скучаю о нем. Я с ним раньше ни когда не расставался и теперь, как будто чего-то недостает, его отсутствие для меня большая потеря. Каждую почту я жду с нетерпением нет ли от него писем, но пока еще не получил.

19
IX

Мой паук.

Три дня тому назад я поймала паука; посадила его в стеклянную баночку и стала следить за ним, он плетет паутину. Очень интересно наблюдать, как он падает на дно баночки со своей паутинкой. Сегодня я хочу отнести паука Тамаши Петровне. Он у меня ничего не ест.

25/IX

Что я люблю

Я очень люблю рисовать. Я прежде рисовала не так хорошо и мне мама показывала, как нужно делать; а теперь я сама замечаю, что я много лучше стала рисовать. Очень интересно, когда рисуешь и выходит почти тоже самое. Мне очень нравятся те розочки, которые я нарисовал в дневнике и в ~~ни~~ домашней тетради они очень красивые.

27.
IX

Мое сочинение по
картинкам
„Пожар от
детского курения"
Однажды, когда
солнышко взошло до
вольно высоко, трое де
ревенских мальчиков задумали
покурить. Курят эти боль-
шие! и мы покурим, подумали
они. Сели на лавочку около ам
бара и начали зажигать
папиросы, спички же они
бросали на солому, а потом,
когда кончили курить, то во
шли в амбар и там легли

23го октября.

Опера „Фауст"

Я совсем и забыл написать, что был 17го октября на опере „Фауст." Эта опера мне понравилась больше, чем „Русалка", которую я позже видел. Она мне понравилась тем, что в ней участвовал Мефисто-фель. Я очень удивился, когда вдруг на сцене произошла два взрыва, а за ними появился и Мефистофель и как он Фауста превратил в молодо-

ставался с ним, всегда возил с собой и теперь играю и сплю с ним. Раньше у меня было очень много разных игрушек, а теперь остался один мишка. Мне очень интересно знать, кто теперь играет моими игрушками и спит на моей кроватке».

Ребенок явно скучает по своим игрушкам, но как деликатно он об этом говорит! И еще — маленький Гера, интуитивно или по просьбе своей мамы, обходит конкретности. «Раньше» — это когда? При проклятом царизме? «Мишка» — это, видимо, легендарный «медвежонок Тедди», придуманный в Америке в начале XX века. В России игрушечные плюшевые мишки появились лет за пять до рождения Геры и были, по воспоминаниям, редкой и дорогой новинкой. Показательно, что только его и сохранил мальчик во всех своих приключениях на просторах России.

«11.11.1922. Мое любимое занятие

Я очень люблю играть на рояле и разучил много пьесок, например: ласточка, во саду ли в огороде…

13.11.1922. Чистка рояля

В воскресенье к нам приходил мастер, который чистил рояль. Мне было очень интересно смотреть как его разбирали. Сколько в нем разных винтиков, а сколько семячек набросали туда товарищи, пока он был у них, так и сказать невозможно. Я старался помогать ему, но меня папа не отпускал.

Мой стол

Вчера к нам привезли мамин письменный стол, она уже давно говорила, что если выхлопочем его, то она отдаст мне, чтобы я мог всё своё имущество поместить в нём. Теперь он уже стоит у меня в комнате. Прежде всё моё имущество находилось в мамином маленьком шкафике, а теперь всё-таки есть местечко, где можно положить всё. Но в каком испорченном виде его привезли, вся ореховая наклейка отстала и весь бархат залит чернилами. Но, это всё ничего…»

Увидев эти записи, я даже растерялась вначале: откуда у «бывших», постоянно меняющих временные квартиры, у которых всё имущество было конфисковано, и вдруг рояль? Лишь «появление» письменного столика Софьи Васильевны всё объяснило. Конец 1922 года. Всё дальше в прошлое уходят ужасы войны и военного коммунизма. У новой власти можно выпросить кое-что свое, бывшее и пришедшее в негодность, как, например, столик. Победителям стола (который сотрудниками многочисленных учреждений весь перепачкан чернилами) было не жалко — скоро весь мир

будет у них. Видимо, примерно, также был «выхлопотан» рояль, который после «товарищей» пришлось разбирать, ремонтировать и настраивать. Непонятно, куда смотрела мамина «цензура», ведь столько оскорбительной иронии, сарказма в слове «товарищи». (А может тогда все так и выражались, как персонажи книги «Собачье сердце»?) Всего три года был в их распоряжении семейный рояль Степановых, но успел весь забиться шелухой, пеплом и папиросными окурками, которые «товарищи» прятали между клавишами. А теперь представьте, что вместо дорогого, прекрасно звучащего рояля или изящного письменного столика, в руки «товарищей» попала огромная богатейшая страна с какой-никакой, но всё-таки работающей экономикой.

«18.11.1922. Мои мысли

Я считал время по-старому стилю, потому что праздники все празднуются по старому стилю, но я вижу, что это Таисии Петровне не нравится, то я буду писать по новому стилю».

Мне кажется, что Таисия Петровна была недовольна тем, что Гера продолжал пользоваться юлианским календарем, старым счетом времени, потому что ее могли наказать за саботаж мероприятий советской власти, а то и за пропаганду старого режима. То есть Гера, в отличие от неграмотных бабок, сознательно противопоставлял себя коммунистической власти и ее попыткам покорить не только пространство, но и время. В России (на территории, находившейся под контролем Советов) григорианский календарь был введен декретом Совнаркома от 26 января 1918 года, согласно которому после 31 января 1918 года следовало 14 февраля. А вот Временное Сибирское правительство, которому с лета того же года стало подчиняться Зауралье, ввело новый стиль декретом от 31 августа 1918 года, постановив считать день 1 октября 1918 года днем 14 октября.

«3.01.1923 г. Приезд Шуры

Третьего дня наконец-то приехал долгожданный мой брат Шура. Когда он приехал, то было 1 ночи. Все, конечно, сейчас же проснулись повскакали с кроватей. Так как я очень крепко спал, то, конечно, не слышал стука. Потом меня разбудил Шура своими поцелуями. Мы сидели до четырёх часов утра. Он нам рассказывал о своей жизни. Оказывается, что он сидел 4 суток в Кинели, когда ехал к нам (где ему была пересадка) и с трудом попал в поезд. Из Полетаево он в товарном поезде. Долго мы с ним разговаривали, но никак не могли наговориться».

Речь идет об Александре — родном брате Германа, который был старше его на 8 лет и оставался, наверное, его самым близким другом.

«09.1923. Моя потеря

Три недели назад, уехал мой брат Шура в Оренбург учиться. Я очень плакал, когда провожал его и теперь очень скучаю о нём. Я раньше с ним никогда не расставался и теперь, как будто чего-то недостает, его отсутствие для меня большая потеря. Каждую почту я жду с нетерпением — нет ли от него писем, но пока ещё не получил».

В сентябре 1922 г. Александр уехал в Оренбург на учебу и вот — вернулся на каникулы. Кинель — это железнодорожная станция в Самарской области. Тогда еще не начала функционировать прямая линия Троицк — Оренбург, поэтому чтобы попасть из Оренбурга в Троицк, надо было ехать на запад, до Кинели, и лишь оттуда, через Уфу и Челябинск, доехать до Троицка. Полетаево — разъезд Транссиба, через который поезда из Челябинска ходили до Троицка. В общем, путешествие даже по железной дороге в те годы было трудным приключением. Так дневниковые записи помогают понять многие краеведческие проблемы.

«Разрушенная каланча

Сегодня я смотрю в окошко на каланчу, которая десятки лет стояла и приносила человеку какую-то пользу, а сегодня её ломают. Бедная каланча! Живя 3 года на этой квартире я так привык к ея звукам, что мне положительно теперь не хватает их. Пишу, а сам смотрю в окно, как её разрушают, и мне жаль, жаль её».

В 1883 году в городе появился окружной суд. Для такого учреждения потребовалось и соответствующее здание. Отцы города, троицкие купцы, в целях экономии решили использовать под него недавно возведенное двухэтажное здание пожарного депо. Рядом с судом разместили пожарную часть № 2 и возвели сарай для пожарного обоза. А между сараем и зданием окружного суда воздвигли деревянную каланчу. Она была, конечно, не такая капитальная, как в соседнем Кустанае, но немаленькая. Ее очертания видны на сохранившемся фото, слева от здания окружного суда. Теперь, благодаря Герману Степанову, мы знаем, когда каланча закончила свое существование.

В 10 лет Герман пошел в 4-й класс новой школы:

«Новая школа

10 сентября 1923 г. я поступил в новую школу, где был принят в 4-е отделение. Нас в классе 36 человек. Окна нашего класса вы-

ходят на юг и солнце светит всё время, пока мы занимаемся, а потому там очень светло и весело. Учиться мне очень нравиться, но, к сожалению, я заболел и пропустил целую неделю».

А через год он перешел в среднюю школу:

«23.09.1924 г. 2-я ст. 1-я гр. А

Вот уже я учусь и во второй ступени. Четыре дня я уже посещаю школу, и за это время мы уже два раза ходили на экскурсию. На одну экскурсию я не ходил, потому что недавно был болен, а на вторую ходил. Завтра мы пойдем ещё на экскурсию. Все три раза мы ходили и пойдем в Солодянку; третий раз мы ходили для того, что бы исследовать дом бедняка, середняка, зажиточного крестьянина, школу, сыроварню и т. д.».

До Солодянки несколько километров, пешая ходьба отнимала много времени, но тогда вот так приближали теорию к практике, школу к производству. Хотела бы я вот так учиться, весь день гулять.

«1.10.1924. Мамины именины

Вчера моя мама была именинница. Вечером собралось много гостей, которые сели играть в карты. Мне это было неинтересно, и я лег спать. Проспав до часу я проснулся от музыки и пения. Я не мог никак уснуть до трех часов, т. к. гости плясали и играли всяко. Больше всего мне понравился "какаду", которого изображал Василий Михайлович, а вожатым Павел Михайлович. Наконец гости разошлись. Домашние сели пить чай, а я как убитый уснул».

Это была 41-я годовщина со дня рождения Софьи Васильевны. Данный эпизод интересен тем, что приоткрывает, как люди того времени проводили свои семейные праздники. Впрочем, дневник описывает и обычные, будничные дела семьи Степановых. Они (как и миллионы их соотечественников) занимались заготовкой продовольствия. По рассказам моих родственников, несколько поколений советских горожан ежегодно занимались — на специально выделенных государством землях — выращиванием овощей для себя и (некоторые) на продажу. Причем происходило это организовано, на уборку урожая выезжали целыми коллективами, предприятия даже помогали в этом транспортом. Но начиналась эта традиция в голодные 20-е годы.

«2.10.1924. Сбор картофеля

Сегодня у нас ездили рыть картошку. Уехали они в восемь часов утра, а мой брат хотел приехать с первым возом в час и, потом взять туда меня. Но, когда он приехал, то мама меня не пустила, т. к. всю ночь кашлял…

Картошка у нас была посажена у казаков солодянских Кузнецовых, их заимка за четыре версты от города. Местность у них очень красивая».

Солодянка — неофициальное название пос. Клястицкое, бывшего казачьего хутора, недалеко от Троицка.

Я хотела бы сделать еще одно небольшое замечание: в наших краях говорят не «рыть», а «копать» картошку; по мнению филологов, для речи южноуральцев характерно частое использование слов с уменьшительно-ласкательным суффиксом, старшее поколение говорило: мне один *билетик*, у вас нет в продаже *хлебушка*, ты не хочешь *молочка*… Для речи Геры также характерно использование таких суффиксов. Я думаю, это влияние местного разговорного языка, а также наследие детской «сюсюкающей» речи, с обилием таких выражений; ну, еще сказывается и сам характер мальчика, по-детски добрый и открытый. 9 октября 1924 года мальчик сообщает: «пришлось рисовать корку на журнал «Школьная жизнь». В наше время сказали бы: «рисовать обложку». Кроме того, в записи от 15 ноября 1924 года Гера пишет, что его мама «открыла электричество»; сейчас говорят «включила» свет или освещение. Я расспрашивала об этом учителей и других взрослых, лишь папа сказал, что до электричества для освещения в городах широко использовался так называемый светильный или калильный газ, который как раз «открывали» и «закрывали». Говорят, что фикусы получили такое распространение в конце XIX века, потому что только они и могли выживать в угарной, душной атмосфере комнат того времени.

Описанные слова — это всё диалектные и устаревшие выражения. Благодаря дневнику узнаешь о многих вышедших из обихода, из жизни вещах. Это не только слова, а вообще явления, чисто бытовые проблемы людей. Так 7 октября.1924 года Гера описывает, как травили «клопиков». Борьба с паразитами в годы войн (и Гражданской и Отечественной), была необходимой частью жизни людей. Стоит мылу и горячей воде стать дефицитом, как людей одолевают блохи, вши и прочие паразиты. К «прочим» можно отнести и домашних грызунов. Троицк был торговым городом, почти при каждом доме были магазин или лавка, обязательно склады, кладовые и «амбары», сразу обживаемые «братьями наименьшими». Об этом тоже пишет Герман, только у него, как у человека с доброй, впечатлительной душой, свои впечатления, переживания, свое видение ситуации. Мог ли человек с такой сострадательной душой спокойно-равнодушно прожить сталинские десятилетия?

«Ужасная пытка

У нас появилось много мышей, и мы взяли у хозяев кошку, которая в ночь переловила без счету мышей. Когда я пил утренний чай, то кошка, то есть котенок, притащил откуда-то мышку и стал с ней играть, то его отпустит и снова поймает. Это была ужасная пытка. Я живо представил себе человека в когтях тигра, играющего как кошка с мышкой. Какую боль, воображаю, испытывала мышка, когда кошка хватает ее когтями, наверное очень сильно».

Людей одолевали не только паразиты и грызуны. Простые обыватели страдали и от преступности, активно разросшейся в годы революции. Ее подавлению мешал и постулат советской власти о социальной близости уголовника к власти пролетариата. То есть получалось, что криминалитет лучше, чем интеллигенция, у которой всегда что-то свое на уме?

«15-го октября. 9-го на 10-е у нас были воры и украли сундук…» Интересно, что после ухода сотрудников милиции Гера смог сам выяснить — как воры смогли открыть дверь в сени, запертую изнутри.

Но, главная проблема людей того времени, как я поняла, — холод. Холод не только на улице, но и в помещениях, мальчик постоянно об этом говорит. 9 октября 1924 года Герман пишет, как было холодно в той же в школе. Но, несмотря на это, жизнь продолжалась:

«16.10.1924. Опера "Русалка"

Вчера к восьми часам вечера я с мамой и братом пошёл на оперу. Эта опера ставилась в Марсе. Я первый раз в жизни ходил на оперу. Я с большим удовольствием слушал эту оперу, и она мне очень понравилась. Больше всего мне понравилось, как играл и пел мельник. У меня даже мурашки забегали, когда мельник выскочил в виде ворона. Мне также понравилась дочь его Наташа, она также хорошо играла. В общем, хотя много пропустили, спектакль мне очень понравился».

Добавлю, что «Марс» — название троицкого кинотеатра, одного из старейших, открытого еще в 1910 году. После капитального ремонта в 1947 году он был переименован в Кинотеатр им. 30-летия ВЛКСМ. «Русалка» — это опера русского композитора А. С. Даргомыжского, написанная в 40-е–50-е годы XIX века, по неоконченной драме Пушкина. В ее основе легенда об обманутой девушке, превращенной в русалку и мстящей своему обидчику. Я бы не смогла расшифровать эту запись, если бы не случайность. Позапрошлой зимой в Троицк из Екатеринбурга приехала Тамара Петровна Фля-

гина. Ее прадед — Андрей Андреевич Князевский до революции был протоиереем местной церкви Святого Александра Невского и законоучителем 5-го приходского училища (Амурского). Сын чиновника и бывший студент Варшавского ветеринарного института, был рукоположен в священники в 1905 году. В сентябре 1925 года в соборе Святой Троицы проходил съезд обновленческого духовенства и мирян. Известно, что Князевский принимал в нем участие в качестве делегата от прихода городского собора. К этому же году относятся семейные фотографии, привезенные Тамарой Петровной из Екатеринбурга. Среди них обнаружился и снимок, на котором Людмила Князевская, дочь А. А. Князевского и бабушка Т. П. Флягиной, изображена среди участников театральной самодеятельности. Каково же было мое удивление, когда на этом фото в руках руководителя кружка я увидела клавир «Русалки». Участники именно этого кружка ставили оперу, которой полгода раньше восхищался Герман! «Русалка» — не единственная постановка этого коллектива; Герман пишет, что 17 октября был на опере «Фауст».

И еще одно краеведческое открытие позволили сделать дневниковые записи: считалось, что женская гимназия в городе была закрыта сразу после революции или после освобождения Троицка от белых, то есть около 1920 года, и заменена единой трудовой школой II ступени. В записи за 20 октября 1924 года Герман пишет, что опоздал в школу из-за забытого пенала. *«Когда я потом пришел в гимназию, разделся, то на лестнице ведущей на верх, меня встретила Глафира Александровна, и я получил от нее выговор которого и боялся…»* Получается, что на восьмом году советской власти в Троицке еще работала гимназия (только в ней учились и мальчики). Свидетельство Геры подтверждают снимки Л. Князевской, которая в том же 1924 году закончила гимназию.

Ну, а Герман приступил к получению среднего образования, уже советского. Какие мальчика из «бывших» ожидали испытания на этом пути, мы не знаем, хотя, может быть, когда-нибудь найдутся и эти дневники…

***

Мы познакомились с детским дневником, который вел Герман Степанов. Это не совсем личный дневник, так как, по моему мнению, его могли читать родственники, прежде всего, мама (она и была инициатором, да и главным читателем), и он носил харак-

тер учебный, образовательный. Дневниковые записи сохранились с 1922 по 1925 год, то есть с 9 до 12 лет. Дневник не велся интимно, тайно и не содержал никаких секретов (может, мальчики вообще не умеют вести такие дневники). Но даже записи такой формы отражали жизнь, которую вел их автор, и события, которые волновали мальчика. Автор записей сам по себе очень интересен — последний (видимо, самый любимый) ребенок Петра Евдокимовича Степанова — дореволюционного купца-миллионера, хлеботорговца и видного общественного деятеля региона. И мать — дочь, наверное, самого уважаемого и авторитетного в городе священника, получившего за заслуги, кроме орденов, еще и дворянство. Братья Софьи Васильевны стали интеллигентами, известными в крае врачами. Герману повезло с матерью, он рос не просто в достатке, а в любви, окруженный нежностью и добротой. Они, видимо, позже давали силы и стойкость в борьбе с жизненными невзгодами. Петр Евдокимович умер в 1926 году (наверное, к счастью; он не дожил до массовых репрессий, от которых погибнет его сын Александр — «Шура» в нашем источнике). Не мелькают в дневнике и другие родственники — бабушки, дедушки, тети, дяди. Может, сказалось, что Гера — младший, поздний ребенок, а возможно, на упоминания о прошлом было наложено «табу», запрет, как на то, о чем не стоит разговаривать и писать при новом строе.

Мы попытались рассмотреть документ как источник, своеобразно отражающий непростую жизнь провинциального мальчика из «бывших». Герман успешно решил эти проблемы и с честью прожил свою жизнь, как видим из его дальнейшей биографии. Он умер через год после развала коммунистического режима.

Судьба чеха и его семьи в круговороте Гражданской войны и репрессий на территории Сибири

Наталья Никоварж
лицей № 1, г. Усолье-Сибирское, Иркутская область
научный руководитель Нэля Владимировна Бубнова

ИСТОРИЯ СЕМЬИ НИКОВАРЖ

Интерес к происхождению нашей фамилии был у меня всегда. Фамилия Никоварж (Нековарш) — чешского происхождения. Мы ее унаследовали от нашего прадеда Алексея (Алоиса) Францевича Нековаржа (Нековарша), который был чехом по национальности.

Фамилии в Чехии часто давались в зависимости от рода деятельности. Например, Коларж — колесных дел мастер, Тругларж — столяр, Тесарж — плотник, Скленарж — стекольщик, Беднарж — бондарь, Млынарж — мельник, Коварж — кузнец. Фамилия Нековарж означает — не кузнец.

Родословная Никоваржей в Сибири началась от прадедушки Алексея Францевича Нековаржа. Как начальный слог «Не» поменялся на «Ни»? Ошибку мы обнаружили в анкете арестованного — ее допустил человек, заполнявший документ. В этой анкете есть подпись самого прадеда, он подписался «Нековарж». Наверняка он-то знал, как правильно пишется его фамилия.

Одной из причин искажения фамилий была малограмотность людей, которые заполняли документы. Другой причиной — то, что фамилию могли записать на слух, и никто потом не проверял точность записи. Также в истории известны случаи, когда путаница с фамилиями оказывалась спасением для родственников, которые могли быть подвергнуты репрессиям.

Прадедушка родился в 1896 году в Чехословакии, в деревне Ровна. О месте его рождения свидетельствует Анкета арестованного № 6178 ф/л, лист № 76. Там указаны его дата рождения — 2 февраля 1896 года и место рождения — д. Ровна, Чехословакия. На современной карте Чехии мы нашли этот населенный пункт, он существует и сейчас. Деревня расположена на юго-востоке от Праги, между двумя крупными городами — Табором и Паковом.

В процессе поисков мы обнаружили интересную информацию о прадеде. Во-первых, на одном из сайтов были выставлены страницы чешских метрических книг, и там нашлись сведения о рождении моего прадеда и данные о его родителях. Так мы получили сведения уже о моих прапрадедушке и прапрабабушке.

Вот запись о рождении Алоиса Нековаржа из метрической книги в переводе с чешского: «Родился в поселении Ровна, дом 18. Округ Пацов, Гетьманство Пелгржимов. Вся семья принадлежала к Римо-католическому вероисповеданию. Родился в брачном союзе Фантишека (Франца) Нековаржа (1851 г. р.) и Жофии (Софии) Северины Маршички (1861 г. р.)». Отец моего прадеда Фантишек (Франц) Нековарж занимался поденной работой.

В метрической книге слева — предположительно — указаны даты рождения родителей прадеда Фантишека Нековаржа (1851 г. р.) и Жофии Северины Маршички (1861 г. р.), и есть еще одна дата — 1879 г., вероятно, это дата заключения брака.

У прадеда Алоиса Нековаржа было начальное образование. Дарья Ивановна, его жена, моя прабабушка, рассказывала своим детям: «Родился он под Прагой, в деревне Ровна. Он был чех, их было три сына у матери. Когда началась Первая мировая война, то из семьи двух сыновей взяли в армию, и мать вышла на улицу, только и смогла, что за голову взяться, после чего у нее отказало сердце, и она умерла… Прямо как у ворот стояла, так и умерла». Она не смогла пережить уход сразу двух сыновей.

Как вспоминает Антонида Алексеевна Валитова, старшая дочь моего прадеда, ее отец двигался в составе Чехословацкого корпуса. Когда эшелоны с чехами уходили, то прадед остался в Сибири в п. Кутулик Аларского района и его стали называть «русско-подданным». Можно предположить, что он принял русское гражданство. Также Антонида вспомнила, что у отца был друг-чех по имени Август, который жил в Заларях, иногда они встречались.

Недалеко от железнодорожной станции мой прадед построил крепкий лиственничный дом, который до сих пор стоит на том же самом месте. Устроился работать на железнодорожную станцию Кутулик Восточно-Сибирской железной дороги весовщиком товарной конторы.

В самом начале нашей работы мы совершили поездку в п. Кутулик к дочери Алексея Францевича — Антониде Валитовой, ко-

торая познакомила нас с сохранившимися документами и фотографиями семейного архива. Посетили мы и дом, где раньше проживали прадед и его жена Дарья Ивановна с детьми.

Моя прабабушка Дарья Ивановна Никоварж родилась 20 марта 1908 года в п. Залари Иркутской области. В ее семье было еще трое детей: две сестры и брат. Отец прабабушки Иван Кириллов и ее мать Ольга Кириллова образования не имели. Отец ушел служить в армию и домой не вернулся. Жизнь была тяжелая и голодная, поэтому Дарья Ивановна переехала жить в п. Кутулик к своей тетке. Там, она встретила Алексея Нековаржа и они стали жить в доме, который прадед построил сам. У них родились дети: Антонида, Тамара, Надежда, Людмила, Виктор. У Дарьи Ивановны тоже образования не было, работала она в пункте по заготовке зерна, а впоследствии техничкой на железнодорожной станции. После ареста прадедушки Дарья Ивановна осталась одна с детьми, и ей приходилось много работать, чтобы прокормить семейство. Ее детям не в чем было ходить в школу, и поэтому они ходили в обуви по очереди.

Это время способствовало формированию непростого характера прабабушки. Она была суровой, но при этом справедливой женщиной, не терпела лжи. Очень любила своих детей. До конца своих дней Дарья Ивановна жила в своем доме. Умерла после тяжелой болезни в п. Кутулик 2 октября 1974 года.

Занимаясь этой работой, я смогла выстроить свою родословную, начиная от прапрапрадедов и прапрапрабабушек, о которых в нашей семье раньше почти ничего не знали. Теперь я знаю, где родился мой прадед, как появилась его семья, кем и где они работали. Из воспоминаний единственной оставшейся в живых дочери моего прадеда выяснилось, как он оказался в Сибири, в п. Кутулик. Эта информация стала настоящим открытием для меня и моих родных.

МОЙ ПРАДЕД СЛУЖИЛ В ЧЕХОСЛОВАЦКОМ КОРПУСЕ

Что связывает меня, человека XXI века, с темой Гражданской войны и моей фамилией? Чешские корни. Меня заинтересовал вопрос: как мой прадед оказался в Сибири? Как он оказался в Чехословацком корпусе?

Моя бабушка, Татьяна Авдеевна Никоварж, знала по семейным рассказам, что Алексей Францевич был участником Первой

мировой войны, которая проходила далеко от границ Сибири. Я попыталась найти информацию по этой теме.

Есть много дат, хранящихся в памяти людей. Одна из них — 17 мая 1918 года, день «мятежа белочехов». В отечественной историографии это событие считалось официальной датой начала Гражданской войны. Такая странная датировка традиционно объяснялась тем, что Чехословацкий корпус, поднявший антисоветский мятеж на всей территории Поволжья, Зауралья и Сибири, являлся «прислужником» Антанты, а чешские легионеры фактически исполняли роль захватчиков-интервентов. Следовательно, выступление «белочехов» квалифицировалось историками как начало антисоветской иностранной интервенции союзных держав, повлекшее за собой начало Гражданской войны.

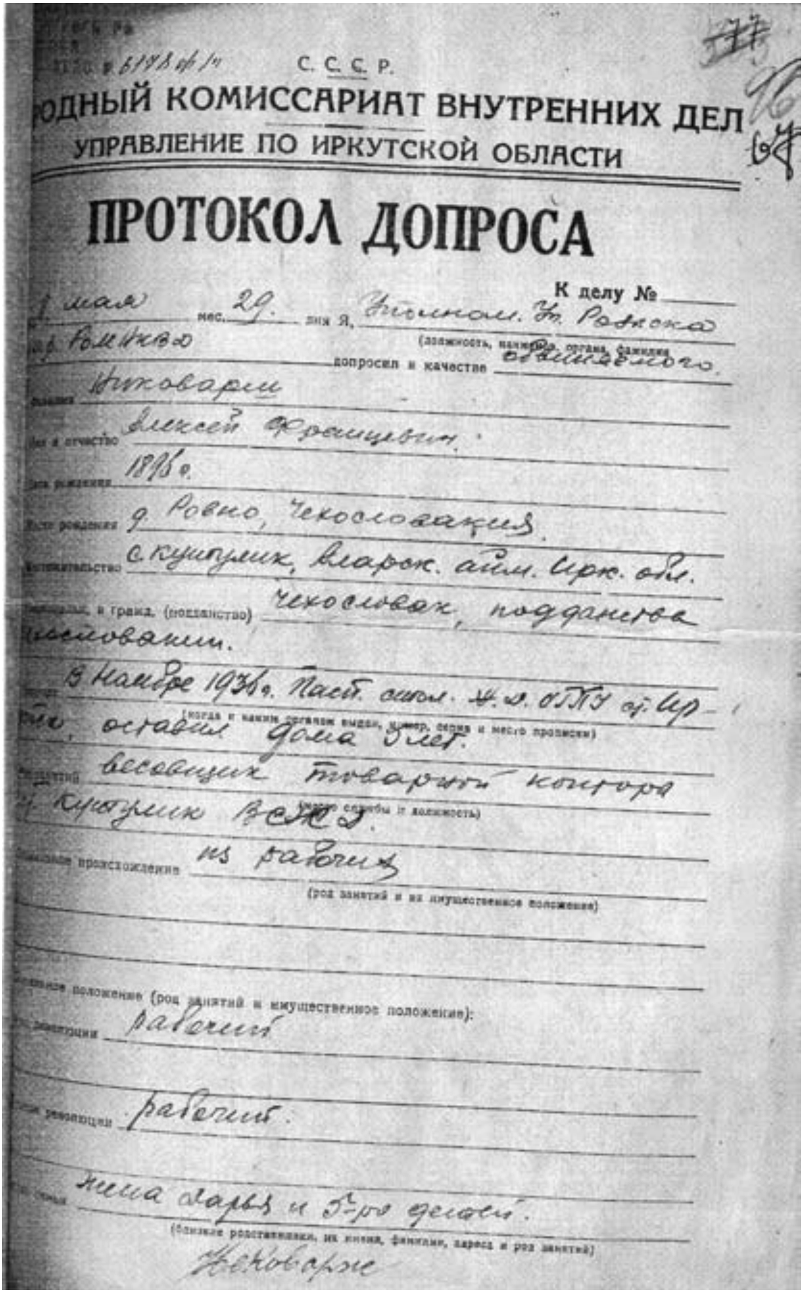
Тема Гражданской войны 1918–1920 гг. занимает особое место в истории нашего края. Сегодня уже немногие помнят отечественную историю настолько хорошо, чтобы объяснить: откуда на просторах Сибири могли взяться чехи? Почему это событие, связанное с внутренним конфликтом каких-то иностранцев, фигурирует во всех учебниках по истории СССР?

К началу Первой мировой войны чешские и словацкие территории входили в состав Австро-Венгрии, и жители этих и других славянских территорий призывались в австро-венгерскую армию и участвовали в военных действиях против России. Многие из них, не проявляя особой лояльности в отношении австрийского правительства, предпочитали сдаваться в плен.

В 1917 г. совместным решением французского правительства и Чехословацкого национального совета — эмигрантской организации, поддерживавшей Антанту и добивавшейся независимости Чехословакии, — был сформирован Чехословацкий легион из военнопленных австро-венгерской армии и русских поданных чешской национальности. Чехословацкий национальный совет признавался единственным верховным органом всех чехословацких военных формирований. Это ставило чехословацких легионеров (теперь они назывались именно так) в России в зависимость от решений Антанты. В сентябре 1917 года генерал Духонин подписал приказ о формировании Чехословацкого корпуса из трех дивизий. После Октябрьской революции Чехословацкий корпус поддержал Временное правительство. 26 марта 1918 года советское правительство вместе с Че-

Алоис Францевич
Никоварж

Дарья Ивановна
Никоварж


С. С. С. Р.

...ОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

УПРАВЛЕНИЕ ПО ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К делу №

1 мая 29 дня я, Уполном. Ул. Разнока ... Ромнево
(должность, наименование органа, фамилия)
допросил в качестве обвиняемого

Фамилия: Жиковарж

Имя и отчество: Алексей Францевич.

Дата рождения: 1896 г.

Место рождения: г. Ровно, Чехословакия.

Местожительство: с. Култук, Слюдянск. айм. Ирк. обл.

Национальность и гражд. (подданство): чехословак, подданство чехословакии.

Паспорт: В ноябре 1936 г. Паспорт. отдел. Н.О. ОГПУ ст. Иркутск, оставил дома 5 лет.
(когда и каким органом выдан, номер, серия и место прописки)

Род занятий: весовщик товарной конторы ст. Култук ВСЖД.
(место службы и должность)

Социальное происхождение: из рабочих
(род занятий и их имущественное положение)

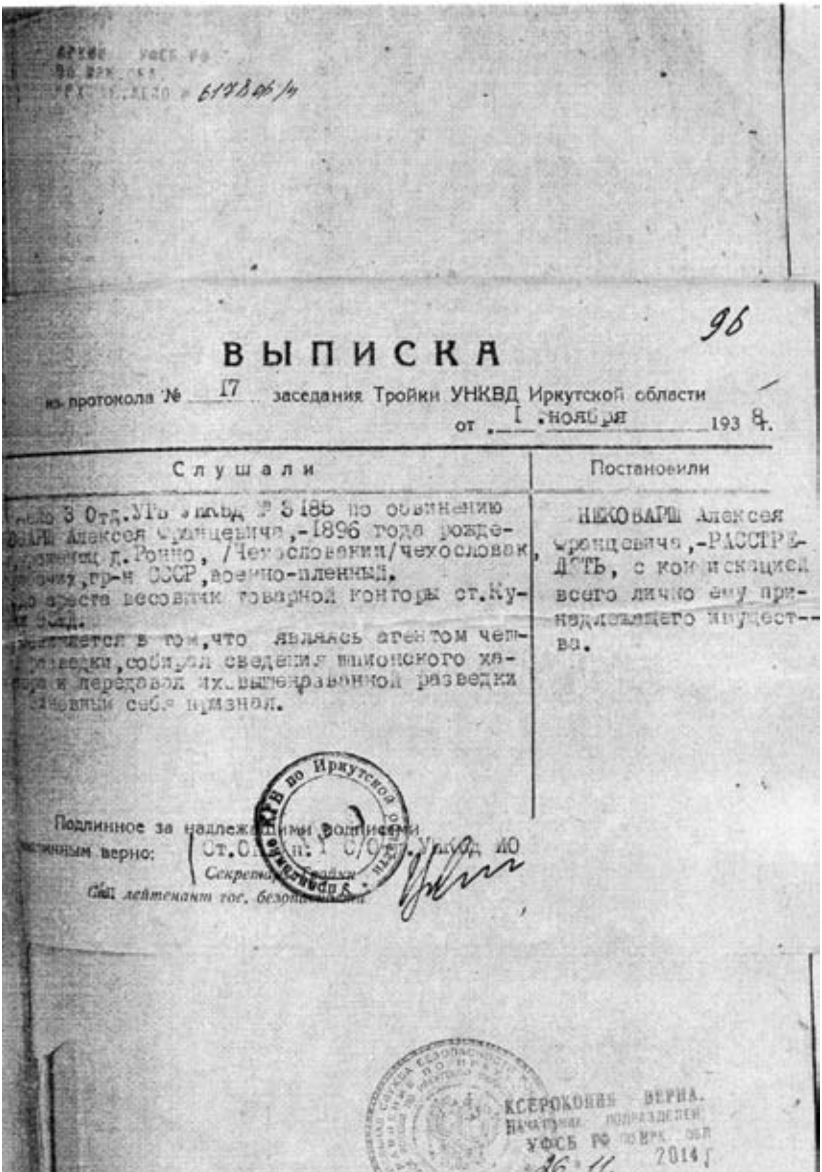
Социальное положение (род занятий и имущественное положение):
до революции: рабочий

после революции: рабочий.

Состав семьи: жена Дарья и 5-ро детей.
(близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)

Жековарж

Протокол допроса



96

ВЫПИСКА

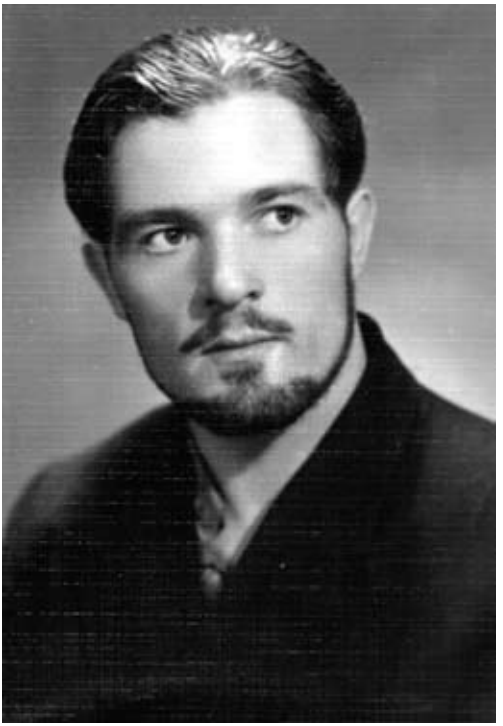
из протокола № 17 заседания Тройки УНКВД Иркутской области от 1 ноября 1938.

Слушали	Постановили
3 Отд. УГБ УНКВД № 3185 по обвинению Алексея Францевича, -1896 года рожде- д. Ронно, /Чехословакии/ чехословак, гр-н СССР, военно-пленный. До ареста весовщик товарной конторы ст. Ку- … является в том, что являясь агентом чех… разведки, собирал сведения шпионского ха- рактера и передавал их … разведки … себя признал.	НИКОВАРШ Алексея Францевича, - РАССТРЕЛЯТЬ, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Подлинное за надлежащими подписями
С подлинным верно: Ст. … УНКВД ИО
Секретарь Тройки
… лейтенант гос. безопасности

КСЕРОКОПИЯ ВЕРНА.
НАЧАЛЬНИК ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ
УФСБ РФ ПО ИРК. ОБЛ
26.11.2014 г.

Документы о расстреле А. Ф. Никоваржа



Виктор
Алексеевич
Никоварж,
мой дед

Свидетельство
о рождении
В. А. Никоваржа

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ

Гр. Никоварж
Виктор Алексеевич
родился (лась) 15/XII 1937 г., тысяча девятьсот тридцать седьмого года
15 декабря
Место рождения ребенка: город, селение р.п. Кутулик, Аларский
район Иркутская область, край
республика РСФСР
о чем в книге записей актов гражданского состояния
о рождении 1939 года января месяца 23 числа произведена соответствующая запись за № 23

РОДИТЕЛИ: Повторное

Отец Никоварж
Алексей Францевич
национальность Русский
Мать Никоварж
Дарья Ивановна
национальность Русская
Место регистрации р.п. Кутулик
Аларский бюро ЗАГС
Дата выдачи 25 сентября 1939 г.
М. П.
ЛСМ № 227869
Заведующий бюро записей актов гражданского состояния

хословацким национальным советом подписало соглашение об эвакуации чехословацких войск через Владивосток. Все вооруженные представители Чехословацкого корпуса были помещены в вагоны-теплушки, и началось движение через всю Россию на восток. 24 мая 1918 года Л. Д. Троцкий издал приказ о насильственном разоружении частей корпуса. Это было воспринято чехами и словаками как агрессивное действие, говорили, что весь личный состав должен быть заключен в большевистские концлагеря. Корпус (численность боевых частей — 45 тысяч человек) отказался сдать оружие и начал восстание от Пензы до Владивостока, к которому присоединились местные антибольшевистские силы.

«Чехословацкие войска отступая, бросили фронт и потянулись по Сибири, растянулись длинной лентой эшелонов. Началась для легионеров теплушечная жизнь на станциях Сибирской железной дороги, с малыми передвижениями. Тяжелая картина для Сибирских станций на протяжении всего 1919 г. Разместились легионеры также в городах, в поселках и станционных зданиях…» (*А. Котомкин.* О чехословацких легионерах в Сибири. Париж, 1930).

В ноябре 1919 года, с подходом Красной армии к Омску, началось отступление корпуса к Владивостоку, а в сентябре 1920 года все, кто не погиб в пути и в столкновениях с большевиками, были эвакуированы по морю из Владивостока в Западную Европу, откуда перевезены в Чехословакию.

Собирая информацию об участии чехов в Гражданской войне, я неожиданно наткнулась на сайт, где упоминалась и фамилия моего прадеда — выяснилось, что 14 августа 1916 года он был взят в плен русскими. Так я убедилась, что в военные годы мой прадед действительно входил в состав Австро-Венгерской армии и оказался в России в качестве военнопленного Чехословацкого корпуса.

СУДЬБА ПРАДЕДА И ЕГО СЕМЬИ В ГОДЫ РЕПРЕССИЙ

Многие чешские солдаты не вернулись на родину и остались жить в Сибири, создали семьи, работали, начали жизнь «по-новому» в другой стране. Каждый пытался хоть как-то забыть события страшной и разрушительной Гражданской войны. Люди оставались жить в глуши, отстраняясь от военного хаоса.

Период наиболее массовых репрессий, так называемый «большой террор», пришелся на 1937–1938 гг. Это время навсегда осталось в памяти людей старшего поколения и стало черной полосой в их жизни. Многим семьям оно принесло горе, потерю родных и близких, для кого-то запомнилось атмосферой страха и гнетущего предчувствия беды. Всего за два года по политическим обвинениям было арестовано более 1,7 млн человек.

Эхо Гражданской войны не прошло мимо моего прадеда: за участие в ней он и его семья были подвергнуты репрессиям в 1938 году.

По нашему запросу члены нашей семьи впервые смогли познакомиться с некоторыми страницами из «дела» моего прадеда. Материал о прадеде также нашелся в книге «Жертвы политических репрессий по Иркутской области: память и предупреждение будущему» (Иркутск, 2003, том 6, с. 186). В ходе работы нами были собраны и проанализированы публикации и фотоматериалы в интернете и других СМИ.

Для поиска информации мы сделали запросы в такие организации, как Státní ústřední archiv v Praze и Отдел архивной информации и реабилитации Информационного центра ГУ ФСБ России по Иркутской области.

Из ФСБ России по Иркутской области мы получили приглашение « на ознакомление с материалами архивного уголовного дела № 6178 ф/п, в отношении Вашего родственника Никоварж (Никоварш) Алексея Францевича», созвонились с сотрудником архива и договорились о дне ознакомления с делом. В назначенный день мы с мамой отправились в Иркутск. В приемной ФСБ молодая девушка (сотрудник архива) ознакомила нас с личным делом моего прадеда. Нам разрешили увидеть только часть документов из дела, это были шесть страниц из «личного дела репрессированного № 6178 ф/п»: «Справка на арест Нековарж Алексея Францевича от 9 мая 1938 года», «Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения от 9 мая 1938 г.», «Ордер на обыск и арест от 10 мая 1938 г.», «Анкета арестованного от 10 мая 1938 г.», «Протокол допроса от 29 мая 1938 г.», «Выписка из протокола №17 от 1 ноября 1938 г.».

Первый документ — это справка на арест Нековаржа Алексея Францевича. Она была предварительно подготовлена 9 мая 1938 года. В верхнем левом углу имеется штемпель,

кем подготовлен документ: «Начальником УНКВД по Иркутской области ст. майором государственной безопасности…», также имеется небольшая биографическая справка о моем прадеде: «Нековарж Алексей Францевич 1896 год рождения, по национальности чехословак, грамотный, б/партийный в данное время работает весовщиком на ст. Кутулик, проживает в Аларском аймаке Иркутской области». По нашему мнению, в этом документе представлена выборка информации, или своевременно заготовленные одинаковые предложения-обвинения, которые можно было дополнить доносом. Обвинительные дела очень быстро были сфабрикованы.

«Показанием участника контрреволюционной организации (--------) [в этом промежутке было указано конкретное лицо, со слов которого составлялись обвинения в адрес моего прадеда] — Нековарж А. Ф. изобличается как активный участник к-р диверсионно-повстанческой, вредительской организации и занимается к-р деятельностью на железно-дорожном транспорте». Получается, что человек, который обвинял моего прадеда, так же состоял в этой «вредительской организации».

«(--------) [Опять этот же человек обвиняет] “Мне известны как участники нашей контрреволюционной диверсионно-повстанческой, вредительской организации следующие лица (--------) Нековарж А. Ф. — по национальности чехословак, работает весовщиком на ст. Кутулик”.

(--------) “сказал мне, что он дал задания участникам нашей к-р организации (--------) Нековарж А. Ф. совершать крушения поездов путем разборки рельсов в нескольких местах”.

/Из показания обв.----------/

На основании выше изложенного гр-н Нековарж А.Ф. подлежит аресту и привлечению к уголовной ответственности».

Присутствуют подписи нач. Аларского РО УНКВД и Ст. лейтенанта Гос. Безопасности:

«“Согласен”: нач. отдела УНКВД

Ст. лейтенант Гос. Безопасности».

Обвинения основываются не на конкретных диверсионных действиях (сколько было крушений поездов, в каких местах разобрал рельсы), ведь нет никакой доказательной базы, а есть только обобщенные формулировки. Тем не менее, данные пока-

зания послужили поводом для ареста. При этом все начальники поставили неразборчивые подписи.

Следующий документ, с которым нам пришлось подробно познакомиться, — это Постановление «Об избрании меры пресечения и предъявления обвинения». Данное постановление было утверждено начальником УНКВД по Иркутской области Старшим Майором Государственной безопасности 9 мая 193_ года. Стоит заметить, что имя и фамилия этого человека отсутствуют. Указано, что он был составлен на станции Кутулик 1938 года мая «3» дня.

«Я нач. Аларского РО УНКВД Сержант Гос. Безопасности», [при этом опять отсутствует фамилия] «Рассмотрев следственный материал по делу № _____» [так же не указан номер дела] «…и приняв во внимание, что гр. Никоварж А. Ф. 1896 год рождения, уроженец Чехословакии, по национальности чехословак, грамотный, б/партийный, в данное время работает весовщиком на ст. Кутулик, проживает в Аларском аймаке Иркутской области. Опять же перечисляется краткая информация о моем прадеде, и создается впечатление, что одну и ту же информацию перепечатывали из документа в документ.

«Достаточно изобличается в том, что является активным участником контрреволюционной диверсионно-повстанческой организации и занимается контрреволюционной деятельностью на железно-дорожном транспорте». Можно сделать вывод, что репрессировали совершенно невинного человека, так как ни в одной из строк постановления не был указан конкретный факт о пункте преступления.

В документе есть постановляющая часть: «Никоварж А. Ф. привлечь в качестве обвиняемого по ст.ст. 58-1 “а”, 58-2, 7, 9, 10, 11 мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда арест и содержание под стражей в Иркутской тюрьме по 1 категории».

Алоиса Францевича обвинили по 58 статье, но по разным подпунктам, в нагромождении которых было очень трудно разобраться. Скорее всего, это делалось для того, чтобы безоговорочно осудить человека.

Статья 58-1 «а» — измена Родине, переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной тайны врагу; караются выс-

шей мерой уголовного наказания — расстрелом, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы сроком на десять лет с конфискацией имущества.

Статья 58-2: вооруженное восстание, вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти с целью насильственно расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры, влекут за собой высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и лишением гражданства, изгнанием за пределы Союза ССР навсегда.

Статья 58-8: совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса.

Статья 58-11 УК: всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы.

Обвинили моего прадеда по всем этим статьям. Согласно им, у человека не было шансов остаться в живых. Отсутствие конкретных фамилий и дат наводит на мысль о продуманном искажении фактов. Органы НКВД видели целесообразным скрывать реальные данные о расстрелах. Ведь многие родные надеялись, что когда-нибудь их мужья, отцы могут вернуться. Люди исчезали, и в семьях это были закрытые темы.

После того как было выписано Постановление «Об избрании меры пресечения и предъявления обвинения» комиссариатом внутренних дел, управлением по Иркутской области был выписан «ордер № 887 «10» мая 1938 г.».

«Начальнику Управления НКВД по ИО» Фамилия и имя начальника не указана. Не исключено, что данному человеку было дано распоряжение на проведение обыска и ареста гражданина Нековаржа Алексея Францевича, по адресу станция Кутулик.

Арест моего прадеда проводили там, где он работал. Мы заметили, что все документы были выписаны почти в один день, что можно связать с незамедлительным исполнением мер пресечения. В ордере были указаны действия, совершаемые над арестантом, и его адрес. Также было указано, кому был направлен ордер. Всё фиксировалось подписями и печатями.

Следующий документ — «Анкета арестованного». Анкета заполнена четким и разборчивым почерком, как указано в примечании — «со слов арестованного». Однако некоторые слова написаны сокращенно и неразборчиво. В анкете арестованного 19 пунктов, каждый из них раскрывает факты из биографии моего прадеда. По данному документу мы установили дату рождения и место проживания до ареста. Дата заполнения анкеты — «10 мая 1938 года». В строке «подпись арестованного» стоит подпись «Нековарж», выполненная ровным и довольно четким почерком. По данным анкеты арестованного Нековаржа Алексея Францевича установлено, что он «родился 2 февраля 1896 г. в д. Ровна, в Чехословакии. На момент ареста проживал в с. Кутулик, Аларского аймака, Иркутской области. По профессии он был рабочий и работал на ст. Кутулик, ВСЖД, весовщиком товарной конторы». Интерес вызвал пункт № 8 о том, что «выдан паспорт в ноябре 1936 г». Неразборчиво прописаны сведения о выдаче паспорта «в ноябре 1936 г. Пасп. Пункт. ЖДст ОГПУ.»

«Социальное происхождение» — «из семьи рабочих». В строке «образование» указано «м/грамм. по-русски, грамотный по-чехословацки». Также данными анкеты подтверждается, что он был «беспартийный, по национальности чехословак». Не понятны только слова «подданства Чехословакии», если, по словам дочери Антониды Алексеевны, он был русско-подданным и в следующем документе, в Выписке заседания Тройки УНКВД, указано, что гражданин СССР. В Чехословацкой армии служил с 1918 г. по 1919 г. Судимости у него раньше не было. Также в анкете, в 19 пункте, указан состав семьи: «жена Дарья Ивановна /Кириллова/ 1908 г., детей 5 ч. Антонида 9 лет, Надежда 6 лет, Любовь, Тамара 2 года, Виктор 6 мес., брат Франц, сестра Мария Поливка», и в тоже время не понятно, где проживали брат Франц и сестра Мария Поливка. Анкета заполнялась в день ареста «10 мая 1938 г. в Иркутской тюрьме».

Политика репрессий беспощадно забирала у семей их отцов-кормильцев и самых близких людей. Терзаемые горем, ни в чем не повинные женщины-мученицы оставались совершенно одни, без мужской поддержки, с маленькими детьми на руках…

В протоколе допроса, который был составлен «1938 года мая мес. 29 дня Уполном. Уп. РомНКВД», указываются те же сведения, что и в предыдущем документе — «Анкете арестованного», а именно: ФИО, год рождения (не указан день и месяц), место рождения, место жительства, национальность и гражданство, сведения о паспорте: «в ноябре 1936 г. пасп. стол. Ж.д. ОГПУ ст. Иркутск, оставил дома», род занятий, происхождение и так далее. В отличие от Анкеты арестованного, представлены сведения о семье: «жена Дарья и 5-ро детей» и то, что «не имеет наград, в бандах не участвовал». Протокол допроса составлен на двух страницах, которые подписаны допрашиваемым.

Анкета арестованного и протокол допроса совпадают и никакими фактами не отличаются. При этом в протоколе допроса 20 пунктов. Оба документа дублируют друг друга. Отличительной особенностью является пункт 19, в котором имеется информация о службе в белых и других армиях: «служил в Чешской армии с 1918 г. по 1919 г.» и пункт 20: «Участие в бандах» — не участвовал». «Анкета арестованного» и «Протокол допроса» не имеют подписей тех людей, кто их составлял, имеются даты 10 мая 1938 года и подпись моего прадеда.

Последним документом, который был представлен нам из личного дела Нековаржа Алексея Францевича, является «Выписка из протокола № 17 заседания Тройки УНКВД Иркутской области от «1» ноября 1938 г.». Я считаю, что информация этого документа является самой трагичной. Такие «тройки» были в разных городах нашей страны. Те люди, которые входили в состав «тройки», выносили обвинительные приговоры по приказу. Позднее, когда волна репрессий пошла на убыль, «тройки» и «двойки» были упразднены Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года («Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»). А также был издан соответствующий приказ НКВД (№ 00762 от 26 ноября 1938 года). Однако «тройки» и «двойки» уже успели вписать свою страницу в историю кровавых репрессий.

В данном протоколе указано, что «слушали: 3 Отд. УГБПУ НКВД № 3 185 по обвинению Нековарж Алексея Францеви-

ча, — 1896 года рождения, уроженец д. Ровна, /Чехословакия/ чехословак, из рабочих, гр-н СССР, военно-пленный. До ареста весовщик товарной конторы ст. Кутулик ВСЖД».

«Обвиняется в том, что являясь агентом чешской разведки, собирал сведения шпионского характера и передавал их». «Виновным себя признал».

Какие конкретно сведения, не уточняется. «Виновным себя признал»? Какими методами добивались этого признания, остается только догадываться. Однако если бы он не признал себя виновным, мы думаем, что решение не изменилось бы: «Постановили: Нековарш Алексея Францевича — Расстрелять, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества», и в данном случае даже не понадобилось уточнять фамилию. Надлежащими подписями данный документ был заверен.

Во все времена считалось, что главой семьи, ее опорой и защитой является мужчина. И самое страшное — это потерять его. У семьи Никоварж отняли кормильца, защитника и просто любимого человека; семья переживала не самый легкий период своей жизни, и весь груз ответственности лег на хрупкие плечи Дарьи Ивановны.

Как вспоминает Антонида Алексеевна о своем детстве: «После того, как забрали всех наших отцов, в школе над нами издевались… Приду в школу, а я тогда босиком ходила, в тапочках брезентовых зимой… Многосемейным давали валенки, как премию, а мы то были не многосемейные.. У нас была одна мать и пятеро детей.. Нам говорили так: “Вы враги народа, дети, никакие вы подарки не просите”. Вот так с нами и обращались… У нас учились первый класс с третьим, а второй с четвертым и одна учительница преподавала. Мама работала техничкой, так как никакого образования у нее не было… С нашей станции забрали около 20 человек. Забрали много милиционеров, председателей колхозов, всех руководящих работников. А папа мой был на станции товарным кассиром, возил продукты с РайСоюза по магазинам. Он был очень хорошим, а мать была суровая. Он всегда защищал нас от нее. Отца забрали прямо с работы, как раз его дежурство было. Он дежурил с Самохой. Когда их отправляли на вокзале, стоял такой рев, ревели все жены и дети. Он ушел и не вернулся…

Возвратились только Кашин (деревенский учитель) и Зинченко (кутуликский милиционер). Зинченко вернулся без ноги,

а Кашин вернулся целый, но больной… Они рассказывали о том, как над ними издевались… Людей уводили ко рву и там расстреливали».

Действительно, люди уходили и не возвращались. И наиболее трагичным было то, что родственники даже не знали, что стало с их близкими и где они похоронены.

В 6 томе книги «Жертвы политических репрессий по Иркутской области: память и предупреждение будущему» на странице 186 можно прочитать: Никоварж Алексей Францевич «осужден 1 ноября 1938 года и расстрелян 4 ноября1938 года в г. Иркутске».

С момента ареста 9 мая до расстрела 1 ноября прошло немногим больше 5 месяцев, родные ничего не знали, это были тяжелые месяцы ожиданий. Но прадед не вернулся. «Реабилитирован 8 октября 1957 года Военным трибуналом Забайкальского военного округа».

***

Благодаря изучению темы Гражданской войны нами была установлена связь нашей фамилии и ее родоначальника в Сибири с событиями тех времен. Мы узнали причину его появления в России и его дальнейшую судьбу. Однако трудно сказать, добровольно ли мой прадед решил остаться в Сибири, или у него просто не было другого выбора?

Никто не знает, как сложилась бы судьба моего прадеда, если бы он вернулся в Чехословакию, так же как мы никогда не узнаем, сожалел ли он о том, что остался в Сибири, когда находился в Иркутской тюрьме, и что ему пришлось там пережить.

В семейном архиве Антониды Алексеевны не сохранилось практически никаких документов, касающихся прадедушки. Думаю, что эти документы были изъяты во время ареста — либо уничтожены, так как вся семья подвергалась гонениям после ареста прадедушки. Возможно, еще какие-то материалы о нем имеются в той части дела, хранящегося в архиве ФСБ России по Иркутской области, с которой нам не дали возможности познакомиться. Из сухих строк официальных документов, обличающих прадедушку в «террористических действиях», мы не можем представить всё, что он пережил. Понятно одно: насколько беззащитны были люди, которые подвергались репрессиям.

Репрессии имели жестокий характер, людей могли осудить буквально ни за что: по доносу соседей, которым что-то не понравилось, или за другую национальность.

В нашей работе восстановлены факты жизни и судьбы только одного репрессированного — простого рабочего, чеха, который готов был честно работать и жить со своей семьей в далекой от его родины стране, готового принять и понять условия жизни в Сибири. Однако он был расстрелян, а его семья испытала на своем веку много горя и лишений.

Герой или злодей?

Даниил Мочалов, Евгения Пучкова
Спасская школа, п. Вишневка, Воронежская область
научный руководитель Алла Николаевна Мочалова

Как быстро всё меняется…

Быстро меняются дома, улицы, сёла и города. Быстро меняются люди, их взгляды и ценности. А как коротка человеческая память, два–три поколения и, если нет никаких письменных источников, восстановить события прошлых лет почти невозможно.

Коренных жителей в Вишневке осталось мало, большинство молодежи после окончания школы уезжало жить в город.

У нас нет пустующих домов, село наше так же густо населено, как и раньше. Но живут здесь в основном теперь другие люди. Приехали сюда жить русские и нерусские переселенцы из бывших союзных республик. Приехали специалисты из других районов, когда был построен свиноводческий комплекс спецхоз «Вишневский». Приехали научные сотрудники в НИИОХ (Научно-исследовательский институт овощного хозяйства) из различных областей России. После того как руководителем местной сельскохозяйственной организации ПК «Луч» (бывший колхоз «Путь к коммунизму») стал человек с Северного Кавказа, в село приехали жить и работать многочисленные его родственники. А ведь история села — это в первую очередь история людей, которые здесь жили раньше.

Задумался я об этом, когда решил узнать историю одной могилы. Находится она в центре села, у здания нашей Спасской сельской администрации. За могилой ухаживают, надпись на ней сохранилась: «Скачков Семен Егорович 1898–1931 гг. Погиб чекист», а что за человек там похоронен, никто сказать не может.

Ежегодно 9 мая, мы все, жители села Вишневка, приходим к Спасской сельской администрации (по-старому сельский совет) на митинг. Здесь же стоит памятник погибшим летчикам. Экипаж боевого самолета в 1942 году во время боя за Воронеж разбился в соседнем селе Малиновка. Все летчики похоронены здесь. О летчиках мы знаем всё. О них говорят и на митинге, и на уроках в школе, и в школьном музее собран большой материал. А о чекисте Скачкове, чья могила находится рядом, нигде не говорится ни слова.

Цель нашего исследования — ответить на вопросы:

1. Кто же такой чекист Семен Егорович Скачков, похороненный у здания Спасского сельского совета?

2. Почему он похоронен здесь, а не на кладбище — как все люди? Как он погиб?

НАЧАЛО ПОИСКА

Первым делом мы обратились в нашу Спасскую сельскую администрацию, но там ничего о Семене Егоровиче Скачкове не знают. Посоветовали сходить к старожилам села или в архив.

Первая находка ожидала нас в Верхнехавском районном архиве. Там хранится подборка местной газеты «Заря коммунизма», которую собирают с 1947 года. В номере за 3 июня 1978 года мы нашли статью Т. Старцева «В годы великой битвы». В ней описывается собрание в Спасском сельском совете. На собрании присутствовали комсомольцы. Они выступали без всяких бумажек, цитировали слова В. И. Ленина. Среди выступающих был член партии Семен Егорович Скачков.

На собрании также были кулаки и подкулачники (так называемые «прихлебатели» кулаков), выступавшие против колхозов. Шли страстные споры, дискуссии и борьба с так называемой частнособственнической психологией. Вот отрывок из этой статьи:

«Декабрьское морозное утро. Несколько дней подряд бушевавшая вьюга ночью внезапно улеглась. Семен Егорович Скачков вышел во двор, посмотрел на ясное звездное небо и, вернувшись в хату, сказал жене:

— Сегодня обедать не жди. Будем собирать людей.

По дворам спозаранок пошли десятники.

— На собрание! — кричали они под окна.

Из каждого дома потянулись люди к большому вместительному помещению сельского совета. На собрании кулаки кричали:

— Мы хотим поставить вопрос об укреплении единоличной жизни. Дюже она нам по нраву…

— Это кто там не хочет колхоза? Кулак или его помощник? — спрашивает Скачков.

— Как хочешь называй, а в колхоз мы не пойдем. Пусть идут туда те, кто как медведь: сейчас лапу сосет, потому как у него во дворе ни кола, а в закромах и ни зерна. А мы, слава Богу, обеспечены всем, и нам лучшей жизни не надо.

И собрание загудело, словно растревоженный улей. Многие его участники пытаются заставить замолчать противников колхоза, но они не унимаются. Идет шумный спор и перебранка.

Здесь, поддавшись влиянию наиболее заядлых врагов колхозного строя, стали кричать и отдельные середняки:

— Ты чего рот зажимаешь, — противятся те. — Нынче свобода слова, чего хочу, то и говорю.

Поступило предложение — всех кто мешает проводить собрание, выдворить из помещения. За это взялись члены сельского совета и комсомольцы.

А вечером Скачков с большой радостью докладывал секретарю райкома Шержикову:

— Лед тронулся. Первый колхоз на территории Спасского сельсовета создан. Вступило 43 хозяйства, я стал первым председателем колхоза».

Так образовался первый колхоз на территории Спасского сельского поселения. В селе Спассовка он назывался Колхоз имени Революции.

Я долго размышлял о написанном в этой статье. Читается она как рассказ, а не как исторический документ. Можно ли эту статью считать историческим источником? Похоже на то, что в 1978 году люди из райкома попросили автора написать статью о создании первого колхоза. Вот он и написал. А откуда взял информацию — непонятно. Да и Скачков был на самом деле не председателем колхоза, а председателем Спасского сельского совета, мы это по документам выяснили.

А еще статья похожа на сюжет из фильма о советской деревне, где всё красиво, все рады и на всё быстро соглашаются. Но это неправда. Вступать в колхоз, конечно, агитировали. Но в то, что наших спассовцев так легко убедили объединить всех лошадей, коров и другой скот, чтобы работать вместе, — поверить трудно.

ДОКУМЕНТ 1862 ГОДА

В книге «Крестьянское движение в Воронежской губернии 1861–63 гг.: Документы и материалы» (Воронеж, 1961) приводится донесение воронежского губернатора министру внутренних дел от 29 мая 1862 года. В нем описывается событие, которое произошло за 70 лет до создания колхозов. Не думаю, что внуки тех крестьян села Спассовки так уж сильно отличались от дедов. Спасские жители были тогда очень непокорными. Воронежский губернатор сообщает министру внутренних дел об отказе крестьян села Спасского Воронежского уезда переселяться на новые места жительства и о жестокой расправе над ними с помощью военной силы.

Крестьянам предложено было переселиться поближе к своему наделу за 6 верст, поскольку их владения были чересполосными с другими владельцами. Крестьяне гоняли скот или возили хлеб на гумно через чужие поля, что вызывало беспокойство у соседей. Вот что написано в этом старинном документе: «Помещик Супрунов (уездный предводитель дворянства) предложил своим крестьянам на выбор: или получить надел большой и перенести на оный свою усадьбу, или надел маленький, но рядом с прежней усадьбой.

Крестьяне отвергли оба предложения, несмотря на всю готовность помещика устроить их по взаимному с ними согласию.

Мировой посредник по ближайшему рассмотрению этого дела пришел к следующему заключению:

— На месте, предлагаемом помещиком для нового поселения, оказалось: земля отличного качества в количестве 255 десятин 803 сажени, составляющие отдельную дачу, где находился их бывший надел пахотной земли. Земля эта удобная, снабжена водопоями и состоит из двух связанных прогоном участков, включая колодцы, которые помещик устроил.

На каждую крестьянскую усадьбу г-н Супрунов обязан был выдать по 35 рублей серебром.

Крестьяне выразили недоверие и заявили, что переселяться не будут. Получив сведения об этом, я признал нужным поручить исправнику вторично отправиться в имения г-на Супрунова, с большим настоянием вразумить крестьян и высказать, чему подвергаются они, если не покорятся законному требованию.

Исполнение этих первоначальных распоряжений нисколько не уменьшило упорство, дошедшее до фанатизма.

Приведенный к сознанию, что принятые меры оказываются недостаточными, я разрешил исправнику потребовать и направить в имение Супрунова команду Воронежского батальона внутренней стражи в числе 80 солдат. И сделал распоряжение о назначении смешанной военно-судной комиссии для предания главных виновников из крестьян имения Супрунова военному суду.

Но, как и прежде, крестьяне, не обращая никакого внимания на эти доводы, выказывали только ничем непоколебимое упорство. Сельский староста встал во главе ослушников и на убеждения отвечал так: “Нас всего 25 человек, солдат много. Поднимите нас на штыки и несите. Иначе мы не пойдем”. Переселяться крестьяне не намерены, потому что свыклись с настоящими местами, на которых родились и выросли.

При производстве дела комиссия на основании законоположений приговорила: главных виновников в числе 8 человек лишить всех прав состояния, наказать шпицрутенами через 100 человек, старосту сослать в восточную Сибирь, а 7 человек в Западную на поселение».

Читая этот документ, невольно удивляешься людям: им давали по 35 рублей серебром, новый большой надел земли, вырыли для них колодцы и пруд как место водопоя для животных, помогали со строительством домов. А они противились и не хотели переселяться. Что за упрямство?

В итоге крестьяне всё же переселились. И зажили на новом месте очень хорошо.

Помещица из соседнего села Никольское Зинаида Сергеевна Соколова оставила книгу «Наша жизнь в Никольском», где описала жизнь спасских (супруновских) крестьян начала XX века. По ее словам, они были самыми зажиточными в округе. В 1906 г. там было 54 двора и 266 лиц мужского и 270 лиц женского пола. В 1898 году открылась первая начальная школа (*Соколова З. С.* Наша жизнь в Никольском. Воронеж: Центр духовного возрождения черноземного края, 2004).

А народный костюм села Спассовка хранится в Воронежском областном краеведческом музее.

Узнав так много интересного о Спассовке, мы непременно решили туда съездить. Переехали поле на велосипеде — и мы в Спассовке. Когда мы с Женей въехали туда, нас поразило то, что в этой деревне сейчас никто постоянно не живет, наведываются дачники летом, и всё. А пустые низенькие избы, в два ряда из красного кирпича, с двойными стенами, крытые железом, стоят до сих пор. Рядом с каждой избой заросший сад и огород. Вдоль дороги — старинные срубленные из дерева глубокие колодцы. Таких у нас в Вишневке нет. У нас давно водопровод.

Возле деревни Спассовки большой пруд. Всё это говорит о том, что когда-то здесь кипела жизнь.

Не могу я поверить, чтобы предки этих непримиримых спассовцев через 70 лет пошли и добровольно вступили в колхоз. Там им никто не давал по 35 рублей серебром. И дома тоже не строил.

ПИСЬМО

У нас в музее я обнаружил любопытное письмо Агафьи Демьяновны Щепкиной, адресованное Зинаиде Константиновне Соколо-

вой, дочери соседних помещиков из села Никольского Верхнехавской волости, что находится в трех верстах от Спассовки. Письмо от 21 декабря 1917 года меня заинтересовало, потому что там говорилось о моих земляках, жителях села Спассовка (Супруновка). Вот что написано в письме:

«Как там у вас с имением-то обходятся, бьют также как и у нас — всё отбирают. У нас у Малютихи отобрали, и у Паринагина отобрали, Эртелей не трогают, Константина Константиновича Соколова тоже. Для крестьян нет ничего святого сейчас. Они совсем рассудок потеряли, особенно отличаются сейчас Желдаи и Супруновцы. Супруновка решила, сговорилась вся — голодом изжить Варвару Афанасьевну. Никто не продает ей печеного хлеба. Она говорит им, что будет так служить, только чтобы кормили её, а они не хотят.

Пьянство у нас развилось — ужас как! Варят сами самогон. Карты среди крестьян все вечера проводят».

Вот такими наши спассовцы были сразу после революции. Врача Константина Константиновича не трогали — понятно почему, потому что лечил их всех; семью Эртелей не трогали, потому что Александр Иванович глава семьи, когда был жив, поддерживал крестьян, занимался попечительством. А бедную учительницу Варвару Афанасьевну со света сживали, чем она им не угодила?

И вот такие люди добровольно вступили в колхоз в 30-х годах?

Думаю — нет. Заставили их вступить туда.

СПАССКИЙ СЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

После победы Октябрьской революции в 1917 году в деревнях и селах стали образовываться сельские советы как низовые органы государственной власти. По конституции РСФСР 1918 года сельские советы являлись высшей властью на объединяемой территории, избирались на 3 месяца.

Спасский сельский совет образовался в 1918 году и находился на территории Усманского уезда Воронежской губернии на основании Постановления СНК РСФСР от 24 декабря 1917 года.

Судя по протоколам партийных собраний, председатели Спасского сельского совета менялись часто. За короткий 1929–1931 период ими были Кадомский, Быстрозоров, Хрусталев, Горохов. Это говорит о том, что их работа не удовлетворяла райком. Что становилось с председателями потом — неизвестно.

Судя по документам, главным врагом в 30-х годах был кулак.

КУЛАК

Хозяйство кулака обследовалось, облагалось твердым денежным и натуральным налогом, который постоянно возрастал. Не мог заплатить налог — хозяйство отбирали. Устраивали даже торги. Читаем объявление Спасского сельского совета (ВРА, ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 5):

«Объявление

Настоящим доводится население и общественные организации, в том, что на 16 февраля в 19 часов назначаются публичные торги имущества Кузнецова Василия Михайловича. В счет погашения военного налога. Продается корова. Оценивается 60 рублей.

Желающим принять участие просьба таковым прибыть в с/с к указанному сроку.

Председатель Кадомский».

Читаем другой документ Спасского Сельского совета по описи имущества на предмет раскулачивания за неуплату сельскохозяйственного налога:

«Михайлов Дмитрий Иванович:

1. Хата деревянная, соломой крыта — 1,70 руб.

2. Сарай рубленный — 1,30 руб.

3. Ларь — 3 руб.

4. Корова — 1 шт, овцы 3, ягнята-2, куры — 12

Швейная машинка — 1, настенные часы — 2 руб.

Итого 24 позиции на 258 руб.

Подписи: Член Спасского с/с Андрей Егорович Скачков (брат Семена Егоровича Скачкова) и Кудинов Дмитрий Васильевич» (цит. по кн. *Смирных В.* Такое было время. Воронеж, 2011).

Что пережили люди, нажившие небольшое имущество своим трудом, — можно себе представить. Некоторые пытались свой скот истребить, лишь бы не досталось колхозу. Чтобы таких случаев не было, представители Сельского совета проводили свои расследования. Читаем документ:

«Акт

Сего 24 февраля 1931 года составлен настоящим акт они же следующие присутствовали понятые члены с/с Кудинов Дмитрий Васильевичи и Скачков Андрей Егорович и земельный уполномоченный Соколов Андрей Николаевич. Спасский с/с пос. Владимировка

Была зарезана овца. Причина — была обнаружена рана под передней лопаткой до легких. Нанесена коровой. К сему подписываемся члены с/с.

Подписи: Кудинов Дмитрий Васильевичи

Скачков Андрей Егорович» (ВРА, ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 20).

После раскулачивания, отобрав всё имущество, в колхоз не брали. Как жить бедному крестьянину? Чем детей кормить?

Вот что рассказывает Татьяна Тихоновна Долгих, жительница села Вишневка: «Мы жили в Спассовке. Семью нашу раскулачили, отца отправили в тюрьму, отобрали всё, начался голод. Самое страшное было то, что в колхоз нас работать не брали, как бы мама не уговаривала председателя. Однажды поздней осенью, когда не хватало рабочих рук в колхозе убирать сахарную свеклу, председатель неожиданно позвал маму. Она бегом побежала на работу, успев накинуть косынку на мокрую голову (она только что помыла волосы). Когда ночью мама вернулась домой, её косынка примерзла к голове».

Думаю после таких методов борьбы с кулаком у жителей выступать против коллективизации желания не было. Читая документы тех лет, понимаю, что лучше всего в то время было быть бедняком, на худой конец — середняком.

ВЕРХНЕХАВСКИЙ РАЙОН

Верхнехавский район в 30-х годах XX века, как и сейчас — сельскохозяйственный. Здесь в основном выращивают зерновые культуры, сахарную свеклу и подсолнечник. Население района в указанный период — 60 тыс. человек. Классовое расслоение населения следующее: «В районе имеется 129 пунктов. В коих проживают бедняцких хозяйств — 2978, середняцких — 7461, кулацко-зажиточных — 641.

В прошлых годах районный бюджет имел дотацию от облисполкома. Впервые, в этом 1931 году будет переводиться из района в бюджет области 109300 рублей» (Характеристика В-Хавского района // ГАОПИ ВО, ф. 46, оп. 1, кор. 2, ед. хр. 29, с. 20).

Откуда взялись эти деньги? Верхнехавский район не мог разбогатеть так быстро. Думаю, деньги эти появились в результате политики хлебозаготовок. Это — раскулачивание, высокие налоги и первые колхозы, которые весь урожай сдавали государству. Думаю, крестьянам в результате этой политики было хуже, чем крепостным. Вот такое было время…

«ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ — ЧЕКИСТАМ!»

Но вернемся к нашему герою — Семену Егоровичу Скачкову. На обелиске надпись: «Погиб чекист». Кто такой чекист?

В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой (2012) дается определение: «1) Работник ЧК (Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, существовавшей в Российском государстве в 1918–1922 гг.). 2) разг. Работник органов государственной безопасности (в СССР)».

В школьном музее мы нашли записи без имени автора, на трех альбомных листах с аппликациями, написанные детским почерком, предположительно учеником 5–7 класса нашей школы. Это текст о Семене Егоровиче Скачкове: «1899–1931. У мальчика были большие привязанности к учебе. Когда Семен пошел в первый класс, то почувствовал, что теперь имеет обязанности, которые должен выполнять. Так об этом он говорил сам. Семен проучился в школе сельской 4 года и поступил в Воронежскую гимназию. Учеба ему давалась легко. Он читал запрещенную литературу тайком. У него было много друзей, которым он доверял свои секреты, запрещавшиеся в то время. Часто он выступал на собраниях, высказывал свои вольнолюбивые мысли и получал за них выговора и предупреждения. Закончив успешно гимназию, Скачков возвратился в родные места. Сначала он работал чекистом далеко от родных мест, но когда началось образование колхозов, он возвратился домой. Скачков стал председателем Сельского совета. Он провел огромную агитацию среди крестьян, и это имело огромное значение, так как крестьяне благодаря ему очень многое поняли. Вместе с отцом Семен кулачил богатеев, отбирал хлеб для крестьянских нужд».

Дату написания этого документа мы определили по почтовой открытке, которая была приклеена к тексту, видимо для красивого оформления. Открытка была вырезана и приклеена плохо. На обороте мы легко увидели дату — «1973 год». Откуда же у ученика нашей школы была такая информация? В архиве он не был, статью Старцева (опубликованную в 1978 году) тоже читать не мог.

Могилу Скачкова как раз в это время перенесли от Спасской школы к зданию Спасского сельсовета. Возможно, эти записи на трех альбомных листах были ученическим докладом на школьном пионерском собрании.

Думаю, что эти биографические сведения сохранялись в памяти учеников нашей школы, а их источником были родственники чеки-

ста. В архивных документах, относящихся к периоду после смерти С. Е. Скачкова, встречается имя его брата — члена Спасского сельского совета Андрея Егоровича Скачкова.

СМЕРТЬ СКАЧКОВА (ПО РАЗНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Мы решили провести свое расследование и выяснить, как именно погиб Семен Егорович Скачков. Так как это было убийство, мы подумали, что в архиве МВД это дело есть, и нам его любезно предоставят. Сделали запрос. Прошло 8 месяцев. Молчание.

В школе мы нашли альбомные листы, на которых кто-то из пионеров сделал запись: «В селе проживал кулак Павел Андреевич Анохин, который возненавидел Семена Скачкова. Их семью раскулачили, и Павел сошел с ума. Он поджег свой сарай с намерением убить Скачкова. Все сбежались на пожар, и Скачков конечно прибежал тоже, и стал тушить. Но вместо того, чтобы затушить огонь кулацкий сын схватил топор и кинулся на Скачкова. Скачкова сразу же отправили в районную больницу с тяжелой раной, а кулака посадили в тюрьму».

В уже цитированной нами статье Т. Старцева, опубликованной в районной газете «Заря Коммунизма», об этом написано более красочно: «Как-то глубокой ночью в окна хаты Скачкова проникло зарево пожара. Враги подожгли конюшню. Скачков побежал тушить. Стал выгонять лошадей. Сбежались на помощь колхозники. Всех лошадей спасти удалось. Пожар вскоре был потушен. Кругом стоял народ. Усталый, с ожогами, шатаясь, Скачков подошел к нерасходившемуся народу. Он что-то хотел сказать. И в это время ему на голову опустился топор и председатель погиб.

Так оборвалась жизнь замечательного человека, одного из самоотверженных борцов за победу социалистического строя, которых потом Леонид Ильич Брежнев назвал “героями великой битвы”. Среди тех, кто участвовал в похоронах погибшего от руки врага, был школьник Спасской школы Долгих Василий Павлович. Позже, когда вырос, он стал председателем Спасского сельского совета. Он помнит, как навзрыд провожали в последний путь самого главного вожака, открывшего счастье в жизнь. Похоронили у Спасской школы».

К нашему счастью, Василий Павлович Долгих, житель села Вишневка, родившийся в 1924 году, жив. Он помнит про то, как школьники ухаживали за могилой. Но причину смерти указал другую: «В деревне ходили слухи, что Анохин убил Скачкова, приревновав

к своей жене, а про то, что “провожали навзрыд в последний путь самого главного вожака, открывшего счастье в жизнь”, — ничего не помню. Могила рядом со школой была, но был слух, что похоронили там не Скачкова, а положили просто деревяшку».

Намереваясь найти доказательства убийства Скачкова, мы обратились в Воронежский архив общественно-политической истории. Работники архива предложили нам просмотреть документы не только за 1931 год — год убийства Скачкова, но также изучить документы за соседние — 1929, 1930 и 1932 годы, объяснив из опыта своей работы, что обелиск с надписью могли поставить гораздо позже времени убийства и перепутать даты.

В нашем случае так и оказалось. Все документы, касающиеся убийства Скачкова, были за 1930 год. А на обелиске год смерти — 1931.

Читаем архивный документ — «Протокол пленума В-Хавского ВКП(б) Усманского округа 15 апреля 1930 года» (ГАОПИ ВО, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 21, с. 64): «Всех присланных рабочих в счет 25.000 использовать в колхозах. Т. Терехова командировать в Спасский колхоз. Председателя колхоза т. Певейкина снять с работы как за бездеятельность, о чем сообщить ОК ВКП(б)».

Возможно, Певейкин и был первым председателем колхоза в Спассовке. Этого человека сняли в связи с убийством Скачкова — «за бездеятельность», и направили туда другого более верного социалистическому строю человека. Позже собрали по этому случаю еще один пленум. «Протокол пленума В-Хавского ВКП(б) Усманского округа 12 мая 1930 г.» (ГАОПИ ВО, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 21, с. 93):

«Информация об убийстве председателя Спасского с/с.

Обязать АПО мобилизовать 3 человека для агитационной работы в Спасский сельсовет для освещения борьбы и для разъяснения убийства как террористического акта исходящего от кулачества. С таким же заданием бригады послать по другим сельсоветам. Провести работу по закреплению и увеличению Спасского колхоза, для чего необходимо ускорить туда командировку т. Хрусталева в качестве председателя сельского совета. Разработать по ячейкам директивы о разъяснительной работе по случившемуся террористическому акту среди коммунистов, КСМ и батрацко-бедняцкому населению.

Обязать партийные ячейки и членов ВКП(б) особенно внимательно следить за политическим настроением и кулацкими группировками на селе давая об этом сведения РК каждые 10 дней. Обязать

судебно-следственные органы срочно расследовать факт террора и принять необходимые меры для ускорения по расследованию. Поручить фракции РИК выявить возможность помощи семьи убитого.

Обязать фракции РИК и сельский совет срочно проверить документы возвращающихся кулацких детей и выданные на них родственные обязательства. Категорически предупредить сельский совет не выдавать справок кулакам».

Да, переполошились коммунистические органы. Райком дал задания всем бороться против кулака. АПО — это, вероятно, агитационно-пропагандистский отдел, КСМ — Коммунистический союз молодежи (комсомол), РИК — районный исполнительный комитет. (Вообще в документах очень много сокращенных названий, над которыми нужно долго думать, чтобы расшифровать).

УСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Но, самыми интересными оказались воспоминания наших местных бабушек об этом событии.

Из воспоминаний Марии Ивановны Волостных, жительницы села Вишневка, 1931 года рождения: «Могила Скачкова раньше находилась в селе Спассовка у Спасской семилетней школы. Мы когда были детьми, ухаживали за могилой. Там всегда лежали цветы. В конце 60-х годов XX века Спасский сельский совет перенесли в село Вишневку, старую Спасскую школу разобрали, а в 1971 году построили новую Спасскую среднюю школу, только уже в Вишневке. Название школы и сельского совета менять не стали. Перенесли в Вишневку и могилу Семена Егоровича Скачкова».

Этим объясняется путаница с названием нашей школы. Живем мы в Вишневке, а школа называется Спасская. О самом Скачкове Мария Ивановна сказала, что он чекист, а зарубил его топором местный кулак Анохин.

Из воспоминаний Надежды Павловны Деревенских, жительницы села Вишневка, 1922 года рождения: «В 30-х годах, когда повсеместно стали создаваться колхозы, многие жители не захотели в них вступать. Их начали раскулачивать.

В этом раскулачивании участвовал Скачков. Люди тайно его ненавидели, ведь он был председателем Спасского сельского совета, агитировал всех вступать в колхоз и особенно жестоко относился к “раскулаченным”. А когда один из “кулаков”, Павел Андреевич Анохин, ударил его топором по голове, после чего Скачков умер

в больнице, народ в душе считал Анохина героем. Хотя говорить об этом все боялись, поэтому пришлось писать, делать и говорить совсем другое».

Из воспоминаний жительницы села Вишневка Анны Максимовны Зубаревой: «Я своими глазами видела, как нашего председателя на дрожках [легкая телега] везли в Хаву [районный центр] в больницу. Голова у него была перемотана большим слоем бинта. Он лежал и не двигался. Дрожки ехали быстро мимо нашего дома. Люди выскочили из своих домов, смотрели, не понимали, что произошло.

Скачков участвовал в раскулачивании нашей семьи. Я его хорошо запомнила, мне было 10 лет. Дом наш деревянный разобрали, бревна увезли в Марьевку, в коммуну. Нам только баню оставили, мы в ней до войны жили. Отца моего арестовали, а потом расстреляли. Поэтому, когда я увидела Скачкова с перевязанной головой, подумала: “Поделом тебе!” Его до Хавы не довезли, он по дороге умер.

Позже я услышала, как всё было. Его зарубил топором Анохин Павел Андреевич. Его Скачков кулачил. Детей на снег выгнали. Лошадей забрали. Его Скачков пытался в колодец скинуть — за то, что он драться лез. Поэтому Павел Андреевич затаил злобу, отомстить хотел. Когда пожар начался, конюшня горела (кто поджег, неизвестно, говорили — Анохин), Скачков, как председатель Спасского сельского совета, прискакал на лошади тушить. Когда пожар потушили, и всё успокоилось, Анохин схватил топор и ударил Скачкова по голове. Поделом ему было, поделом! Но никто так не сказал. Молчать нужно было.

Я часто об этом думаю. Когда вспоминаю отца, как его почти после ареста расстреляли, а моя мама в Воронеж ездила целый год — передачи ему возила в тюрьму. Как сестре “волчий билет” дали, как мы жили в своей бане, да и то нам еще не сразу ее дали, мы первое время по родственникам мыкались.

Думаю, что таким, как Скачков, не обелиск нужно ставить, а в яму выкинуть как моего отца в Дубовке».

***

Сейчас Спассовка — вымершая деревня. Куда делись люди? Почему люди оставили эту деревню и переселились в близлежащую Вишневку, или уехали в Воронеж, или на железнодорожную станцию «Графское»? А ведь жители Спассовки были самыми зажиточными в округе.

Эта деревня дала название нашей школе и нашему поселку. Почему всё перенесли в Вишневку? Думаю, скорее всего потому, что Вишневка имеет более удобное географическое положение. Она находится на трассе Воронеж — Верхняя Хава, а Спассовка, не имевшая нормальной дороги, осталась в стороне.

А еще в Вишневке находится правление колхоза, фермы. Здесь построен свиноводческий комплекс «Вишневский». А вокруг старой Спассовки одни поля и никаких производственных предприятий.

Повлияло ли раскулачивание на процесс переселения? Думаем, нет. Раскулачивание было тогда во всех деревнях.

Зачем похоронили Скачкова рядом со школой, а не на кладбище? Думаю, в советский период разрушали все церкви, но религией сделали новую идею — социализм или коммунизм. А вместо церквей придумали «святые места» — в виде могилы Скачкова, чтобы люди поклонялись и верили. Только у местных жителей была как бы «легальная» правда и «нелегальная». Но правда ведь — одна.

С результатами нашего исследования мы решили ознакомить нашу Спасскую сельскую администрацию. Наивно думали, вот мы им всё расскажем, и они скажут, какие мы молодцы — правду узнали.

Да, нас там похвалили. Но дали понять, что лучше не надо ворошить прошлое.

Но что же думать по этому поводу нам? Какое-то смятение охватывает. Кто же такой Семен Егорович Скачков? Герой или злодей?

Он раскулачивал людей, жестоко обращался с кулаками и с их семьями, вынуждал людей вступать в колхоз.

Но вместе с тем боролся за колхозное добро, хотел построить новую жизнь. Скачков выполнял поручения райкома и не щадил себя. Он не отсиживался дома, когда горела конюшня. И в итоге получил топором по голове…

Жалко этого человека. Жалко кулаков, ведь кулак, по сути дела, самый трудолюбивый, умелый и хозяйственный человек на деревне, а его превратили в главного врага государства и с ним постоянно боролись.

Также мы заметили, что государство всё время с кем-то и за что-то боролось: то с кулаками, то с «вредителями», то за хороший урожай, то за новую жизнь.

Жалко всех людей, которые жили в то время и испытали на себе все ужасы этой системы.

Тобиас Вайсман: судьба человека XX века

Елизавета Зотова
школа № 17, г. Котлас, Архангельская область
научный руководитель Милитина Владимировна Клапиюк

Впервые я услышала это имя три года назад. В августе 2012 г. в составе котласской делегации молодежи я посетила польский город — побратим Тарнув. Тогда и узнала, что основу этим побратимским связям двух городов заложил Тобиас Вайсман. Мы жили в центре старого Тарнува. Здесь прошли детство и юность Тобиаса Вайсмана. Великолепно сохранился дом, который до Второй мировой войны принадлежал его семье. Когда, вернувшись в Котлас, я попыталась найти о нем информацию, оказалось, что кроме одной статьи в местной прессе, другого опубликованного материала не существует. И я поставила перед собой цель — написать историю жизни Тобиаса Лейбовича Вайсмана.

Я возлагала большие надежды на семейный архив Тобиаса Вайсмана, на воспоминания самого Вайсмана из архива общества «Совесть», на информацию, полученную от людей, знавших его. Но все эти люди могут рассказать о жизни Вайсмана в Котласе, а о предыдущем периоде знают мало. Зато о своем детстве, о семье Тобиас Вайсман много рассказывал внучке, Ларисе Игоревне Спиридоновой. Все семейные документы пропали в годы Второй мировой войны. В 1993 г. часть фотографий своей семьи Тобиас Вайсман получил от родственников и друга юности Давида Флайменгафта, живущих в Израиле.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ТОБИАСА ВАЙСМАНА

Тобиас Вайсман родился 21 декабря 1913 г. в польском городе Тарнув. Эта юго-западная территория современной Польши в начале XX века входила в состав Австро-Венгерской империи. Семья была обеспеченная. Отец — высокооплачиваемый служащий, представитель крупной обувной чехословацкой фирмы. Мама, Рахиль, не работала, она вела домашнее хозяйство и занималась воспитанием троих сыновей. Тобиас был старшим.

Семья жила в собственном двухэтажном каменном доме на одной из уютных улиц в центре Тарнува. На первом этаже был большой холл, главную достопримечательность в нем представлял огромный рояль. Мама музицировала, разучивала с сыновьями песни. В доме царил строгий порядок. За столом собирались все вместе, ставилась хорошая посуда, салфетки, другие обязательные столовые принадлежности. До пятого класса гимназии мальчики обучались дома. С ними занимался гувернер, приходили учителя-предметники. В зрелые годы Тобиас Вайсман в своем окружении считался полиглотом. Его родной язык — иврит, поскольку в семье говорили на этом языке. Пройдут десятилетия, но Вайсман все еще свободно будет изъясняться на нем. В дневниковой записи о поездке в Израиль неоднократно наталкиваешься на имена, названия мест, сделанные на иврите. Знал идиш, семья посещала синагогу. Опять же запись в дневнике: «Поехали на кладбище к дяде Даниэлю и тете Голди — родители Мали и Люци. Я произнес древнееврейскую молитву». Естественно, он великолепно знал язык своей родины — польский, любил польскую литературу. В семье сохранилась реликвия — томик Г. Сенкевича на польском языке. В гимназии он изучал древнегреческий, латынь. Лариса вспоминает, что дедушка нередко помогал ей с латинским языком, когда она осваивала медицину. В гимназии он изучал немецкий и французский. Вся семья Вайсманов хорошо владела немецким языком, свободно на нем говорила. Сказалось долгое проживание родителей в Австрийской империи. Для сыновей особое значение имело то, что близкие родственники до 1933 г. жили в Берлине. Летом Вайсманы принимали гостей в Тарнуве, потом ехали к ним в Берлин, в другой раз вместе отправлялись на отдых в Карловы Вары. Всего Тобиас знал 8 языков. Гимназию закончил с золотой медалью.

В 1932 году он поступил учиться в Краковский университет на факультет администрации и права. Отец был рад за сына, его успехи в учебе он поощряет туристической поездкой по Средиземноморью.

В 1936 году, по окончании университета, Тобиас едет на работу во Львов. Кажется, всё ладится в жизни молодого человека. Он успешен в работе, счастлив в личной жизни — в 1937 году Тобиас женится.

К крепко стоящему на ногах старшему сыну во Львов перебираются в конце 30-х годов родители и братья. Вся семья вместе. Но не было уже той беззаботности, что в прежние времена. Страшная

угроза надвигалась с запада. Что такое фашизм, Вайсманы знали не понаслышке. В 1933 году их родственники вынуждены были покинуть Берлин. И как показали дальнейшие события, им очень повезло, что они успели уехать из Германии.

Семья Вайсманов тоже была вынуждена покинуть родной Тарнув, расстаться с налаженным бытом. Всё ближе фашизм подступал к их дому: аншлюс Австрии, оккупация Чехословакии. В 1938 г. из Тарнува уедут многие еврейские семьи. В 1993 г., во время пребывания в Тель-Авиве, Тобиас Лейбович встретится со своим другом юности из Тарнува — Давидом Флайменгафтом, узнает, что в Израиле проходят встречи выходцев из Тарнува, установит контакты с президентом их сообщества.

ЖИЗНЬ ТОБИАСА ВАЙСМАНА В СССР

История всё решительнее вмешивалась в человеческую жизнь. Началась Вторая мировая война. Западная Украина была присоединена к Советскому Союзу. Семья была вынуждена жить в чуждой для них тоталитарной сталинской системе. Приходилось выживать в новых условиях. Младший брат устроился работать слесарем, другой, по образованию экономист, подрабатывал пианистом. В 1940 году во Львове в семье Вайсманов произошла первая потеря, умирает мать. В апреле 1941 года Тобиас Вайсман был призван в армию. Свою семью он больше не увидит. Начнется Великая Отечественная война. Отец и братья погибнут в концлагере, жена Бронка — во Львовском гетто.

В начале Великой Отечественной войны Тобиас Вайсман был определен в составе трудотряда в Грузию в Натанебский чайсовхоз агротехником. В этой должности он пребывал, как следует из справки, с декабря 1941 г. по январь 1944 г. А в 1944 году его судили по знаменитой 58-й статье за «намерение изменить Родине».

Что стало причиной такого обвинения? Софья Михайловна Спиридонова рассказывала со слов Вайсмана, что однажды, говоря о трагедии начала войны, он в запале произнес: «А где же были ваши танки, ваши самолеты?» Об этом донесли: «Хвалил немецкую технику». Сидел в тюрьме сначала в Батуми, затем перевели в Тбилиси. Тобиас Вайсман вспоминал об условиях содержания: «Камеры были рассчитаны на 2–3 человек, но в них набивали значительно больше народа, до 10–12 человек. Когда спали, то было так тесно, что даже поворачивались по команде».

Местом отбытия наказания был назначен Котлас. До Котласа из Грузии гнали этапом. Прибыв на Котласскую пересылку, на Болтинку, Тобиас Вайсман тяжело заболел. Для многих людей из этапов Котласская пересылка становилась конечным пунктом их жизненного пути. Вайсману повезло. На Болтинке работал доктор Бергерис, хорошо знавший отца Вайсмана. Доктор тоже был из числа заключенных, он выходил Тобиаса. Пока Вайсман был еще слаб после болезни, пристроил его на более легкий труд — санитаром. Вайсман позднее с благодарностью вспоминал этого человека, спасшего ему жизнь.

На Болтинке, южной окраине Котласа, Вайсман исполнял обязанности бригадира на подвозке дров в лагпункт. Это был тяжелый, изнурительный труд. Мерзлый лес на берегу Двины приходилось выкалывать изо льда, бревна грузили на тракторные сани и везли в лагпункт на себе. Заключенные старались перевыполнить норму. Тем, кто выполнял работу на 150%, давали 900 г хлеба, а кто не выполнял — 400 г. На такой минимальной норме хлеба, который на зоне был основным продуктом, человек не мог сохранить жизнеспособность, он превращался в «доходягу» и его ждала смерть. Тобиасу в этот период помогла выжить семья врачей. Внучка Лариса о них рассказывает так: «На пересылке врачом была Раиса Семеновна. Если бы не она, дедушка не выжил бы. Она посодействовала, чтобы его назначили нормировщиком». Раиса Семеновна Букан — жена военного, расстрелянного в 1937 г. Вайсмана должны были отправить по этапу дальше, но Раиса Семеновна понимала, что для Тобиаса это почти верная смерть. Это она сумела оставить его в Котласе.

В 1948 г. Вайсмана переводят во 2-й лагпункт, на Новую Ветку, нормировщиком. Нормировщики жили в общих бараках, но в отдельной комнате, где у них была кровать, а не нары, как у остальных заключенных. В 1949 г. лагпункт ликвидировали, и Вайсмана перевели в 1-й лагпункт на Почтовый. Здесь было организовано лагерное сельскохозяйственное производство: грядки, на которых женщины-заключенные выращивали овощи, и ферма. Молоко с фермы получали беременные женщины и детский дом, существовавший при зоне.

В 1952 году срок заключения закончился, но Вайсман остался в Котласе. В феврале, как мы знаем из его трудовой книжки, он устраивается на работу в Горпромкомбинат (ГПК) бухгалтером деревообрабатывающего цеха. И до выхода на пенсию в 1984 году

останется верен этому предприятию. Поступает заочно учиться в Ростовский политехнический институт. Получает второе высшее образование. Уже в конце 1952 года его назначают на должность инженера-нормировщика. В 1956-м Вайсман заканчивает институт и становится главным инженером предприятия. На этой должности он и проработал до пенсии. Работники говорили: «Появился умный, толковый, наладил работу. Стали получать нормальную зарплату». В трудовой книжке Вайсмана — многочисленные благодарности, премии, награждения значками «Отличник социалистического соревнования» и «Победитель социалистического соревнования». Основания для поощрений были веские, вот лишь некоторые из них: «за перевыполнение квартального плана», «за перевыполнение годового плана», «за хорошую организацию и проведение смотра техизобретательства», «за успешное проведение реконструкции предприятия» и т. д.

В 1953 году Тобиас Вайсман снова женился. Невесте было 28 лет, жениху — 40. Хотя у Фаины был уже ребенок от первого брака, ее мать Катерина была категорически против нового жениха. Ее смущала не разница в возрасте, а биография — отбывал заключение, и национальность — еврей. Ведь это был разгар борьбы с «космополитизмом», антисемитской компании, которую организовало в послевоенные годы государство. Значительная часть населения была зомбирована государственной пропагандой. Но Фаина, которая уже побывала замужем, почувствовала в этом «чужаке» надежного партнера для жизни. К тому же он отличался от местных своими манерами, всегда был элегантно одет, великолепно танцевал, не позволял себе никаких вольностей.

Лариса вспоминает о своем деде: «В 90-е годы, когда я работала уже в больнице, медсестры смеялись: маленький, худенький, лысенький, но интереснее мужчины не было». Фаина пошла против воли матери и ушла к жениху. Сначала снимали комнатушку в старом бараке. О своем поступке Фаина ни разу в жизни не пожалела. Тобиас стал хорошим семьянином, отцом ее сыну, замечательным дедом. Фаина быстро освоила блюда, которые предпочитал ее муж: куриный бульон с гренками, рыбу по-польски… Всегда накрывала стол: ножи, салфетки, подставки под яйца всмятку. Тобиас обеспечивал достаток в доме. Воспитывал сына Фаины. Игорь Спиридонов долго не знал, что отец у него неродной. Тобиас Вайсман радовался рождению внуков. В 1971 г. родилась внучка, Тобиас был так рад, что невестку с новорожденной встречали на горкомовской

«Волге». Лариса рассказывает, что когда она была маленькой, часто гостила в доме деда, тогда он специально приезжал на обед домой, чтобы успеть с ней погулять, брал с собой на работу. Даже когда она была уже взрослой девушкой, приезжая к деду, укладывалась спать на раскладушке в его комнате. «Мы с братом засыпали под его рассказы», — вспоминает она. Такая духовная близость между поколениями нечасто встречается даже в семьях с кровным родством. Тобиас Вайсман был любимым дедом. Лариса продолжает его дело как может. Она — активный участник общества «Полония». Старается сохранить память о Вайсмане в Котласе. С радостью откликнулась на нашу просьбу помочь написать работу про ее деда.

Отношения с семьей жены тоже наладились. Теща Екатерина Воробьева, в девичестве Бельская, потомок поляков, сосланных на русский север еще в XIX веке, смогла преодолеть предубеждения против зятя. Образ «врага», сформировавшийся под влиянием государственной политики, довольно легко развеялся при близком общении с реальным человеком. Мать была благодарна за благополучие дочери и внука. Тобиас стал членом большой семьи и дорожил новыми родственными связями. На праздники собирались братья и сестры с семьями. Тобиас помогал новым родственникам устроиться на работу, некоторые начинали свою трудовую деятельность на Горпромкомбинате. Теща Катерина прониклась таким уважением к зятю, что последние дни доживала в его доме (всего у нее было шестеро детей).

После смерти «вождя народов» в 1953 году начался новый этап в истории страны. Были сделаны первые шаги по реабилитации жертв тоталитарного режима. Вайсман написал апелляцию, но получил отказ. Это был удар для человека, считавшего себя невинно пострадавшим. Государственная власть по-прежнему нарушала его право на честное имя, на достоинство. В глазах общества он должен был оставаться преступником, «врагом народа». Во время рабочей поездки в Москву он сумел попасть на прием к Генеральному прокурору. В феврале 1962 года он, наконец, добился реабилитации.

КАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ БЫЛ ТОБИАС ВАЙСМАН?

«Это был скромнейший человек, очень порядочный, — вспоминает Раиса Петрова, одна из зачинателей польско-котласских

отношений, работник культуры. — Как-то в областной больнице в Архангельске разговорилась с женщиной. Узнав, что я из Котласа, она расцвела: “О, из вашего города я хорошо знаю Вайсмана!” Она работала в одном из областных управлений, много ездила с финансовыми проверками. И очень высоко отзывалась о порядочности нашего земляка, человека и работника. Когда я сама первый раз оказалась дома у Вайсманов, то была удивлена скромностью жилища этого человека, а ведь он был главным инженером крупного предприятия. Еще одна деталь — он всегда был настоящим мужчиной, замечал в женщинах хорошее, умел делать комплименты».

Внучка Вайсмана Лариса Спиридонова подтверждает скромность обстановки: мебель была как во многих котласских квартирах. Единственная роскошь — великолепная библиотека, в этом себе Тобиас Вайсман отказать не мог. Дачи, машины не имели. В новой семье Тобиас Вайсман, насколько это было возможно, стремился повторять традиции семьи своих родителей. Если отпуск, то проводить его не на грядках, а использовать для интересного отдыха. Обязательно куда-то выезжали, часто на курорт, на экскурсии.

ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ: «ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ» ВАЙСМАНА

В годы перестройки, когда делались первые шаги по демократизации общества, Вайсман стоял у истоков создания Котласского историко-просветительского и правозащитного общества «Совесть». Благодаря знанию языков был незаменим в общении с иностранными гражданами, пытающимися отыскать в наших краях следы потерянных во время сталинских репрессий родственников. Письма поступали из разных стран мира. И. А. Дубровина, председатель общества, отмечала: «За 1992–1995 годы получено 112 писем. Необходимость перевода, необходимость вступать в переписку для выяснения деталей для архивного поиска. Переводы стал делать Тобиас Вайсман». До последних дней жизни он делал много для общества по защите прав репрессированных.

Благодаря своим контактам с бывшим депортированным поляком, Тобиас Вайсман нашел своих родных в Израиле. Тадеуш Вальчак, спецпоселенец лесного поселка Рочегда, сейчас проживает в Лондоне. В 1993 году он побывал в наших краях, останавливался у Вайсмана. Вернувшись в Лондон, он быстро по своим каналам нашел в Израиле двоюродных сестер и двоюродного брата Вайс-

мана. По приглашению вновь обретенных родственников в том же 1993 году Вайсман поехал в гости. Семья и друзья были удивлены, оказалось, что это уже второе посещение Палестины. В дневнике есть запись: «…сходить вечером в гости к Давиду Флайменгафту, с Тарнува, с которым я был в 1936 г. в Тель-Авиве и жили на одной квартире». Вайсман никогда и никому не рассказывал, что бывал в Тель-Авиве в 1936 году, так же как никому не говорил о своих родственниках в Израиле. Такая информация могла стать губительной для человека при Сталине, да и в последующие десятилетия могла сильно испортить жизнь.

Строки дневника полны впечатлений от увиденного в Тель-Авиве, Иерусалиме, Хайфе… Обеспеченные двоюродные братья и сестры организовали ему насыщенную культурную программу, встречи с многочисленной ближней и дальней родней, с друзьями юности, посещение супермаркетов… Многоэтажные дома родственников с лужайками, по нескольку японских машин на одну семью, дети и внуки, которые то учатся в США, то летят туда на отдых. Двоюродный брат Оскар живет в США и постоянно наведывается к сестрам. Вайсман подытоживает увиденное: «Это не жизнь, а рай». Это было чудо, сказка, по сравнению с жизнью провинциальной России в кризисные 90-е годы, когда большинство населения города месяцами не получало зарплату, задерживались пенсии. Впервые после войны все пустоши вокруг Котласа были вскопаны под огороды. Повсюду — торговые ларьки. Вайсман отдает должное благополучию другой страны, но начинает тосковать о доме. Читаем в дневнике: «Всё в голове перемешалось, иврит, с моими целый день по-немецки, да сегодня еще по-польски, целый интернационал в голове… Не знал, что так приятно встретить русского человека и говорить с ним, и получать удовольствие, говорил, что называется “от души”». Котлас стал для него родным городом, который он не хотел оставлять навсегда. Здесь у него было дело, которому он посвятил последние годы своей жизни. Без полезной для общества деятельности Вайсман не мыслил своего существования.

В обществе «Совесть» большинство людей были с польскими корнями, Установили тесные контакты с поляками, разыскивающими следы своих репрессированных родственников. Они приезжали в Котлас, чтобы навестить места, связанные с трагическими страницами истории польской депортации, которую им пришлось пережить. Члены общества «Совесть» оказывали им со-

действие, принимали в Котласе, сопровождали, помогали в установке памятных знаков. Роль посредника, переводчика, осуществлял Вайсман. Он перевел посвященную Котласу книгу Тадеуша Вальчака «Жизнь, и не только своя». Тадеуш Вальчак был спецпоселенцем в нашем крае в 1940–1941 годах. Результатом всей этой деятельности стало создание в 1994 году русско-польского общества «Полония». Общество объединило людей, имеющих польские корни, и русских, интересующихся историей и культурой Польши. Одним из основателей и руководителей «Полонии» был Вайсман.

В 1995 году Тобиас Вайсман едет на симпозиум в Польшу. Воспользовавшись случаем, посещает родной город. Вайсмана свозили к бывшему дому его семьи, нынешние жильцы встретили его настороженно, они испугались, что бывший хозяин может предъявить право собственности на дом. Но Вайсмана в родном городе занимали другие дела. Он начал осуществлять свой план по установлению побратимских связей между двумя городами, оба из которых считал родными.

Отношения между двумя городами начали развиваться: три раза котласские школьники ездили по приглашению в Тарнув, принимали в Котласе польскую молодежь.

Тобиас Лейбович Вайсман ушел из жизни 8 февраля 1997 года. Есть такая расхожая фраза: «незаменимых людей нет». Случай с Вайсманом опровергает это. Замены Вайсману в общественной жизни города так и не нашлось. Вайсмана не хватало его соратникам по общественной деятельности. На встрече котлашан с польским консулом В. Гутовским в октябре 2005 года была высказана идея об установке мемориальной доски с именем Т. Л. Вайсмана. Котласский журналист, лидер краеведческого движения «Северное Трехречье» Н. В. Шептяков аргументировал свое предложение: «Он первым “прорубил окно” для побратимских отношений с Тарнувом, внес немалый вклад в развитие города». Но эта идея так и не была воплощена в реальность.

***

История жизни Тобиаса Лейбовича Вайсмана отражает историю человека XX века. Его семья и он сам стали жертвами тоталитарных режимов. Холокост — это из истории семьи Вайсманов, сам Тобиас Вайсман прошел сталинские лагеря.

Тобиас Вайсман был человеком высокой культуры, имел два высших образования, что встречалось крайне редко в то время. Он много времени провел в лагере и ссылке, но никто не слышал от него жалоб, сетований на судьбу. История Вайсмана показывает, что даже при антигуманном тоталитарном режиме люди могли сохранять свои человеческие качества, стремились помочь другому, спасти чью-то жизнь. Без помощи врачей Бергериса и Букан Тобиасу Вайсману вряд ли удалось бы выжить.

После знакомства с историей его жизни у нас возник вопрос: почему он стал почетным гражданином Тарнува, получил «Золотую медаль опекуна мест народной памяти» от польского правительства, а в Котласе почетным гражданином не стал? Почему в Польше таких людей ценят, а у нас — нет? Почему бы не назвать в его честь улицу или хотя бы повесить на доме, в котором он жил, мемориальную доску?

Сага о Щербакове

**Николай Веретин, Дарья Гальцова,
Софья Караборчева, Виктор Мещеряков,
Виктория Пятецкая, Александр Пятецкий
школа, с. Новый Курлак, Воронежская область
научный руководитель Николай Александрович
Макаров**

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА?

Мысль написать об Акиме Ивановиче Щербакове пришла как-то сама собой. Конечно, наш наставник Н. А. Макаров помог нам в выборе темы, потому что часто рассказывал на уроках краеведения о его деятельности. И мы решили не медлить и принялись за исследование еще в ноябре 2013 года. Мы многое успели сделать: познакомились с различными архивными материалами об Акиме Ивановиче, читали письма его учеников, анализировали сохранившиеся дневники краеведов далеких уже 50-х годов XX века, провели многочисленные интервью с теми, кого он когда-то учил и с кем вместе работал в школе и, конечно, совершили настоящий поход по родному краю.

О нем нам рассказывали с начальных классов, но всегда по одному накатанному сценарию: как он пришел с войны и первый экспонат для будущего музея принес в солдатском вещмешке, как потом основал краеведческий кружок, музей и планетарий, как его любили ученики. Всё это звучало как легенда, поэтому и нам он казался каким-то нереальным, легендарным.

Во-первых, мы действительно слышали о нем с детства, он учил еще наших бабушек, которые даже в домашних разговорах упоминали о нем.

Во-вторых, на самом деле мы почти ничего не знали о прошлом Акима Ивановича. Казалось, оно окутано какими-то тайнами. И даже в ходе расследования туман не особенно рассеялся: нам говорили разное о его происхождении, но добавляли: «хотя точно не знаю…»

В-третьих, Аким Иванович основал музей и планетарий — единственный школьный планетарий в стране. Посмотреть на них приезжали гости не только из соседних районов и областей, но даже из-за границы. Кроме того, что музей и планетарий прославляли нашу школу, они являлись необходимыми помощниками

в изучении материала (для этого, собственно, Аким Иванович их и создавал).

В-четвертых, Аким Иванович был, как мы поняли, замечательным учителем. Он пытался увлечь учеников, ходил с ними в длительные походы и экспедиции, работал с душой.

Мы назвали свою работу «сагой». Сага — это героический эпос, и для нас Аким Иванович стал настоящим героем. А. И. Щербаков давно умер, но он жив — в своих делах и своих учениках.

Итак, мы начинаем нашу сагу.

СВЕДЕНИЯ ИЗ БИОГРАФИИ

Почему мы назвали эту главу «Сведения из биографии», а не просто «Биография»? Да потому, что, как мы ни бились, но очень мало узнали о жизненном пути А. И. Щербакова до его приезда в Новый Курлак. Да, нам много рассказывали о его «курлакском» периоде — каким он был человеком, учителем, краеведом, но мало кто мог что-либо сказать о его семье и о личной жизни.

Даже дату рождения Акима Ивановича невозможно установить с достоверностью. Например, его личное дело не сохранилось в школьном архиве, хотя такие дела должны храниться, по крайней мере, 75 лет.

Что нам удалось «раскопать»? Главное — копию учетной карточки к военному билету, которую нам предоставили в Аннинском районном военкомате. В учетной карточке указан год рождения А. И. Щербакова — 1911. Вполне возможно, так оно и есть, потому что на пенсию он ушел в 1971 году, то есть в 60 лет. Но нам называли и другую дату рождения — 1909 год.

Место рождения — Херсонская область, В.-Александровский район, Н.-Василевский с/с, с. Н. Василевка. Скорее всего, эти данные заносились в карточку со слов самого Акима Ивановича, а ведь карточка заполнялась в 1948 году, когда он давно уже жил в Новом Курлаке.

Но приходится принимать во внимание эти сведения — других просто нет. Херсонская область — это Украина (ранее, когда родился Аким Иванович, это была Херсонская губерния Российской империи). Нам потом несколько человек говорили, что у него так и остался украинский акцент. Однако в учетной карточке в графе «Национальность» указано «русский», родной язык — тоже русский.

Далее из карточки можно узнать: «Призван на действительную военную службу Сталинградским районным военным комиссариатом в 1932 году, признан годным к строевой службе и зачислен в запас». Вот это показалось нам странным: как это — признан годным к службе и сразу зачислен в запас? Почему? Как занесла его судьба в Сталинград? 1932 год печально известен началом Голодомора на Украине. Тогда крестьяне умирали целыми селами. Аким Иванович родился в селе — может, именно голод погнал его из родных мест?

Почему его не взяли на действительную военную службу, а зачислили в запас? Загадка.

Про семью Акима Ивановича мы знаем только из устных источников, да и то немного. У него была жена Мария (никто не вспомнил ее отчества), которая никогда нигде не работала, всю жизнь была домохозяйкой и очень редко выходила из дома. Был сын Евгений, приблизительно 1931 года рождения. Он носил фамилию матери — Мельниченко.

В 1938 году, согласно той же учетной карточке, А. И. Щербаков окончил Воронежский педагогический институт. Ему в то время было под тридцать лет — то есть возраст далеко не студенческий.

По нашим сведениям, один год после окончания института А. И. Щербаков проработал учителем географии в районном поселке Анна, а потом — в течение почти пятидесяти лет — жил в нашем Новом Курлаке.

Самые подробные сведения в карточке есть, конечно, об участии в Великой Отечественной войне. Он был мобилизован Садовским РВК Воронежской обл. 3.3.1942 г. Демобилизован на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25.9.1945 г.

В боях Акиму Ивановичу довелось участвовать в общей сложности 9 месяцев, потому что дважды, как указано в учетной карточке, он был тяжело ранен в грудную клетку (16.12.1942 г. и 3.8.1944 г.).

Воевал А. И. Щербаков в звании старшего сержанта, среди наград лишь медаль «За победу над Германией».

Это мы почерпнули из учетной карточки к военному билету А. И. Щербакова.

До 1971 года он работал учителем географии и астрономии в Новом Курлаке.

Вот что пишет о последних годах его жизни М. М. Микляева: «Выйдя на пенсию, Аким Иванович оставил школу, музей — самое бесценное свое сокровище. За последние годы ослабел физически

и духовно. Видимо, сказывалась контузия, полученная на войне: всё чаще и заметнее подергивалось его лицо. Он становился всё нелюдимее. Стал необходим его отъезд к сыну, на юг — сам он и его жена были уже не в состоянии обойтись без посторонней помощи. Продал колхозу дом, всё имущество и навсегда простился с Курлаком, который стал для него родным. Сюда приехал он молодым, был Щербаком (так ему адресовали письма). Да, Щербак Яков. И жена называла его Яшей. Почему он стал Щербаковым Акимом Ивановичем, в Курлаке никто не знал. Умер у сына в Севастополе через год с небольшим после переезда из Курлака».

Переезд в Севастополь произошел осенью 1987 года, 22 января 1988 года он написал теплое письмо на имя директора школы А. М. Матвиенко, а осенью этого года его не стало.

Безусловно, нас заинтересовало, почему М. М. Микляева пишет, что он был не Щербаковым, а Щербаком, не Акимом, а Яковом. Значит, ему пришлось сменить фамилию и имя? Этим летом мы встретились с Марией Максимовной. И она сказала нам: «Вообще, он всегда был личностью загадочной. Вряд ли о нем кто знал подробности. Но где-то я стороной слышала, что он Щербак. Не Щербаков, а Щербак. Скорее всего, он репрессированный. Я так думаю.

Как-то наш коллега Петр Константинович Борзунов рассказывал мне о таком разговоре с Акимом Ивановичем. Петр Константинович сказал: “Я заметил много безобразий, допущенных в колхозе. Вот там сделали не то, председатель вот тут не по-хозяйски сотворил. Вот надо бы так. Я, Аким Иванович, хочу написать койкуда о безобразиях”. Тот прямо подскочил с места: “Боже Вас сохрани, не могите. Вас сотрут в порошок и расхвалят тех, о ком Вы плохо напишете”. Наверное, он все-таки репрессированный был».

Аким Иванович никогда никому не рассказывал о своей жизни до Курлака. «Скрытным был. И мудрым», — это слова М. М. Микляевой из того же интервью. Наверное, ему действительно было что скрывать — в советское время это было обычным явлением. Теперь мы этого уже не узнаем, не сумеем раскрыть этого белого пятна.

Но, может, этого и не надо делать, ведь он сам не хотел, чтобы об этом кто-то знал.

А о его курлакских годах нам подробно поведали наши собеседники.

Внешность. У нас были разные респонденты — и словоохотливые, и неразговорчивые. Но каждый из них вносил какие-то свежие краски в характеристику А. И. Щербакова, от каждого мы узнавали что-то новое. Многие из них нам хорошо знакомы — их мы посещали в прошлом году. Все они — или бывшие ученики, или бывшие коллеги Акима Ивановича.

С чего начинают описание человека? Обычно с внешности. И хотя у нас есть несколько фотографий А. И. Щербакова разных лет, нам все-таки интересно было послушать, каким его запомнили очевидцы.

«Высокий такой мужчина, худощавый. Всегда одет в строгий костюм, рубашка без галстука, на все пуговички застегнута» (Интервью с В. К. Коноваловой, 09.08.2014).

«У него, правда, были особенности такие с лицом. Это я потом поняла, когда стала учиться в мединституте. Он же участник войны — и у него были тики, заболевание такое. Особенно когда он разволнуется. Ученики есть ученики — надо учителям иметь великое самообладание. И вот тогда у него проявлялось — подергивание там, наклон головы, какое-то движение руки. Просто он был контужен, многое перенес. Хорошо, что остался в живых» (Интервью с К. К. Семиляковой, 29.06.2014).

Многие выделяли высокий рост, необыкновенно выразительные глаза, особую улыбку. Кстати, в школе он, может, и ходил всегда в строгой одежде, но когда был в походах со своими краеведами, то одевался соответственно: на одной из фотографий он сидит босиком, в закатанных до колен брюках, тогда как представители районного начальства, приехавшие проводить экспедицию по реке Битюг, все при галстуках и костюмах.

Черты характера, которые отметили наши респонденты, такие:

Доброта. Об этом говорили почти все, вот лишь одно характерное высказывание: «Это мой любимый учитель, а когда он любимый, знаете, не видно никаких отрицательных черт. Самое главное — у него были очень добрые глаза. И у него была какая-то интересная улыбка. Вот он заходил — и, мне кажется, он каждого ученика любил» (Интервью с К. К. Семиляковой, 29.06.2014).

Эрудиция. А. И. Щербаков окончил Воронежский пединститут, а потом всю жизнь продолжал самообразование. Он обладал поистине энциклопедическими знаниями.

«На уроках рассказывал очень интересно. Он говорил: то, что написано в книге, не рассказывайте. Это вы сами прочитаете. Мне

нужна основа и то, что больше, чем в книге. И он рассказывал больше. Я так сейчас думаю: у него знаний было, как у научного работника» (Интервью с В. К. Коноваловой, 09.08.2014).

Неразговорчивость, замкнутость. У А. И. Щербакова был определенный круг общения — в основном со своими учениками-краеведами. Он не любил говорить лишних слов.

«Замкнутый он был. Конечно, осадок какой-то у него от прошлого остался. Что-то в жизни у него было» (Интервью с В. С. Торопцевым, 19.08.2014).

М. М. Микляева рассказала нам, что иногда в школе устраивались какие-то учительские праздники, но Аким Иванович чаще всего поступал так: сдавал деньги в общий «котел», а сам не приходил. Но ей запомнился случай, который, казалось бы, опровергает миф о нелюдимости А. И. Щербакова: «Приходил он все-таки, с женой в том числе, на учительские вечеринки. Она такая веселуха. Белолицая такая хохлушка. А он — бука. Молчит. Я не знаю, пел он вместе со всеми или нет. Но помню такой случай. Раз в разгар веселья — там, кто пляшет, кто поет, кто смеется, кто что. Ну, маленько подвыпили учителя — и пошло. И кто-то музыку включил — завели патефон. Гопака. И учителя пошли подплясывать. А он же с Украины был. Он слушал, смотрел и как крикнет: “Да разве так танцуют гопака?” Как вскочит, как пошел отплясывать — у всех глаза на лоб» (Интервью с М. М. Микляевой, 31.10.2014).

Скромность. Чтобы проиллюстрировать эту черту Акима Ивановича, достаточно сказать следующее: он был участником Великой Отечественной войны, но никогда об этом не говорил «речей». Да и свои учительские достижения не выпячивал напоказ.

«Он контуженный на войне был. Сколько у него наград было — не помню. Он никогда не хвалился этим. Да и вообще, кто на войне по-настоящему был, о подвигах не распространялись. Всё-таки это был для каждого большой стресс. Вот тут был у нас один — партизанил. Этот любил рассказывать. Даже книжки писал. Вот как они с отцом моим соберутся, выпьют. Отец ему говорил: “Ты замолчи, ты на передовой не был. В лесу вы там сидели. Ага, если пурга — не пойдем никуда. А мы и в пургу бились под Москвой”. И тот сразу замолкал. От Акима Ивановича я никогда о военных подвигах не слышал, не выступал он перед учениками» (Интервью с В. П. Матвиенко, 01.07.2014).

Интеллигентность. Аким Иванович — выходец из села (правда, мы не знаем, кем был его отец), но обладал врожденной интел-

лигентностью. У него случались конфликты с учениками, об этом мы расскажем позже — не выдерживали подорванные на войне нервы, но он не допускал хамского отношения к кому бы то ни было.

«Мы его как-то и боялись, и уважали. И в то же время он оставил у меня какое-то интеллигентное, хорошее впечатление. Но — была дистанция. Голос он не повышал, не ругался. Но и открытой беседы с ним не бывало. Контакт был только на уроке. Только мальчишки ходили к нему и помогали» (Интервью с В. К. Коноваловой, 09.08.2014).

Почти все говорили об особенности речи Акима Ивановича. Он говорил как-то отрывисто. В. П. Матвиенко предположил, что это тоже последствия контузии. Он почему-то повторял несколько раз одно и то же: «Хорошо, хорошо, хорошо», «Садись, кол, кол, кол» или «Уймитесь, уймитесь, уймитесь» и т. д.

Акима Ивановича почти не интересовала бытовая сторона жизни: «Ради своих идей, ради огромной любви к своей работе, к ученикам, к школе Аким Иванович забывал о доме. Помню, как его жена поделилась с моей мамой обидой на своих соседей Буринских, которые торговлей ведали в Курлаке. На фоне остальных жили они зажиточно, по отношению к сельчанам вели себя заносчиво и хамовато. Весной при вспашке огорода прихватили за межой часть огорода Акима Ивановича. Жена попросила его поговорить с соседями, чтобы те вернули припаханную землю, восстановили старую межу. Отвоевывать свое Аким Иванович категорически отказался. А ведь огород, вернее, урожай, был основным подспорьем к столу, да и нарезали-то его учителям по 10 или 15 соток. Быт Акима Ивановича не волновал. Его наиглавнейшей заботой всю его жизнь была школа, музей, краеведение и всё, что связано со всем этим» (Из письма В. В. Малышевой, 08.11.2006).

Жил Аким Иванович на улице Советской, его дом цел, в нем живет семья Яковенко. Дом с виду высокий, просторный. Мы выяснили, что когда-то он был отнят у кулацкой семьи, и его сделали «учительским».

Нам очень трудно писать о семье Акима Ивановича и о бытовой стороне его жизни. В конце концов нам удалось найти человека, который рассказал нам немного подробностей. Правда, далеко и ходить не надо было — это учительница нашей школы Т. Н. Малахова, которая давно сотрудничает с нами. Оказалось, что ее бабушка жила как раз напротив дома Акима Ивановича. Татьяна Николаевна часто бывала у бабушки, многое подметила и запомнила.

Бытовую сторону жизни Аким Иванович действительно на дух не переносил. Вот некоторые характерные выдержки из интервью: «У него жена была хохлушка. “Да ты бы сходил картошку пополол бы”, — это она ему говорит. Он тогда прям нырь — и в школу бежать. А раз он в школе — и мы там. Нас-то тоже дома заставляли картошку полоть» (Интервью с В. П. Матвиенко, 01.07.2014).

Семья держала корову. Вот за ней Аким Иванович ухаживал сам, даже доил: «Знаю, что жена была у него. Корову ходил доить он сам. И доил так: одна коленка вверх, другая вниз, ведро и кружка литровая. Надоил кружку — вылил, надоил — вылил» (Интервью с В. Б. Лазовской, 09.07.2014).

«Хозяйство держал сам. Ходил в стадо среди дня доить корову. Доил кружкой. Ведро рядом стояло. А он швыркает в кружку. Нашвыркал, надоил — и в ведро. И вот не знаю, путал он корову или нет. Вряд ли» (Интервью с М. М. Микляевой, 13.08.2014).

Аким Иванович Щербаков был действительно известным человеком, можно сказать, знаменитым. Он обращался в многочисленные архивы, музеи, институты, к нему ежедневно приезжали какие-то люди перенимать опыт. В 1965 г. приехала корреспондент газеты «Комсомольская правда» К. Скопина. Потом появилась большая статья о краеведении в Новом Курлаке. Среди прочего там написано:

«Не знаю, где происходил этот разговор между Акимом Ивановичем Щербаковым и его бывшей коллегой, когда-то работавшей в этой самой школе, но уже несколько лет живущей в городе. Он гостеприимно водил ее по следам последних свершений: вот наша метеостанция, вот планетарий, который мы несколько лет строили своими руками…

А она вдруг сказала:

— Не представляю, как вы в деревне живете! Со скуки спиться можно…

— А вы что сказали ей, Аким Иванович? — спрашиваю его.

— Ничего. Просто подумал про себя, что как-то эта мысль не приходила мне в голову. — Он улыбается своей неожиданной улыбкой, к которой невозможно привыкнуть. Бронзовое лицо, белые зубы, ясная голубизна глаз — кто это выдумал, что ему за пятьдесят, учителю с походкой палубного матроса, со лбом мыслителя, с налитыми силой руками пахаря.

…И все, что я знаю интересного об этой школе и о нем, Акиме Ивановиче Щербакове, заслуженном учителе, преподавателе

географии, который 27 лет отдал школе, за исключением тех, что воевал, и который первым разбудил и в ребятах, и в товарищах эту неутомимую жажду узнавания своей земли, всё вдруг озаряется неожиданным глубинным смыслом. Да нет, это не просто интересно, занимательно, любопытно, что они делают. Это важно, как хлеб. Один хлеб еще не делает человека счастливым. Он делает его сытым, и всё. А этот человек учит умению ощутить невыразимую в словах полноту жизни, которая и есть счастье. Он хочет, чтобы уходящие из-под его крыла люди не тонули ни в скуке, ни в пошлости, ни в ленивом прозябании, куда бы ни забросила их судьба» («Комсомольская правда», 07.09.1965).

Конечно, сказано слишком «по-газетному», но нам кажется, что этим отрывком из статьи можно завершить эту главу.

УЧИТЕЛЬ

А. И. Щербаков был учителем географии, вел астрономию, иногда заменял уроки физики, когда по каким-то причинам отсутствовал основной преподаватель.

Нам бросилось в глаза, что в первую очередь ученики запоминают какие-то особенности учителя в манере поведения на уроке. Вот что, например, рассказала нам В. Б. Лазовская: «Ну, вот начинается урок. Мы сидим, ждем. Естественно, балуемся на задних партах. А кто и внимательно ждет прихода. Вот заходит Аким Иванович. У него всегда журнал подмышкой и указка. Он резким движением — идет. Журнал летит к столу, указка в руках. Но как он так рассчитывал, что он именно упадет на то место, где ему надо быть, журналу?» (Интервью с В. Б. Лазовской, 09.07.2014).

Несколько парадоксальное начало урока, но такой полет журнала мог привлечь внимание тех, кто баловался на задних партах. Наверное, этого полета ждали — так настраивались на урок.

А вот еще один пример: «Как он всегда приветствовал класс? Ну, ученики встанут, а он: “Здравствуй, народ!” По-другому никак. Вот, и однажды тоже как-то так зашел: “Здравствуй, народ!” А я сказал: “Здравствуй, человек!” Все загоготали. Он сначала нахмурился, потом тоже заулыбался» (Интервью с В. Н. Корыпаевым, 10.07.2014).

Такое приветствие никак не вяжется с поведением учителей в советских фильмах о школе, которые мы смотрели. Видимо, Аким Иванович был демократически настроенным педагогом. Не види-

мо, а так и было — в этом мы убеждались не один раз в беседах с нашими респондентами.

Интересно вел себя Аким Иванович во время ответов учеников. Во-первых, он никогда не перебивал отвечавшего. Во-вторых, по его лицу никогда нельзя было определить, нравится ему или нет.

«А у него так было. Вот, вызовет тебя отвечать, рассказываешь, а он подойдет к окну, как встанет — и стоит, смотрит в окно, отрешенный такой, то ли слушает тебя внимательно, то ли о чем-то думает. Это его такая поза классическая. Вот рассказываешь-рассказываешь ему, так — не так, он не поправляет, не задает вопросов» (Интервью с В. Н. Корыпаевым, 10.07.2014).

Ученики замечали, что Аким Иванович был не слишком внимательным при выставлении оценок, можно даже сказать, рассеянным. Он, скорее всего, быстро забывал, кому и что поставил — его волновали другие вопросы.

Мы, конечно, не методисты из РОНО, не можем разложить по полочкам все грани преподавательского искусства А. И. Щербакова. И опираться мы могли только на высказывания наших респондентов, а ведь мы опросили лишь малую часть его учеников. Но все-таки определенную картину можно составить. Главными слагаемыми его учительского мастерства были умение увлечь (правда, не всегда всех), наглядность, связь с практической жизнью и то, что мы назвали «докопаться до истины». А теперь предоставим слово бывшим ученикам Акима Ивановича.

«Он как-то мог заинтересовать. Он много путешествовал. В походы мы ходили, на заводы ездили. Он старался нас приобщить ко всему.

Он был очень хорошим учителем, очень много давал. Вот сейчас как географию преподают? А он давал указку, вызывал к доске, а там висела карта СССР или карта мира. И вот он называл: Лондон. А потом: Тамбов. Или Воронеж. Потом скажет Нью-Йорк, а потом какой-нибудь Амстердам. И нужно не просто стоять разглядывать. Ты должен указкой сразу показать — ну хотя бы в нужную сторону» (Интервью с К. К. Семиляковой, 29.06.2014).

«Он справедливый был. И всегда у него новшество какое-то. Он мог посоветоваться с другими преподавателями, а потом с нами внедрял. Построил настоящие горы, вулканы, озера. И нас этим привлекал. Вот пойдем смотреть на уроке, как вулканы работают, как ручейки эти все бегут по горам. И вот мы газет наберем, напихаем в этот вулкан, поджигаем. Кто закричит: “Аким Иванович,

Аким Иванович, горит!" Он когда заругается, а когда: "Хорошо, хорошо, хорошо"» (Интервью с В. Б. Лазовской, 09.07.2014).

«Рассказывал увлекательно, интересно. Но что удивительно: он обходился мелом и доской. Все эти созвездия он рисовал от руки. Может, несколько раз приносил плакаты, а так — всё чертил мелом и объяснял. Но мы чувствовали, что он и сам увлечен этим.

Еще знаете, что расскажу. Однажды он заменял у нас физику. Тема была "Зависимость от массы тела давления его на площадь". И вот он вызывает мальчишку. Он рассказывал, рассказывал. Аким Иванович говорит: "Ну как — вот ты понимаешь или нет: как вот, если, например, петух стоит на одной ноге или на двух ногах — вес его меняется?" Тот застеснялся, нагнулся. Аким Иванович: "Ну что ты, как еще можно объяснить? Ну, хорошо — вот мой вес на двух ногах. А теперь я на одной ноге". И одну ногу поджимает. Тот прямо сразу: "Одинаковый!" Он — садись, хорошо. Но что он там ему поставил — не знаю. Но это запомнилось» (Интервью с В. К. Коноваловой, 09.08.2014).

«У него каждый урок был яркий. И уже столько лет прошло — это я в 1970 году окончила школу, а многое помнится. Аким Иванович всегда задавал остроумные вопросы, на которые с книжки не спишешь. Надо знать теорию, связать ее с практикой» (Интервью с М. М. Калдиной, 20.08.2014).

Многое зависит от того, как учитель выстраивает отношения с учениками и коллегами. Аким Иванович был, конечно, неординарным педагогом.

Как известно, Аким Иванович прошел войну, и часто на уроках у него не выдерживали нервы.

«С хулиганами он строг был. Он выдворял за дверь. Были случаи — и за шиворот брал» (Интервью с В. С. Торопцевым, 19.08.2014).

«Один раз так было. Тогда школа стояла в парке, и там все курили. Вот был такой Прорехин. У него фуфайка матери была. Рукавато длинные. И вот он курил-курил, чинарик оставил, а тот выскочил и застрял в фуфайке. Прозвенел звонок — он прижался в классе и сидит, фуфайку не снял — холодно в школе-то было. Ну вот, он сидит. Аким Иванович почувствовал дым: "Кто горит, кто горит? Иди сюда, иди сюда, Прорехин". Шпок ему — "Иди туши".

А в принципе, он безобидный был. Бил не больно — так, подзатыльничек. Никогда не жаловался ни на кого — ни директору, ни родителям» (Интервью с В. П. Матвиенко, 01.07.2014).

«Он никогда не наказывал несправедливо. Ну, а наказывал как он нас: в угол поставит, но бывало и так: выведет его кто из терпения, он разворачивает, пинка — и летишь. Избавь бог, пожаловаться, что Аким Иванович с нами так сделал. Ни в коем случае — ни родителям, ни директору, никому. Вот так мы его уважали» (Интервью с В. Б. Лазовской, 09.07.2014).

Но большинство наших респондентов говорили, что Аким Иванович «выходил из себя» очень редко, чаще сквозь пальцы смотрел на шалости учеников.

«Как дети, мы шалили, конечно. Когда колоски уехали в поле собирать — а он пожилой человек уже был, — солнышко, устал, прилег отдохнуть. А мы сели и сидим, венки плетем. И он проснулся потом — вот уже и машина за нами едет. Не заругался он на нас. Он понимал, что это бесполезная работа. Пошутил с нами: "Ну что, девчата, закончили венки плести? Ну, поехали домой".

И помню еще — бабочек ловили. Сачком. Отвезли нас куда-то под Кушлево. Мыслимое ли это дело — на поле поймать этих мелких бабочек. Их там тьма. Он нас повел на поле, а мы еще маленькие были — где-то 5–6 класс. И он нас в сосны завел. И вот он нам стал рассказывать про шишки еловые, про зверей про всяких. Время прошло. Глядь — летит этот самолет, этажерка, проверяет. Он тогда: "Дети, выходим, выходим. Все изображаем, что мы ловим, ловим, ловим". То есть человек понимал ненужность, бесполезность этой работы. А если б с нами был какой-нибудь буквоед партийный, вывел бы нас на солнцепек и заставил бы работать. А так-то мы соснами подышали, чистым воздухом» (Интервью с М. М. Калдиной, 20.08.2014).

Ученики любили Акима Ивановича, хоть и не все поголовно (всем ведь никогда не угодишь), но «железной» дисциплины на его уроках не было. Об этом нам часто говорили, причем выпускники самых разных лет — от конца 40-х годов до начала 70-х.

«У Акима Ивановича на задних рядах тоже могли посторонними делами заниматься. Но он не ругался. Он это видел. Но он почему-то делал вид, что не замечает. Или иногда подходил к ним и стоит около них, поглядит на них своим этим взглядом, рукой махнет и пошел к столу» (Интервью с В. К. Коноваловой, 09.08.2014).

«50 лет прошло, но до сих пор мучит совесть, что умудрялась шкодить на уроках, в том числе и у Акима Ивановича. Уже в 8 классе выставил меня к доске, чтобы я угомонилась! Сидела на предпоследней парте среднего ряда. Постоянно дергала за бантики в ко-

сичках спокойную, прилежную Любочку Батракову, которая сидела впереди меня. Еще часто крутила “козьи ножки” из газет, изображала курильщика, представляла себе, как курил бы отец, которого я очень ждала, но так и не дождалась с войны. За этим занятием и “застукал” меня Аким Иванович, вызвал к доске. Все бы ничего, но наш класс был проходной, в классе за дверью вел урок истории Бобыр. Павел Иванович услышал, как Аким Иванович “воспитывал” меня, открыл дверь, взял меня за руку и увел в угол чужого класса. Пожар стыда пылал на моих щеках и ушах еще три дня» (Из письма В. В. Малышевой, 08.11.2006).

Но нам кажется, что отсутствие идеальной дисциплины на уроках А. И. Щербакова вовсе не является свидетельством его слабости как учителя. Просто многие ученики не дотягивали до его уровня.

В учительском коллективе Акима Ивановича уважали за простоту в общении и доброжелательность. Он никогда не вступал ни в какие дрязги. Но и тесных отношений ни с кем не поддерживал. Часто беседовал с П. К. Борзуновым (их дома стояли напротив), но всю жизнь оставался с ним на Вы. Помогал М. М. Микляевой в работе драматического кружка, был «штатным» гримером, ходил с артистами по окрестным селам со спектаклями. Мария Максимовна так сказала нам об этом: «Да, он гримировал и всегда ходил с нами. Мы, например, в Старый Курлак всегда пешком ходили. И он идет. Ну, ребята, конечно, его окружали. Он с ребятами, а я с девчатами» (Интервью с М. М. Микляевой, 31.10.2014).

Сейчас мало осталось в живых коллег Акима Ивановича, но нам удалось разыскать таких и поговорить с ними: это и М. М. Микляева, и М. В. Пронина, и М. А. Фролова. О беседе с последней надо сказать особо. Дело в том, что она занимала должность завуча. А для школьного начальства, как мы поняли, Аким Иванович всегда был костью в горле. Да, школа «гремела» из-за его заслуг, но постоянно кто-то приезжал — хлопотно было с гостями. Да и Аким Иванович по своему характеру и «методам работы» не слишком устраивал администрацию.

Мария Андреевна — разговорчивый человек, может часами говорить, но когда она узнала, о чем мы хотели бы ее расспросить (то есть об А. И. Щербакове), то сразу как-то изменилась в лице. Мы почувствовали, что у нее с Акимом Ивановичем были непростые, натянутые отношения. Она, конечно, сказала, что он был учителем от Бога и интересным, увлеченным человеком, но говорила она это без особого энтузиазма. На наш вопрос, какие отношения у Акима

Ивановича были с учениками и коллегами она, например, ответила так: «Деловые только. У него было много учеников приближенных, так сказать, с которыми он находил общий язык. Они и делали всё. Вот кто инициатор, кто поддерживал это дело, с теми и были замечательные. А так — безразличные» (Интервью с М. А. Фроловой, 07.07.2014).

Но сама Мария Андреевна как завуч ласковостью не отличалась. М. М. Микляева рассказала нам: «Палки она нам в колеса ставила, краеведам. И особенно после спектакля воскресного. Сходим куда-нибудь — в Бродовое или Моховое — обязательно в понедельник придет ко мне на урок как завуч. Ну, ребята, конечно, после выходных — что-то недоучат, что забудут. И она отмечает: плохо ребята знают материал. Думаю, всё это она прекрасно помнит. А теперь не знает, где меня посадить и чем меня угостить. Но я ей всё давно простила.

А еще раз вот что уделала. Я была как раз депутатом облсовета. Уехала на сессию. А до моего отъезда пришла нам путевка из Анны в Ленинград. Краеведам. Она эти путевочки до поры до времени попридержала. И пока я была на сессии, организовала другую учительницу. И набрали кого им надо — из краеведов никто в списки не попал. И уехали. Я приехала, а мне говорят: “Краеведы уехали в Ленинград”. А ведь я хотела проведать могилку — у меня отец погиб в блокадном Ленинграде. Но так я туда никогда не попала потом» (Интервью с М. М. Микляевой, 31.10.2014).

У А. И. Щербакова есть книга под названием «Курлакские меридианы». О ней мы еще будем рассказывать. Здесь Аким Иванович в художественной форме описывает свою краеведческую работу с кружковцами. Имена действующих лиц изменены. И очень часто автор пишет о стычках с завучем, о том, что она постоянно говорила ему о неправильной методике воспитания. Вот, например, такой отрывок: «Нет, я не понимаю Калерию Митрофановну. Ее взгляды на проблему воспитания казались мне, мягко говоря, консервативными. Я был убежден, что плохой ученик и плохой человек — не одно и то же и что если мы будем отождествлять эти два понятия, то нам никогда не избавиться от проблемы “трудных детей”. Мы и так достаточно усердно отталкиваем их от себя, прикрываясь для приличия нарочно изобретенными для таких случаев педагогическими формулами».

Мы вначале подумали, что Калерия Митрофановна — это и есть Мария Андреевна Фролова. Но потом мы выяснили, что ошиба-

лись. В классных журналах начала 50-х годов зафиксировано, что завучем школы была Фетисова Клавдия Мироновна. Именно она послужила «прототипом» Калерии Митрофановны. М. М. Микляева подтвердила, что К. М. Фетисова работала в школе. Она была ставленницей какого-то областного начальника, поэтому чувствовала себя хозяйкой положения. «Вредная была и лживая. Она была какая-то родственница Самбикиной — та работала в облОНО. Вот она ее завучем сюда и поставила» (Интервью с М. М. Микляевой, 13.08.2014).

В своей книге А. И. Щербаков пишет и о том, что далеко не все коллеги с одобрением относились к его краеведческой работе, считали ее «если не вредной, то, во всяком случае, нежелательной». Мы думаем, ему просто завидовали. Но так бывает в любом коллективе, наверное.

Нас очень заинтересовала система, по которой А. И. Щербаков выставлял оценки по своим предметам. Она была довольно своеобразной. В. Н. Корыпаев рассказал нам: «Аким Иванович любил говорить: “В мировом масштабе”. То есть хорошо, если тройку поставит, а то и двояк. Пятерок у него, по-моему, вообще не было, у него самый высший балл — четыре» (Интервью с В. Н. Корыпаевым, 10.07.2014).

«Запомнилось, как одна ученица отвечала. Она была зубрилка. Аким Иванович этого не любил страшно. Вот она вышла, параграф наизусть рассказала. Аким Иванович говорит:

— Садись, садись, три, три, три.

Она:

— Аким Иванович, да я учила!

Он:

— Два, два, два.

Она:

— Да за что, Аким Иванович?

Он:

— Кол, кол, кол» (Интервью с В. П. Матвиенко, 01.07.2014).

«Садись, садись, кол ставлю. Единицей не называл — кол. Когда плохо выучишь урок, ставил двойку. Если перед этим кол есть — садись, ага, молодец, исправил с кола на двойку» (Интервью с В. С. Торопцевым, 19.08.2014).

Мы решили проверить эти высказывания, для чего просмотрели годовые отметки по географии в классных журналах с 1952/53 по 1969/70 учебные годы. Конечно, В. Н. Корыпаев несколько преу-

величил: пятерки Аким Иванович всё-таки ставил. Но действительно очень немного. А больше всего на самом деле троек — то есть «в мировом масштабе». Например, в 8-б классе в 1954/55 учебном году была 1 пятерка, 7 четверок, 20 троек и 1 двойка. Можно приводить и другие данные, но они везде примерно одинаковые. Вот так — А. И. Щербаков очень щепетильно подходил к оцениванию знаний своих учеников.

Ну, и, конечно, говоря об А. И. Щербакове как об учителе, нельзя обойти стороной его внеурочную деятельность. Она стала продолжением уроков. В архиве школьного музея мы нашли тетрадь, на обложке которой написано: «Дневник экскурсии в овраг Варшавский лог». Внизу стоит дата — 1953 год. Правда, автор дневника — ученик 7б класса — не указал своего имени и точной даты экскурсии. Но судя по фотографиям и одежде учеников, это конец сентября или начало октября. По всей видимости, экскурсии было посвящено воскресенье. Ученики поставили своей целью проследить, как во время ледникового периода со Скандинавии в наши полуюжные края принесло валуны. Они весь день искали разные камни, при этом Аким Иванович делал необходимые разъяснения. И вот результат: «Глядя на эти породы, невольно задумываешься над такой грандиозной работой ледниковых вод. Как всё ясно! Лучше, чем написано в учебнике. Виденное здесь никогда не забудется.

На следующий день мы принесли в школу собранные на экскурсии экспонаты. На стол перед учителем мы положили 15 кульков и много камней. Экскурсия богатая! Все эти экспонаты мы оформим и сдадим в школьный музей».

Казалось бы, чем может удивить обыкновенный овраг? Может — если урок в нем ведет А. И. Щербаков. Этой осенью мы сами съездили в Варшавский лог, который расположен сразу за околицей села Моховое. И нашли там гипс. Как и ученики Акима Ивановича, мы сдали его в музей, немного пополнив богатую коллекцию, собранную давным-давно до нас.

КРАЕВЕД

Просматривая классные журналы из школьного архива (они сохранились, начиная с 1952/53 учебного года), мы обратили внимание на то, что А. И. Щербаков почти никогда не был классным руководителем. Выходит, что у А. И. Щербакова не было ни одного выпускного класса. Но потом мы поняли, что его истинными вы-

пускниками были его краеведы, что краеведение — это его любимое дело, не оставлявшее больше ни на что времени.

О нем затем бесчисленное количество раз писали в газетах, журналах, говорили по радио, его опыт обобщали, перенимали, пытались повторить. Но мало у кого получалось, потому что для этого надо было стать Акимом Ивановичем Щербаковым.

Его деятельность сразу же обросла легендами — это мы поняли по газетным статьям и книгам. С одной стороны, газета отражает сиюминутное состояние дел, но, с другой стороны, далеко не всегда там пишут правду. Нам пришлось потрудиться, чтобы выяснить — когда и как всё начиналось.

А начиналось всё с создания А. И. Щербаковым краеведческого кружка в школе. Сам он (в 1959 г.) писал об этом так: «Начало краеведческой работы в школе было положено в марте 1946 г. Кружковцы начали с наблюдения за погодой. Когда на теневой стороне школьного здания впервые повесили термометр для определения температуры воздуха, а на восьмиметровой мачте укрепили флюгер и повесили в коридоре барометр, нельзя было не заметить, как по утрам, вместе с наблюдателями за погодой к приборам подходили и другие учащиеся».

Еще раньше, в 1957 г., в районной газете «Знамя Ленина» в статье «У курлакских краеведов» мы прочитали: «Суббота шестнадцатого февраля была для курлакских краеведов настоящим праздником. Где бы нам ни повстречался ученик этой школы, он с гордостью заявлял:

— А у нас праздник, приходите, будет интересно.

Поздравить со славным десятилетием основания музея краеведения прибыли учащиеся соседних сел, близлежащих районов».

Но есть и еще один источник — книга А. И. Щербакова «Курлакские меридианы». Это, повторимся, художественное произведение, и здесь автору позволителен вымысел. Акиму Ивановичу важно было показать, что появление краеведческого кружка совпало с началом учебного года, но то, как всё происходило, мы думаем, он описал довольно точно: «Организационный период начался с того, что в один из сентябрьских дней я повесил на дверях коридора объявление, извещавшее всё школьное население о рождении в школе неведомого дотоле краеведческого кружка.

Делая этот пробный педагогический шаг, я, не буду греха таить, рассчитывал, что объявление вызовет среди школьников сенсацию, и ко мне валом повалят ученики и наперебой будут про-

сить записать их в кружок. На первой же перемене вышел в коридор, чтобы понаблюдать за той эмоциональной реакцией, которую должно было вызвать мое начинание.

Вот и первые ласточки. Они плотным полукольцом сгрудились возле объявления, задрав вверх головы, впиваются глазами в его содержание. Прочитав и, видимо, не найдя ничего интересного, с шумом срываются и убегают. На их место подбегают другие. К концу занятий на объявление никто не обращал никакого внимания. Не лучшего успеха я добился и во второй смене».

В конце концов записалось три человека, которые потом стали главными помощниками Акима Ивановича. Именно с ними он стал проводить наблюдения за погодой. Но этот шаг выглядел куда прозаичней, чем об этом потом писали и рассказывали: «И вот мы уже создаем свою “службу погоды”. Матюхин принес в школу метеорологическую будку и флюгер собственной конструкции. Нас не смущает, что эта “будка” — обыкновенная картонная коробка из-под обуви, изрешеченная отверстиями, мы подвешиваем ее в тени на ветку дерева, как и на всех метеорологических станциях земного шара, на высоте двух метров от поверхности. Флюгер, представляющий собой обыкновенный флажок, наоборот, стараемся по возможности поднять выше — ближе к небесам».

Но все же Акиму Ивановичу удалось привлечь к себе ребят. С немногочисленными вначале помощниками они стали вывешивать в коридоре школы «Экран погоды», и это многих заинтересовало. Постепенно число желающих «записаться» в краеведы стало расти. Была организована экскурсия в зимний лес. Причем ученики не просто прогуливались по свежему воздуху, а выполняли занимательное исследование: сравнивали глубину снежного покрова на открытом пространстве и в лесу. Так они сделали вывод о том, что лес — это аккумулятор влаги и что около полей нужно делать лесонасаждения и проводить снегозадержание.

Однако, по нашему мнению, дети потянулись в краеведческий кружок прежде всего из-за учителя. Немногие из других педагогов школы могли бы вот так «возиться» с учениками.

Экскурсии, подобные походу в Варшавский лог, описанному «безымянным автором», были чуть ли не еженедельными. И каждый раз экскурсанты возвращались с богатствами, которые накапливались, как пишет сам Аким Иванович, «в шкафах, на полках, а то и просто по темным углам».

Кружок расширялся, заявления поступали от всё новых и новых учеников. В. В. Малышева, выпускница школы 1958 года, описала это так: «Кружков по интересам было много, но самым популярным был краеведческий. Однажды на собрании Аким Иванович сказал: “Нас стало так много, что кружок нам надо преобразовать в краеведческое общество. Для этого надо выбрать постоянного председателя и секретаря”. Быть секретарем довелось и мне. Для протоколов завели специальный журнал, писать в котором надо было аккуратно. На собраниях общества мы подводили итоги проделанного, намечали планы, распределяли обязанности. Читали письма от бывших учеников нашей школы, интересные статьи из газет и т. д. Для чтения Аким Иванович отбирал мальчика и девочку с хорошей дикцией. Читали они по очереди, как по радио дикторы» (Из письма В. В. Малышевой, 08.11.2006).

В архиве нашего музея сохранились два журнала краеведческого общества — за 1955/56 и 1957/58 учебные годы. В это время это уже действительно была серьезная, солидная организация со своими «властными структурами», разделенная на звенья и подзвенья, выпускавшая два «печатных органа» — стенгазеты «Компас» и «За рубежом». Новокурлакские краеведы уже снискали себе, можно сказать, всесоюзную славу, получили множество разных дипломов и грамот, путевок на поездки в Крым и Воронеж, выступали с докладами даже в Москве.

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Над входной дверью нашего школьного музея висит вывеска, на которой написано, что музей основан в 1950 году. В то же время в газете «Краеведение в школе», выпущенной в Аннинской типографии в 1969 году, А. И. Щербаков, кратко рассказывая об истории музея, пишет, что это произошло в 1952 году. А истина, как обычно, лежит посредине. В районной газете «Сталинец» от 29 марта 1953 года тот же Аким Иванович пишет: «Юные краеведы Н-Курлакской средней школы торжественно отметили 2-ю годовщину открытия школьного краеведческого музея».

Конечно, в 1953 году Аким Иванович отлично помнил, что было два года назад. То есть музей был открыт в 1951 году.

Второй вопрос, который нам надо было прояснить, был такой: кто был инициатором открытия музея? Тут А. И. Щербаков тоже заставил нас поразмышлять. В книге «Краеведческая работа по

географии» читаем: «Однажды на краеведческом собрании староста кружка внес предложение создать при школе краеведческий музей. Идея эта пришлась всем по душе. Гром рукоплесканий заглушил последние слова выступающего. “Музей, школьный музей”, — стоголосым эхом разнеслось по школе. Тут же решено было просить директора отвести для этой цели на первый случай хотя бы небольшую комнату».

Но в книге «Курлакские меридианы» эта история изложена иначе. В школу приехала некая Эмма Александровна Дунаева, методист областного института повышения квалификации учителей, чтобы познакомиться с работой Акима Ивановича. Дальше А. И. пишет: «Начинаю знакомить. Рассказываю мало. Больше показываю планы, дневники, альбомы, протоколы собраний и заседаний совета. Вожу по закоулкам, где у нас хранится краеведческий материал. Мне неудобно перед этой умной женщиной, приехавшей к нам за опытом. Всё валяется кое-где и кое-как, в пыли. Некоторые вещи имеют довольно непривлекательный вид.

— Аким Иванович, — с укором говорит Дунаева, — у вас же богатейший материал! Как это я раньше к вам не приехала? Вам надо создавать музей.

— Музей?

— Да, музей. И прямо сейчас же приступайте. Нельзя допускать, чтобы такие ценности погибали. Я поговорю с директором».

А нам кажется, что эта идея пришла в голову самому Акиму Ивановичу. Он использовал областную начальницу для того, чтобы она подействовала на директора школы. А потом сказал старосте, чтобы на собрании было внесено такое предложение.

Как же создавался музей? Материала было за три года накоплено очень много, краеведы неоднократно вывозили свои находки на различные выставки и конференции и неизменно возвращались с призовыми местами. Надо было всё оформить. «Дружно закипела работа. Краеведы принесли из дома инструменты и приступили к изготовлению полочек, рамок, ящичков и других изделий, необходимых для оборудования музея. Желающих работать было столько, что скромные размеры мастерской и бедность инструментами не в состоянии были удовлетворить всех. Чтобы избежать обид и огорчений (а они вначале были), пришлось установить очередность. На стене висел график очередности работ. Внесено было предложение работать и по выходным», — пишет А. И. Щербаков.

В газете «Коллективный труд» (20.11.1957) он добавляет: «Музей быстро расширялся. Через год в отведенной комнате уже негде было размещать экспонаты. Совершенствовалось мастерство учащихся, развивалась их творческая активность».

В музее было несколько отделов: геологии, природы, истории, экономики. И работа там никогда и не прекращалась. Вот лишь некоторые выписки из «Журнала краеведов»:

«20 декабря 1955. Обрабатывали экспонаты, обновляли лекарственные растения, оформили 54 экспоната (работали: Борзаков, Бабенков, Маняшин, Татаринский, Рогулькин, Корабельникова, Котова, Лосева, Подлесных Таисия, Торопцева, Ерофеевская, Житкова)».

«8 октября 1957. Работали в музее. Расставляли экспонаты после побелки. Работали: Фанин, Быканов, Стулов, Щетинина и Зайцева Н.».

И таких записей в двух сохранившихся журналах огромное количество. Можно себе представить, что в журналах за остальные годы картина была такая же. В. В. Малышева вспоминает в своем письме: «Я живо представила его в эпизоде с поручением, которое он давал мне: “Сбегай на почту, попроси почтового клея сухого, разведешь водичкой, потом с девочками поклеите грани колпаков. От почтового клея бумага долго сохраняет свой цвет, а от конторского быстро желтеет”. Дело в том, что мелкие экспонаты мы размещали под стеклянными колпаками. Стекло нарезал Аким Иванович, а мы нарезали полоски бумаги, ими и скрепляли грани стекляшек.

После начальной школы запомнился первый поход в музей, который размещался на 2-м этаже старой школы. Ветхая лестница колыхалась под нашими ногами, поэтому Аким Иванович умолял нас не толкаться, дабы мы не рухнули вниз вместе с лестницей. Чучела птиц и сейчас стоят перед глазами» (Из письма В. В. Малышевой, 08.11.2006).

Экспонаты музея составлялись не только из местного материала. Краеведы, окончившие школу, присылали и привозили всё, что только могли, из разных мест страны. Очень точно сказал нам об этом В. П. Матвиенко: «У него никто никуда не уедет, чтоб что-нибудь он не привез оттуда. Уезжаешь ты куда-нибудь в отпуск — на юг, например, он говорит: ты гляди, что-нибудь там привези.

Ученики все знали его тягу. Я уезжал в Среднюю Азию в 7 классе — у меня там дядя жил. Так я ему оттуда больше экспонатов привез, чем домой гостинцев. Памирские горы там. И вот мне пастухи ночью поймали фалангу — скорпион такой. Я в банку ее посадил

и так и привез в банке. Прямо за огородом дяди были хлопковые поля — я и хлопок сорвал и привез. Потом упросил дядю свозить меня на завод, где шелк делают. Шелкопряды распускают коконы. Чтобы нитки собрать, надо развернуть каждый кокон. А потом она — как паутинка, эта ниточка. И варана — типа ящерицы — я ему приволок» (Интервью с В. П. Матвиенко, 01.07.2014).

В 1972 году, когда построили новое здание школы (в нем мы и сейчас учимся), А. И. Щербаков жил еще в Курлаке. Он лично участвовал в переносе музейных экспонатов и руководил оформлением «новой квартиры» музея. В таком же состоянии всё это находится до сих пор. Правда, постепенно пополняются экспонаты, но созданное Акимом Ивановичем сохранено. Мы уверены, он был бы доволен, что его детище продолжает жить и удивлять своих посетителей.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА

А вот от географической площадки ничего не осталось. По описаниям очевидцев, это было «восьмое чудо света».

«Мысль о создании подобного рода пособий зародилась у меня очень давно, чуть ли не с первого года педагогической практики. Я с горечью замечал, что многое из того, что изучалось на уроках географии в пятом классе, ребята понимали плохо, без достаточной связи с реальной действительностью. Особенно чувствовалась трудность, когда те или иные явления и объекты по своей масштабности не укладывались в обозреваемый горизонт. Иногда даже успевающие ученики плохо ориентировались в географической терминологии. Вот если бы сделать игрушечную речушку, думал я, по которой бы текла вода, и чтоб она во всем была похожа на настоящую реку: с истоком, устьем, притоками. И хорошо бы устроить на ней водопад, пороги, да перекрыть плотиной. И создать обходной канал со шлюзами… И неплохо бы сделать горы и “пустить” по ним речку, бурную, с глубокими ущельями, водопадами», — писал А. И. Щербаков.

В одиночку он, конечно, с этим бы не справился. Но теперь у него была «команда», которая опять на «ура» встретила предложение любимого учителя. В газете «Коллективный труд» (20.11.1957) А. И. Щербаков писал, что площадка была сделана к весне 1953 года: «Весной 1953 года школа украсилась хорошо оборудованной географической площадкой. Летом школьники соорудили водоем,

А. И. Щербаков

А. И. Щербаков
в школьном музее.
Середина 1950-х

Краеведы
на географической
площадке. 1950-е

Маршрут
подвижного
турлагеря
по реке Битюг

Дом, в котором жил А. И. Щербаков

Краеведы (авторы работы) на велопробеге

В. Ф. Усков
в студенческие годы

Фото В. Ф. Ускова,
присланное
с Чукотки.
1950-е

который должен изображать в миниатюре “море”, со всеми его элементами. Всех волновал вопрос, как решить водную проблему. Наконец юные изобретатели В. Желнинский, В. Кругов, П. Долниковский и другие достигли своего. Вся детвора пришла смотреть любопытное зрелище — действующую модель речной системы».

Но тут Аким Иванович опять немного вводит читателей газеты и нас в заблуждение. Весной 1953 года площадку только начали сооружать. Свой окончательный вид она приобрела лишь через несколько лет. В «Журнале краеведов» за 1955/56 учебный год в течение всего сентября и октября ежедневно встречаются записи, подобные этой: «9 сентября. Работали на географической площадке Сорокин и Татаринский П. От восхода до захода солнца разбивали циферблат солнечных часов».

И в 1957/58 учебном году площадка еще не была полностью готова. До осенних каникул краеведы делали вокруг нее новую изгородь, ремонтировали флюгер, установили нефоскоп — прибор для наблюдений за облачностью.

Мы можем только предполагать, что собой представляла эта готовая площадка. Мы побывали на месте, где она располагалась. Там можно увидеть только развалины горной системы. А вот как запомнили ее наши источники.

«На всю жизнь запомнилась географическая площадка. В узком длинном коридоре школы на стене висел график дежурств краеведов. Рядом таблица. Дежурный бегал на площадку посмотреть на градусник, определить направление ветра, количество осадков, облачность. Данные заносили в таблицу регулярно. Забыть Аким Иванович не позволял.

Для меня изюминкой площадки были наши рукотворные горы, быть может, оттого, что я принимала активное участие при их возведении. Грунт носили ведрами, было тяжеловато, но мы не хныкали, соревновались, кто больше принесет. С великим трудом Акиму Ивановичу приходилось добывать для гор цемент и кирпич, ведь тогда и ржавый гвоздь на дороге не валялся.

После уроков и по воскресеньям мы лепили вершины “Кавказских гор” с пиками, ущельями и перевалами. Аким Иванович умело направлял нашу детскую фантазию. Слепки из грунта выкладывали кирпичным крошевом и заливали цементным раствором. Для полноты картины нужна была горная речка. Не помню, как бурлили скважину, но помню, как Аким Иванович обронил в нее наручные часы, которые были в то время большой редкостью. Но

горевали по тем часам больше мы, ученики, но не сам Аким Иванович. А горная речка с ее быстрым течением и водопадами, как и сами горы, удивляла не только детей, но и взрослых» (Из письма В. В. Малышевой, 08.11.2006).

«У меня есть фотография, где мы строили море, на море острова. Типа небольшого бассейна что-то было, и там острова. Это вот остров, это полуостров, это вот пролив какой-то между морями. А еще — фьорды. Нам очень трудно было произнести это слово» (Интервью с К. К. Семиляковой, 29.06.2014).

«Сейчас заросло там всё. А до этого глянешь — прямо настоящие горы. Громадные. И вот эти горы из шлака потом цементным раствором залили. И на горе сделал он там озеро большое, вроде ледники тают, в это озеро вода течет, а с озера — горная река, а тут внизу — примерно метров 10 на 10 было сделано искусственное море. Ну, там коралловые рифы всякие, подводные скалы разные. И тут внизу была печка такая сделана, вся облита. Затопишь ее бумагой (там труба внутри стояла) — получался как вулкан. И пепел летел. Когда бумага горит, пепел вылетает, как из вулкана.

Ну, а потом нам воду надоело в это озеро таскать. Аким Иванович говорит: “Давайте тут колодец сделаем”. А там, у школы, вода очень глубоко залегала — метров 15. Но все-таки мы пробились до воды. Насос поставили, бочку наверх. И вот накачиваем эту воду — кто дежурный был.

А потом на уроке географии он идет и рассказывает: вот горы, а там море. Всё сразу понятно было» (Интервью с В. П. Матвиенко, 01.07.2014).

ПОХОДЫ, ПОЕЗДКИ

Большие походы с учениками А. И. Щербаков предпринимал ежегодно. Не все были удачными, но пользу приносили всё равно. Вот что рассказал нам В. П. Матвиенко: «Однажды решили мы до реки Дон доплыть. Ведь наша река впадает в Битюг, а Битюг впадает в Дон. Ну, и мы решили поплыть. Брали лодки две или три. Ну, и провиант, удочки всякие. И начали от турбины… Мы там намерили 38 метров глубины. Делали промеры до самого Залома [место на р. Битюг — авт.]. Лодки деревянные, весла тоже. Мы только до Залома дня два ехали. Потом от Залома кое-как лодки перетащили, там мост еще был. Доплыли до Кушлева [поселок на р. Битюг — авт.]. И у него ума хватило нас вернуть. Во-первых, Битюг очень

извилистый. Во-вторых, дождь пошел, промокли все, а у нас была всего одна палатка. Посидели мы под этим дождем — не очень мы были экипированные. И всё равно — очень запомнилось. Мы все промеры сделали, карту нарисовали. По географии развитие было хорошее. Ведь он же не ехал с нами просто так, молчком. Он все рассказывал» (Интервью с В. П. Матвиенко, 01.07.2014).

Аким Иванович вдоль и поперек исходил с учениками овраги, балки, речные долины и холмы, совершал велосипедные путешествия по Воронежской области (длина маршрута составила 500 км), плавал на лодках по Битюгу вверх и вниз по течению.

Но нам хотелось бы немного остановиться на одной поездке. Это была поездка в Москву в августе 1955 года. Туда на 8 дней отправили десять лучших новокурлакских краеведов в составе областной делегации. Конечно, для сельских детей это было чудо. Сохранился альбом с их докладами на краеведческом вечере. Вот небольшие отрывки:

«За поворотом мы выехали на улицу Моховая. На этой улице расположена Красная площадь, городская дума, Исторический музей, гостиница “Москва”, Кремль. По другую сторону площади стоит ГУМ. Это магазин, про который говорят: всё, что требует желудок, тело, ум — всё вам может предоставить ГУМ» (Таисия Подлесных).

Можно себе представить, как их слушали в Курлаке. Мы ведь сами, впервые попав в Москву, чувствовали себя оглушенными, хотя видели по телевизору, как всё там выглядит. А тогда — В. В. Малышева очень хорошо запомнила тот краеведческий вечер: «Очень памятным был вечер, когда наши краеведы возвратились из Москвы. Рассказывали о своих впечатлениях: о метро, эскалаторе, о лампах дневного освещения. Ребята слушали их с раскрытыми ртами, так как в то время в Курлаке еще не распрощались с керосиновыми лампами» (Из письма В. В. Малышевой, 08.11.2006).

Нам повезло: одна из наших собеседниц (К. К. Семилякова) оказалась той самой Кларой Лосевой, которой выпало счастье участвовать в поездке. Сейчас она живет в Москве, но на всё лето приезжает на малую родину, в Курлак. Однако ее впечатления шестидесятилетней давности не изгладились. Она с восторгом рассказывала о Политехническом музее, о том, как пожалела вначале, что не попала в мавзолей Ленина (туда шли по жребию), но потом утешилась: Политехнический музей, куда ей досталось идти, поразил ее.

В разговоре выяснилось, что Аким Иванович не ездил с ними.

— А кто же ездил? — спросили мы.

— Почему-то одна учительница начальных классов — Елена Николаевна.

И тут наш руководитель сказал:

— Я могу сказать, почему ездила Елена Николаевна, а не Аким Иванович.

— Да? — удивилась Клара Константиновна.

— Да. Мне про нее Микляева Мария Максимовна знаете, как однажды сказала? У Елены Николаевны кошка окотится — она крестины собирала. То есть частые застолья у себя дома с приглашением разного начальства, в том числе и школьного, устраивала.

— Вот оно что. Я еще думала тогда: с Акимом Ивановичем нам было бы намного интересней.

Аким Иванович застолий не устраивал…

ПЛАНЕТАРИЙ

Мы можем точно сказать, когда было закончено строительство географической площадки — в 1957 году. Ведь А. И. Щербаков, закончив воплощать одну свою идею, тут же приступал к исполнению другой мечты. В газету он написал так: «Перед нами стоит новая, еще более заманчивая цель — создание школьного планетария, самого настоящего планетария, с большим куполом, с вращающейся небесной сферой».

«Еще не закончили возводить горы, а Аким Иванович уже загорелся идеей строить планетарий. Материал на стены и крышу он знал, как заготовить. Большой проблемой было достать телескоп. Но для Акима Ивановича преград не существовало. Планетарий построен, жаль только, что после нашего выпуска» (Из письма В. В. Малышевой, 08.11.2006).

Разработка проекта, конечно, — его заслуга. Но и без учеников он не мог бы обойтись. Как обычно, точно и образно рассказал об этом В. П. Матвиенко: «А потом он загорелся сделать планетарий в школе. Куда он только не писал, всю литературу пособрал. У меня сосед был такой — Стеганцов, Егорыч. А он работал киномехаником, электриком, тоже любознательный был мужик. Радио налаживал — да за всё брался. И вот они вместе кумекали. Аким Иванович понакупил фильмоскопов. За свои деньги. Кстати, ему в школе никто ничего никогда не давал. Фильмоскопы эти купил. А зачем?

Чтобы взять увеличительное стекло оттуда. А всё остальное повыкидывали. Вы же были в планетарии? Видели — там шар, и в шаре эти линзы. Лампочка горит, и луч света проецирует на “небосвод”, на купол этого планетария. А все отверстия в этом шаре просверлены, как звездное небо. И шар вращается.

И еще много чего есть. И вот он все это сделал. И никто ему ничего за это не дал — ну, может, звание заслуженного учителя.

И я там принимал участие в строительстве. Ну, что заставят — шлак таскали, стены заливали. А я ростом здоровый был среди моих сверстников. Он: “Валерка, пошли, пошли, пошли”. Работали после уроков и на каникулах тоже. Стены делали из шлака. Сейчас-то какой около школы стоит — этот из кирпича, его быстро сделали. А тогда — кто бы кирпич купил? Это всё только на энтузиазме. Аким Иванович половину своей зарплаты там оставлял» (Интервью с В. П. Матвиенко, 01.07.2014).

Строительство шло далеко не так просто. И главным препятствием было не отсутствие материалов. Как всегда, вмешался «человеческий фактор». Про Акима Ивановича стали распускать слухи, что он проводит какие-то странные эксперименты, из-за чего у населения не работает радио. Ему пришлось обращаться в районную газету: «Наше село Новый Курлак радиофицировано. Проведено радио и в мою квартиру, но слушать мне его не удается. И вот почему.

В конце прошлого года провод у ввода в квартиру от времени и непогоды проржавел и начал обрываться. Сначала я раза два–три соединил его сам, а 10 декабря обратился в радиоузел. С этих пор и началось мое “хождение по мукам”. За месяц, то есть с 10 декабря по 10 января я был у монтеров двенадцать раз.

Каждый раз они обещали мне помочь. Но обещаниями всё и заканчивалось. Хуже того, работники, в частности, его заведующий Курицын вымышляют среди населения слухи, будто радио в селе плохо работает из-за того, что якобы я, учитель Щербаков, к проводам что-то присоединяю и делаю какие-то таинственные, никому не известные опыты.

Такие нелепости они нашептывают тем, кто приходит к ним с жалобой на плохую работу радио».

Конечно, радио Аким Иванович мог бы починить и без монтеров, но разве приятно ему было слышать, что «из-за этого планетария» в селе ни у кого не работают радиоприемники?

Когда всё переносили из старого школьного здания в помещичьем парке в новое здание, Аким Иванович оборудование из пла-

нетария перенес к себе домой. Он понимал: если оставит, то быстро растащат. Может, и бывшие краеведы. Но в 1980 году на базе школы проводился один из этапов Всероссийского слета ученических производственных бригад. Школе надо было «блеснуть». Тогда и вспомнили о планетарии. Пригласили Акима Ивановича (он уже был на пенсии), посоветовались с ним. И быстро возвели рядом со школой новый планетарий. Аким Иванович был рад: и это его детище продолжило жить.

Венцом деятельности А. И. Щербакова как краеведа являются две его книги, которые мы много раз уже упоминали: «Краеведческая работа по географии» (1959) и «Курлакские меридианы» (1980). В обеих речь идет, собственно, об одном и том же. Только первая — методическая и предназначена для учителей географии. Аким Иванович подробно, с целями, задачами, планами описывает ход своей работы. А вторая — художественная, где в занимательной форме говорится о приключениях, которые ждали учителя и его учеников.

УЧЕНИК — УЧИТЕЛЬ

Каждый ученик составляет «кусочек жизни» учителя, как написал в «Курлакских меридианах» А. И. Щербаков. А если это «первые ласточки», то они не забываются никогда. Когда те, кто вместе с Акимом Ивановичем начинал краеведческую работу, покинули школу, их связь со школой и любимым руководителем не прервалась. Они писали ему, приезжая в Курлак, обязательно заходили к Акиму Ивановичу домой или в школу. Сам он так отозвался о них в своей книге: «Все эти ребята были не только моими ближайшими помощниками, но и лучшими друзьями. Ребята отвечали мне такой же дружеской привязанностью и доверием. От меня они ничего никогда не скрывали, делились своими мыслями, планами и даже мечтой. А такое достигается не сразу и не легким путем. Когда учитель находится со своими воспитанниками в тесном деловом контакте, когда его объединяют с ними общие цели и заботы, и он уже становится неотъемлемой частью коллектива, только тогда ему улыбнется счастье проникнуть в тот сложный и увлекательный мир, в котором живет его ученик».

В послесловии к «Курлакским меридианам» А. И. Щербаков рассказывает о дальнейшей судьбе своих выпускников, о том, что они ему пишут. Есть и такой абзац: «Врач Лобода отзывается с далекой

Чукотки: “…Пурга, метели… За сотни километров ездим на собаках к больным. Простор необыкновенный… Слышал о вас по радио. Сообщают, что вы там большими делами занимаетесь. Молодцы! Я тоже не сижу даром. Связался с одной школой-интернатом. Все им рассказал. Шьют для нашего музея образцы одежды и обуви из собачьего и оленьего меха. Девчонки подарили мне небольшой коврик из нерпичьей кожи. Он хорошо отделан в национальном вкусе. Один рыбак подарил малахай. Ждите посылку”».

Мы выяснили, кто скрывался под этим именем. Это Виктор Фомич Усков.

Письма В. Ф. Ускова чудом сохранились в школьном музее: А. И. Щербаков всю свою переписку увез с собой в Крым. Мы догадались, что когда-то эти письма у Акима Ивановича попросила М. М. Микляева, чтобы написать об Ускове очерк, а потом по каким-то причинам не вернула.

В этом очерке Мария Максимовна писала: «Внешне он человек обыкновенный: среднего роста, плотный. Улыбка обнажает красивые крупные зубы. А глаза веселые, чуть-чуть насмешливые. Крохотные золотые искорки прячутся в их синеве. Безошибочно можно сказать: в детстве он был ужасным проказником, шалуном. Он любимец семьи, и сам любит близких, особенно мать».

Рос Виктор в обыкновенной семье, однако, не совсем. Из этой крестьянской семьи вышли интеллигенты. Старшая сестра стала учительницей, племянница (та самая К. К. Семилякова, с которой мы неоднократно беседовали) пошла по его стопам, стала врачом.

Он не случайно, видимо, попал в «орбиту» А. И. Щербакова. И хоть не выбрал затем профессию географа или историка, но, как и все питомцы Акима Ивановича, краеведением «болел» всю жизнь. Он с отличием окончил Воронежский мединститут, ему предлагали продолжать учебу в аспирантуре (позже он все-таки окончил и аспирантуру), а он выбрал другой путь: попросился на Камчатку или Чукотку. И оттуда писал учителю.

Всего мы обнаружили 5 писем Виктора Ускова А. И. Щербакову. Безусловно, это лишь часть их переписки. Но и по ней легко проследить за отношениями «ученик — учитель», понять значение А. И. Щербакова как педагога и как человека. И увидеть его с новой стороны.

Первое (по дате написания) письмо — от 12 ноября 1955 года. Именно в этом году В. Ф. Усков окончил мединститут, ему было 24 года.

«Привет с Чукотки. Поселок Анадырь, 12/XI — 55 г.

Здравствуйте, Аким Иванович!

Получил Ваше письмо, за которое большое спасибо, ему был очень рад, ибо получаю письма только из 2 источников, а Ваше мне рассказало много о том, о чем мне еще не писали.

Особенно рассусоливать не стану, а опишу всё конкретно. <…>

Ох, Аким Иванович, какая прелесть смотреть с 3-тысячной высоты на цветной ковер тайги, а она не такая уж кажется и густая, много полян, голых сопок, покрытых снегом. Вся пересечена маленькими речушками, которые местами впадают в небольшие озерца. За всё время лета ни разу не видел ни одной деревушки, только лишь места стоянок самолета. Лететь от Магадана до Анадыря 9 летных часов, но мне пришлось путешествовать около 5 суток. Пришлось отведать ветер Чукотки в Марково и там же принять ванны снежного дождя. Да, сторонка эта ветрами славится, пробирают до косточек в пальтишке. Ходить тут можно только в шубах.

Думал кончить свой путь на собаках, а пришлось на баркасе моторном 12 км через лиман. Правда, немного за душу брало, когда лодочка прыгала с волны на волну, а последняя, грозя шипением, пробегала почти на уровне локтя. Но это было уже не то, что морская качка в проливе Лаперуза.

В Анадыре теперь меня оставили работать постоянно, работаю заведующим санавиации и хирургом в больнице. Все идет пока ничего. Но о работе особенно писать не буду, ибо тут и тетради не хватит. <…>

Аким Иванович, всё, что Вы просите, постараюсь достать, а с первой посылкой домой Вы получите фигурки косторезов Чукотки, я их уже купил. Заказал маленький тапочек и рукавичку, обещали на следующий неделе сделать. Особенно обещать не хочу, а по возможности пришлю Вам всё, что нужно. В этом письме посылаю Вам 3 фотографии. Они сделаны в поселке Наукон на берегу Берингова пролива. Правда, в этих местах я еще не бывал, но мечтаю.

О тех местах, где живу, можно сказать, что это тундра, обжита пока в Анадыре, больше русских, чем чукчей. Но если выйти за пределы черты Анадыря, то начнется самая настоящая тундра: голые камни, болота, кочки, небольшая трава и голые сопки.

Но, Аким Иванович, пока, до свидания, до следующего письма. Привет всем учителям и тете Марусе. С приветом Виктор».

По тону письма чувствуется, что пишет закадычный друг. А. И. Щербаков, видимо, попросил Виктора собрать сведения о Чукотке, прислать местные предметы быта, и он с рвением выполняет поручения учителя.

Еще мы обратили внимание вот на что. В очерке М. М. Микляевой есть эпизод, где она рассказывает о не очень хороших отношениях Виктора с учительницей русского языка. Та как-то сказала ему: «Не выйдет из тебя человека, не видать тебе института, как свинье неба». Она считала, что с русским у него неизлечимые проблемы. Но по этому письму (и по всем остальным) этого не скажешь! Как он описывает северную природу! Сразу наяву представляешь и «снежный дождь», и «цветной ковер тайги», и «шипение волны». Правда, запятых он почти не ставит — видно, так спешила его мысль.

Второе из сохранившихся писем было написано уже через год после первого.

«Привет из Анадыря! 21/XI — 56 года.

Здравствуйте, Аким Иванович!

Давно собираюсь написать письмо, но то времени нет, а то паршивое настроение, вот и откладывал все время писанину. На письма я не особенно охотник, и получаются они у меня куцые. Сегодня день хороший, и решил с Вами потолковать. В этом письме постараюсь описать о многом.

Живу и работаю на старом месте, но всё идет по-новому. Сейчас перешел на квартиру, поселился в одном доме, имею отдельную квартиру (комнату). Надоело топить печь, готовить обеды, лучше платить буду, но жить без забот. Сейчас хорошо, а что дальше будет — посмотрим.

На работе дела идут хорошо. Работаю хирургом, всю работу тяну потихоньку. Правда, оперировать приходится мало, но всё же есть и хорошие случаи. Народ сейчас мирный, резаных мало, несчастных случаев немного, а из острых заболеваний больше всего аппендицит. С порученной работой справляюсь. Собирался поработать тут еще годочка 4–5, но сейчас думаю по-другому, надо кончить ординатуру, а тогда можно еще куда-нибудь поехать. Край этот посмотрел — и хватит пока. Надо стать специалистом настоящим, а не молодым.

Год жизни в этих краях многому научил меня. Хорошую школу прошел, да такую, какую в институте годами не дастся. Понемногу начал разбираться в людях.

Аким Иванович! Вот пошла вторая зима Чукотки. Эту зиму я уже встречаю не как прошлую. Оделся по-Чукотски, не как приехал — в осеннем пальто: теплая верхняя одежда, валенки, рукавицы, шапка. В наших краях ходить в пальто на вате можно только в поселке. Шуба обязательна. Вот только что прошла пурга настоящая северная. Дул ветер баллов 12–13, сильный снегопад. Бушевала пурга дня 4 без перерыва. Намело сугробы до крыши. Со многих домов сорвало крыши. А сама пурга такая сильная, что стоять невозможно. Ходишь каких-то метров 100 до больницы, пригнувшись к земле. Глаза открыть совершенно невозможно. И это расстояние не меньше минут 20 идешь. Сидишь в комнате, крыша трещит, а за окном как "черти" воют. Одним словом, картина незавидная. Люди никуда не ходят, все сидят дома, ни одно учреждение не работает, кроме больницы.

В один из этих дней пришлось дежурить, пошел на вызов, да и недалеко, метров 500. Туда все хорошо было, а обратно временами на четвереньках пришлось ползти. Раз так рвануло, что просто положило на землю, как пушинку. Хорошо еще, что я был в поселке.

В тундре такая погода заставит всех в снег зарываться. Одним словом, зима Чукотки в полном разгаре. Дни стали очень короткие, темно идешь на работу и темно возвращаешься. Светлого времени часа 4–5.

Сейчас в колхозе начинают проводить забой оленей. Бьют их прямо на тундре. Мясо дороговатое, от 10 до 18 рублей килограмм. На днях собираюсь сходить на кораль. Если смогу достать фотографии, то вышлю. Они очень интересные.

Аким Иванович! Вы простите, что летом не смог прислать всё, что собрал. Когда отправляли посылки, меня командировали в Магадан. Самолетом посылать дороговато. Но уговор я помню хорошо. Все, что можно, перешлю или привезу. Собираюсь купить фотоаппарат, тогда своих много будет фотографий.

Но ладно, на этом письмо кончаю. Где сейчас Женька? Каширо? Может, знаете адрес Панина Бориса и Лахина Володьки?

Передавайте большой привет Ольге Алексеевне и тете Маше. С приветом — Виктор Усков».

Это письмо очень ярко показывает, насколько доверительными были отношения между учителем и учеником. Наверное, родителям и близким Виктор не писал о своих проблемах на работе, о разочаровании в людях, а вот с Акимом Ивановичем обо всём можно было «потолковать».

В конце письма Виктор справляется о своих школьных друзьях. Женька — это сын А. И. Щербакова, он одноклассник Виктора. Ольга Алексеевна — Высоцкая, учитель математики, о которой мы тоже много слышали как о педагоге с большой буквы. Тетя Маша — жена Акима Ивановича.

Третье письмо (20.02.1957) тоже примечательно. Мы отметили: чем дольше В. Ф. Усков работал врачом, тем неразборчивей становился его почерк. К тому же на письмо попали чернила, клякса проникла почти через все страницы, так что расшифровать его было нелегко.

«Привет из Анадыря.

Здравствуйте, Аким Иванович!

Давненько собирался написать письмо, но всё откладывал, пока в одной из книг не нашел Ваше письмо. Не писал не потому, что нет времени, а скорее всего, нет настроения. И вот сегодня решил бросить всё и написать. Причем пишу письмо под аккомпанемент завывающей порывистой пурги, по которой только что пришел домой. Был в больнице, ходил смотреть больных, на ночь оставлять оперированных беспокойно.

Что из себя представляет пурга, которая здесь не из редких явлений? Мороз градусов 15–16, ветер восточный (это соседка Аляска посылает), примерно 15–20 метров в секунду. Снегопад. Идти на ветер с открытым лицом невозможно. Выпрямившись во весь рост, с места не сойдешь. Видимость не больше 5–10 метров, а то и меньше. Отчетливо видишь только снег под ногами, и тот быстро покрывается как туманом при сильном порывистом ветре. Все вокруг свистит, а провода жужжат, как натянутые струны музыкального инструмента. Отойдешь от дома и чувствуешь, что один во всей вселенной, во мраке серой снежной мглы. Конечно, всё это хорошо смотреть, когда знаешь, что идешь домой и до него всего метров 150–200. Конечно, никакой путь в тундре в такую погоду невозможен. Обычно люди, которых пурга заставала в тундре, стараются укрыться в снегу вместе со своим транспортом, который исключительно собачий. Как их называют “хак-12”. Словом “хак” погоняют собак каюры (собачьи извозчики). А 12 потому, что их в самой хорошей упряжке 12 шт, т. е. 6 нарт. Каюры во время пурги обычно собак укладывают около себя за нарту. Сами залазят в кукуль (спальный меховой мешок), который кладут прямо на снег, и подчиняются воле природы, которая снегом укутывает всех, наметая огромные сугробы. Мне, правда, не приходилось испыты-

вать все эти прелести, но не в эту зиму, так в будущую обязательно испытаю.

Сейчас не приходится ездить по командировкам, много работы. Подъедут врачи, немного освободят, тогда смотришь — всё подругому пойдет. Отвлекся от пурги.

Метет она обычно не один день, а иногда и до недели. Самая длинная пурга была в мою бытность 6 дней.

Помимо пурги, в эту зиму были и сильнейшие морозы — до 48 градусов. Ветер небольшой, метров 5–6. Таких морозов и старожилы не помнят. Ощущения наисквернейшие. И держались они долго раза 2 недели по две. В декабре и феврале.

При таком морозе небо хотя и совершенно безоблачное, но над поселком стоит туман сизый, который так и давит, а особенно усиливается в момент затихания ветра. Если бы ветра не было, то легко было бы переносить мороз, что, кстати, и есть в районе поймы реки Колымы. В такой мороз также не отправляются в путь — опасно. У нас же преобладают ветры и снегопад, что особенно мешает передвижению по Чукотке. Самолеты летают только в ясную погоду, которая зимой бывает редко. А на местном транспорте далеко не уедешь. И надо ехать по населенным местам, потому что корма собакам на длинный путь с собой не возьмешь. Собак обычно кормят только вечером сухой рыбой, и каждой надо не меньше 2 кг на один раз, поэтому запас постоянно нужно пополнять.

Кроме постоянных морозов и пурги, этой зимой бывало и сильное потепление. Оно бывает, когда дует морской ветер. Погода стоит тогда теплая, иногда плюсовая, но не больше 1–2 градусов. Но всё же лучше мороз. Воздух свежий, бодрит. Обычно в теплую погоду снег под ногами ползет, становится крошковатый, вокруг обычно туман и так давит, что противно идти по улице.

Но вот иногда, правда, очень редко, бывают и “наши” вечера. Мороз не больше 10 градусов, тишина. Небо без облаков, на севере играют сполохи северного сияния. Звезды немного потускневшие от сияния, а то иногда тоже ярки и переливаются подобно Венере в цветах солнечного спектра. На улицах много народа, все гуляют до позднего часа. А как не погулять в такую погоду по мягкому пушистому снегу. Даже поваляться хочется, как маленькому, в снегу. Что и делаем при наличии только небольшой компании. Положение проклятое не дает возможности порезвиться, правда, я иногда отказываюсь от него и время провожу очень хорошо. Но таких дней очень мало. Что касается северного сияния, то я и раньше

Вам о нем писал. Правда, разноцветное редко бывает, чаще белое, но всё же это замечательное зрелище.

Все эти суровости чукотской зимы переносятся очень легко, когда поблизости имеешь хорошо натопленную квартиру, где большинство в плохую погоду отсиживаются. Одежда исключительно необходима меховая, для дальней дороги всё же лучше всего местная. Весь комплект в миниатюре мне обещают сшить для Вас. Пока всё обещают. Состоит одежда вся из шкур, в такой одежде не страшны ни одна пурга и ни один мороз. Но ладно, надоело писать про природу, напишу о себе, а мысль свою продолжу в следующем письме.

Живу и работаю сейчас хорошо. Люди пока довольны и добровольно соглашаются на мои операции. Операций не так уж много, но всё же есть, в основном, травмы, аппендицит, грыжа и тому подобная мелочь. По долгу службы нужно было бы летать по вызовам, но нет времени, слишком много работы в больнице, что очень жаль. Страшно люблю острые ощущения. Вот все собираюсь заняться фотографией, что думаю сделать. Тогда больше смогу рассказать о многом…»

Многие бывшие ученики А. И. Щербакова говорили нам, что на своем уроке географии он рассказывал о природе разных мест так, будто там побывал. А разве не побывал он на Чукотке через письма Виктора Ускова? А комплект чукотской одежды в миниатюре до сих пор удивляет посетителей нашего школьного музея.

Четвертое письмо Виктор Усков прислал не из Анадыря. Его приключения на Чукотке продолжились (на «большую землю» он вернулся через год, в 1958 году).

«Привет из Хатырки. 17/IV — 57 года.

Здравствуйте, Аким Иванович!

Конечно, Вы, наверное, и не подумаете, что смог бы всё написать из Хатырки, куда вот приехал несколько дней назад и буду находиться около трех месяцев, а может быть, и больше. Приехал сюда в командировку. Поселок этот располагается на берегу Баренцева моря и совсем не так далеко от Камчатки. От Анадыря это километров 800 по прямой линии, а водой больше тысячи. На карте все хорошо видно. Добирался на самолете АН-2, двукрылый, пассажирский. Прилетели, по всей вероятности, с последним самолетом. Может быть, это письмо увезет еще один самолет, на это мало надежды, скорее всего, оно пойдет пароходом, который придет не раньше, чем через 1,5 месяца. Что же меня заставило написать Вам

письмо? Да, я хотел бы рассказать про свое воздушное путешествие от Анадыря до Хатырки.

Вот про зимнюю тундру, равнину я писал раньше. Только вот раньше с борта самолета не приходилось видеть оленей, а сейчас видел. Самолет идет на высоте 1,5 тысячи метров, и вот на ровном белом ковре, слегка израненном речками, видно хвостатое пятно. Знающие еще издали говорят, что это стадо оленей. Оно пасется близко от гор, которые защищают от холодных ветров. Конечно, рассмотреть отдельных оленей невозможно. Но удивительно, как пасутся олени и чем они питаются в голой, покрытой только белой пеленой, тундре!

На днях отправлюсь в тундру, там в стадах смогу это увидеть хорошо. Недалеко от стада располагаются яранги оленеводов, в виде небольших кружочков. Что она из себя представляет, напишу после.

Самолет входит в горный район, и прямо под крылом остроконечные сопки, с самой подошвы до вершины окутанные снегом. Особенно много его с подветренной стороны. Местами вершины без снега, сдут он ветром, и только торчат остроугольные камни.

Все сопки располагаются правильными хребтами, и между ними обширные долины с извилистой речкой, которая выдает себя слегка приподнятыми берегами. Припекает немного солнце, южные и восточные склоны сопок слегка сереют, а в речке уже появляется темное пятно, но это ближе к побережью.

И вот обрываются сопки, открывается обширная долина, вдали чернеет Баренцево море. И на самом берегу примостился небольшой поселок Мойна-Пыльгино. Самолет зашел на море, развернулся и сел мягко рядом с поселком. Бегут жители встретить приезжих и получить почту.

Самолет делает круг и заходит над морем, спускается ниже. Сальные льды становятся очень рельефными, и каждая льдина, как небольшой айсберг: 2/3 в воде и 1/3 над водой, вода уже не черная, а рядом с льдинами светлая с голубоватым оттенком.

Самолет сел. Иду в больницу, встретил фельдшера. Перенесли вещи в больницу. Больница небольшая, но в ней лежит много больных, пахнет медикаментами и чувствуется порядок. Вот в этой больнице должен буду работать. Сейчас проводил просмотр на туберкулез. На днях поеду на собачках в Майно-Пыльгино, там тоже посмотрим, и отправлюсь в обратный путь, а там в тундру.

Ну, одним словом, сейчас все дела идут хорошо. Настроение отличное. Что будет интересно — пишите, напишу. Что-то спать захотел…»

После отпуска В. Ф. Усков не вернулся больше на Чукотку. Конечно, общался с А. И. Щербаковым, приходил и в школу. Именно в тот момент его увидела В. В. Малышева, в то время десятиклассница: «Я выбежала в коридор и увидела молодого человека с бородой (бороды тогда почти не носили). Решила, что мы не заметили приезда гостей, а они уже в школе. На деле оказалось, что на школьный огонек заглянул бывший ученик Усков Виктор. Он приехал с Чукотки. Стал рассказывать, как на собаках добирался до больных по тундре» (Из письма В. В. Малышевой, 08.11.2006).

В. Ф. Усков затем работал врачом в Воронеже и в области. Считался хирургом от Бога, обладал золотыми для хирурга руками. Но всё время оставался скромным, бежал от всякой славы. Не остался «заскорузлым холостяком», в Воронеже обзавелся семьей. Его сын Алексей тоже впоследствии стал хирургом. Обо всем этом нам рассказала племянница Виктора Фомича К. К. Семилякова. Но он, спасший много других жизней, сам умер рано — в 1982 году, когда ему было немного за пятьдесят. В. Ф. Усков — лишь один из учеников А. И. Щербакова. А следы он оставил в судьбе многих.

СЛЕДЫ

Да, А. И. Щербаков оставил много следов. Наша школа по-прежнему «гремит»: созданные им музей и планетарий до сих пор действуют.

Кого тут только не бывает! В январе 2014 года, например, неожиданно нагрянули журналисты из Норвегии. Они сопровождали олимпийский огонь и снимали документальный фильм о России. В интернете они обнаружили, что у них на пути есть сельская школа с планетарием и краеведческим музеем. Это был канун Старого Нового года, 13 января. В наших селах в этот день бывают традиционные колядки. Норвежцы и это захотели снять. Пришлось нашим ученикам надевать соответствующие костюмы и идти в близлежащие дома колядовать.

А летом приехали корреспонденты из Воронежа. Вернее, это были даже не корреспонденты, а какие-то представители «молодежного» правительства области. Им выделили грант на создание портала о героях. Но они как-то быстро пробежались по музею, за-

глянули в планетарий, что-то сфотографировали, что-то записали. Нас специально вызывали посреди каникул побеседовать с ними, мы три часа их ждали, но разговаривать им было некогда — они спешили в поисках других героев.

Это лишь «внешние» следы. Главное — А. И. Щербаков оставил следы в душах своих учеников. И не только. Эти следы чувствуем и мы.

Мы брали интервью у выпускников школы разных лет. Думаем, что комментировать их слова нет необходимости.

«Мы им гордились. Еще когда студентами были, приезжали в пединститут (туда много наших поступили). И там такой большой стенд висел: "Заслуженные учителя России". Фотография Акима Ивановича там была. И мы всем на нее показывали: видите, мы у него учились.

Главное — это Аким Иванович сам был увлечен своим делом. Главное — не с кем работать. На любой работе отдай всего себя — и получишь авторитет, и будешь хорошим. Он нас так учил» (В. П. Матвиенко, выпускник 1964 года).

«Аким Иванович был Кулибин. Из каких-то жестяных банок, картонок сделал чудо — планетарий» (А. И. Стулов, выпускник 1959 года).

«Ну что — это профессионал. Учитель от Бога, можно сказать. Вот, свой предмет, географию, знал — не то, что там рассказывать про какой-то край, какую-то область, леса там, какие ископаемые. Он все рассказывал — что в этом крае есть, какое население, какой там быт, чем они занимаются, какие продукты выращивают. Как будто он там жил. Он так был влюблен в свой предмет и так доходчиво рассказывал! Его слушать — это наслаждение было» (В. С. Торопцев, выпускник 1958 года).

«Вот сейчас любого выпускника, даже вуза, спроси — не каждый сможет сориентироваться. А я, когда поступила в институт, мне было нечего делать по астрономии. У нас там профессор старый преподавал. И он однажды спросил: "Девушка, где Вы учились?" Я ему: "В обычной школе". Он спросил: "И сколько у вас астрономии было?" Я ответила: "Один час"» (М. М. Калдина, выпускница 1970 года).

«Последняя встреча с Акимом Ивановичем была у меня летом 1978 года. Я забежала к нему домой на несколько минут. Он помнит меня, обрадовался, стал показывать брошюры о нашей школе, о музее. В 78-м он показался мне таким же, как и в 58-м.: подвижным, энергичным, стройным, белозубым и скромным. Та-

ким я представляю его и сейчас. А вот фотографии с него, к великому сожалению, у меня нет ни одной.

Ребята, молодые учителя, которым не довелось видеть Акима Ивановича, должны знать, какой это был талантливый, беспредельно преданный своей работе с детьми Учитель, скромный и бескорыстный человек. По моему мнению, Аким Иванович достоин того, чтобы наша школа носила его имя» (В. В. Малышева, выпускница 1958 года).

А. И. Щербаков уехал из Нового Курлака осенью 1987 года. В школе было устроено что-то вроде прощального вечера. И тут все увидели другого Акима Ивановича.

«Меня удивляет: почему он не показывал свой внутренний мир? Ведь он в конце концов оказался человеком очень ранимым, чувствительным. Он прирос к Курлаку. Сердцем прирос. Он плакал, как дитя. Плакал по музею, по планетарию — знал, что больше их не увидит. А ученики! Он рыдал. Я не представляла себе его плачущим. Всегда он какой-то официальный, закрытый, лишнего слова не скажет» (Интервью с М. М. Микляевой, 13.08.2014).

Вскоре А. И. Щербаков прислал на имя директора школы А. М. Матвиенко письмо. Он извиняется за свое «недостойное» поведение на вечере (хотя разве оно было недостойным?), жалуется на гонения со стороны администрации (она преследовала его всю жизнь), сетует на нерадивое отношение к его детищу одного из директоров. Но его главная дума — о музее, чтобы там было, как ему бы хотелось:

«Здравствуйте, уважаемая Анастасия Митрофановна!

Шлем Вам сердечный привет из далекого солнечного Крыма. Места здесь хорошие, благодатные. Погода стоит теплая, солнечная, совсем не зимняя. Она напоминает курлакскую осень.

Жить здесь хорошо, легко. Одно плохо — скучаем по Курлаку. В нем мы прожили 50 лет. Трудно как-то укладывается в сознании, что не придется больше увидеть Курлак с его обитателями, свою школу и добрых учителей.

Последнее время я всегда с завистью взирал на ту деловую и благодатную атмосферу, которая царила в нынешней школе, на те добрые, человеческие взаимоотношения в ее коллективе. Об этом мы не раз отмечали и в своем разговоре с Петром Константиновичем. При таких условиях и работать — одно удовольствие.

Но, к сожалению, были и другие, менее благоприятные времена в истории нашей школы. Особенно тяжелый осадок оставил после

себя тот период, когда в школе околачивалась волчья свора в составе В. и F. Как они отравляли атмосферу! Тяжело было работать тогда учителям. Сейчас об этом без горечи и вспомнить трудно.

Анастасия Митрофановна, я хотел дать Вам один совет. В музее, в отделе геологии, стоит шкаф, а на его полках лежат колодочки древесных пород. На каждой из них наклеена полоска бумаги, и на ней надпись: дуб, ясень, береза и т. д. Это породы деревьев и кустарников наших лесов. На колодочке сверху пропилена бороздка. В нее вставлялось стекло, на котором смонтирована небольшая веточка. Их уничтожил бывший директор-проходимец М.

Вам надо исправить это. В начале лета поручите учителям географии, ботаники, старшей вожатой и ученикам заготовить гербарий древесных пород. Все эти деревья и кустарники растут в парке старой школы. Заготовить надо по несколько веточек каждой породы, чтобы потом выбрать лучшую.

Когда гербарий высохнет, веточку надо укрепить на лист белой плотной бумаги, величиной с тетрадочный лист, потом приклеить к нему стекло. Приклеивать стекло лучше полоской цветной бумаги, с трех сторон.

Анастасия Митрофановна, я тогда дурно вел себя в школе. Помните? Вы извините. Я столько пережил в связи с переездом, что даже железные нервы не выдержали бы, а тут еще бабка моя заболела. Было от чего свихнуться.

Сейчас я до некоторой степени стабилизировался и воспринимаю материальный мир более реалистично.

Желаю всем Вам больших успехов в Вашем нелегком деле.

С уважением — Щербаков.

22 января 1988 г. Гор. Севастополь».

Менее чем через год после написания этого письма А. И. Щербаков умер.

***

Этим летом, возвращаясь из одного своего похода, мы разговорились. Вдруг лет через 60 к нам придут юные краеведы и начнут задавать вопросы: «А каким человеком был ваш учитель? Какие у него были отношения с учениками? Какие интересные моменты вам запомнились?»

Что же, после написания этой «саги» мы, скорее всего, сумеем на них ответить.

человек и война

«Сила веры, надежды и любви»

Виктория Леонова
Епифанская школа, д. Кораблино, Тульская область
научный руководитель Алла Васильевна Ширшакова

В основу моей работы положены воспоминания Григория Ивановича Мелихова о годах, проведенных в фашистских концлагерях: «Острув Мазовецка», «Меппен», «Маутхаузен», «Эбензее», справка и фотокопии документов из архива МСР (Бад Арользен, Германия), копии учетных карточек из архива УФСБ по Тульской области, которые выслали на наш запрос. А так же материалы семейного архива Мелиховых, воспоминания: дочери ветерана — Раисы Григорьевны Мелиховой, сестры — Нины Ивановны Носовой, директора Ракитинской школы Узловского района — Ольги Андреевны Радюкиной, учителей и выпускников Гремячевской школы Новомосковского района.

Несмотря на то, что день 9 Мая был любимым праздником Григория Ивановича (это был, как в песне, «праздник со слезами на глазах»), он не любил рассказывать о своем военном прошлом, когда двадцатилетним юношей попал в плен в 1941 году и, пройдя все муки ада, все лишения и унижения, возвратился домой в 1945 году. Наверное, вспоминать было больно и небезопасно. Ведь до определенного времени бывшего заключенного концлагеря могли в любой момент объявить «врагом народа». Так он и прожил до конца своих дней с привычкой не вдаваться в подробности своего пребывания в лагере.

Но всё-таки записи о пребывании в немецких концлагерях были сделаны Григорием Ивановичем в середине 50-х годов. Со слов дочери, сделать это его убедила жена — Нина Васильевна. Вполне возможно, что появление их было связано с изменением политической ситуации в стране, началом «оттепели». Первая встреча бывших узников Маутхаузена прошла в 1957 году. Я пока не знаю, был ли на этой встрече Григорий Иванович, но в 1966 году он поддерживал связь с Советским комитетом ветеранов войны, так как в семейном архиве хранится конверт (Москва Г 34, улица Кропоткинская, 10) на имя Мелихова Г. И.

Так или иначе, но эти записи не предназначались для публикации. И в семье никогда на эту тему не говорили. Впервые записи отца прочли в 1997 году, после его смерти.

Я держу в руках пожелтевшие листочки в клеточку, где красивым, убористым почерком рассказывается о тех трагических днях. Оживают страшные картины фашистского ада, читать тяжело, но в то же время сколько мужества и воли к жизни за этими строчками! Я чувствую, как взрослый тридцатипятилетний мужчина как будто вновь оказывается в застенках фашистского лагеря, переживает то, что уже пережил однажды двадцатилетним юношей.

Григорий Иванович в своих воспоминаниях рассказывает о концлагере в целом — устройство, быт, питание, распорядок дня, о настроениях среди узников и очень скромно, в сжатой форме о себе.

К сожалению, сохранилась только первая часть воспоминаний, с 1941 до марта 1944 года, до перевода в филиал Маутхаузена — Эбензее (написанная в 50-е годы). А вот события, связанные с Эбензее, описываются позднее, в 1989 году, под впечатлением от рассказа о Льве Маневиче — «Москва вызывает Этьена». Этот рассказ был опубликован в книге «Фронт без линии фронта» Агентства печати «Новости» в 1985 году. Григорий Иванович, как участник всех этих событий и человек, лично знавший полковника Старостина (разведчика Маневича), написал письмо в редакцию, в котором поделился своими впечатлениями о рассказе. Неизвестно, отослал это письмо Григорий Иванович в редакцию или нет, но черновик хранится в семейном архиве.

ЖИЗНЬ ДО ВОЙНЫ

Григорий Иванович родился 2 февраля 1921 года в небольшой деревеньке Рогозинки, которая притулилась на левом берегу Дона, недалеко от города Епифани, в крестьянской многодетной семье. Жили дружно, детей воспитывали в трудолюбии, уважении к старшим, умении сопереживать и помогать друг другу. Мать была неграмотной, но очень доброй, мудрой женщиной. Неслучайно за советом к ней ходили женщины из соседних деревень. Отец своенравный, но справедливый человек, всегда имел свое собственное мнение. Земляки относились к нему уважительно.

Пять классов мальчик окончил в Епифанской школе, которая находилась в 4 км от дома. Затем продолжил обучение в Казановской школе. Именно здесь, в школе, он встретил свою будущую жену, любовь всей своей жизни. После окончания школы они продолжили обучение на педагогических курсах Тульского областного отдела народного образования по подготовке учителей (литературное от-

деление) в г. Алексине. По окончании курсов работали в школе в Товарковском районе. Здесь же они и поженились.

Недолго продолжалась семейная жизнь молодых. В сентябре 1940 года Григорий Иванович был призван в ряды Красной Армии. Служил в Белоруссии, в городе Ново-Белица Гомельской области, в 318-м ГАП АРГК (Западный особый военный округ). И, конечно, очень скучал по дому, по своей любимой жене. Часто писал письма. Нина Васильевна берегла эти весточки от мужа и хранила всю свою жизнь. А сейчас их так же трепетно хранит их дочь — Раиса Григорьевна. Когда читаешь эти письма, чувствуешь, какие добрые, нежные отношения связывали супругов.

В одном из писем весной 1941 года, он сообщает, что с 25 мая их часть направляют в учебные лагеря. Очевидно, здесь, в лагерях, и застала его война.

ПЛЕН. КОНЦЛАГЕРЯ: «ОСТРУВ МАЗОВЕЦКА», МЕППЕН

16 августа, когда наши войска отступали по всему фронту и многие части и соединения попали в окружение, был подписан приказ Ставки Верховного главнокомандования за № 270. Приказ объявлял всех военнопленных предателями и изменниками. А ведь в плен попадали по разным причинам. Чаще всего это были бойцы, получившие ранения.

«Ряды наши редели, боеприпасы кончались, орудия пришлось бросить еще раньше, они имели калибр 203 мм и не давали совершенно маневрировать, да и горючее у тракторов кончилось, и вот… в одном из боев, у станицы Салтановка, я получил ранение в мышцу левой ноги; отстав от товарищей, я оказался в плену… Первые 8–10 дней рана еще не давала возможности убежать. Пришлось ждать. Немцы перегоняли нас из одного лагеря в другой, способные ходить шли сами, легкораненым помогали товарищи…»

Начался путь по фашистским застенкам.

«В числе многих других в первых числах сентября я был доставлен в Борисов, а оттуда нас посадили в вагоны и отправили на Запад, в неизвестность. Здесь, ознакомившись друг с другом, мечтаем о побеге, но вагоны закрыты надежно, мечты остаются…

Нас привезли в Польшу, как потом узнали, недалеко от Варшавы. Я увидел огромный лагерь, обнесенный колючей проволокой и частыми сторожевыми вышками с пулеметами на них. Это был лагерь “Острув Мазовецка”».

Григорий Иванович приводит описание лагеря: «Что представлял собой лагерь? Он имел форму прямоугольника, по двум сторонам которого на горизонте виднелись небольшие лесочки. Вот на этой площади были построены землянки-бараки и палатки-бараки на несколько сот человек каждая. Теснота, грязь, голод…»

В первые месяцы войны отношение немцев к советским военнопленным было крайне жестоким. Заключенные были лишены элементарных бытовых и гигиенических условий. Жилые помещения не отапливались, теплой одежды у заключенных не было. Питание было скудное, люди страдали крайним истощением. К этому надо добавить еще и непосильную работу, которой загружались военнопленные, а также издевательства и истязания со стороны лагерной охраны.

«По причине плохого питания в лагере была велика смертность. Многие попавшие в плен в первые дни войны сильно исхудали и скорее были похожи на скелет человека, обтянутый кожей, чем на человека. Глазные яблоки впали, сами глаза мутные и чего-то ищущие и ждущие, походка шатающаяся, движения вялы и неуверенны. К этому надо прибавить частые побои и специально придуманные фашистами истязания. Они сводились к следующему: во время раздачи хлеба нас выстраивали в ряды по 5 человек и буханочку хлеба (800–900 гр.) давали каждому пятку, который и делил между собой. Так вот во время этой дележки они с резиновыми палками наскакивали, били, пятки эти ломались, и многие оставались без хлеба. У многих были опухшие ноги, лицо… Таких называли “доходягами”. Они неминуемо были обречены на смерть. В день в среднем умирало до 500 человек. Хоронили их в общих могилах за лагерем, ближе к лесу. Могилы копали сами, специально выделенные для этого пленные. Утром, часов в 10–11, немцы с полицаями обходили бараки, землянки и палатки и считали при проверке умерших. Из каждой группы пленных, живших в одной палатке и называемых немцами ротами, брали на каждого умершего 4 человека, которые взваливали мертвых товарищей на плечи и под охраной уносили в могилы…»

В лагере Шталаг 324 (шталаг — стационарный лагерь для рядового и сержантского состава) у польского города Острув-Мазовецка Григорий Иванович находился до второй половины сентября. Он нашел единомышленников, и они стали тщательно готовиться к побегу. Но среди них оказался предатель, который за день до побега рассказал о планах полицаю, а тот, выслуживаясь, передал о них нем-

цам. Заключенных побили, посадили в карцер, продержали три дня, не давая пищи, потом перевели в особый изолированный барак, где уже были такие же, как они, и через день отправили на станцию, посадили в вагоны и повезли…

«Куда? Ясно одно — на Запад, дальше от Родины…

Наконец прибыли в небольшой лагерь, как потом узнали, Меппен… Стоял конец сентября…

Для различных работ отбирали 20–50 человек и под охраной солдат вели на работу: грузили торф, расчищали дорогу, каналы и др. Тут впервые встретились с пленными французами и, помнится, сербами. Они ходили небольшими группами (под охраной, конечно) на различные работы. Радостно они нас встречали взглядами, проходя мимо, кидали нам сигареты и куски хлеба, и сжимая кулаки, прижимая к груди, как бы говоря “Рот Фронт”.

В этом лагере нас было тысячи две с половиной… Тут всё-таки теплилась надежда на жизнь, т. к. думали, что убивать-то нас так далеко везти не стоило бы, ну и коли так далеко на запад увезли, то думали, что заставят работать в шахтах или на других тяжелых работах. Надежда на бегство пропала. Два моих товарища из польского лагеря и я теперь думали так: если бежать, то надо идти через всю Германию, не зная языка: это бессмысленно, а там Польша, опять чужой язык. Теперь наша мысль работала на том, как бы лучше друг друга поддержать морально… Помню, здесь делали нам какие-то уколы, что за вакцину вводили — не могу представить и для какой цели.

Но вот 19 октября (в учетной карточке, предоставленной архивом УФСБ по Тульской области, записана дата 20 октября 1941 года) утром всех выстроили, пересчитали, дали по буханке хлеба и погнали на станцию. Там запечатали в товарные вагоны. Окна в вагонах были опутаны колючей проволокой и закрыты. Теперь повезли на юг. Это легко определили по солнцу. Прошел слух, что везут в Австрию… Очень частые остановки, но уже вблизи станций… В вагонах было душно, особенно на долгих стоянках, мучила жажда и голод…»

КОНЦЛАГЕРЬ МАУТХАУЗЕН

«22 октября, на рассвете, нас выгрузили, и вот тут-то мы и увидели эсэсовцев с автоматами и собаками. У каждого из них на пилотке или фуражке был виден череп — символ смерти…

Подсчитав всех живых и мертвых (а они уже были в вагонах), погрузив мертвых и тяжелобольных в крытые грузовики, колонне приказали двинуться в путь…

Нас было 2300 человек. Подгоняемые прикладами, пинками кованых сапог и овчарками, мы медленно поднимались в гору.

Неожиданно расступился небольшой лесок, после которого, за поворотом, перед нашим взором предстала неожиданная картина. Я, как и многие, был удивлен и озадачен виденным: перед нами выросла группа сооружений, обнесенная высокой гранитной стеной, козырьком из колючей проволоки. Сооружение это весьма напоминало крепость. Я не припомню, в каких рядах я шел — в первых или середине, но перед остановкой у ворот этой фашистской "крепости" по рядам прошло невольное уныние и растерянность. Некоторые товарищи непроизвольно сдержали шаг, потеряли строй, равнение рядов, колонна как бы дрогнула и замерла, поняв куда попала… По латыни над воротами было написано: Kontrazionslager Mauthausen… Мы остановились у ворот, у ворот в фашистский ад».

В 1938 году в Австрии, недалеко от города Линц, была создана целая система концентрационных лагерей, объединенная вокруг давшего ей название города Маутхаузен. Место расположения центрального лагеря определялось близостью к гранитной каменоломне Винерграбен. Эту каменоломню органы СС получили в аренду у муниципалитета Вены. Кроме центрального концлагеря, система лагерей Маутхаузен насчитывала 49 филиалов, которые распределялись почти по всей территории современной Австрии. Узниками Маутхаузена были граждане более 30 стран Европы, Азии и Америки. Люди разных национальностей: поляки, французы, чехи, евреи, итальянцы, испанцы, югославы, венгры. Среди них большую и самую бесправную группу узников составляли граждане Советского Союза.

Лагерь СС Маутхаузен в 1941 году был единственным концлагерем, возвращение, из которого для любой категории узников «считалось нежелательным». Это один из самых страшных концентрационных лагерей, прозванный за лагерные ужасы адом на земле. Даже его охранники цинично шутили, что из Маутхаузена можно сбежать только через трубу крематория.

Узниками Маутхаузена было около 335 тыс. человек, казнено и замучено свыше 122 тыс. человек (в том числе свыше 32 тыс. советских граждан, среди них Д. М. Карбышев).

Мы предположили, что Григорий Иванович был в первой группе советских военнопленных, а вскоре нашли этому документальное подтверждение.

«Распахнулись огромные железные ворота, и предстала взору удивительная картина: огромная чистая площадь, по левую сторону — строгие линии бараков, окрашенных в голубоватый тон с небольшими клумбами цветов. Глаз радует чистота, порядок, тишина в лагере. Как всё это обманчиво и фальшиво!!!

…Мы заполнили одну половину площади… Нас выровняли по рядам, и началась процедура проверки.

…Стали вызывать по одному к стене с приказанием раздеться и, пока не наберется группа в человек 100, мы, голые, ждали минут по 30–40. Потом заводили в подвал — баню, стригли, проверяли зубы и, у кого золотые, — брали на особый учет. Эта процедура длилась весь день. Дали нижнее белье, пантуфли и опять, собрав группу человек в 100, вели через площадь к баракам, отгороженным от общего лагеря колючей проволокой. Там нас встречали, строили, считали… и заставляли стоять, ждать, пока не укомплектуют полностью барак, а это длилось часа 2–3. Мы жались друг к другу, желая согреться, но новые построения, поверка нарушали наши желания. Думали согреться в бараке… но, увы, напрасны надежды. Нас ввели в барак, но приказали открыть окна с обеих сторон. Решили еще прибавить к холоду и сквозняк. Эсэсовцы почти не отходили, заставляя встать, присесть. Кто не успевал вовремя, получал удары…

Всех нас разместили в 16, 17, 18 и 19 бараках (блоках)…»

Григорий Иванович оказался в блоке №17.

«Поздним вечером принесли бочки с баландой, которая запахла пареной брюквой. Нас взяли на лагерное “довольствие”…

Но вот уже поздно вечером раздача закончена, собрана посуда, нас собрали в одну половину (каждый барак состоял из 4-х главных комнат, без служебных), а другую стали готовить “ко сну”. Прямо на пол побросали подобие матрасов. Нас ввели в эту “спальню”, поставили плотными рядами и приказали ложиться. Немцы-уголовники, приставленные к нам из числа заключенных, с резиновыми дубинами в руках “помогали” нам укладываться. Многие не успевали ложиться под команду. Тогда уголовники и вершили эту “помощь”. Они шагали по рядам (головам, ногам, туловищу) и резиновой дубиной размещали стоящих в ряды лежащих. Били и тех и других. Люди жались друг к другу, давя друг друга. Наконец эта процедура укладывания закончена…

Ночи проходили кошмарно. Очень многие из-за тесноты вынуждены не лежать, а сидеть, уткнув голову в колени…»

Так прошел день 22 октября 1941 года, а затем началась череда страшных месяцев «карантина», который продолжался до января 1942 года. Во время карантина русские узники были изолированы от общего лагеря.

«У ворот нашего барака стоял полицай (из заключенных)… Он обязан был не подпускать к нашему бараку никого, ну и нас не выпускать за ворота барака».

Условия жизни в карантинном лагере были даже в сравнении с основным лагерем бесчеловечны.

«Несмотря на запрет, заключенные ухитрялись переговариваться с нами и что отрадно, приносить нам и передавать баланду, куски хлеба и иногда покурить. Особенно охотно (видимо, для них это составляло удовольствие и гордость) нам старались безвозмездно передать еду чехи, редко поляки и немцы. Среди узников лагеря были и испанцы — это бойцы республиканской Испании, захваченные в плен и попавшие из оккупированной Франции. Некоторые из них так же помогали нам, принося баланду — большего они не могли, т. к. они мало чем отличались от нас…

В это время я познакомился с немцем-коммунистом, по имени Конрад Крайзинберг. Он родом из Нюрнберга и в фашистских лагерях томился уже 7 лет. По профессии он слесарь, старый член партии, в дальнейшей моей судьбе, да и еще некоторых товарищей, он сыграл важную роль. Своим спасением от неминуемой гибели я, думаю, обязан ему главным образом…»

Григорий Иванович в своих записях не вдается в подробности этого спасения. Но, очевидно, это был тот случай, о котором он упомянул в разговоре со своей сестрой.

Н. И. Носова, сестра Григория Ивановича, рассказала: «Он приезжал в Москву на встречу с узниками концлагеря… пришел удрученный и сказал, что осталось их мало… Я спросила, как он относится к немцам. Он сказал так: “Был момент, когда меня, обессилевшего, бросили на тележку и отвезли к крематорию. К тележке подошел немец и тихонько сказал: “Рус, кто может, ползи”. Я смог, дополз до барака, а потом этот же немец потихоньку подкармливал ослабевших отходами. Один давал приказ уничтожать, а другой спасал. Вот так и отношусь”».

Каждое утро было похоже одно на другое, как под копирку.

«…Неожиданно включался свет, и слышались выкрики немцев-надсмотрщиков: “Встать! Встать! Встать! Воняет, свинство! Открыть окна!”

Окна в бараке были с обеих сторон, и обе стороны открывались. Утрами было свежо на улице, в бараке за ночь воздух становился спертым и теплым, а люди — потными. Через пять минут сквозняк делал свое дело: мы жмемся друг к другу, стараясь встать в простенок. Матрасы убирали в кучу в угол, нас строили пятерками и в одном нижнем белье гнали в умывальник. Замерзших, нас заставляли мыться по пояс холодной водой. На обратном пути в барак в дверях проверяли.

Умывшись, все должны построиться по пять человек (для более легкого счета при проверке). Ждали “завтрак”. В это время сквозняк делал свое дело… Наконец-то “пища” прибывает. Нам в металлические миски наливают горячего чаю. Им согреваем вначале руки, а потом выпиваем. На душе легче — ведь мы “позавтракали”, “согрелись”, а при получении этого чая сделали круг по бараку. Теперь, встав пятерками, ждем, замерзая, аппель-проверки. Это самая для нас “торжественная” противная церемония… До появления блокфюрера нас пересчитывают по нескольку раз — целы ли мы?

…Но вот по каменной мостовой двора застучали сапоги эсэсовца, в нашу половину вбегал старшина блока Ханс и, вытянувшись, зычно кричал: “Внимание! Блокфюрер! На моем блоке столько-то русских, живых осталось столько-то, за ночь умерло столько-то. Всё в порядке!”

Эсэсовец обходил ряды стоящих и строго считал не только, сколько рядов, но и сколько в ряду… Перед уходам он проверял и мертвых. Они лежали на цементированной площадке у барака, сложенные штабелем, как дрова, прикрытые подобием рогожки.

Проверка закончена… Нам то разрешают сесть, то подымают опять, иногда разрешают закрыть окна. Тут мы свободно вздыхаем, сидим и тихо разговариваем…»

Ежедневно после проверки проводились «занятия», узникам не давали расслабляться.

«С нами же на дворе барака любил заниматься сам старшина блока Ханс. Мы должны были выстроиться по пятеркам и маршировать. На ноги нам давали пантуфли — особая немецкая “обувь” на деревянной подошве, с брезентом, закрывающим только носки. Мы не только маршировали, но и “делали гимнастику”; нас заставляли приседать и вставать».

Эти «занятия» продолжались часами, изможденные, уставшие люди еле передвигали ногами, но должны были выполнять все команды, иначе — побои.

Бараки, где размещались советские узники, являлись своего рода тренировочным лагерем для подготовки элитных отрядов СС. Узники исполняли роль «мяса» для избиений и издевательств. В любое время в любой барак мог ворваться отряд «учеников» и забить сколько угодно заключенных.

«Иногда к нам в гости врывались эсэсовцы. Подвыпившие, с засученными рукавами, они вскакивали к нам (иногда через открытые окна). Старшина блока или кто другой из обслуживающего персонала вбегали к нам, громко кричали: “Встать!” Все должны встать (а мы чаще сидели), скорее, не встать, а вспрыгнуть и стоять смирно. Ну, смирно-то мы стоять умеем, а вот насчет вскочить — дело хуже. Тут уж многие не успевали это сделать… Эсэсовцы били в зубы, “под дых”. Последние удары были особенно тяжелы. Сразу падаешь, а это самое для тебя пагубное. Эсэсовец свирепел и пускал в ход свои кованые сапоги, а случалось, и рукоятку пистолета. Без тяжелых увечий дело не обходилось.

Иногда они приказывали старшине барака выстроить нас с целью проверки «русского духа». Мы стоим смирно, а они ходят по бараку и пожирают нас глазами. Мы должны стоять не моргнув. Их взор останавливался на ком-либо. Эсэсовец вызывал из строя.

“Ты еврей?”

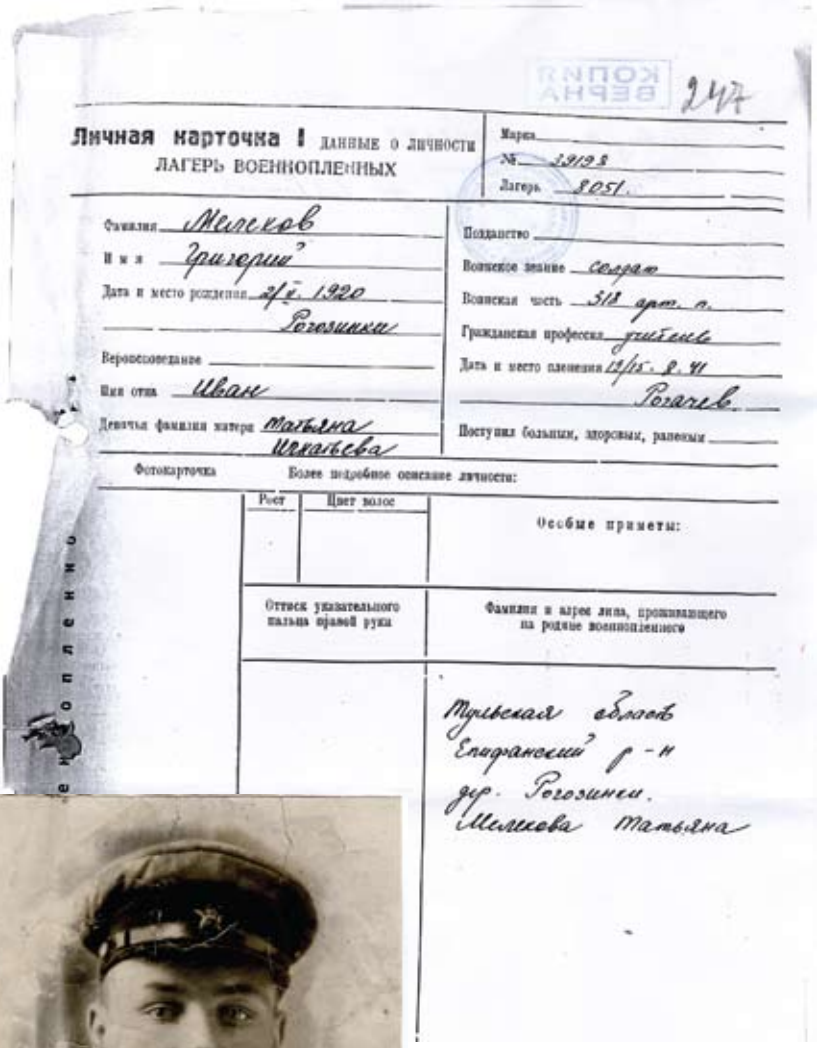
Следовало молчание или отрицательное качание головой. Следовал другой вопрос:

“Ты политрук?”

После этих слов следовал резкий удар в зубы или в скулы, и стоявший, тяжело падал на пол… За ним вызывался другой, третий… пока не надоедят эти боксерские упражнения, после чего эсэсовцы удалялись…

Как-то под Новый год нас навестили “господа гестаповцы”. Нас, как обычно, вывели во двор перед бараком и заставили маршировать. Мы ничего не подозревали. Они встали у окон в 16 бараке, окна предварительно завесили и, наверное, каждого из нас смерили с ног до головы. Помню, вызвали меня. Их сидело трое в гражданской одежде, и здесь же стоял старшина лагеря Сеп. Ко мне обратился на чисто русском языке гестаповец с первым вопросом:

“Ты командир, политрук?”



Личная карточка I ДАННЫЕ О ЛИЧНОСТИ
ЛАГЕРЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Марка
№ 29128
Лагерь 8051

Фамилия Мелехов
Имя Григорий
Дата и место рождения 24.1.1920
Рогозинки
Вероисповедание
Имя отца Иван
Девичья фамилия матери Татьяна Исакьева

Подданство
Воинское звание сержант
Воинская часть 518 арт. п.
Гражданская профессия учитель
Дата и место пленения 12/15. 8. 41
Рогачев
Поступил больным, здоровым, раненым

Фотокарточка

Более подробное описание личности:

Рост	Цвет волос	Особые приметы:

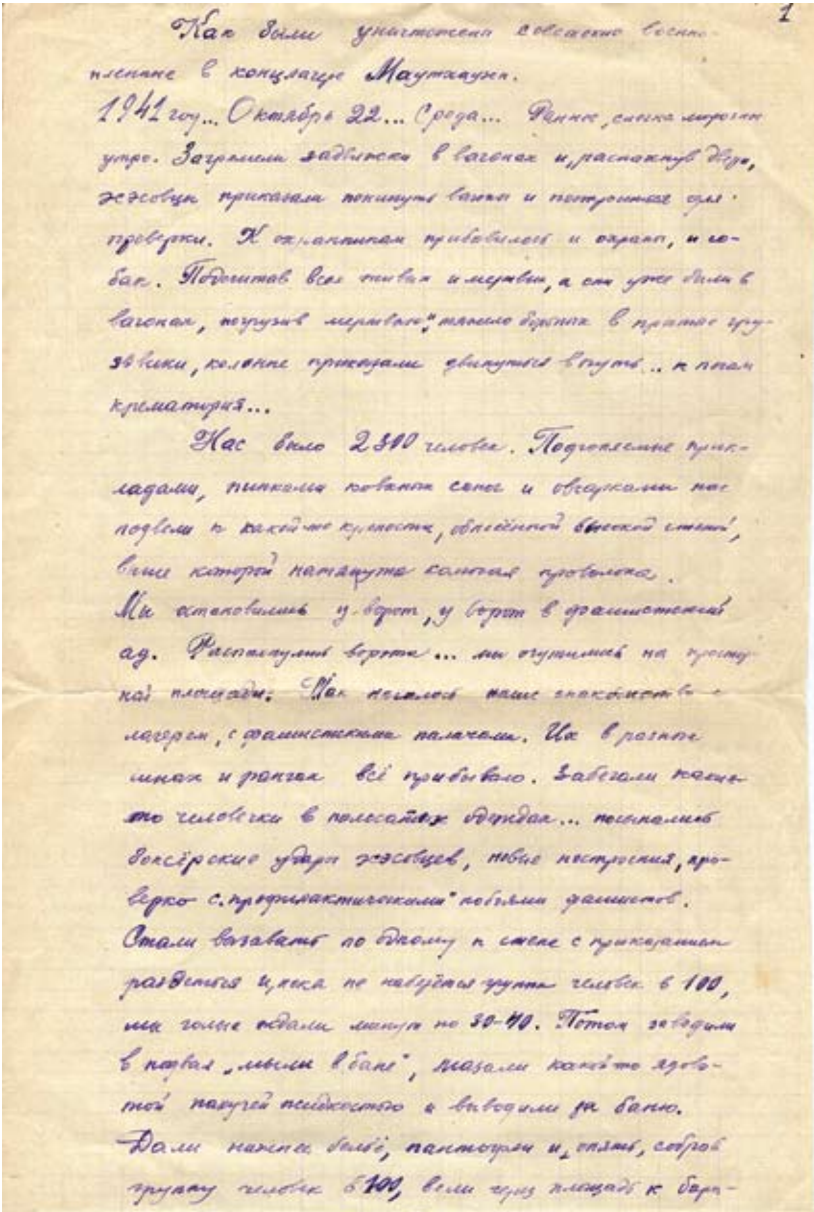
Оттиск указательного пальца правой руки

Фамилия и адрес лица, проживающего на родине военнопленного

Тульская область
Епифанский р-н
дер. Рогозинки.
Мелехова Татьяна

Личная карточка
военнопленного
Г. И. Мелихова

Военная фотография
Григория Мелихова


1

Как были уничтожены советские военнопленные в концлагере Маутхаузен.

1941 год... Октябрь 22... Среда... Раннее, сильно морозное утро. Загремели задвижки в вагонах и, распахнув двери, эсэсовцы приказали покинуть вагоны и построиться для проверки. К охранникам прибавилось и охраны, и собак. Подсчитав всех живых и мертвых, а они уже были в вагонах, погрузив мертвых, только живых в прицепы грузовики, колонне приказали двинуться в путь... к печам крематория...

Нас было 2300 человек. Подгоняемые прикладами, пинками кованых сапог и овчарками нас подвели к какой-то крепости, обнесённой высокой стеной, выше которой натянута колючая проволока.
Мы остановились у ворот, у ворот в фашистский ад. Распахнулись ворота... мы очутились на просторной площади. Так началось наше знакомство с лагерем, с фашистскими палачами. Их в разных чинах и рангах всё прибывало. Забегали какие-то человечки в полосатых одеждах... посыпались боксёрские удары эсэсовцев, новые построения, проверка с „профилактическими" побоями фашистов.
Стали вызывать по одному к стене с приказанием раздеться и, пока не набралась группа человек в 100, мы голые ждали минут по 30-40. Потом заводили в подвал, „мыли в бане", мазали какой-то ядовитой жидкостью и выводили за баню.
Дали нижнее бельё, пантолоны и „пиджак", собрав группу человек в 100, вели через площадь к барак-

Страница из воспоминаний Г. И. Мелихова

Я ответил, что я еще молодой, 1921 года рождения, не успел быть политруком.

“Кто же ты тогда? Коммунист? Большевик?”

Я сказал, что я солдат срочной службы, красноармеец.

“Как ты сюда попал?”

“С фронта, попал в плен, а сюда привезли меня”.

“Сколько политруков и командиров у вас в бараке?”

“Я этого не могу сказать, не знаю. Я попал в плен после ранения, и из моей части никого нет”.

“Ты врешь, ты знаешь, если не скажешь, мы тебя расстреляем”.

Потом последовал еще ряд вопросов, касающихся моей биографии: где родился, учился и др.

После меня вызывали новых, ища политруков. Наверное, в голову им не приходило то, что ведь мы узнали цену жизни, узнали, что предательство товарища не спасет…»

И вот закончился карантин. Но не закончились издевательства и унижения.

«После Нового года нас стали готовить к работе: дали шинели, пилотки, ботинки (последние больше наши, но и часть лагерные — на деревянной подошве)».

Наступил первый день выхода на работу.

«Наконец нас вывели на аппельплац: там разбили на сотни…

Капо, став во главе каждой сотни, повели к воротам, мы старались держать ногу. В воротах эсэсовцы тщательно считали сотни и, сопровождая нас, привели за лагерь. Справа, внизу, слышалась работа отбойных молотков и шум — это, как мы позже узнали, каменоломня, где работало большинство заключенных. Впереди нас был глубокий овраг, похожий на ущелье и поросший елками и кустами, на левой стороне видна была дорога, по которой привели нас в лагерь, позади — бараки эсэсовцев и крепостная стена лагеря с трубой крематория. Труба беспрерывно изрыгала из себя клубы желто-черного дыма, и до нас доносился иногда запах сжигаемых трупов.

Площадка, на которой нам предстояло работать, была окружена колючей проволокой с постами эсэсовцев. Нас построили лицом к площадке и через переводчика рассказали, что мы должны готовить ровную площадку для строительства “русского лагеря”, как выразился эсэсовец. Он сказал и о том, чтобы мы хорошо работали, тех, кто плохо будет работать, уже ждет крематорий… До нас здесь кто-то работал, ибо много было сделано, были орудия труда: кирки, лопаты, кувалды, вагонетки (леры) и рельсы для них.

Вооружившись кто лопатой, кто киркой, кто встал у вагонеток, мы принялись за работу. Нам предстояло долбить кирками твердый грунт, похожий на песчаник и плотно слежавшийся ил, похожий на глинистый сланец. Что мы могли сделать, истощенные, многие из нас были похожи на скелеты, обтянутые кожей? По площадке беспрерывно сновали эсэсовцы и капо, а это еще больше выматывало нас. Эсэсовцы и пришли с целью поиздеваться и опробовать свои боксерские способности. Били нещадно, чем попало и где попало. Наиболее частым орудием боя была поломанная ручка лопаты или кирки. И тот, кто попадал под "бомбежку", как мы говорили, чаще "доходил" к вечеру и не мог самостоятельно идти в лагерь. Таких несли или вели под руки товарищи. К вечеру таких набиралось человек 25–30, а то и больше.

Часто можно слышать и выстрелы эсэсовцев. Они выбирали подозрительных, то ли чем-то напоминавших евреев, то ли политруков, и специально человека 3–4 собирались у подозрительного и приступали к издевательству над ним. Чаще его подводили к вагонетке и заставляли одного быстро нагружать ее и бегом везти к оврагу, куда ссыпали породу, выравнивая площадку. Это делалось у всех на глазах, с побоями. Изнуренный, отчаявшийся товарищ сваливался под откос оврага, где его ждала пуля эсэсовца. Расправившись с одним, они находили следующую жертву, которую ждало то же самое.

Первый день и был днем великих испытаний для нас: многие не вернулись живыми, многие получили побои, от которых нелегко опомниться…»

Так пошли кошмарные дни на строительстве «русского лагеря». Особенно было трудно в первые полторы-две недели, но человек существо такое, которое может приспособиться ко всему.

«…постепенно мы стали "привыкать" к работе. Мы стали учиться "работать глазами": по рядам шла условная передача о приближении Жоржа или эсэсовцев. Мы передавали друг другу: "Вода!", что на нашем языке значило или показался эсэсовец, или оберкапо Жорж…

В последующее время связи с общим лагерем усиливались и улучшались, и мы подробнее информировались о событиях вне лагеря. К этому надо добавить и то, что в лагерь стали прибывать наши соотечественники: некоторые угнанные с оккупированной территории, бежавшие потом с работы, некоторые пленные и также чем-либо проштрафившиеся.

Был такой случай: в воскресенье прибежал старшина блока и приказал завесить окна одеялами, а нам сесть… Вскоре раздались

выстрелы, их было более 20. Некоторым удалось подсмотреть, а после рассказать нам. Оказывается, за нашими бараками (вне лагеря) было специальное место для расстрела, и там расстреливали русских. Кто они были и за что их расстреляли, мы не знали долго, но говорили потом, что это партизаны.

Так шло уничтожение советских людей — ежедневно от побоев, расстрелов, от голода и истощения погибало 20–50 человек. При неудачах на фронте уничтожение проводилось в большем количестве.

…Так из нашей команды в две с лишним тысячи осталось человек 380–400, в рабочую команду посылали работать и русских, и поляков, и югославов.

…Из оставшихся пленных организовали две команды: одну из более здоровых для работ в каменоломне — команда камнетесов, другую — для строительства железной дороги от каменоломни до пристани на Дунае, протяжением километров 5–7. В последнюю были зачислены все остальные. Я попал в эту команду, т. к. я уже похож был на "доходягу": очень худой, слабый, только еще без опухших ног. В команде нас было 120 человек. Работа была тяжелой: рытье кюветов, устройство насыпи и прочие земляные работы…

…Осенью я заболел плевритом и был отправлен в санчасть. Там я пролежал месяца 4. Там я познакомился с русским врачом Юрием из Днепропетровска. Он не только оказал мне медицинскую помощь, но помог питанием. В дальнейшем мы были с ним связаны в другом лагере близко… Окрепнув, я был зачислен в число уборщиков. Я должен был с другими подносить бочки с баландой, носить белье в дезинфекцию и уносить мертвецов в крематорий, их в бараках ежедневно было до 10–15. В это время я побывал в крематории. Обычно утром, после проверки, собирали со всех бараков мертвецов и несли в крематорий, там их как дрова складывали в подвал у печей. Их постоянно было там не менее 50–60 трупов, и лежали они штабелем, да еще [их] присаливали, ведь сжигать-то не успевали.

Санчасть часто посещали эсэсовцы и старались всех более или менее здоровых отправить в лагерь, не избежал этой участи и я. Вместе с другими (спрятать нас не успели) нас поспешно отправили в лагерь. Хоть в санчасти было и лучше, чем в лагере, но в лагерь хотелось. Хотелось поскорее встретиться со старыми товарищами. Но за эти 4 месяца наши ряды поредели. Железную дорогу построили — многие умерли. Теперь все ходили работать в каменоломню — Штейбрук Виногравен (Винерграбен). Всего туда ходило более 1000 человек заключенных…»

Одним из самых страшных мест концлагеря Маутхаузена являлась каменоломня, расположенная в окрестностях лагеря в глубоком скалистом ущелье. Здесь целые дни, не видя солнца, работали сотни заключенных — подрывали громадные скалы, били камень. Битый камень вручную выносился наверх. Путь лежал по так называемой «лестнице смерти», состоящей из 186 ступеней. Тощие, измученные люди строем загонялись в глубокую пропасть. Надо было двигаться быстро, не выходя из строя выбирать крупный камень и тотчас же подниматься наверх. И так без перерыва, без отдыха, без пощады. Вверх по лестнице и бегом вниз, опять вверх и опять вниз, с утра и до вечера.

«Легок был путь в каменоломню: 186 ступенек винтообразной лестницы вели туда, да и от лагеря до лестницы метров 600 было под гору. Но каков же путь обратно — из каменоломни?! Русенлагерь не совсем был отделан, и туда носили камни мы из каменоломни…

Вот тут-то и пришлось увидеть смерть товарищей: иногда их бросали с обрыва, а иногда там, в обрыве, на них бросали огромные камни, делая из них, как выражались эсэсовцы, “котлеты”.

Без камней и то было трудно подняться по лестнице, а тут с грузом, да несколько раз в день. У многих товарищей опухали ноги, а это еще больше придавало трудностей при подъеме. Они вынуждены были “отдыхать” и, прислонившись к чему-либо, ждать окриков и побоев. Чаще получали побои. Капо или эсэсовец, видя остановку, подбегал к остановившемуся и бил, бил до тех пор, пока он не поднимал камень, напрягая остаток сил. Часто он падал, и его поднимали товарищи. Издеваться над ним было уже бесполезно и неинтересно: были новые на смену ему, до которых также доходила очередь.

Потом стали работать в каменоломне. Там грузили камень в вагонетку и увозили на камнедробилку. Эта работа была не их легких. Камни были тяжелы для нас, и к вечеру обычно особенно часто приходилось получать побои. Усталые люди еле шевелились, а это выводило из себя эсэсовцев и капо… Из нашей партии военнопленных осталось мало… из оставшейся группы отобрали 100 человек в команду каменотесов. Мы работали в интернациональной бригаде: поляки, немцы, испанцы, чехи, русские. Друг друга старались поддержать. В ходу укоренилось два слова о приближении опасности — наше русское “вода” и испанское “аква”. В каждой группе выделялись наблюдатели, которые и сообщали о приближении опасности всем товарищам».

Если боевые операции немцев на фронтах терпели поражения под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, на Курской дуге и дру-

гих направлениях, на русских заключенных это сразу сказывалось агрессией эсэсовцев.

«Особенно тяжелы были для нас дни поражений фашистов на фронтах. В это время они особенно свирепствовали, стараясь за поражения отыграться на нас. Так после поражения под Сталинградом они вывесили траурные флаги со свастикой и усилили издевательства над нами (о поражении нам сообщили немцы-коммунисты).

В эти дни они всех старались выгнать на работы и били нещадно. Так было и после разгрома под Орлом и Курском… Мы уже ориентировались по отношению к нам о положении на фронтах».

Многие исследователи подчеркивают, что самыми худшими в системе лагерей Маутхаузена были условия содержания советских узников и евреев. Григорий Иванович тоже касается этого вопроса.

«Еще хуже было евреям в лагере. Их привозили из Франции, Польши, Венгрии, Румынии и других стран. Их здесь уничтожали планово: травили собаками, убивали просто, расстреливали, сбрасывали с обрыва в каменоломню, загоняли на колючую проволоку под током или посылали на часового.

Однажды, как обычно последними, мы шли в каменоломню, при повороте от лагеря в каменоломню позади мы услышали немецкую ругань и крики. Оглянувшись, мы увидели группу заключенных человек в 25–30, которые, гремя пантуфлями, а то и просто без них, бежали. Их сопровождали эсэсовцы с засученными рукавами и собаками. Нам приказали ускорить шаг, освободив дорогу вправо, где работала штрафная команда. Их гнали туда. Когда они пробегали мимо нас с ужасом на лице, мы по желтому и красному треугольникам узнали, что это были евреи. Не успели мы спуститься по лестнице, как услышали выстрелы — это стреляли в них, а к вечеру их осталось человек 15–17. Это для “занятий” эсэсовцам на следующий день. Так продолжалось до последнего еврея. Партии в 40–50 человек “хватало” им на 2–3 дня, не больше. Их помещали на 6 блоке, и режим для них был еще хуже, чем у нас…

Наши ряды таяли. Нас осталось человек 130… Меня и остальных не каменотесов перевели в 19 блок. Мы стали доходить… В этом блоке нам уменьшили порции хлеба и баланды: давали хлеб на 5 (в лагере на 3) и консервную банку баланды. Были слухи: нас готовят в какой-то другой лагерь.

В первой половине 1944 года нас стали отправлять по 1–3 человека в другие лагеря — филиалы Маутхаузена — Гузен, Эбензее и др…»

В своих воспоминаниях Григорий Иванович пишет о том, что в лагерь Маутхаузен часто привозили советских военнопленных. В 1943 году прибыла группа офицеров, и среди них был один пожилой человек, полковник Старостин (советский разведчик Лев Маневич).

Позднее, в марте 1944 года, когда Григория Ивановича перевели в лагерь Эбензее, там он вновь встретился с ним. Они узнали друг друга.

ЭБЕНЗЕЕ

Концлагерь Эбензее, один из филиалов Маутхаузена, был построен по приказу Гитлера после того, как в результате операции «Гидра» в августе 1943 года британской авиацией были разрушены самые важные предприятия по производству баллистических ракет Фау-2. Разъяренный фюрер приказал перенести эти предприятия в подземные штольни. И 8 ноября 1943 года в Эбензее стали свозить первых узников для возведения жилых бараков и цехов. Первыми заключенными лагеря Эбензее были квалифицированные рабочие в возрасте от 20 до 40 лет. Это были в основном итальянцы и французы, позже сюда были доставлены и советские военнопленные. Лагерь постоянно расширялся вплоть до весны 1945 года. Узники должны были в кратчайшие сроки пробурить в горах штольни. В них фашисты планировали поместить современный ракетный завод с испытательными площадками. Условия жизни узников в концлагере Эбензее были гораздо хуже, чем в большинстве других второстепенных лагерей. Обуви на всех не хватало, поэтому многих заставляли работать босиком. Кормили узников крайне скудно. Подгоняемые охранниками, обессилевшие от голода, замерзшие люди работали по 10–12 часов. Тех, кто падал, избивали плетьми, затаптывали сапогами. Трупы сваливали в общую яму или сжигали в крематории.

В Эбензее возникло активное подпольное движение Сопротивления, которым управлял созданный летом 1944 года международный лагерный комитет. Членом подпольной организации стал и Григорий Иванович.

Благодаря информаторам среди сотрудников лагеря, члены подполья заблаговременно узнали о приближении союзников и оказали организованное сопротивление эсэсовцам, планировавшим отправить заключенных в тоннели и взорвать их. Комендант лагеря

и большинство персонала бежали. Оставшиеся в лагере заключенные были освобождены через несколько дней.

«Полковник Старостин и другие руководители подполья взяли всю заботу о наших жизнях на себя. Организовали команды по подвозке картофеля, муки из г. Эбензее, и неделю мы были хозяевами в лагере. Охрана выпускала команды за продуктами, не чиня им препятствий.

Я несколько раз встречался со Старостиным. Сильно похудел, осунулся, мы знали, что он болен. 5 мая пришли три американских танка, был митинг, восторги. Охрана, бросив винтовки, покинула посты, и началось, как говорят, столпотворение. Голодные, измученные, мы бросились на кухню, пекарню, склады и, громя всё, насыщались "свободой и пищей". Вот в эти последние дни и скончался полковник Старостин — Лев Маневич».

Лев Маневич — советский разведчик, Герой Советского Союза (это звание было присвоено ему в 1965 году). В 20–30-е годы он добывал важную разведывательную информацию, был арестован итальянской фашистской контрразведкой и приговорен к длительному тюремному заключению. В 1943 году передан гитлеровцам. Умер от туберкулеза в лагере.

После освобождения из лагеря, с мая 1945 по август 1945 года, Григорий Иванович находился при 200-м запасном стрелковом полку, в городе Айзенштадте (Австрия), возможно, здесь он проходил спецпроверку. Затем с августа по ноябрь 1945 года служил сначала в 188-м армейском стрелковом полку в Венгрии, далее в г. Деве (Румыния) стрелком-минометчиком 101-го минометного полка (3 Украинский фронт).

В декабре 1945 года Григорий Иванович вернулся домой. Он понимал, что за долгие четыре года многое могло измениться. И, наверное, поэтому, сначала он приехал в Рогозинки, к матери, от которой узнал, что его любимая жена Нина работает в селе Муравлянка и каждую неделю по дороге в Ракитино обязательно навещает свекровь. А самое главное, не теряет надежду дождаться своего мужа. Как на крыльях летел Григорий в с. Муравлянка. Идет по селу, а навстречу ему жена. Всё ближе и ближе, но… не узнала в этом необыкновенно худом мужчине она своего мужа. Прошла мимо, и он не решился ее окликнуть. Но вдруг… они резко повернулись и бросились в объятья друг к другу, радуясь этой счастливой, долгожданной встрече.

С апреля 1946 года Григорий Иванович приступил к работе — инспектором РОНО Епифанского района, затем переехали в родную

деревню жены Ракитино, с сентября 1947 года Григорий Иванович был назначен директором Ракитинской семилетней школы. В этом же году он поступил в МОПИ имени Н. К. Крупской на географический факультет, окончил его в 1952 году. Директором школы он работал до августа 1949 года, когда вдруг руководство решило, что бывший военнопленный не может возглавлять школу и перевело его на должность завуча. 10 лет он проработал завучем и в 1959 году вновь был назначен директором.

А вот в партию его не принимали долго, до 1965 года, он переживал, обижался. Жена как могла, успокаивала, убеждала.

В августе 1966 года Григория Ивановича назначают директором Гремячевской средней школы Новомосковского района, и семья переезжает в Гремячее.

В процессе работы над этой темой на сайтах в интернете я познакомилась с воспоминаниями бывших узников концлагеря Маутхаузен (Анатолия Станиславовича Соя, Василия Антоновича Кононенко, Федора Степановича Солодовника, Ивана Петровича Киселева и других), и обратила внимание, что в основном в этих публикациях факты трагических событий восстановлены с 1942 года, а Григорий Иванович подробно описывает свое пребывание в Маутхаузене в 1941 году. Поэтому, я считаю, что записи Григория Ивановича имеют огромную ценность, ведь это рассказ живого свидетеля трагических событий первого года войны.

Изучив записи Григория Ивановича, я постаралась показать концентрационный лагерь «изнутри», с позиции советского военнопленного, бывшего узника, лично испытавшего ежедневные, бесконечные мучения и унижения. Я обратила внимание на бесправное положение советских военнопленных. Выяснила, что это происходило, потому что Советский Союз не ратифицировал Женевскую конвенцию 1929 года об обращении с военнопленными, поэтому Международный Красный Крест не имел возможности контролировать жизнь наших соотечественников в фашистских лагерях. А вот заключенные разных национальностей, несмотря на запреты, всячески старались облегчить жизнь советских военнопленных.

Я попыталась понять, что помогает человеку выжить в тяжелейших условиях, сохранить человеческое лицо, не озлобиться на весь мир. И пришла к выводу, что в концлагере выживали не те, у кого крепче здоровье, а те, у кого тверже дух и кому было ради чего жить.

Мой прадед — солдат Великой Отечественной

Андрей Козырев
школа «Исток», г. Москва
научный руководитель Ольга Владимировна Хрусталева

Мне кажется, что практически в каждой семье на территории бывшего СССР есть погибшие во время Великой Отечественной войны. Наша семья — не исключение. Мой прадед по маминой линии, Степан Фотеевич Степанов, 1906 г. р., ушел на фронт в 1944 г. из Казахстана и погиб в 1945 в Латвии. В нашей семье не знали, где он похоронен, и тем более ничего не знали о его воинском пути. Мама расспрашивала своего отца, моего дедушку Владимира Степановича Степанова, но и он мало что знал. Только сообщил, что его отца ранили (насколько он знает, у него были оторваны или сильно повреждены рука и нога), затем он попал в госпиталь и там скончался от ран.

НАЧАЛО ПОИСКА

О том, что нужно найти место, где похоронен мой прадед, погибший на фронте, в нашей семье говорилось не раз. В 2009 году мой дядя Степанов Юрий Владимирович решил найти в интернете какую-нибудь информацию о своем дедушке. Такая информация нашлась на сайте общественного компьютерного банка данных ОБД «Мемориал», который занимается оцифровкой фондов Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) РФ. Там указывалось следующее: ФИО прадеда, дата и место рождения, дата и место призыва, последнее место службы (71 СД), воинское звание (красноармеец), причина и дата выбытия. А также имелась фотография: страницы из журнала боевых донесений, о безвозвратных потерях фронтового эвакопункта № 37, на которой была сделана запись о смерти С. Ф. Степанова. Из нее мы узнали, что прадед поступил в эвакогоспиталь № 1027 11 марта 1945 года, умер от ран 4 апреля и похоронен в г. Митава на гарнизонном кладбище, могила № 26.

Через знакомых моей старшей сестры Анны, живущих в Латвии, мы узнали, что город Митава переименован в Ел-

гаву, а бывшее гарнизонное кладбище по Баусскому шоссе теперь называется кладбищем «Миера». И в августе 2009 года мы с папой и мамой поехали в Латвию искать могилу прадедушки. Мы достаточно быстро нашли кладбище «Миера». Недалеко от входа увидели длинные ряды братских могил и разошлись по ним в поисках надписи: «Степанов С. Ф.». Через некоторое время увидели могилу, где в числе других воинов был похоронен и мой прадед. Так через 64 года после его смерти, мы смогли приехать на место захоронения и почтить память прадеда. На следующий день мы приехали еще раз, уже со священником, который отслужил панихиду по всем воинам, похороненным на этом кладбище.

После этой поездки судьба прадеда взволновала меня по-настоящему. Мы с мамой пытались узнать у родственников хоть какую-нибудь информацию о прадедушке. Но выяснить удалось немного. Жил прадед Степан со своей семьей: женой Прасковьей Федосовной и пятью детьми — Петром, Владимиром, Виктором, Анной и Валентиной в Восточно-Казахстанской области, которая в то время являлась одной из основных житниц страны. Поскольку он был трактористом, на него была бронь. И был у него младший брат Сафрон Фотеевич Степанов, 1910 г. р. Когда из военкомата в совхоз, где жил и работал прадед, пришла повестка, в которой было написано: «Степанову С. Ф.», решили, что призывают на фронт Степана. Он поехал на призывной пункт в г. Шемонаиху. А там выяснилось, что на фронт должен был идти Сафрон. Но прадед отказался возвращаться домой и таким образом в мае 1944 г. отправился защищать Родину. Кроме этого мы узнали, что у Анны Степановны Степановой, дочери С. Ф. Степанова, сохранились портрет отца и похоронка. Так я, наконец-то, смог увидеть фотографию своего прадедушки. Это был первый этап поисков.

БОЕВОЙ ПУТЬ ПРАДЕДА

Прошло три года. Осенью 2012 года мы всей семьей смотрели фотографии, среди которых были и фотографии нашей поездки в Латвию. И вот тогда я решил, что должен как можно больше узнать о боевом пути и обстоятельствах смерти своего прадеда. Я должен это сделать для деда, для мамы, для себя и для своих потомков. Мой прадед заслужил, чтобы о нем знали и помнили.

Итак, из сведений, полученных на сайте ОБД «Мемориал», я знал, что прадед на момент ранения числился в 71-й СД, и решил поискать в интернете информацию об этой дивизии. К своему удивлению, обнаружил, что в апреле 1945 г. (я брал дату смерти прадеда Степана за отправную точку) существовало две 71-х СД:

1) 71-я гвардейская стрелковая Харьковско-Витебская ордена Ленина, Краснознаменная дивизия;

2) 71-я стрелковая Торуньская Краснознаменная дивизия.

В какой из них служил прадед, было непонятно. Но зная, что прадед умер в эвакуационном госпитале № 1027, решил попытаться выяснить из каких мест поступали раненые в этот госпиталь. А затем посмотреть, какая из 71-х дивизий вела бои в тех местах. С этим вопросом я обратился к латвийским поисковикам на сайт Русского Общества в Латвии. Мне ответили, что, скорее всего, это 71-я гв. СД, которая вела бои в районе города Приекуле на западе Латвии. Чтобы это проверить, надо обратиться в ЦАМО с запросом, числился ли в списках личного состава 71-й гв.СД С. Ф. Степанов, когда и по какой причине выбыл. Там же, в ЦАМО, можно ознакомиться с «Журналом боевых действий 71-й гв. СД», чтобы узнать, при каких обстоятельствах он был ранен.

Кроме запроса в ЦАМО, мы с мамой отправили запрос в г. Санкт-Петербург в Военно-Медицинский музей Министерства Обороны в надежде получить какую-нибудь информацию о характере ранений прадеда. Так же было отправлено письмо в Казахстан в Шемонаихинский военкомат с просьбой прислать выписку из карточки призывника, выписку из Книги Памяти, а также любую другую имеющуюся у них информацию о Степанове С. Ф.

Первым пришел ответ из С.-Петербурга из Военно-Медицинского музея, в котором сообщалось, что никакой информации о Степанове С. Ф. у них нет.

Из Шемонаихинского военкомата прислали копию извещения о гибели прадеда Степана и копию страницы из Книги Памяти. Сразу скажу про Книгу Памяти. В ней информация о моем прадедушке разделена на две части и получилось, как бы два человека:

«СТЕПАНОВ Степан Фатеевич, род: 1906 г. Ряд. Погиб в бою в апреле 1945 г. Похоронен: Латвия, г. Митови.

СТЕПАНОВ Степан Фатеевич, род: ВКО, г. Шемонаиха. Умер от ран в апреле 1945 г.»

В этих записях имеется одно противоречие: в первом случае указано: «погиб в бою», а в другом: «умер от ран», но вся остальная информация дополняет друг друга, так как мой прадед действительно родился в 1906 году в г. Шемонаха Восточно-Казахстанской области, был рядовым, умер от ран в апреле 1945 года и похоронен в Латвии, в г. Митава (в Книге Памяти ошибочно написано Митови).

Из ЦАМО я получил ответ на свой запрос, а также фотографии некоторых документов. Из «Книги приказов» я узнал, что последнее место службы С. Ф. Степанова — это 219 гвардейский стрелковый Полоцкий, Краснознаменный, ордена Кутузова III степени полк 71-й гвардейской стрелковой Витебской ордена Ленина, Краснознаменной дивизии. Он был зачислен в списки личного состава 08.02.1945 г. Приказом № 022 от 09.02.1945 г. с присвоением звания «Гвардия». Однако уже Приказом № 033 от 22.02.1945 г., то есть всего через 13 дней, С. Ф. Степанов был исключен из списков личного состава 219 гв. СП как убывший по ранению. Просматривая списки убывших в поисках фамилии прадеда, я обратил внимание, что с 17 по 20 февраля ранено было 7 человек, а 20 и 21 февраля — 201 человек. Следовательно, 20 и 21 февраля 219 гв. СП участвовал в большом сражении. И я решил попытаться узнать где и в ходе какой операции был ранен прадед. Исходной точкой опять послужило письмо из Латвии, в котором было написано, что 71-я гв. СД вела бои в районе г. Приекуле на западе Латвии. Мне удалось выяснить, что 20–28 февраля 1945 года проходила четвертая битва за Курляндию, так называемая Приекульская операция. 20 февраля началось наступление главной группировки 2-го Прибалтийского фронта, состоящей из 6 гв. армии (в которую входила 71-я гв. СД) и части сил 51-й армии. Следовательно, прадеда ранили 20 февраля во время наступательной операции 2-го Прибалтийского фронта в районе г. Приекуле.

Теперь хочу опять вернуться к «Книге Приказов 219 гв. СП». Кроме всего вышеуказанного, из нее я также узнал, что Степанов С.Ф. был пулеметчиком 2-й пулеметной роты. А дед мне раньше говорил, что его отец был минометчиком.

Следующим документом, страницы из которого я получил в ЦАМО, была «Книга учета рядового и сержантского со-

става». Поскольку у меня были только 2 страницы, на которых были записи о С. Ф. Степанове, над расшифровкой некоторых из них мне пришлось поломать голову. Итак, в первой графе написаны ФИО, ниже какие-то цифры, значение которых для меня так и осталось непонятным, кроме даты 1944 г. Следующие 3 графы никакой новой информации мне не дали. А вот из 5-й графы я узнал, что прадед был кандидатом в члены ВКП(б) с 1943 г.. Во всех документах, виденных мной раньше, было написано: «б/п», что значит беспартийный. Далее указывались образование, место работы и должность, причем везде в названии Шемонаихинский была допущена ошибка — Шемонаевский. В следующую графу, как я понял, были занесены награды и ранения. Наград, по-видимому, у прадеда не было. Дата: «20.02.45 г.», — была мне понятна. Это дата ранения, от которого прадед через полтора месяца умер. А вот запись «11.11.44.Л» оказалась для меня загадкой. Я решил, что это тоже ранение, а буква «Л» означает легкое ранение. Однако позже, после беседы с А. С. Степановой (дочерью прадеда) у меня появилась еще одна версия по поводу того, что еще может означать эта буква «Л». Анна Степановна рассказала, что ее отец предположительно осенью 1944 года болел воспалением легких и лежал в госпитале. Следовательно, «Л» может указывать на то, что он находился на лечении. В 9-й графе указывалось, что прадед прибыл в 219 гв. СП из 176 АЗСП. Для того чтобы расшифровать эту аббревиатуру, пришлось опять заглянуть в интернет. Оказалось, что АЗСП — это армейский запасной стрелковый полк. Ниже в этой же графе написано: «273 СП 270 СД». Скорее всего, прадед Степан был переведен в 176 АЗСП из 273 СП 270 СД. Я попытался узнать что-нибудь о 273 СП 270 СД и выяснил следующее: в составе 270 СД не было 273 СП, но был 973 СП. И вероятнее всего, когда записывалась информация в «Книгу учета рядового и сержантского состава», писарем была допущена ошибка. В следующей графе были записаны жена и дети. Второй из детей — сын Владимир, 1930 г. р., — отец моей мамы, то есть мой дедушка. Из записи в последней графе я узнал, что прадед был эвакуирован в 581 ОМСБ (отдельный медико-санитарный батальон). А в госпиталь он попал только 11.03.1945 г., то есть примерно через 18 дней. И мне даже страшно представить какие муки испытывали наши раненые солдаты, которых по разбитым

дорогам на тряских полуторках без всяких обезболивающих средств перевозили в госпиталь.

И последний документ — это карточка из журнала «Именные списки потерь л/с [личного состава] управления и частей дивизии. Схемы расположения братских могил». При внимательном прочтении этой карточки, я увидел, что заполнена она с неточностями. Во-первых, в наименовании части было написано: «71 с. див.», слово «гвардейская» пропущено. Во-вторых, в графе «партийность» указано — беспартийный. Шемонаихинский район был переименован в Шамановский, так же, как и военкомат. В графе время и причина выбытия вообще 2 записи: 1) умер от ран 4.4.1945 года; 2) убит 11.11.44. В 13 пункте «Адрес родственников» указано: «Мать Степанова Прасковья Федосеевна». На самом деле это жена прадедушки, а не мать, и отчество у нее Федосовна, а не Федосеевна. Конечно, мы все понимаем, в каких условиях заполнялись все эти документы, и никого не хочется осуждать. Но если бы в моих руках оказалась только эта карточка, без всех предыдущих документов, очень сложно было бы что-то выяснить о жизни и смерти моего прадеда.

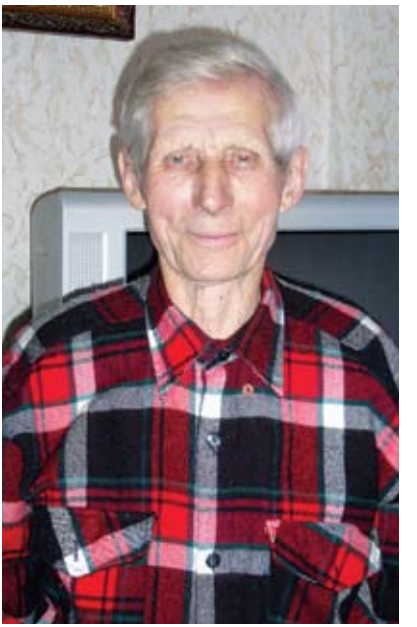
Кроме запросов в архивы, которые мы отправляли вместе с мамой, я попросил помощи в поиске какой-либо информации о своем прадедушке на сайте «Победа». Мне подсказали три ссылки. Одна из них была нам уже известна, это самая первая информация, которую нашел мой дядя на сайте ОБД «Мемориал». А вот две другие были очень ценными. Во-первых, это были страницы из донесения о безвозвратных потерях сержантского и рядового состава 973 СП 270 СД, где под номером 9 был записан Степанов Степан Фотеевич (во всех предыдущих документах Фатеевич), красноармеец, стрелок, К/ВКП(б), 1906 г. р. А вот место рождения и призыва — Шамановский район Западно-Казахстанской области. Жена — Степанова Прасковья Федосеевна. Но самое интересное, было написано, что прадед убит 11.11.44 и даже указано место его захоронения! Прочитать полностью место захоронения я не смог, так как запись сделана очень мелко и неразборчиво. Но я понял, что это «Латвийская ССР», а слово «Приэкули», по-видимому, указывало на район Приекуле.

Я был в недоумении, что же случилось 11 ноября 1944 года? Решил проверить был ли в Западно-Казахстанской области Ша-

Мы с папой на бывшем гарнизонном кладбище «Миера» в поисках могилы прадеда Степана

Братская могила, в которой похоронен прадед

На следующий день мы приехали со священником, который отслужил панихиду по всем воинам, похороненным на этом кладбище



Мой дед В. С. Степанов

В знак того,
что родственники
отыскали своего
погибшего солдата,
родители решили
установить на братской
могиле небольшую
именную плиту

мановский район? Оказалось, что такого района там не было и нет. И, посоветовавшись с мамой, я пришел к выводу, что, скорее всего, это ошибка. Возможно, прадед оказался в медсанбате, а его отсутствие приняли за гибель. Может быть, была какая-то другая история, но маловероятно, чтобы существовало два бойца с настолько одинаковыми данными. И тогда получается, что под именем моего прадеда похоронен другой человек! Мне захотелось найти это место захоронения. На сайте Русского Общества в Латвии есть перечень всех воинских братских кладбищ и могил на территории Латвии. Я подумал, что стоит посмотреть кладбища в районе Приекуле. Удалось найти два: воинское братское кладбище в городе Приекуле (край Приекулес) и братское кладбище в поселке Приекули (край Приекулю). Просмотрев списки похороненных на этих кладбищах солдат, я обнаружил, что на мемориальных плитах братского кладбища в г. Приекуле два раза встречается надпись: «С. Ф. Степанов». Только в одном случае дата гибели — 1944 г., в другом — 1945 г., даты рождения неизвестны. Возможно, это два разных человека с одинаковой фамилией и инициалами, но возможно, что обе эти записи отмечают факт гибели и захоронения одного человека, моего прадеда, который на самом деле похоронен в другом месте.

Вторая ссылка — это алфавитная книга умерших эвакогоспиталя 1027. Здесь я нашел описание ранений и причину смерти прадеда. Скорее всего, его ранило при взрыве, и пострадала вся правая сторона тела. Умер прадед от сепсиса, то есть заражения крови. Так закончился второй, самый информативный этап поисков.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ

Сбор информации и работа с архивами — дело кропотливое и трудоемкое, требующее большого терпения, внимания и аналитических способностей. Но вместе с тем необычайно интересное. Я впервые в жизни увидел фотографии оригинальных документов времен Великой Отечественной войны. На меня это произвело очень сильное впечатление! Я раньше всегда воспринимал войну как некое эпохальное событие и не задумывался о каждодневной жизни солдат на фронте. Увидев страницы из «Книги приказов», «Журнала

боевых действий», «Алфавитной книги умерших» и других документов, я осознал, что на фронте люди не только воевали и погибали, но и ЖИЛИ. В этом безумном хаосе войны было хорошо поставленное делопроизводство, учитывалось и записывалось всё!

В связи с этим мне бы хотелось немного рассказать о двух документах, которые меня поразили.

Во-первых, это «Книга приказов 219 гв. СП». Выше я уже приводил информацию, касающуюся моего прадеда, полученную из этого документа. Но хочется еще раз вернуться к нему. Приказ № 033 состоял из нескольких параграфов, и я не мог не прочитать его до конца. Из 2-го параграфа я узнал, что оказывается, бойцы собирали стреляные гильзы, и им за это выплачивали денежное вознаграждение. Там есть фамилия, похожая на Степанов или Степаков, но нет инициалов, поэтому сложно сказать, моему ли прадеду выплатили 150 рублей за сбор и доставку стреляных гильз или кому-то другому. В 3-м параграфе списывались раненые и убитые лошади (с описанием мастей и кличек). В 4-м пятерых красноармейцев переводили в разведроту. В 5-м параграфе объявляются выговор и арест на трое суток ст. лейтенантам и ст. сержантам 1-й и 2-й стрелковых рот за грязное и ржавое оружие у их бойцов. Таким образом, приказ отображал все стороны жизни — как боевые, так и бытовые.

Во-вторых, это «Журнал боевых действий 219 СП». В моем распоряжении оказалось три страницы с записями, титульный лист и фотография обложки. Из этих записей я понял, что 12 февраля полк занялся боевой подготовкой согласно расписания занятий и распорядка дня. Ночью оборудовали исходные позиции для наступления. Взводом разведки ежедневно в районе исходного положения велось наблюдение за действиями противника. Командиром полка с командирами рот и командирами артиллерийских подразделений в течение дня проводилась рекогносцировка местности в полосе наступления полка. Следующая запись сделана уже 20 февраля, то есть в день наступления. В 5 часов утра полк четырьмя ротами занял исходное положение. Во время занятия исходного положения потерь не было. После артподготовки подразделения полка поднялись в атаку и без сопротивления достигли шоссейной дороги, идущей из Приекуле в Бэлтэне. В 11.00 против-

ник контратаковал силою до роты пехоты. Контратака была отбита. В 12.00 противник предпринял еще одну контратаку силою до роты пехоты при поддержке пяти самоходок. Контратака была отбита. За время проведения операции до 17.00 было взято в плен 30 немцев, подавлено 3 батареи противника, разбито 4 пулемета, уничтожено до 100 немецких солдат и офицеров. Наши потери: ранено 95 человек, убито 7 человек. Но сравнивая эти данные о потерях с приказом № 033, я обнаружил, что в приказе выбывших по ранению за этот день — 147 человек. Скорее всего, в журнале указывались предварительные сведения, известные на данный момент. В этот день и был ранен мой прадед. В какой момент? Этого никто не знает. Да сейчас это уже и не очень важно. Важно другое, что за этими короткими предложениями скрываются судьбы людей, жизнь и смерть, поражения и победы… И мы не в праве об этом забывать.

И еще я хотел обратить особое внимание на титульный лист «Журнала боевых действий 219 гв. СП». Он был нарисован разноцветной тушью с красивым фоном и гвардейским знаком, и все это было сделано не за столом в кабинете, а в военно-полевых условиях. Увидев такой титульный лист, я понял, что вопреки всем ужасам войны, фронтовики были твердо уверены в том, что эти документы не исчезнут бесследно! Прошло много лет, и мы, их потомки, посмотрев эти страницы, оформленные с любовью и старанием, чувствуем, как нам стали ближе и роднее наши прадеды, которых мы никогда не видели, но которые сделали все для того, чтобы мы БЫЛИ.

***

Итак, я проделал большую работу для достижения своей цели. Она помогла мне по-новому взглянуть на фронтовую жизнь солдат, лучше ее понять, пропустив через свое сердце. Но самое главное, я словно заново познакомился с простым русским солдатом своим прадедом Степановым Степаном. И мне не хочется прерывать это знакомство. Поэтому я решил не останавливаться на достигнутом, а попытаться узнать, как начинался его воинский путь. Куда он попал с призывного пункта в г. Шемонаиха? Числился ли он где-то кроме 973 СП и 176 АЗСП? Когда и при

каких условиях прадеда переводили из одного полка в другой? Где вели бои и дислоцировались воинские подразделения? И что всё-таки произошло 11 ноября 1944 года? Возможно, я найду ответы не на все вопросы, но в любом случае мне уже есть, что рассказать о своем прадедушке.

«Не торопитесь сжигать»

Татьяна Глазырина, Елена Епанчинцева
школа № 24, г. Екатеринбург
научный руководитель Ольга Николаевна Тхоржевская

«Когда Бог призовет меня, останется чемодан Владиных писем, его и мой дневник, неизданная книга “По дорогам рабства и свободы”, статьи, фотографии. Не торопитесь сжигать.

Это не мусор — это две жизни, данные Богом и пройденные по земле. Может, их кто-нибудь когда-нибудь прочтет и задумается о своей жизни и судьбе — у каждого человека она разная.

Если бы умела писать, то обязательно всё уложила бы в одну книгу жизни обыкновенных людей — трудолюбивых и преданных друг другу до последних дней».

Так написала Лидия Александровна Тхоржевская через год после смерти мужа и за месяц до своей (30 мая 1994 года).

Этот год был необходим ей, чтобы осмыслить прожитые годы и привести в порядок фотографии, письма, дневники.

Небольшая записочка лежала в старом сундучке-портфеле, с такими ходили учителя в 50-е годы, поверх нескольких пачек аккуратно разобранных по годам и пронумерованных писем и дневниковых тетрадок. В них уместилась биография двух людей: Лидии Александровны и Владислава Павловича Тхоржевских.

Мы постарались рассмотреть судьбы наших героев, прочитали и распечатали дневники Владислава Тхоржевского, проследили по карте географию мест его жительства, изучили материалы о власовской армии, о тех лагерях и городах, по которым скитался автор — герой повести.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ВЛАДИСЛАВА ТХОРЖЕВСКОГО

Владислав Павлович Тхоржевский родился в Симбирске 13 августа 1916 года в семье польского горного техника Павла Людвиговича Тхоржевского и русской учительницы Александры Васильевны (урожденной Назаровой). До революции семья жила зажиточно. Об этом говорит послужной список Павла Людвиговича Тхоржевского и некоторые записи его сына («После смерти отца у семьи осталась бесценная библиотека, сваленная в угол сарая. Книги в позолоченных переплётах и без них, на многих языках мира»).

В 1925 г. Областное Кустанайское земельное управление назначает Павла Людвиговича Семиозёрным лесничим, «на каковой должности пробыл до 25/III 1926 г.». В это время и происходит надлом в жизни Павла Людвиговича, начинается запойное пьянство.

«Потом уехали в Кустанай и кочевали, как киргизы, отличаясь тем, что мы жили культурно. Тут отец начал пьянство — пил месяцами — запоем, продавал вещи и часто валялся в грязи, а приходя домой, философствовал и говорил о своём древнем роде, рассказывал о своей жизни, гордился польским народом, а когда я противоречил, он из кроткого как заяц человека превращался в тигра» (Дневник В. П., 8 февраля 1934 г.).

В апреле 1928 года Павел Людвигович зачислен на службу в Златоустовское земельное управление на должность старшего производителя работ, а 4 мая того же года скоропостижно скончался во время очередного приступа своей «болезни».

Владислав тяжело переживает потерю отца: «Папа у нас умер в прошлом году скоропостиженно. Он был землемером. Наружность его такая: он был полный и красивый, волосы были курчавы. Я ученик 5 группы. Я очень похож на папу, тоже блондин, такой же сильный» (Дневник В. П., 20 августа 1929 г.). «Мне шёл двенадцатый год. Я плакал и думал, что это самое великое горе и что оно не изгладится до конца моей жизни, но возраст взял своё. И я скоро позабыл об нём» (Дневник В. П., 8 февраля 1934 г).

Александра Васильевна с двумя детьми возвращается в Самару. На работу устраивается учителем в сельскую школу станционного поселка Кротовки под Самарой. Для Владислава 1929–1930 гг. — учеба с 5-го по 7-й класс Школы крестьянской молодёжи.

С этого времени и начинается настоящая биография Владислава Тхоржевского. В 13 лет он начинает вести регулярно дневник. В нем отражаются поиски себя, своего предназначения в жизни.

«31 августа. Мне очень хочется учиться.

3 сентября. Сегодня пришёл в школу. В классе теснота. На нашей парте сидят трое.

4 сентября. Ребята все из Кротовки. Меня не хотят пускать за парту, я им не уступил, чуть было не дошло до драки, но на меня накинулись все ребята.

5 сентября. Такие ребята и теснота отбивают охоту учиться. Ребята постоянно придираются, видя, что я с ними не слажу. Я когда-нибудь сяду на поезд и удеру или брошусь с моста в речку.

10 сентября. Я не выдержал придирки и вызвал самого большого драться» (Дневник В. П., 1929 г.).

Но было и настоящее геройство.

«23 мая в 12 часов вечера у нас в деревне вспыхнул пожар… Я быстро достиг деревни. Пылало два дома. Огонь начал переходить по плетням к гумнам. Я и несколько рабочих начали откидывать плетни в сторону. Когда это дело было сделано, я бросился отстаивать дома. Я и несколько рабочих действовали палками и баграми, разворачивая крыши сараев. Я оттаскивал бревно или потом двери ломал или тащил багор. Отстаивать было трудно. Машины были в неисправности. Ведра никто не давал говоря: “Ну, ещё вы их разобьете”. Я работал долго. Когда пожар кончился, оказалось полдеревни сожженной. Я распорол себе ногу, когда горящий потолок полетел на меня, и сжёг себе пальцы на ногах. Теперь я из ребят герой» (Дневник В. П., 1929 г.).

В 14 лет Владислав приходит к выводу: «Скоро я совсем выявил свой талант. Я несколько заблуждался: я был не писатель, а поэт. Я написал уже несколько стихотворений».

1931 год. «В школе у нас стала система работы бригадная. Меня выбрали председателем штаба бригад, то есть я организую самоуправление школой. Закрыт клуб, в нём помещаются лишенцы, которых отправляют на Соловки. К клубу не подпускают на три шага, их полон клуб. Едут они с ребятами. Лай, гам, теснота кругом, суета, сундуки и спёртый воздух» (Дневник В. П., 13 марта 1931 г.).

«Лишенцы» на языке 1931 года — это раскулаченные крестьяне. В стране полным ходом идет коллективизация.

В 1931 году Владислав окончил краткосрочный курс горного ФЗУ в селе Ширяево Самарской области и, как отличник, был командирован для продолжения дальнейшего обучения в техникум.

Владислав живет отдельно от семьи в студенческом городке, в бывшем тюремном изоляторе, в котором размещалось их общежитие.

В его дневниках этого периода главными темами становятся отношения с девочками, поиск истинной любви и серьезные «мысли о дружеском товариществе»: «товарищество поможет мне улыбкой поднять силу воли, упорства и я буду работать, работать и работать, упадничеству не будет места. Я жду ответа жизни!» (Дневник В. П., 2 февраля 1933 г.).

Владислав серьезно готовится вступить в комсомол, читает брошюру А. Косарева, первого секретаря ЦК ВЛКСМ в 1929–1938 гг.,

«Задачи комсомола» и вдохновляется до такой степени, что не знает, «куда деть энергию, как ее передать в массы. Мне хотелось отдать все силы на великие цели, и поэтому ни одна глупая мысль не мелькнула в голове. Не поэтому ли я работал, не считая время и затрат, на общественной работе?» (Дневник В. П., 12 мая 1933 г.).

Огромное впечатление производит на Владислава участие в митинге по случаю приезда в Самару председателя СНК СССР и Совета Труда и Обороны Вячеслава Михайловича Молотова.

«Я пошел слушать его речь, но никого не пускали, кругом стояла охрана, шли только по пропускам, я же сумел через двор дома Красной Армии пройти и встал под самую трибуну. Через полчаса вышел Молотов, его встретила буря аплодисментов. <…> Нет, это была не толпа, а армия, только без оружия, которая приветствовала своего главнокомандующего. Несмотря на то, что почти никто не знал о приезде Молотова, площадь и улицы были полны народу. А он стоял освещенный предвечерним светом и говорил. Каждый чувствовал вождя, руководителя, полководца, показывающего путь к победе…

Я тоже уходил новый с новыми мыслями и идеями. Любовь — это глупость, она не нужна. Нет, надо бороться за новую жизнь. За высокую технику, надо биться и биться» (Дневник В. П., 15 мая 1933 г.).

В марте 1935 года, после окончания техникума, Владислав Тхоржевский находится в Казахстане на переподготовке в 123 артиллерийском полку сталинских лагерей. Владислав уже в комсоставе, командир взвода, кубики в петлице. Необычное впечатление производит запись от 11 августа 1935 г.: «Сейчас 7 час вечера. Только что пришёл в палатку с прощального вечера. Я спал часа в 4, пришёл боец и доложил, что нас ждут. Пришли. Как приятно увидеть: сидят 90 с лишним человек людей, которые пришли из колхозов, с золотых приисков, с заводов Усть-Каменогорска и др. мест Сибири, из Алма–Аты… Все эти люди с любовью глядят, как мы, начальник команды Верлок, я, старшина Байтурин, садимся за стол, накрытый красной материей. Всем им я старался передать свои знания, а главное, любовь к нашей родине и величайшему построению социализма. Я забывал подготовку в ВУЗ, и всё свободное время учил их любить и защищать дело партии и всей страны. Я глядел, как люди, не видевшие ничего, кроме своей тайги, познавали вино знания. На политзанятиях я говорил, почему у нас в колхозах отставали, почему падёж был лошадей и т. п. Главное, внушал, что

колхоз — это путь к счастливой жизни, лишь только один, и учил любить и защищать его от классовых врагов. Зная колхозы, говорил самое близкое, дорогое и насущное. Видел, как на глазах слушателей блестят слезинки умиления от великой правды нашего строительства. Я и сам с трудом борол волнение и кашель. Сказали бы "иди, умри за советскую власть", я бы кинулся, а за мною все с великой любовью в сердцах без жалоб и сожаления. Вот когда я узнал, что значит социалистическое братство людей. Лишь в Красной Армии с этими полуграмотными людьми, которые теперь стали сознательными строителями социализма. Я понял, что значит любить великую идею Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, что дала миру Октябрьская революция и генеральная линия партии. Вот они, мои воспитанники и в то же время переделыватели моего сознания.

После доклада Верлока, они, путаясь в словах, с невыразимой любовью говорили, как они, полуграмотные, поняли о великой своей родине, как они прозрели и благодарили нас за любовь к ним и хорошее отношение. Вот, Сидоренко, путаясь в словах, благодарит меня за то, что я внимательно и чутко относился к слабым и помогал им, а я сидел и думал: "Да разве в этой великой семье можно не любить и не помогать". Всего выступало 15 человек. "Ну что говорить, слова и сердца слиты в одно" — отвечали все. И если бы кто посмотрел, то он бы сказал: "Вот с этой-то Любови и начинается Непобедимая Великая Красная Армии"» (Дневник В. П., 11 августа 1935 г.). Конечно, это ещё юношеский патриотизм и пламенная любовь к Красной Армии. Но вера в могущество социалистического строя, в его превосходство над капитализмом, энтузиазм в делах и оптимизм в жизни были характерны для многих людей в СССР. Страна превратилась в огромную стройку.

Вот с этими идеями и желанием трудиться для построения нового общества Владислав Тхоржевский получает разрешение не отрабатывать 3 года после техникума на заводе, а поступить в ВУЗ.

«СУМЕЙ ЖИТЬ, КОГДА ЖИЗНЬ СТАНОВИТСЯ НЕВЫНОСИМОЙ, И СДЕЛАЙ ЕЁ ПОЛЕЗНОЙ»

Эти строки из повести Николая Островского «Как закалялась сталь» не раз встречаются в дневнике студента Владислава Тхоржевского.

Первые годы студенчества Владислава Тхоржевского были полны лишений и невзгод.

В Куйбышеве поступить в институт не удалось, не сдал экзамен по математике. По результатам диплома об окончании техникума зачислен в Уральский индустриальный институт на химико-технологический факультет (УИИ).

Главная цель и мечта Владислава Тхоржевского — стать советским инженером.

В этом стремлении его активно поддерживает мать, Александра Васильевна. Из ее писем мы узнаём, как ей тяжело дается разлука с сыном, видим постоянное беспокойство за него и проблемы с обеспечением студента всем необходимым.

«11/IX — 35 г. Я перевела тебе телеграфом 30 руб. Напиши, когда получишь, — так же сколько будешь получать стипендии — высылать я буду каждый месяц — только зря не трать — питайся лучше и учись. Помни о математике и время зря не убивай».

1–2 курсы. Жизнь впроголодь. Мама старается изо всех сил. Работает на износ, шлет и деньги и посылки с вещами. Приобретение ботинок становится целой эпопеей, их нигде нет, у спекулянтов на рынке — 200 рублей, это при зарплате в 400 рублей.

Дополнительно заработать Александра Васильевна в этот период не может, постоянно недомогает из-за малярии, довольно распространенной болезни в те годы. Она надеется на сына и пишет ему: «Вот будешь советским ученым инженером, чего я конечно в недалёком будущем дождусь, а может быть и известным, тогда можно отдохнуть и мне со всех сторон — во-первых, здоровый, умный сын, а потом будешь видеть, что плоды твоего труда не напрасно пропали».

Для Владислава студенческие годы — это мучительные поиски внутренней опоры, идеи, идеала. Он не умеет правильно распределить деньги, часто приходится голодать, в душе отчаяние, паника перед сдачей очередного экзамена.

«Что значить всё это — паника перед жизнью, трудностями. Голодная жизнь эти три дня всё это и неудачи с учёбой сеют панику. Разве это должно задерживать человеческий путь. Нет! А раз это так то и сердце немного успокоилось» (Дневник В. П., 17 ноября 1936 г.).

Внутренняя борьба с самим собой постоянно подкрепляется идеологическими сентенциями о великих задачах и о внутренних врагах. Огромное значение имели массовые мероприятия: собрания, митинги.

«1 декабря 1936 г. Сегодня день Сергея Мироновича. В актовом зале (химфак) после занятия состоялось траурное заседание. До-

клад делал какой-то из города, нудно читая свои записи, а затем кое-что добавил своё. В прениях 1-ым выступил бывший зиновьевец. “Я забрызган грязью троцкистско-зиновьевского отрепья”. Он каялся, что голосовал за оставление Зиновьева в Политбюро и т. д. В конце заявил: “Вся цель моей жизни будет направлена, чтобы искупить свою вину и быть снова в великой партии Ленина–Сталина, в авангарде рабочего класса”. Доверия не было к его словам. Потом выступал директор института Шрейбер. Он был директором Индустриального института в Ленинграде и знал Кирова. Он был там и в день его убийства. Он говорил как-то нежно, “Мироныч”. Говорил он долго, все жадно ловили слова, никто не глядел друг на друга, на глазах были слёзы. Он тоже не глядел на нас, на глазах его были слёзы, как и у президиума собрания. А там за спиной в чёрной рамке со свешивающимся на него траурным флагом ласково улыбался Киров» (Дневник В. П., 1 декабря 1936 г.).

Справка. Георгий Яковлевич Шрейбер (1896–1945) — в марте 1937 года был репрессирован. Умер в заключении.

Неожиданно для Владислава 26 декабря 1936 г., не выдержав напряжения, после очередной простуды, умирает мама.

Владиславу — 20 лет, сестре Люсе — 10. Владислав хлопочет о пенсии для сестренки и, оставив ее на попечение родной тёти, маминой сестры, уезжает учиться в Свердловск. Люся часто пишет маленькие письма, скучает, зовет брата. Вот одно из них:

«1 октября 1937 г. Здравствуй Владик!

Как живёшь напиши я хочу приехать меня жди весной не известно может и зимой.

Дядю Колю расстреляли а дядю Петю забрали. Наверное и его расстреляют. Владик я твои письма буду рвать, а то тётя Маруся будет читать. Я учусь хорошо».

Справка. «Назаров Николай Васильевич уволен с должности начальника паровозной службы Ленинской ж. д. Арестован 29 апреля 1937 г. Приговорен: ВКВС СССР 16 ноября 1937 г., обв[инен во] вредительстве и участии в троцкистской террористической организации. Расстрелян 16 ноября 1937 г.» (См. Москва, расстрельные списки — Донской крематорий. URL: http://lists.memo.ru/d24/f80.htm). Это еще одна потеря близкого человека, старого большевика, которым гордились в семье и который мог бы поддержать осиротевших племянников.

На третьем курсе начинается дружба и любовь Владислава с Лидией Тхоржевской. Лидия родилась 5 апреля 1917 года в Ека-

теринбурге в семье служащего. Семья жила в самом центре города, на набережной городского пруда. Лидия закончила среднюю школу № 2 имени Тургенева города Свердловска (так с 1924 г. назывался Екатеринбург), играла на фортепиано, имела фотоаппарат и любила фотографировать.

О том, как развивалась их дружба, мы узнали из дневниковой записи Лидии Александровны, написанной, видимо, сразу после ухода Владислава Павловича на фронт.

Начинаются записи осенью 1936 г., это второй курс института. Лидия — веселая, миловидная, энергичная девушка — всегда была в центре внимания однокурсников. Студент с бледным лицом и большим лбом на втором курсе взялся выполнить какую-то пустяковую просьбу и запомнился ей. На третьем курсе Владислав настойчиво обращал на себя внимание, был вежлив, помогал в учёбе. «Так за книгами и химическими приборами началась наша дружба». «Дружба помогла ему и мне в освоении предметов: я заставляла его работать, а он благодаря своим богатым способностям и сообразительности учил меня думать, а не зубрить» (Записи Лидии Тхоржевской 1936–1941 гг.).

Лето 1938 года. Лидия отдыхает в Анапе с родителями, Владислав — в Куйбышеве у родни. Расставшись, они писали друг другу письма, делились впечатлениями и даже вместе принимали решения. Ведущую роль в их отношениях заняла Лидия. Она наставляет Владика, требует от него внутренней дисциплины, отказа от вредных привычек; он рассказывает ей обо всех своих делах.

После 4-го курса турпоездка по Южному Уралу. Поднимались на Таганай, любовались природой в Ильменском заповеднике. Остановились в деревне на озере Тургаяк, где и жили дней десять, наблюдали деревенскую жизнь. «Невесёлая она. В деревне всё больше женщины и дети, живут плохо, хозяйство разрушено, нищета и опустелость всюду. Рваные ребятишки и озлобленные бабы встречали нас не особенно приветливо. Домишки плохие, большинство рушится и никому до них дела нет. Запомнился особенно праздник — Петров день. С вечера вся деревня начала пить, а с утра в праздник — ни одного почти трезвого, даже ребят напоили. Зрелище отвратительное: всюду орут песни, кто весёлые, кто печальные, около домов пьяные растрёпанные женщины дико хохочут, некоторые дерутся. Страшные опухшие лица смотрят одичало, и сердцу больно от этого разгула, бедности и бескультурья. Даже деревенская жизнь, воспе-

тая Некрасовым, кажется много приглядnее современной» (Записи Лидии Тхоржевской 1936–1941 гг.).

Для Лидии и Владислава это была счастливая пора завершения учебы, выездов на практику на заводы в Кыштым (на Урале) и в Дзержинск (на Волге). По их переписке можно узнать о некоторых реалиях быта страны в те годы — огромные очереди за билетами на поезда, нехватка многих бытовых предметов: достать туфли, выстоять за «мануфактурой» (то есть за тканями), удача — купить пальто. «Получила от тебя две открытки, но, к сожалению, приехать не сможем, так как маме в очереди около пассажа сильно ушибло глаз, и она ничего не может делать, всё хозяйство на нас с папой» (Письмо Л. А., 17 июля 1939 г.).

«Хорошо, что купил ботинки, спасибо за перчатки, если попадет пальто, то непременно купи, у нас в городе ничего нет. В поход по очередям я еще не была. Около пассажа с утра до вечера за мануфактурой светопреставление» (Письмо Л. А., 18 июля 1939 г.).

Но в целом, это было благополучное время, когда множество людей отдыхали в домах отдыха, лечились в санаториях, ездили на море в Крым и на Кавказ. Много времени уделяли чтению хорошей литературы: Шекспир, Островский, Бальзак, Джек Лондон. Ходили в кино. Все эти темы часто затрагиваются в переписке Владислава с мамой, Люсей и Лидией. Оба они были романтиками, но Владислав обладал еще смелым и подчас безрассудным характером.

«Приезжай, увидишь нашу трубу. Вчера я на нее лазил. Понимаешь, высота ее девяносто метров, а шахта подъемника в ней сто метров. Смелости лезть хватило, а вот ноги и руки онемели. Залез я по скобам метров на 60 и чувствую: не берут ноги, так как лезешь, а они в напряжении. Глянул вниз, а люди как букашки, в ногах усталость и главное дождь шел и скобы мокрые — лезу дальше. Когда залез наверх, в ногах и руках как гири, смотришь вниз и видишь как на ладони два города: Ревда и Первоуральск.

Между прочим, раньше такие трубы строили и считали, что выше 60 м трубы строить не будут. Не знаю, залезу ли я на полную высоту трубу, то есть на 150 м. Тогда я был на самой высокой трубе в СССР» (Письмо В. П., 18 августа 1939 г.).

В октябре 1940 г. они окончили институт и, получив дипломы инженера-химика, устроились на свердловские заводы. Владислав Павлович — начальник участка по производству карбида кальция на заводе чистых солей и химреактивов.

«Третьего ноября 1940 года я вышла замуж за Владю, вышла по любви и столько же по рассудку. Бурных страстей никогда не испытывала за все свои двадцать пять лет, не увлекалась им до потери сознания, как это бывает со многими, но искренно люблю его всегда. Он был первым, кого я поцеловала, пусть же он будет и последним.

22 июня 1941 г. Началась война, 28 уехал на фронт Владя, и пропал без вести. Встретимся ли мы вновь? Одному Богу угодно» (Записи Лидии Тхоржевской 1936–1941 гг).

Так закончились записи Лидии Александровны. Но 15 июля 1943 года сделана приписка: «Но я жду его и дождусь!»

ВОЙНА И ПЛЕН

Уже по пути на фронт немецкая авиация внезапно обстреляла воинский эшелон. Владислава Тхоржевского.

«Первый самолёт известил о себе свистом пуль. Я отошёл от вагона, лёг на бугорочек на спину, лицом к самолётам, и выстрелил во второй самолёт. Мне показалось, что пилот третьего прижался лицом к стеклу кабины. Прицелился и выстрелил ниже этого лица. Пули свистели и падали вокруг меня, а я упорно стрелял в кабину чуть ниже головы пилота. В третий залёт, как мне показалось, они стреляли не по эшелону, а по мне, засыпая градом пуль. Когда появился третий самолёт, винтовка не выстрелила — патроны кончились».

Это была первая встреча и первый бой с врагом, а далее, после того как немцы прорвали линию обороны и заняли железную дорогу между Полоцком и Витебском, отступление вместе с частью.

Некоторое время артполк находился под Полоцком.

Для нас важно в его характере то, как он противостоял превратностям судьбы и невзгодам. Самое тяжкое испытание — это плен. В плен боялись попасть, последнюю пулю оставляли для себя. Сталин выдвинул лозунг: «У нас пленных нет, есть предатели». Тем не менее, в 1941 году в плен захвачены 3,9 млн советских солдат и офицеров. По оценкам Генштаба РККА, безвозвратные потери армии за первые шесть месяцев составляли 5 млн человек (это около 9/10 всей предвоенной численности Красной Армии).

Справка. 153 стрелковая дивизия с 11 июля по 5 августа 1941 года находилась в окружении. К августу от её первоначального состава (6000 человек) осталось около 1000 солдат и коман-

диров (офицеров). С 20 июля по 5 августа 1941 года документов дивизии и вышестоящих штабов в Архиве МО СССР не обнаружено.

Их окружили в местечке Труды. Ночью Владислав сумел убежать и примкнул к небольшой группе солдат, «вооруженных и одетых, но голодных». Несколько коротких боев и снова колонна военнопленных. «В Полоцк я вошел уже в двухтысячной колонне пленных. Город был разрушен и сожжен. На площади у штаба на длинной деревянной мачте развевался на ветру огромный красный флаг с черной свастикой в белом круге. У меня сжалось сердце. “Красный флаг революции! Как же так? Неужели немецкая национал-социалистическая партия тоже строит социализм?” То, что я знал о национал-социализме, приобрело смысл. Но какой! Теперь мне только стало ясно, какая грозная опасность нависла над нами».

Всё, что увидел в этот первый месяц воентехник Тхоржевский на фронте, поразило его настолько, что он начал пересматривать то, во что раньше свято верил. «Очень медленно, понемногу, я стал понимать, кто у нас в стране “враг народа номер один”. Сколько людей расстреляли. Вспомнил комбрига Чудина, своего дядю, командира красного бронепоезда, расстрелянных по решению Троек». Я потерял веру в Сталина, но продолжал верить в неизбежность победы нашей системы».

Начались тяжелые испытания в плену. В Полоцке военнопленных загнали в церковную ограду, расположенную в центре города. «Семь дней без пищи пролежал я здесь на голой земле. На мне не было шинели, нижнего белья, поэтому и теплыми ночами ослабевшее тело напоминало о себе мелкой дрожью. В церкви можно согреться, но я туда не ходил, брезговал. Там пахло мочой и калом, ведь для двухтысячной толпы другой уборной не существовало. Мне она была не нужна, поскольку ничего кроме небольшого количества воды за эти дни в моём желудке не было!»

Потом начался пеший переход длиною более 500 км и продолжительностью более двух месяцев через Белоруссию, Польшу до города Сувалки.

Кормили так: «Каждому совали стограммовый ломтик хлеба, на него клали кусочек мармелада и маргарина. Проходя мимо бочек, пленные получали по кружке подслащённого сахарином “чая”. Когда до меня дошла очередь, я снял с головы пилотку и получил в неё свою порцию. Другие для этого подставляли подолы гимнастёрок или ботинки». Местные жители сочувствовали пленным

и пытались как-нибудь их подкормить. Иногда ради развлечения оккупанты разрешали женщинам кидать хлеб за ограду. «Начиналась невесёлая потеха. Пленные бросались на кусок хлеба, вырывали его друг у друга и разрывали на мелкие крошки. В большинстве случаев хлеб никому не доставался, а был размят и растоптан в пыли».

Однажды кусок упал недалеко от Владислава. Пленные ринулись, сминая друг друга. «В считанные секунды на земле образовалась шевелящаяся куча, в которую охранники разрядили несколько автоматных очередей, и убитые застыли как памятник растоптанному в пыли хлебу».

Единственной и необходимой собственностью стал найденный в кустах ящик из-под патронов, служивший вместо посуды, с которым Владислав не расставался никогда, даже во сне. Однажды, после получения похлебки, которой угостили пленных местные жители, они были загнаны на базарную площадь. Утомленные длинным переходом люди падали прямо на землю. Утром не смог встать.

«Мне стало жутко, когда я увидел по бокам куртки тонкие пластинки льда, искрящегося в лучах восходящего солнца всеми цветами радуги. “Значит, ночью ударил мороз, и я вмёрз в лёд”. Опираясь на цинковый ящик, с трудом втащил себя на стол, выждал, пока болтающиеся ноги примут вертикальное положение, встал на них». Толпа пленных пришла в движение, его оторвали от стола и зажали среди тел. Потом еще такой же страшный переход, сон на мерзлой земле и уговоры самого себя, что утром надо встать, собрать свою волю воедино, встать, даже если придется поднимать себя за волосы.

Наконец показались Сувалки — лагерь для советских военнопленных. Пребывание в этом лагере стало одним из самых тяжких испытаний, которые выпали на долю Владислава Тхоржевского в годы войны.

«Партия за партией пленные раздевались донага перед входом в лагерь. Охранники прощупывали каждую нитку одежды. Дошла очередь и до меня. Моё имущество: сапоги, брюки, гимнастёрка, брезентовая куртка, ремень и кусок оцинкованного ящика из-под патронов просмотрены. Ремень отброшен в сторону. Попытка вернуть его закончилась ударом по лицу и пинком под зад.

Открылись ворота, и колонна военнопленных вошла в лагерь, разделенный внутри колючей проволокой на ряд блоков. Справа у входа арестблок, где пытали, мучили и расстреливали пленных,

рядом с ним штабблок. Слева кронблок для больных, заполненный рядами деревянных бараков. У ворот этого блока лежала длинная поленница из голых трупов.

Колонна выползла на площадь и повернула вправо к блоку с номером восемь. Это был карантинблок, где пленных выдерживали определенное время, а затем разбивали по сортам: на христиан, мусульман, на русских и нерусских. Нацисты с самого начала плена пытались разделить людей на части и натравить их друг на друга.

На огромной территории блока номер восемь, видимо, не случайно не осталось ни единой травинки. Конопатое от полузасыпанных ям, песчаное поле блока казалось загадочным и враждебным».

Пленные сидели на песке, ежась от холода. Словно по команде, они начали рыть ямы. Только в них можно было спастись от холодного ветра.

Выбрав подходящий момент, Владислав обратился к немцу, хорошо знавшему русский язык и отбиравшему пленных, имевших какую-нибудь специальность в отдельную команду: «Я ничего не хочу просить, просто мне не хочется умирать в этих ямах. В обмен на свою жизнь я передам Германии крупное изобретение. Я знаю способ прямого восстановления магния из руды. Германии это сейчас очень важно».

«Никакого способа прямого восстановления магния из руды не существовало, и ничего, кроме описанного в учебниках, я не знаю. Это был лишь хитрый тактический маневр вырваться из блока номер восемь, вероятно, попасть в Германию». Немец обещал помочь.

Вскоре Владислава перевели в блок № 3, где жили военнопленные, используемые на различных работах в палатках и землянках. Поместили сначала в палатку, которая показалась «уголком рая».

«Люди лежали вплотную друг к другу. Стояла отвратительная вонь, сильно пахло мочой. Видимо, ночью выйти из палатки было практически невозможно, и люди мочились под себя. Зато было очень тепло. Я прилег на землю и почувствовал себя на грани блаженства. Наконец-то надо мной появилась крыша, защищающая от дождя и ветра». Немного освоившись, Владислав старался помогать тем, кому грозила голодная смерть. Но люди умирали очень часто.

Справка. Сува́лки (польск. Suwałki) — лагерь, располагавшийся в городе Сувалки в июне и июле 1941 года в качестве Oflag 68,

а с осени 1942 Шталаг I/F Sudauen площадью около 50 га. Осенью 1941 года в лагере было от 10 до 20 тысяч заключенных, с 1941 по 1944 годы — от 60 до 100 тысяч.

Владислав в Сувалках перенес заболевание тифом, умирал и выжил в основном из-за собственной силы воли и желания жить. Весной 1942 года Владислава Тхорожевкого перевели в Берлин, в филиал лагеря для военнопленных Шталаг ЗД. Лагерь этот находился в пятиэтажном доме, среди домов занятых гражданскими. «На окнах не было решеток, а всю внешнюю охрану осуществлял солдат, медленно прогуливающийся по набережной вдоль зеленых кустарников».

Удивительно, что ехал он на поезде, в пассажирском вагоне среди обычных пассажиров. Его сопровождал добродушный ефрейтор. Военнопленный Тхоржевский со своим конвоиром спокойно прогулялись по городу. Берлин в ту пору еще не бомбили. «Столица Третьего Рейха поражала своим великолепием и богатством. Товарами завалены магазины и лавки возле домов. Кругом полно красиво одетых немцев и иностранцев. Улицы города не подметали, а мыли, как полы в доме». Они подошли к обычному пятиэтажному дому. После ванной Владислава провели на пятый этаж, где жили советские военнопленные. «Три этажа занимали французы, англичане, сербы и даже один индус. На первом этаже размещались охрана, кухня, ванная, склады. Это был обычный жилой дом сросшихся друг с другом других пятиэтажных домов на набережной Шпрее, в центре Берлина, напротив Бёрзе-вокзала. Здесь находился филиал берлинского лагеря для военнопленных».

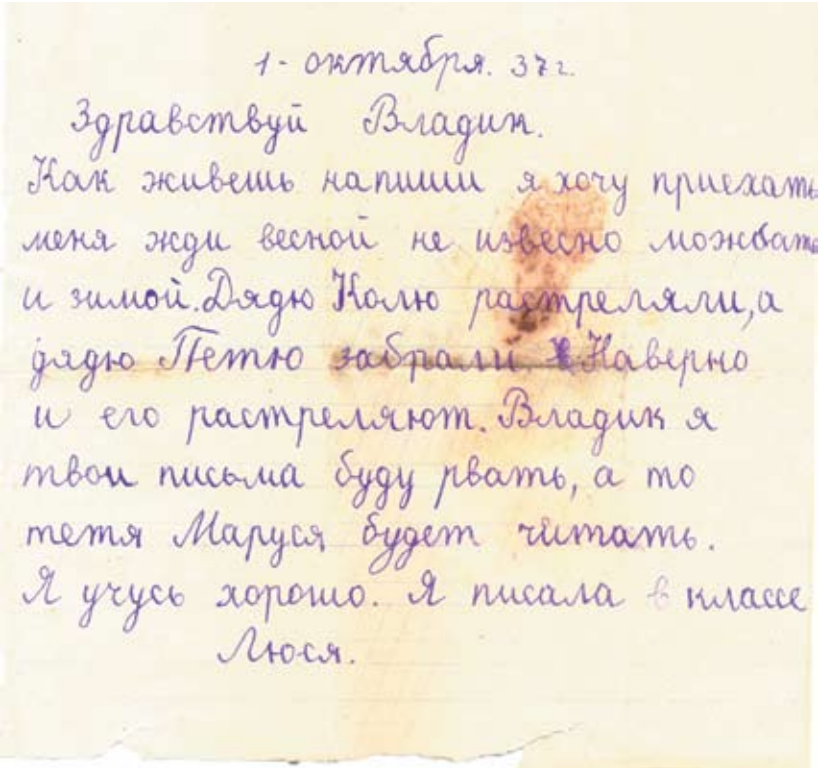
Летом 1944 года Владислава и его товарища по команде 806 Евгения Летникова направили в лагерь Бирау у бывшей польской границы. Работать их направили на завод фирмы «И. Г. Фарбениндустри». Здесь же они получили право на свободное передвижение, «свободный билет». Вместо работы они ездили в ближайший город. В течение двух недель они истратили все деньги и продали всю одежду и часть постельного белья. Владислав вместе с другом прогулял выданные на проезд деньги и искал выход из своего сомнительно благополучного положения. Ему хотелось связаться с русскими партизанами, он пытался найти выход из сложившейся ситуации. Были и мысли о самоубийстве.

Но помог случай. Он встретил Леонида Подгорнова, с которым дружил в команде 806. Леонид сообщил, что ему нужна помощь: «Я чувствую себя окруженным со всех сторон, а мне во что бы то ни

Лидия и Владислав
в юности во время учебы
в Свердловске. 1940

Лидия Александровна Тхоржевская с сыном Виталием. 1953

Поздравительная открытка, посланная Владиславом сыну Виталию



1 - октября. 37 г.

Здравствуй Владик.
Как живешь напиши я хочу приехать
меня жди весной не извесно можбать
и зимой. Дядю Колю растреляли, а
дядю Петю забрали. Наверно
и его растреляют. Владик я
твои письма буду рвать, а то
тетя Маруся будет читать.
Я учусь хорошо. Я писала в классе
Люся.

Письмо Людмилы, десятилетней сестры Владислава.
Оно точно передает все то, что происходило в стране в те годы

СССР
Народный Комиссариат Обороны Союза ССР
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ СССР
Отдел 8
„11" июня 1942 г.
№ ГУК 8/2 11107
Москва, 19, ул. Фрунзе, 19.

Гр. Тхоржевской Л.А.

По Вашему письму сообщаю, что в данное время сведений о местопребывании Вашего мужа не имеется.

За Начальник отдела
Начальник отделения

Тип. НКО 664—42

Ответ на запрос Лидии о местоположении мужа

Владислав
Тхоржевский.
1935

НКО—СССР
СВЕРДЛОВСКИЙ
ОБЛАСТНОЙ
ГОРОДСКОЙ ВОЕННЫЙ
КОМИССАРИАТ
III
14 июня 1941 г.
№ 3-14-07
г. Свердловск, Уральская 3
Телефон 21-66-21

СПРАВКА

Дана настоящая Тхоржевской Лидии Александровне

в том, что ее муж тл. Урожник
(жен, муж, отец)
Тхоржевский Владислав Павлович
(фамилия, имя, отчество)

призван с «___» _____ 1941 года на сбор и с «23» июня 1941 года мобилизован в ряды РККА по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года.

Справка дана для получения льгот, и остается на руках постоянно.

Городенком — Майор (ЗОТОВ).

Начальник 5 части — капитан (КРИВОЩЕКОВ).

Справка о мобилизации Владислава Тхоржевского

стало надо передать через линию фронта очень важный пакет нашим разведчикам». Владислав воодушевился, но так как польского языка он не знал, идти напрямую было нельзя. Подгорнов предложил: «Что ж, можешь поступать в двадцать девятую дивизию СС, или, как ее раньше называли, бригаду Каминского. Она на днях пойдет на фронт, тогда ты перенесешь через линию фронта пакет. Только устроиться надо на командную должность, чтоб свободно перемещаться». Это и подвигло Владислава действовать, и он решился вступить в русско-немецкую армию. В середине октября 1944 года Владислав обратился к полковнику Белаю из бригады Каминского с просьбой о вступлении в 29-ю дивизию СС. Летников отказался вступать с ним и на этом их пути разошлись. Бригаду Каминского к тому времени распустили, а остатки включили в создаваемую под командованием генерала Власова Русскую освободительную армию (РОА).

Справка. 1-я дивизия Русской освободительной армии (РОА) была сформирована 23 ноября 1944 года, чуть позже были созданы другие соединения, а в начале 1945 года в состав РОА были включены иные коллаборационисткие формирования. 28 января 1945 года РОА получила статус вооруженных сил союзной державы, сохраняющей нейтралитет по отношению к США и Великобритании. Общая численность достигала 20 000 человек.

Владислав получил звание унтерштурфюрер дер вафен СС и устроился заместителем начальника боепитания дивизии. Весной 1945 года в составе Первой дивизии РОА он был направлен на Восточный фронт, проходивший в то время по территории Германии и Чехословакии. Однако события развернулись так, что отказавшись подчиняться немецкому командованию, дивизия решила уйти на Запад к англо-американским союзникам СССР. По просьбе чешского Комитета восставшей Праги она повернула на восток, сделала 50-километровый бросок и вступила в бой с немецкими частями, засевшими в городе и пробивавшимися в зону американской оккупации. В предместье Праги, Радотине, состоялся второй в жизни Владислава Тхоржевского бой. «Бои в чешской столице задержали немецкие войска, и советские танковые части, прорвавшись к Праге, окружили и взяли в плен 860 тысяч генералов, офицеров и солдат, не позволив им уйти на Запад». Война закончилась, Германия капитулировала.

9 мая дивизия рванулась на Запад, нагонять упущенное время, к территории, занятой американцами. Но уйти удалось немногим. Советские войска преградили им путь. Описание этих тревожных

событий мы так же нашли в публикации Вячеслава Артемьева «Первая дивизия РОА». Это имя не раз упоминается на страницах повествования Владислава Тхоржевского. В июне 1944 года В. П. Артемьев вступил в Русское освободительное движение и в ноябре, с началом формирования Первой дивизии РОА, был назначен генералом Власовым командиром Второго полка. Первая дивизия Русской освободительной армии прекратила свое существование в двенадцать часов дня 12 мая. «Последняя команда — “Разойтись!” — всколыхнула неподвижно стоявших в строю людей… И людьми овладел страх… Группами они расходились в противоположные стороны — кто на Запад, кто на Восток. Расходясь на советскую и американскую стороны, люди не проявляли по отношению друг к другу ни малейшей враждебности, не бросали друг другу упреков. Невозможно сказать, сколько при этом ушло на советскую сторону и сколько ушло на Запад… Истомившиеся в борьбе, павшие духом — шли на Восток, навстречу неминуемой жестокой расправе и хотя, сознавая это, в глубине души все же таили надежду на спасение» (Из мемуаров Вячеслава Артемьева).

В этих условиях командование 25-го танкового корпуса назначает Владислава Тхоржевского начальником штаба первой власовской дивизии на период перехода до советской границы.

«Дни и ночи пути на Родину были для меня самым тяжелым испытанием в жизни. Они оказались даже страшнее дней этапа от Полоцка до Сувалок.

Во всех населённых пунктах появились военные из различных советских подразделений, которые начали у нас самовольную реквизицию имущества. В течение первых трёх дней исчезли все верховые лошади и почти все автомашины. В последующие дни у нас отобрали три четверти повозок. Вместе с повозками исчезли и продукты. Необходимо было сохранить дисциплину, не дать разбежаться бывшим власовцам по лесам, предупредить мародёрство, убийства и грабежи гражданского населения. Почти в каждом населённом пункте повторялась одна и та же картина. Советские военнослужащие выходили к дороге и удивлялись, что “немецкие” военнопленные идут одни без конвоя. Потом они всё-таки узнавали, что колонна за колонной проходят настоящие живые власовцы. Дикая злоба охватывала бойцов и командиров. В ход шли приклады, палки, камни и даже огнестрельное оружие. Случались и крупные столкновения с кровавым исходом. В одном из бывших немецких лагерей писали всей дивизией письмо Сталину. Осенью из лагеря в польском городе

Лобанд началась наша отправка на восток в железнодорожных вагонах теплушках. Было темно и холодно. “Неужели все муки лагеря придётся перенести второй раз — голод, холод, издевательства?! Хватит ли для этого сил?” — размышлял я, и решил: хватит! Была бы в жизни цель. Раз уж я связал свою жизнь с этой несчастной дивизией. Всё-таки не дал людям разбежаться по лесам…»

Так закончилась для Владислава Тхоржевского Великая Отечественная война. Перед Родиной он был виноват тем, что надел вражескую форму. Он понимал это и был готов искупить свою вину. Возвращение частей первой власовской дивизии РОА на Родину было первым шагом на этом пути.

ВОЙНА И РАЗЛУКА

Молитва моя и любовь охраняют тебя всегда, везде.

Когда Владислав Павлович ушел на фронт и «пропал без вести», Лидия Александровна работала, порывалась даже уйти на фронт вслед за мужем — помешала беременность: вынашивала, а потом растила сына: ждала и верила, верила и ждала… Многим пришлось тогда вот так же верить и ждать — немногие дождались. Она — дождалась.

Дневник Лидии Александровны — это документ, в котором отражены ее мысли и чувства в самые трудные годы разлуки. Он представляет собой две тетради, исписанные убористым почерком. За 1941 год с июня по декабрь — 66 записей, за 1942 — 63, за 1943 — 10 записей, за 1944–1945 годы записей почти нет, черновики писем к другу, в основном делового характера.

Этот дневник — исповедь, наблюдение жизни, это страстное осуждение всех, кто допустил это страшное бедствие — войну. В этих дневниках поражает раскрепощенность духа, смелость суждений. Кажется почти невероятным, что кто-то мог решиться в то жестокое время доверить бумаге такие суждения и такие оценки…

«23 июня 1941 г. Я никогда не забуду то утро — ясное, светлое. В пять часов стук в дверь — принесли повестку Владе. У меня замерло сердце, и страх за друга сковал меня. Потом потянулись часы невыносимой муки.

В течение недели их не отправляли, но с восьми утра и до одиннадцати ночи держали в казарме. Я ждала его каждый вечер, слезы давили мне сердце.

8 сентября 1941 г. Владя пропал без вести при бомбежке эшелона.

5 октября 1941 г. Владислав не нашелся. Что могло случиться с ним? Жив ли он? Дни пошли еще тяжелее и мучительнее, надежды так мало, безотрадно на сердце и в будущее смотреть страшно. Владик, неужели твой сын не увидит тебя, и ты не обнимешь его? Пресвятая Богородица, защити и помилуй Владислава, верни его моему крошке».

Чтобы быть хоть чем-то полезной, она идёт работать в госпиталь, где проводит все свои вечера.

«2 ноября 1941 г. Мне удалось устроиться в госпитале. Милый мой, здесь я ухаживаю за ранеными, и все думаю о тебе. Есть тяжело больные, лежат по месяцу и больше; все они такие беспомощные и жалкие; сколько терпения и воли надо, чтобы хоть немножко облегчить их страдания».

В дневнике Лидии Александровны часто звучат гневные слова в адрес тех, кто развязал эту войну. Она обвиняет любое правительство и всех правителей.

«26 ноября 1941 г. Люди обезумели совсем, воюют за свободу, за счастье — какая нелепость, ведь каждый день кровавой бойни — это бесконечные страдания и горе. Мне непонятно, как кучка сумасшедших бессердечных людей может толкать в объятия смерти и ужасов войны миллионы людей. Пишут об ужасных издевательствах немцев над русскими — ужели можно так осатанеть и уничтожить всю доброту человеческую в сердце? Владя, я не предвижу исхода из этой пытки и в то же время жалко хватаюсь за жизнь, надеясь на Бога, что он пошлет нам встречу на земле».

Кроме разлуки, неизвестности, тяжёлых вестей с фронта, добавляются тяготы голода и холода в огромном городе.

«9 декабря 1941 г. Шестой месяц война, и столько же дней я плачу и жду понапрасну. Конца не предвидится. Руки опускаются, делать ничего не хочется; иногда, кажется, что всё в мире кончено, и жизнь невыносима.

Бедная мама, как она перемерзает, с утра и до вечера бегает по городу, чтобы хоть что-нибудь достать поесть, а как же ей быть, когда у меня родится сынишка, совсем она тогда замается. Иногда мы вместе плачем о тебе, Владик. Какая она хорошая, без нее мне совсем не жить. Папа тоже сильно всё переживает и ворчит помаленьку на окружающую жизнь. Так проходят эти печальные дни.

21 декабря. Что ждет в будущем? В сердце нет ни надежд, ни желаний. Дни проходят тяжелым кошмаром. Что-то будет с моим ребенком? Ужели он умрет с голоду? С продуктами так плохо, начались перебои с черным хлебом, конца войне не предвидится, массовое убийство продолжается. Господи! Ужели всё кончено?

19 января 1942 г. Тяжелое горе давит мне сердце. Что сделали с нашей страной, где ее богатства, где русские люди!? Двадцать пять лет нужды и лишений — и в результате такое предательство».

Лидия Александровна не считает, что война — это стихийное бедствие и все должны покорно терпеть нужду и голод. Не зря в народе есть пословица «Кому война, а кому и мать родна». Войну развязали правители, а расплачивается народ.

«21 января 1942 г. Великий гений Ленин, что сделали с твоим учением, как извратили, исказили всё, чему ты учил. Вместо счастья народ получил невиданное рабство, и только кучка людей и НКВД живут. Страна обеднела, народ измучен, запуган. Всюду ложь, несправедливость и насилие. Двадцать лет советской власти не улучшили жизненный уровень масс, а превратили их в жалкие придатки государственной машины, лишенные всяких прав, мыслей и свобод. То, что ты хотел дать русскому народу, великий вождь, не сбылось, и многие шлют тебе проклятья, ибо наше правительство все свои проделки прикрывает твоим именем. Тяжелые дни.

25 января 1942 г. Я не верю, чтобы люди могли все хорошо жить, любое правительство живет только для себя. Придя к власти, люди забывают, что они люди. Во имя счастья будущих поколений заставляют умирать, а на самом деле с каждым годом всё труднее и хуже жить. Какое безумие убить столько народа, и разве правительства от этого страдают? Они так же спят и до отвала едят. Политика всякого правительства — это ложь, наглая до цинизма. Совершенно прав Бакунин, что всякая власть — насилие.

26 января 1942 г. Владя, как хочется мне с тобой поговорить, высказать все, что накипело в душе, хочется выплакать горе. Обидно за Россию, за людей. Родина моя, никогда ты не была свободной и счастливой, всякая дрянь правила тобой, а теперь наособицу. Вздохнешь ли ты, Русь, когда-нибудь, или твой удел — вечное рабство и нищенское существование?»

Да, за такие строки несдобровать было бы Лидии Александровне, попади её дневник в чужие руки!

«12 февраля 1942 г. Иногда люди бывают хорошие. Сегодня я зашла к Шуре Н. на работу, там сидели все наши с завода Воево-

дина и, как один, дружелюбно и сердечно меня приняли. Мне было очень приятно их сочувствие моему положению и та забота, с какой они говорили со мной о моем здоровье и будущем ребенке. Насколько всё это искренне, не знаю, а только сейчас, как никогда, слова утешения и ласки мне необходимы, они возвращают мне желание жить.

16 февраля 1942 г. Мне хочется есть, Владик. Дай Бог тебе не испытать голода, ведь я надеюсь, что ты еще жив. Родной мой, когда же кончится эта война и все страдания? Мама ушла с утра по очередям, сидеть дома одной невыносимо. Обедать сегодня совершенно нечего. В Ленинграде люди мрут тысячами в день, нам пока хоть хлеб дают, но все говорят о сокращении пайка. Что будет! Страшно подумать. Настроение убийственное».

Многие люди болели дистрофией, цингой. Фаина Шарунова, прославленная работница горновой доменной печи, вспоминала: «Я никогда не забуду, как во время работы в цеху упал мужчина-доменщик. Врачи поставили диагноз — дистрофия». В Верхней Салде директор издал приказ о заготовке хвои и дикого щавеля и употреблении в рабочей столовой хвойного отвара для предотвращения заболеваний цингой. В тяжелой обстановке люди не обозлились, не огрубели, а наоборот, старались согреть друг друга вниманием.

«2 марта 1942 года. В ночь с 1 на 2 родился сын Виталий!

12 апреля 1942 г. Воскресенье. Три месяца я не была в госпитале. Бывает обстановка, которая сильно сближает людей. Дни, проведенные мною с тяжелобольными, оставили в них большое чувство благодарности. Я и не ожидала, что смогу быть настолько полезной людям. С ними мне было хорошо, я помню вечера — зимние, холодные, дома нет огня, на сердце так тоскливо, — и вот я шла в госпиталь, меня ждали, я была нужной: делала перевязки, массажи, поправляла подушки, давала пить, писала письма, читала книги, а иногда мы разговаривали об их семьях, близких, друзьях. О тебе, Владик, я много говорила, и каждый из них выражал искреннее сочувствие. Горе мое забывалось, я делала всё, чтобы было легче им; малейшие капризы исполняла без ропота, а некоторые из них даже плакали. Я люблю их, как сестра, и они полюбили меня так же.

17 мая 1942 г. Любимый мой, до каких же пор будет война, ужели еще мало крови пролили палачи-изверги, ведущие это убийство? Печаль и слезы в каждом доме, в каждой семье. Последние

люди уходят на фронт. Вчера я видела, как отправляли партию, так напомнило дни твоего отъезда, слезы едва сдержала. Лица мрачные, худые, нет в них жизни, мужества, тупое подчинение чужой воле застыло на них; мало кто смеется, головы опущены, невеселые мысли, видимо, засели в них. Тяжело было смотреть на этих несчастных. Несколько женщин провожали своих близких; молоденькая девушка идет под руку с безусым юношей, она что-то говорит, а он, не слушая, шагает. О чем он задумался? Другая молодая женщина несет котомку, с какой любовью несет она вещи; быть может, это последняя её услуга мужу. Шагов на десять от партии отстали двое — высокий черный мальчик, хорошо одетый, с грустным лицом; он, как большинство, задумчиво смотрит под ноги, а рядом, вытирая время от времени платочком слезы, идет его мать. Безраздельное горе на лице ее. Господи, не дай мне провожать сына на фронт!

В стране голод, болезни, но все молчат. Крепко запугали народ, никто не посмеет пикнуть, каждый дорожит своей каторжной жизнью, а подумаешь: для чего? Владик, мы всё время голодные, паёк так мал, что нам его остается на несколько дней; об одном боюсь, чтобы мои родители не обессилели окончательно. Живу надеждой, что Витька будет жить лучше, и ты вернешься к нам.

15 июня 1942 г. Начала работать в одиннадцатой палате — пятнадцать человек очень тяжело больных.

Добрые мои больные, как хороши и трогательны их заботы обо мне. Вчера купили мороженое моему Витьке, и так они сочувствуют мне и моему положению. Есть же хорошее в людях и благородное. Они выслушивают с терпением про Витьку всю мою болтовню, они говорят про тебя, Владик, и обещают, что ты вернешься. “Сестра Лида” — так зовут меня они, и я горжусь этим, мне легко с ними, и горе не так давит меня».

В архиве семьи Тхоржевских хранятся три записочки из госпиталя от раненых бойцов. «Здравствуй Лида Алекс. Поздравляю Вас с прибавлением семейства. Быть здоровым, выздоравливайте скорей и приходите нас проведать. У нас маленькое изменение. Нас перевели всех, где был клуб на 3-ем этаже. Ходят Колобовников и в том числе и я. Ещё Лида Ваше обещание мы получили — зеркальце. 30/I — 42г. Зуев». «Здравствуйте Лида! Мы Ваш подарок получили, за что очень благодарим. От нас тоже возьмите маленький подарочек и желаем Вам счастья и здоровья. Привет от всех. Киселёв, Куйчук, Колобовников. 3/II — 42 года».

«29 июня 1942 г. Ровно год, как мы расстались… Уехать бы в деревню. Настроение у народа пассивное, многие убиты горем, почти у каждого родные на фронте, — конца войны не видно. В стране голод и слезы, на фронте отступление. Год войны — год ужасных страданий».

Это небольшая часть дневниковых записей Лидии Александровны Тхоржевской. Они иногда прерываются на несколько месяцев. Осенью 1942 года она уезжает в Талицу, где работает начальником участка по производству автола. Семья поселяется на лесном кордоне, где силами Надежды Павловны и Александра Ивановича создают своё хозяйство с коровой, козами, птицей и огородом. Лидия работает в рабочем посёлке на Смолокурке. Верхом на коне она объезжает участок и приезжает к сыну и родителям.

Жизнь постепенно устраивается, тревоги за сына уходят, но не перестает она переживать за мужа и так же страстно пишет ему в письмах о своей любви, о том, что ждёт его и уверена в их скорой встрече. В дневнике много описаний природы и народной жизни.

Нам кажется, что Лидия Александровна была незаурядной личностью: ей был свойствен высокий дар любить и хранить верность и видеть окружающий мир без идеологических шор. «Осень, холодная, печальная, летит желтый лист и, как золото, падает на черную дорогу, а вместе с ним — маленькие снежинки; ветер пробирается за ворот, злой, колючий. Владислав мой, и тебе холодно, где ты? Что с тобой? Мрачная поганая жизнь, и на сердце пусто, холодно, уныло. Нечем дышать, еще никогда Россия не знала подобной жизни. Деревни разорены, народ искалечен, скот худой и мало. Все что-то делают, и от этого только хуже. Раздетые и голодные дети, сколько ещё можно терпеть и надеяться, где же исход людским страданиям? Во имя могущества государства, во имя партии гибнет Россия, русский народ. Сколько лагерей, тюрем построено вновь, а если подсчитать все жертвы в них — за это судили Германию, но себя мы не судим» (Дневник Л. А., 10 октября 1946 г.).

Дневник — это свидетельство обыкновенного человека, песчинки в вихре событий XX века о времени и о себе. По нему можно судить, какая доля выпала на женские плечи в годы Великой Отечественной войны, какие трудности переживал тыл и множество людей, которые трудились и творили Победу.

ПУСТЬ БУДЕТ ДОЛГИМ ОЖИДАНИЕ, НО НЕ НАПРАСНЫМ

Поезд с власовцами прибыл в Соликамск осенью 1945 года. Им объявили, что они не заключённые, а временно задержанные. «Будете работать на лесоповале как вольнонаёмные. Когда вас отпустят из лагеря, не знаем — приказа нет, но будет».

Многие власовцы, действительно, были отправлены в Соликамск на лесоповал. Согласно справке Института истории СССР, 36 746 бойцов власовской армии отбыли там наказание и по амнистии от 17 сентября 1955 г. разъехались по домам.

Владислав Павлович Тхоржевский был отдан под суд 18 февраля 1946 г. Во время следствия находился в лагере для заключенных в Соликамске. В мае 1946 г. до приговора он написал Лидии Александровне два письма. Первое письмо на старый городской адрес — соседи переслали в Талицу. Насколько был неуверен Владислав, что он еще нужен Лидии, говорит не только очень осторожный тон письма, но и то, что он адресует его Лидии Александровне *Серебренниковой*.

«Добрый день, Лида!

Ты не сможешь себе представить, как трудно писать это письмо тебе. Отгремела война, а жизнь оказалась помятой и исковерканной. Я вышел из войны живым и здоровым, но за свои грехи перед Родиной пришлось отвечать. Без сомнения, я сумею оправдаться перед ней и лет через пять снова буду полноправным гражданином, но ведь сейчас я арестант. Лучше было бы вернуться в Свердловск без руки или ноги, чем писать сейчас это письмо, но, как видишь, судьба (если таковая существует) решила по-другому. Поэтому только остается сослаться на пословицу “От тюрьмы да от сумы не зарекайся!” Духом не падаю, т. к. уверен, что я сумею стать человеком, и что в жизни еще не всё потеряно. Сейчас не буду писать, как всё это было, слишком это длинно, да и вспоминать не хочется — если захочешь переписываться, то когда-либо в другом письме. У меня к тебе просьба — написать, как ты живешь и что в твоей жизни изменилось?

Лидушка, ответь сразу, т. к. никаких других просьб не имею…

Для меня только одно ясно — придется много поработать, чтобы оправдаться перед советской властью. Это я должен сделать и сделаю. А трудности этого периода не имеют существенного значения, т. к. я еще молод, а кроме этого имею специальность и если не через месяц, то, возможно, через год сумею устроиться на ра-

боту по своей специальности. Написал бы больше, но я просто не могу представить твоей теперешней жизни, а поэтому писать трудно. Желаю тебе всего хорошего, как и жить всегда. Привет близким и родным, а можешь и не передавать. Я на это не буду в претензии. Всего хорошего, дорогая жена! С приветом, Владислав» (Письмо В. П., 16 мая 1946 г.).

Ответ Лидии Александровны, первое письмо:

«Дорогой мой Владик! Твои письма получила. Тебе покажется странным, но они не были для меня неожиданностью. Все эти годы войны и разлуки ты был с нами, и я верила в твое возвращение. Многое пережито и передумано, но первое чувство к тебе при всех обстоятельствах оставалось прежним. Самым главным событием в моей жизни за это время [стало] рождение сына 1 марта 1942 года. Ему принадлежит вся моя жизнь, прошлая, настоящая и будущая. Если ты найдешь в этом радость и цель своей жизни, то мы будем счастливы вместе… и если ты не нашел себе другой семьи и не имеешь других привязанностей, то приезжай при первой возможности освобождения. Все свои ошибки перед Родиной ты загладишь, я знаю тебя, твое упорство в работе и честный характер» (Письмо Л. А., 24 апреля 1946 г.).

Второе письмо Лидии Александровны:

«Дорогой любимый Владик! Твое третье письмо получила, но страшно жаль, что ты не получил мои. Всё сердце выболело за тебя, мой друг, но я верю, что мы встретимся рано или поздно, и тогда счастье будет в наших руках. Главное, ты жив. Надеюсь, что люди не так жестоки и уж не так велика твоя вина, что ты попал в плен. В твою невиновность я верю, и буду верить всегда, даже и тогда, когда кто-либо вздумает бросать в тебя грязью. Знаю, как ты упорно хотел и работал на благо родины. Самое большое счастье у меня твой сын, он-то хранит меня от всех искушений, не давал падать духом в тяжелые минуты. Я хочу, чтоб ты полюбил его больше меня и всего на свете. Я хочу, чтобы ты завоевал себе жизнь для него и вернулся к нему.

Владик, пиши, можно ли мне приехать к тебе повидаться, можно, нет выслать посылку, что послать? …Витя играет в поезд и всё везет папочку домой.

Пусть будет долгое ожидание, но не напрасное».

26 июля В. П. Тхоржевский был приговорен по статье 58-б к высшей мере наказания, замененной 20-ю годами каторжных работ и 5-ю годами поражения в правах с конфискацией имущества.

Такой приговор был для него полной неожиданностью, т. к. следователь вел во время допросов задушевные беседы и давал понять, что наказание не будет тяжелым. Он зачитывал после допроса текст, а В. П. Тхоржевский подписывал, уже не читая.

После вынесения приговора для Владислава начались новые скитания, но уже по советским лагерям.

С апреля 1947 по октябрь 1948 года — отбывал меру наказания в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) п/я 226 г. Ухта в качестве инженера-проектировщика и ст. инженера-электротехника.

С 8 августа 1948 по январь 1949 гг. — лагерь Вой-Вож, проектирование электроустановок в лагере нефтяников.

С января 1949 по февраль 1956 гг. — в г. Воркуте на шахтах № 6,4,5 в качестве старшего электро-слесаря, заведующим электровозным гаражом.

Лидия Александровна тоже надеялась на более мягкий приговор и, узнав его, пришла в отчаяние.

Первый лагерь для заключенных, который В. П. Тхоржевский увидел на родной земле, располагался в Соликамске и походил на гитлеровские лагеря, как похожи друг на друга близнецы.

«Три ряда колючей проволоки, вышки одной и той же конструкции, расположенные на одних и тех же расстояниях, типовые проходная и ворота.

Даже лозунги схожие: “Труд в СССР — дело чести, доблести и геройства”, а у гитлеровцев более лаконично: “Радость через труд” или “Работа освобождает”.

Однотипно и управление узниками. В Сувалках имелся арестблок с начальником Иудой и гестаповцем Генрихом, а в ИТЛ — барак усиленного режима во главе с “начальником” из заключенных и лейтенантом внутренних войск. В Сувалках управлял Штерман (Родионов), в ИТЛ — нарядчик, тоже из заключенных. Там и тут были голодные угнетённые голодные люди, там и тут — паразиты, сытые и хорошо одетые.

Я сразу понял, что ИТЛ — школа разрушения нравственных устоев людей. В лагерь попадали трудолюбивые крестьянские парни и девушки, случайно или за нарушение каких-то дурацких правил и зверских законов, например, за сбор зимой на полях неубранных колосков пшеницы, а иногда и просто по злому навету. Над ними издевались, закоренелые уголовники “исправляли” их и выходили на свободу с презрением к любому труду, ворами и негодяями, а девушки — потаскухами. При выходе на свободу они по-

лучали задание от “воров в законе”, из них вербовали хранителей украденных вещей и барыг».

Из тюрьмы в Перми В. П. Тхоржевский попал в Ухтинский ИТЛ. Тут ему повезло, отправили работать в проектную контору инженером-проектировщиком электроустановок. Владислав Павлович пишет о том, что он начал заниматься самообразованием, подал заявку на изобретение рудничного взрывобезопасного светильника и «получил авторское свидетельство за номером 77116 как равноправный советский гражданин».

Осенью 1948 года его направили в лагерь нефтяников Вой-Вож, где он занимался проектированием электроустановок в лагере нефтяников.

Все эти годы Лидия Александровна и Владислав Павлович ведут активную переписку. Он пишет ей очень подробные письма мелким почерком на 4-х листах. Лидия Александровна в 1948 году начала в Талице строить свой дом, очень устает и сетует в своих письмах. Владислав Павлович отвечает ей с большой любовью. Отвечая на ее сетования, что жизнь уходит, и она стареет…

«Милая моя, где бы я ни был, я вернусь к тебе как любящий муж и тебе не надо думать, стара ты или нет, буду я тебя любить или нет. Я отвечаю заранее — для меня ты никогда не будешь старой, и моя любовь принадлежит только тебе. Надо уметь ждать, любить, верить и сохранять нервы. Когда это будет, не знаю. Но думаю, что это будет не поздно. <…> Верных друзей мало и цены им нет. Тот, кто был другом, тот может ценить дружбу. Вот почему моё отношение к тебе не только как к жене. Я верю, что ты друг. Не будь этого, я бы забыл тебя, как забывают жен, вот почему я хочу говорить с тобой откровенно, так понимать тебя, как я понимаю себя» (Письмо В. П., 29 сент. 1948 г.).

Это было последнее письмо из лагеря Вой-Вож, до 1954 года писем не будет. В октябре 1948 года — отправка в Воркуту, после чего переписка надолго прекратится. К этому времени на шахте № 6 заканчивалось создание каторжного «Речлага». Фамилии заменили буквенными и цифровыми обозначениями, нашитыми на спину и на ногу. Каторжан сдавали и принимали по номерам.

«На всю жизнь мне запомнились первые дни каторги, которую организовали чиновники Берии в лютые морозы полярной ночи. Круглые сутки темно, мороз 40–45 градусов, над Воркутой иллюминация полярных сияний, на которые никто не смотрел. На шахте не было ни бытовок, ни помещений, где можно было бы спрятаться от

холода. После окончания смены клеть поднимала на-гора остатки каторжан, мокрых, перепачканных угольной пылью. Они толпою подходили к воротам, и тишину полярной ночи разрывали вопли:

— Начальники, родимые, в ботинках вода застыла!

— Ведите в лагерь! Погибаем!

В небе красочно мелькали разноцветные ленты сияний, а мороз под пятьдесят градусов белил щеки беззащитных людей. У меня тоже застывала в ботинках вода и штаны превращались в камень. Я старался ступать осторожно, чтобы они не лопнули и не рассыпались на кусочки. Конвою из жарко натопленной проходной выходить неохота, но дикий вой толпы действует им на нервы, один из них выходит и дает команду на построение в колонну по пять человек в ряд. После построения посчитал, затем снова дал команду:

— Можете расходиться, не хватает двоих! — и ушел в проходную.

Каторжники бросились бежать к единственному зданию шахты, где сидело начальство, крича одно и то же:

— Замерзаем!

— Опять, как вчера, будут искать в шахте погибших, — одеревенелыми губами прошептал мой приятель. — Неужели ждать ещё целый час?!

Снова построили, ещё раз посчитали, выяснили, куда исчезли двое заключенных и какие это номера.

Но испуг на этот раз оказался напрасным, до ушей долетел обнадеживающий разговор:

— Товарищ капитан, поднимай каторжан и веди их в лагерь.

— Они нарушают правила, не подчиняются. Смотрите сами, человек десять не прижали лица к снегу. Я вот этих сначала пристрелю, а потом уж поведу остальных в лагерь.

— Я бы их сам расстрелял, но шахта план не выполняет. Людей нет, а эти, каторжные, в забоях еле-еле, как червяки, ползают, говорят, сил нет. Вот и приходиться идти на уступки этим выродкам, врагам народа!

— Встать! Марш!

Около ворот лагеря снова начинается тот же “спектакль”, но с одним дополнительным актом — шмоном. На морозе каторжане раздевались до нижнего белья, некоторых заставляли снимать и ботинки, после чего поочерёдно шли на обыск. Затем снова по тому же гнусному сценарию:

— Номер А-776, выходи!.. Номер…

Наконец вместо занавеса открывались лагерные ворота, над которыми висел огромный транспарант: “Труд в СССР — дело чести, доблести и геройства”. Каторжане бежали в столовую, на ходу оттирая на лицах белые пятна.

После еды нас закрывали в бараках. Все ложились, не снимая одежды. Я снимал только сапоги, чтобы с них вытекла вода, а на ноги “обувал” шапку».

В 1952 году Владислава Павловича назначили механиком внутришахтного транспорта. Быстро изучил особенности электровозов, вагонеток, путей и скиповых подъемников. «У меня сразу же появились рацпредложения, и мы с новым начальником начали менять шахтный транспорт».

1952 год. Лидия Александровна тяжело переживает своё одиночество: «Прочитала всё записанное. Много прошло дней, многое изменилось. Теперь живу в Свердловске, работаю в школе. Витя учится в 3-м классе. О Талице не вспоминаю, а вот Смолокурку вспоминаю иногда, её не забуду. Слава Богу, родители мои живы, с ними мне легче. На сердце как всегда печально. Вспоминаю часто Владислава. Что бы ни загадала, а судьба неумолимо предвещает мне с ними разлуку, даже письма не разрешили писать. Возьму старые письма и плачу, но слёзы не облегчают душу. Одна отрада в моей жизни — это Витя; мечтать о личном счастье нет времени, да и голова поседела» (Дневник Л. А, 1 января 1952 г.).

В 1954 году разрешили писать письма. Лидия и Владислав вырываются из вынужденного молчания. Они вновь ведут свой диалог о дружбе, о любви, о смысле жизни, о долге, о чести, о том, как будут жить после возвращения Владислава. Писем много, они очень большие, на 3–4 страницах убористым почерком. За 1954 год — 23 письма, 1955 — 76, 1956 за 2 месяца (январь–февраль) — 14 посланий: письма, открытки, телеграммы.

Из писем этого периода видно, как устала от одиночества, ожидания и забот Лидия Александровна и как устремлен к ней, к ее дому, к своей семье Владислав Павлович. Владислав Павлович был освобождён 17 февраля 1956 г. по амнистии со снятием судимости и поражения в правах.

«В феврале 1956 года я, получив временный паспорт, купил билет до Свердловска в жесткий купейный вагон и вошел в купе. Там уже сидели два офицера войск внутренней охраны.

Над сиденьями висели зеркала, и я впервые за последние десять лет увидел себя воочию. Зеркальное отображение беспощадно

сказало мне правду, от которой я невольно даже отшатнулся в угол. Я увидел лицо, одежду человека второго сорта — вчерашнего раба. Забившись в угол, я боялся повернуться к офицерам. Мне казалось, что сейчас сюда ворвутся охранники, схватят меня за шиворот, выбросят из вагона и, избивая ногами, заорут: “Куда это ты поехал, падаль фашистская?! Как бы не так!” И хотя меня никогда не избивали ни в плену, ни на каторге, тревожное ожидание расправы прекратилось только с того момента, когда поезд набрал скорость и начали исчезать последние огоньки Воркуты.

Но тут меня окружили еще более мрачные мысли: “Куда я еду и зачем? Как встретят? Не останусь ли навсегда человеком второго сорта? Не вернуться ли обратно, пока не поздно”.

Получилось всё не так, как я боялся. Везде и всюду меня встречали приветливо. Устроился работать конструктором в научно-исследовательский институт (УНИХИМ). В стране начиналась новая жизнь, дела шли на подъем. Нам поручили совершенно новое необычное задание — разработать приборы для сернокислотного цеха Бхилайского металлургического завода в Индии. Доверили это дело мне. Я организовал конструкторский отдел, провел исследовательские работы и издал первую свою книгу “Конструирование приборов для стран с тропическим климатом”. Приборы, разработанные с моим участием, начали работать во многих странах мира.

Никто не лез мне в душу, не расспрашивал о прошлом, да и я о нем никогда не рассказывал. Окружающие меня, наверное, знали что-то обо мне, но оберегали меня от неосторожных намеков».

Владислав Павлович Тхоржевский стал автором 8 изобретений, причем первое свидетельство выдано 8 августа 1949 г., а последнее — 7 июля 1982 г., когда уже на пенсии он работал слесарем в котельной поселка Шарташ, входившего в состав Свердловска. Автор нескольких книг по приборостроению, участник и неоднократный бронзовый призёр ВДНХ, отличник химической промышленности СССР, ударник коммунистического труда, член народной дружины, ветеран труда. Реабилитирован 18 октября 1991 года.

***

Познакомившись с письмами и дневниками Лидии Александровны и Владислава Павловича Тхоржевских, мы соприкоснулись с судьбами удивительных людей.

Лидия Александровна стала отличным педагогом, учителем химии. Много теплых воспоминаний оставили о ней выпускники школы и коллеги. Но, главное, они показали, как можно стойко, достойно переносить превратности судьбы, как противостоять давлению внешних обстоятельств и остаться верными самим себе. После смерти Владислава Павловича Лидия Александровна снова начала вести дневник и писать неотправленные письма. Мы начали наше повествование с записки Лидии Александровны и закончим ее же небольшой записью:

«5 ноября 1940 года зарегистрировали брак, а на другой день сходили в церковь на Ивановском, поставили свечи перед иконой Божьей Матери, Владик подарил мне серебряное колечко с аметистом. Выходя из церкви, дали обещание — будем жить до конца дней своих вместе, и похоронят нас в одной могиле, на которой вырастут два цветочка.

В 1956 году, после пятнадцати лет разлуки, открылась дверь, и он зашел с чемоданом в руках. Встретились, как будто не было разлуки, была радость, любовь, счастье.

37 лет совместной жизни. Владик ее прожил, как задумал еще в юности. А я благодарна Господу Богу за встречу и жизнь с необыкновенным человеком, жизнь нелегкую, но романтичную и прекрасную».

Владислав Павлович Тхоржевский умер 9 марта 1993 г. на 77-м году жизни.

Лидия Александровна умерла 30 мая 1994 г. Они похоронены в одной могиле на шарташском кладбище рядом со «своими старичками».

Человек. Плен

Владимир Алов
школа № 34, г. Петрозаводск, Республика Карелия
научный руководитель Наталья Айказовна Алова

Я еще учился в начальной школе, когда моя бабушка, Наталья Айказовна Алова, стала брать меня на встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, которые она организовывает для своих учеников. Благодаря этим встречам я узнал о юнгах Северного флота, о том, что в нашем городе было несколько концлагерей, лично общался с бывшими малолетними узниками этих лагерей.

Пять лет назад бабушка стала брать меня с братом на Курган Славы — место захоронения найденных поисковиками останков защитников нашего города. Именно на этих торжественных захоронениях я понял, как важно родным узнать, что их близкие не без вести пропали, а с почестями захоронены на рубеже обороны города, который они защищали ценой своей жизни. Если поисковикам удается найти заполненные медальоны, подписанные личные вещи, они разыскивают и приглашают на церемонию родных или близких бойцов. Тогда среди плит, на которых указано только количество погребенных бойцов, появляется именная плита.

В 2013 году, когда в нашей республике началась подготовка к 70-летию освобождения Петрозаводска (июнь 2014) и Карелии (октябрь 2014) от захватчиков, мы с бабушкой еще раз проверили информацию о военном прошлом нашей семьи и выяснили, что среди защитников Петрозаводска был близкий нашей семье человек. Звали его Павел Иванович Леонтьев. Он был мужем Бабани — так называла моя бабушка Анну Васильевну Леонтьеву, свою двоюродную бабушку, родную сестру деда. Своих детей у Бабани и дяди Пали (так Бабаня ласково называла мужа Павла) не было, и после войны Бабаня сначала помогала растить мою бабушку, потом моего папу. По рассказам бабушки, Анна Васильевна всю жизнь ждала своего Палю, который пропал без вести в самом начале войны.

Да, дядя Паля не был нашим прямым родственником, но именно благодаря ему мои предки по папиной линии оказались в Петрозаводске, а Бабаня очень много сделала для нашей семьи. И мы с бабушкой решили выяснить фронтовую судьбу ее любимого супруга.

Павел Иванович Леонтьев был обычным парнем из вологодской деревни. Он родился 28 августа 1896 года. В 20-е годы перебрался

в Петрозаводск, выучился и служил ИТР в литейном цехе Онежского (Петровского) завода.

К сожалению, на момент начала поиска мы не знали точной даты рождения, и это усложнило поиски. В Книге Памяти Республики Карелия было указано, что он умер 29 декабря 1941 года. И всё. В ОБД «Мемориал» мы нашли несколько полных тезок дяди Пали, и только то, что в Книге Памяти был указан год его рождения, помогло установить его трагическую судьбу.

Анна Васильевна, жена Павла Ивановича, очень мало рассказывала о нем. По воспоминаниям моей бабушки, при упоминании о Палечке она начинала плакать и просила не расспрашивать. Мы знаем только то, что незадолго до дня рождения Павла Ивановича призвали на фронт. Призван он был Зарецким РВК Петрозаводска 8 августа 1941 года. За время обороны он, по словам Анны Васильевны, два раза ненадолго «забегал» домой. С его слов известно, что он был приставлен к лошадям, подвозил, что требовалось, на передовые. Как он говорил, винтовка была только у старшего. По воспоминаниям Бабани, сильно похудел. Моя бабушка считает, что это не удивительно: Бабаня была поваром в правительственной столовой, прекрасно готовила, любила побаловать мужа вкусной выпечкой. Моя бабушка до сих пор вспоминает, как вкусно готовила Бабаня.

Петрозаводск готовился к эвакуации. В последнюю встречу дядя Паля сказал жене, что город приказано держать как можно дольше, чтобы успели эвакуироваться жители и беженцы. Просил жену не задерживаться. Но Анна Васильевна до последнего надеялась, что среди отступающих защитников города будет ее Паля, и эвакуировалась по Онежскому озеру с последней партией гражданского населения. Только после освобождения Петрозаводска и Карелии в 1944 году она узнала, что Павел Иванович пропал без вести. Но судя по документам 1946 года, уточняющим потери, тогда уже было известно, что он погиб 29 декабря 1941 года, правда, указания на то, что это произошло в плену, не было. Знала ли об этом Бабаня, нам не известно.

Плен — трагическая судьба сотен тысяч бойцов Великой Отечественной войны. Уже в первые месяцы войны их приказано было считать врагами, предателями. Плен считался позором. Наш родственник, Василий Васильевич Стрелков, прошедший всю войну, рассказывал, как несколько раз он со своими товарищами при отступлении оказывался в окружении, как с боем и потерями они прорывались к своим, и тот последний патрон, который оставляли для себя, чтобы не попасть в плен, шел в дело в бою. Василий Васильевич,

по словам бабушки, не любил об этом вспоминать. Переживал только о том, что, хоть в донесениях отмечали про товарищей — погиб в бою, нет у него уверенности в том, что на поле очередного боя при отступлении остались только погибшие: возможности искать контуженных и тяжело раненных не было.

Может, так попал в плен и дядя Паля? Если учесть, что у возниц не было оружия, то как можно было при окружении избежать пленения? По документам, составленным после капитуляции Финляндии, Павел Иванович попал в плен 10 октября 1941 года. Лагерь, куда его поместили, находился в г. Лаппеенранта губернии Кюми.

Так я впервые узнал, что во время Великой Отечественной войны был не только немецкий, но и финский плен. А еще я узнал, что даже были специальные отчеты о потерях, где были пропечатаны графы: «Время перехода в плен», «Обстоятельства перехода в плен». То есть бойца заранее называли предателем.

По статистическим данным Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР, финскими воинскими подразделениями было взято в плен 64188 человек. Согласно договору о перемирии в 1944 году, после прекращения Финляндией военных действий в Советский Союз было возвращено 44453 военнопленных или интернированных. Получается, что из всей массы пленных в финских лагерях погибло 29,1%. Это одна из самых высоких цифр в мире. И это без учета военнопленных, которых переправляли в Норвегию и немецкие концлагеря. Неужели все они просто взяли и перешли на сторону врага, в плен, чтобы погибнуть там мучительной смертью?

Не мог такого сделать дядя Паля, который, по воспоминаниям близких, очень любил свою Нюрочку. Да и другие, такие же, как он. Это для них с первых дней войны в Финляндии уже готовили концлагеря, как для дешевой рабочей силы. А в плен попадало очень много бойцов. Например, только Медвежьегорская операция дала финнам 2800 военнопленных, а Олонецкая — где-то 1200. А лагеря строили с расчетом по 300–500 человек в каждом. Самым страшным был август 1941 года. В августе военнопленные поступали в лагеря следующим образом:

2.8.1941	По всем лагерям одновременно	1459 чел
9.8.1941		3047
16.8.1941		4714
23.8.1941		7995
23.8.1941	В военные лазареты	486

К концу августа 1941 года пленными были заполнены уже 18 лагерей по всей стране, а крупные их партии были еще на подходе, потому что наступательные бои на Перешейке завершились лишь 9 сентября. Началась окопная война. Линия фронта фактически не менялась до 1944 года. Военнопленных добывали теперь случайно, целые недели проходили порой без их поимки. Поимка пленных не сводилась теперь только к пополнению рабочей силы для Финляндии. Пленные нужны были для получения важной секретной информации, которая вырывалась у них любым путем. Солдаты, захватившие «языка», поощрялись, например, дополнительным отпуском домой.

Да, руки вверх наши бойцы поднимали по приказу. А что еще оставалось делать? На что надеяться, особенно раненым и контуженным, а зимой еще и обмороженным? А возницы? А пекари Выборгской полковой пекарни? Чем они могли биться с врагом? Много таких осталось на поле боя после отступлений, осталось, чтобы умереть или попасть в плен. В некоторых донесениях о потерях, которые составлялись в короткие передышки между боями сразу за несколько недель, в графе о выбытии часто отмечалось: «оставлен на поле боя» или «умер в окопе от ранения в грудь» — со слов медсестры. А человек потом оказывался в плену. Правда, после таких записей семья могла получать пособие на жизнь.

О том, что плен, даже для тех немногих, кто переходил к врагу добровольно, поверив агиткам и посулам, которые щедро разбрасывались над линиями обороны, был ужасен, пишут даже финские послевоенные исследователи истории.

Цифры подтверждают это. На территории Финляндии до сих пор сохраняются захоронения советских военнопленных с указанием количества захороненных. За захоронениями следят члены финско-российских обществ дружбы, члены обществ русской культуры в Финляндии, представители консульства России в Финляндии.

Хельсинки, Малми 33
Лаппее, Туомиоя 39
Ханко 153
Лаппеенранта 1352
Карьяя 112
Куопио, Кеттулахти 21
Карана 269
Юука 29
Пори 319
Валкеакоски 27

Мой дядя
Павел Леонтьев

Братская могила,
в которой похоронен мой дядя

Страница списка военнопленных

Карточка военнопленного Владимира Антоновича,
погибшего в финском плену

Кеулие 122
Лянгелмяки 197
Юлямаа..... 137
Оривеси 85
Руоколахти..... 92
Настола..... 1055
Турку 36
Ямся 31
Коккола 649
Ваала, Пелсо 133
Кяльвия 35
Суомуссалми 103
Каннус 184
Тайвалкоски..... 99
Вааса 75
Эноктекие 24
Керимяки 97
Кеми, Валлитунтури 162
Пиексямяки 2813
Кеми, Айоссаари 1671
Миккели 23
Рованиеми 277
Юливиеска 120
Кемиярви 485
Куусамо 365
Соданкюля 268
Оулу 100
Салла 76

Кроме того, более чем в ста населенных пунктах находятся могилы, в которых захоронено от одного до двадцати военнопленных.

Павел Иванович Леонтьев был захоронен в одной из трех братских могил в Лаппеенранта. Один из 1532 мучеников плена. Среди погибших немало неизвестных. Лагерь находился на воинской территории, и сегодня закрытой для свободного доступа. Там же первое захоронение, куда пускают только по разрешению. Моя бабушка была там 9 мая 2014 мая в составе делегации финских и российских представителей и возложила от нас памятную корзину цветов. Самого лагеря, естественно, нет. Но все они выглядели примерно одинаково.

Большинство лагерей располагалось далеко от границы с Карелией, в глубине Финляндии. Военнопленных перевозили разным

транспортом. Умирать они начинали уже в дороге от голода, без медицинской помощи. Например, отправляли в суровые зимние морозы военнопленных в орглагеря из Петрозаводска в холодных и наглухо закрытых вагонах для скота. В одной только партии пленных, отправленных 22 января 1942 года, из 158 человек 13 умерло уже в дороге. В партии 1 февраля 1942 года из 91 человека в вагонах осталось лежать 9.

Мучения продолжались и по прибытии в переполненные лагеря. Шесть дней в неделю военнопленные, способные покинуть бараки, работали на торфоразработках, лесоповале, в каменоломнях. И умирали один за другим. Известий о скором конце войны никаких не было, что в свою очередь лишало угодивших в плен мужчин всяких надежд на завершение их мучений.

Побег был невозможен: чужая страна, незнакомый для большинства язык, враждебность большей части местного населения, помнившего Северную военную кампанию 1939–1940 гг., начатую Советским Союзом. Кроме того, в беглецов разрешено было стрелять на поражение, а схваченных расстреливали.

Большинство военнопленных, попавших в плен в первые месяцы Великой Отечественной войны, погибали через 3–4 месяца. Смертность среди пленных видна на следующей таблице (см. *Эйно Пиэтола*. Военнопленные в Финляндии. 1941–1944 / Перевод с финск. // Север: Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Петрозаводск, 1990. № 12):

1.7.41–31.12.41	2369	умерших военнопленных
1.1.42–30.6,42	11863	-"-
1.7.42–31.12.42	3063	-"-
1.1.43–30.6.43	521	-"-
1.7.43–31.12.43	210	-"-
1.1.44–30.6.44	185	-"-
1.7.44–25.11.44	116	-"-
Дата смерти неизвестна	около 350	-"-

Павел Иванович Леонтьев, рядовой Красной Армии, попавший в плен 10 октября 1941 года, умер 29 декабря этого же года. Причина смерти — общая слабость. Как потом бабушке объяснили в нашем консульстве в Финляндии, общая слабость — это истощение, то есть смерть от голодания. Вернувшись из Финляндии, бабушка сказала, что, слава Богу, Бабаня так и не узнала, как умер ее любимый Паля, которого она постоянно баловала своими кулинарными изысками.

Я тоже считаю, что для нее еще одним ударом было бы узнать о голодной смерти своего мужа.

В исследовании Института военной науки Финляндии «Военнопленные» имеется следующая заметка: «Одной из главных причин большой смертности военнопленных было с самого начала их слабое питание. Вообще долгое время попавшие в плен страдали от недостаточного питания и от больших перегрузок, что наверняка увеличивало их предрасположенность к заболеваниям». И это правда. Дело в том, что мы с бабушкой не остановились только на поисках информации о трагической судьбе Павла Ивановича Леонтьева. Вернувшись из Финляндии, бабушка организовала акцию «Возвращение». Мы с ее учениками по несколько раз пересмотрели все списки военнопленных, погибших в финском плену. Составили архив анкет жителей Карелии, Беларуси, Ставропольского края. Дело в том, что мой прадед из Георгиевска, а еще у нас есть родные из Беларуси. В анкетах мы отмечали и причины гибели в плену. На первом месте следующие причины: общая слабость (я уже знаю, что это такое), желудочно-кишечные заболевания, понос, паралич сердца. Кроме того, были очень распространены туберкулез, заболевание почек. Также есть отравления, скорее всего некачественной пищей, самоубийства, «перерождение сознания» (видимо, сумасшествия), заражения крови, обморожения, сыпной тиф, огнестрельные раны. Последнее, скорее всего, это расстрелы, которые практиковались в лагерях.

Подобное исследование проводилось самими финнами во время войны. «Следователь разведотдела ставки О. В. Фрискберг пытался выяснить причины смерти военнопленных. В лагере № 9 (Кеми, местечко Айоссаари) за октябрь–декабрь 1941 года погибли 221 человек. Согласно протоколам допросов, причины смертей определены следующие: понос — где-то 55 процентов из всех случаев, общая слабость — 35 процентов, заболевание мышцы сердца — 5 процентов, голод и изможение — 2 процента, легочная астма — 1 процент, грипп — 1 процент, заражение крови — 1 процент (столбняк, видимо)».

Сами финские власти признавали очень высокую смертность в лагерях советских военнопленных: «Смерть вырывала из рядов мужчин в расцвете сил, которым физический труд не был в диковинку».

Чем же кормили военнопленных? В лагеря завозили трупы лошадей. Чаще всего конина была испорченной. Варили голландское бочковое мясо, которое имело такой страшный запах, что он не пропадал даже после двухсуточного вымачивания. Но голод заставлял военнопленных есть и такую еду. Часто подолгу не было и такого

«мяса». А труд был обязателен. Умирали прямо на лесоповале, на торфяниках. Например, на торфяных разработках в Риитасенсуо за короткое время от истощения и изможденния умерло 45 человек. Остальные пленные взбунтовались. Во время подавления бунта было застрелено еще 15 человек. Взамен казненных и погибших от голода торфоразработки получили новую партию военнопленных.

Военнопленные часто обращались за медицинской помощью. Из лагерей их переводили в больницы. Несмотря на медицинский уход, в больницах в Коккола и Лаппеенранта, например, умер 2001 человек. Но чаще «лечили» на месте. В качестве основного лекарства применяли «горячий чай, камфару и ягодный сок». Некоторых «освобожденных от работ по болезни» по утрам находили в бараках мертвыми. Причины смерти ставили сразу: язва желудка, паралич сердца. Наверное, так и умирал Павел Иванович Леонтьев, физических сил которого хватило на два с небольшим месяца плена.

Выяснение военной судьбы одного человека открыло для меня страшные страницы истории Великой Отечественной войны. Но только непосредственное знакомство со свидетельствами прошлого заставили по-настоящему задуматься: почему так несправедливо мучеников плена считали предателями?

2 октября 1941 года город Петрозаводск был оккупирован финляндской Карельской армией и переименован в Яанислинна. В это время где-то в лесах на подступах к городу без оружия, без помощи пытался выйти к своим обозник Павел Иванович Леонтьев, рядовой, беспартийный, 1896 года рождения. Не вышел. Оказался в страшном плену. Для нас он не предатель, он — дядя Паля, солдат Великой Отечественной войны. Наверное, как и тысячи других, он жил верой и надеждой на освобождение. Но освобождением стала мучительная смерть.

После того, что мне удалось узнать о судьбах военнопленных, я считаю несправедливым то, что до сих пор они не реабилитированы и не признаны участниками и жертвами войны. Павел Иванович Леонтьев — человек, которого я никогда не видел и о котором знаю очень мало, но главное, что знаю: он, как мог, защищал мой город, мою и свою Родину.

В моем компьютере отдельно хранится учетная карточка одного из военнопленных. Правда, погиб он в немецком плену в Германии. Бабушка случайно обратила на нее внимание, когда мы работали с документами и списками. Дело в том, что мы с этим бойцом очень похожи и зовут его, как и меня, — Владимир. Он, как и миллионы других, погиб, чтобы сегодня жил я.

«Зачем ты, война, наше детство украла?»

Елизавета Ампилогова
школа № 2, г. Няндома, Архангельская область
научный руководитель Татьяна Михайловна Костикова

Далеко не каждый человек может похвастаться тем, что знает свою родословную до пятого колена. В этом смысле мне повезло. Из рассказа моей прабабушки Нины Ивановны Ерёминской о своей жизни я многое узнала и об ее родителях — моих прапрабабушке и прапрадедушке. Моя прабабушка родилась в 1932 году, за девять лет до войны, а детство ее пришлось на трудные военные и послевоенные годы. Задумывалась ли я об этом раньше? Пожалуй, нет. Слишком далекой казалась мне Великая Отечественная война. Но то, что я услышала, заставило меня многое переосмыслить. В работе я использовала воспоминания и других жительниц нашего города, переживших военное детство, — оказалось, что память об этом ни у кого не изгладилась, а значит, и война, которая закончилась полвека назад, всё еще не ушла из нашей жизни.

ЕСТЬ У ВОЙНЫ ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕНЬ НАЧАЛЬНЫЙ

Весть о начале войны заставала людей по-разному.

Прабабушка помнит, что дома радио не было, но в правлении была «тарелка», поэтому все новости узнавали через правление. «Председатель колхоза услышал о начале войны по радио. А люди уже узнали от него. Взрослые понимали, что пришла беда. Бабы голосили. Отцу почти сразу пришла повестка. Его и других мужиков повезли в Каргополь. Мама всю ночь не спала. У нас в деревне кузница была, так она всё возле нее сидела, ждала, вдруг вернутся. Почти вся деревня ушла на войну, все мужики, только старики и остались. А отец воевал, два раза ранен был, лежал в госпитале».

Екатерина Яковлевна Макарова (1931 г. р.) жила в Горьковской области. Она вспоминает: «О начале войны мы услышали на улице, все плакали. А мы не понимали, почему все плачут, что за война. Ни телевизора, ни телефона не было, потом уже по радио прозвучало сообщение.

Через месяц после начала войны отцу принесли повестку на фронт. Отца проводили, а он вернулся — заболел малярией. Второй раз паренек на лошади привез повестку в августе. Папу 4 августа взяли, а 7-го ему исполнилось 34 года. Я помню, как отца провожали. Мама уехала с Марусей, старшей сестрой, провожать отца до района. Мы, мал мала меньше, остались дома. Вот сидим на крыльце и плачем, домой боимся зайти, там темно, а лампы у нас были керосиновые. Нам самим лампу было не зажечь — высоко. Мама вернулась, а мы как на крылечке сидели, так и сидим.

Мы, маленькие, не понимали, конечно, что такое война, а мама переживала страшно. Это уж я потом понимать стала, почему она так выла по вечерам во дворе. Выйдет на улицу с фонарем корову доить и причитает: “Дорогой ты мой, товарищ Яшенькааа, на кого же ты меня оставиииил с маленькими деточкамиии…” Как по покойнику убивается. А мы, ребятишки, выбежим на крыльцо и слушаем. От маминых причитаний и нам страшно было. Но както Бог помог, всех уберег».

«О начале войны я услышала по радио в воскресенье, — рассказывает Анна Александровна Костив. — Папа с мамой ушли в гости. Вернувшись домой, папа обнял нас всех четверых (младшему брату месяц), заплакал и сказал: “Ну, детки, не знаю, с этой войны папка приедет или нет, увидит вас еще или нет”. Ему тогда было 36 лет. Повестку принесли на следующий день в пять утра, а в девять часов он уже из Няндомы уехал». Александр Белухин воевал на Ленинградском фронте. В 1943 году пропал без вести.

«Отца на войну взяли, так на матери-то оставалось девять человек, бабушка с дедом старенькие, дети да Маруся, племянница, у нас жила. Бабушка заревела, как узнала про войну: “Как жить-то будем без мужика, така-то охапка останется?” Сегодня объявили войну (у нас тарелка была в доме), а на третий день отца забрали. Три месяца послужил, и его убили. Только карточка и сохранилась довоенная. А потом пришла похоронка», — рассказала К. Л. Ворончихина (1933 г. р.)

Было ли начало войны неожиданным? Люди, которых я расспрашивала, были слишком малы, чтобы правильно судить об этом. Но все они запомнили, что это известие было страшным. Слезы, причитания жен и матерей, а вслед за этим не заставившие себя ждать повестки были тому подтверждением.

ЖИЗНЬ В ТЫЛУ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Как и чем питались в войну

Из рассказа прабабушки: «Голодно было. Летом, конечно, полегче. Огород выручал. Капусту солили по две бочки. Ее не мелко резали, а напополам кочан или на четыре части. В бочки запихаем и всю зиму едим. Репу, турнепс выращивали. И все это сушили в печке. Есть захотели — пососали. И очень даже вкусно. Всё на огородах выращивали, они нас и спасали. Но у нас еще всю войну были корова, овцы и куры. А это много значит.

Детей, как рабочую силу, наравне со старшими выводили на поля. Что это дети будут бездельничать? А тем более еще в войну, когда такие строгие законы были. Нам говорили: “Потерпите. Надо работать”. У нас, у маленьких, даже были книжки (половинка тетради), там трудодни нам ставили, вели учет. Записывали дату, когда производилась работа и сколько трудодней заработано, а в конце года подсчитывали, сколько за эти трудодни можно выплатить зерна, например. Но сначала нужно было рассчитаться с государством. Чаще всего после этого расчета за трудодни колхозникам дать было нечего.

А когда была уборка зерна, на полях работал комбайн. После него надо было дособрать колоски. Тогда опять выводили всю нашу ребятню: “Давай, давай, давай! Пошли, пошли убирать! До единого колоска собирайте!” Вот представляешь, шутя, шутя, а мы собирали и центнерами сдавали. Никакого другого стимула не было, только напишут, что собрали столько-то колосков, намолотили целый центнер зерна! Для нас это было счастье величайшее! Вот ведь сколько сделали дела!

Только по полям-то мы босые ходили, а зерно скошено не под самый корень, трава срезанная торчит и колет до крови. После этого ноги и руки у нас до локтей были все в сапках. Бабушка посмеивалась: “Ну, Нина, ты теперь перчатки получила”. Руки-то от крови делаются такие коричневые, как перчатки, и ноги тоже будто в сапожках. Так запомнились эти “перчатки” да “сапожки”… Мы этих сапков за один день наполучаем дополна. Да и внимания никто не обращал на такие мелочи. Завтра всё равно то же самое, опять корзину в руки — и таскать. Собранное взвешивают на весах. Взвешивали и записывали, кто сколько собрал колосков. Не пропадало на полях ничего. Всё до последнего колоска поднимали.

Мне запомнилось, какая удивительная рожь у нас росла. Высокая-высокая! А сейчас нигде ничего нету…»

Г. Д. Задорина (1934 г. р.) проживала во время войны на станции Коноша Архангельской области: «С едой трудно было. Мама сделала грядки, мы посадили картошку. Но она быстро кончалась. Весной перекапывали грядки и находили старые картошины. А там от старой картошки оставался один крахмал. Так из него пекли пирожки. Бабушка немножко муки добавляла и пироги нам пекла. То картошечки напечет, то картофельную полеваху, то еще что-нибудь. Мне нравились гороховые оладьи, очень вкусные, из гороховой муки. А мололи-то всё на жерновах. И кашу еще нам варила. Хорошо, что тогда бабушка у нас была, она нас спасла. У нее корова была, курочки, огород. Мама бы одна не справилась».

Е. Я. Макарова (1931 г. р.) говорит: «Когда папа ушел на войну, мама стала работать свинаркой на ферме. Теперь ей одной надо было поднимать детей, я помогала ей и ходила кормить свиней. На тот момент мне было 8–9 лет. Мама наварит свиньям, а я отнесу и в корыто вылью.

Маме надо было как-то нас четверых вырастить. С папой-то ей много проще было, сам работник и, если была нужда, умел договориться с кем-нибудь: одолжить, обменять. Корову мы так и держали. Надо было накосить для нее сена. Косить сено я научилась рано. Косили далеко от дома, да на себе таскали. Сено сырое, неподъемное, где-то сядешь на пенечек, отдохнешь, надо встать, а не получается. Ноша, обвязанная веревками, вертится по спине, вниз тянет, подняться не дает. Всякой травушкой корову кормили. Вот, например, мы полоть ходили, у нас фартуки были, травушку не выбрасывали, а в фартук собирали — еда корове. Теленочка держали, но его надо было сдать — заплатить налог. Налог платили все одинаково. Надо было ежегодно сдать 12,5 кг мяса. Вот у нас раньше была хорошая корова. Мы ее держали, у нее было хорошее молоко, жирное. Масло взбивали и сдавали.

Нам удалось продержаться всю войну. Мы ничего не выкидывали, даже кишки. Я кишки-то любила, мама их вымоет, с картошкой натушит в русской печи. Так вкусно было. Нам картошку выдавали в колхозе, и свой огород был.

На рынке продавали буквально всё: пшено, яйца, масло, муку, мясо. И я ходила на рынок торговать, 15 километров босиком. До города дойдем — обуваемся. Туфельки были брезентовые. Мы сажей их намажем, чтобы они черные были. На рынке товар про-

дадим, потом опять идем обратно босиком. Так, босиком, за день проходили 30 километров. Все ноги были отбиты. Женщины учили: “Вот придешь домой, на крапивушку пописай и постой на ней”. Я так и делала, крапива у нас росла за хлевом.

Основная еда была хлеб, картошка, грибы и капуста; мало было продуктов. А в войну у нас в Няндоме по квартирам ходили торговцы, продавали зерно. Мы покупали, толкли зерно, заваривали и готовили кашу, заваруху. В Каргополье были богатые колхозы, поэтому няндомцы собирались группами 3–4 человека и ходили пешком в Каргополье обменивать вещи на продукты. Но мало у кого имелись хорошие вещи, которые можно было обменять. И шли долго, ведь были истощены.

Летом ели траву. И пестики, и клевер. Натолкем, получалась черная мука, мама молока добавит и напечет оладушек. Или еще насобираем колоколки — это такие коробочки от льна, высушим их, перемелем, получается черная горькая мука, молочка мама добавит и испечет. Вот так. И никаких поносов. В Няндоме было очень много коз, коров. Все держали. Этим жили.

В войну мама у нас ослабла очень. Ела мало, о детях заботилась. Тогда решили мы на лето отправиться на Шултус на прокорм. На Шултусе жили ее родители, мои бабушка и дедушка. Они нас и приютили. Отправились пешком, взяли с собой наших козочек. Жили там эвакуированные корелы, у них была рыболовецкая бригада. Кроме них рыбу ловили и бригады с Няндомы. Мама умела ставить сети, поэтому тоже стала ловить щуку и окуня.

А еще по весне бабы ходили в лес “сочить” сок сосны. “Соком” называли длинные ленты луба, который обдирали с молодых сосенок. Срубали молодую сосенку, с нее струной снимали верхнюю кору, после чего срезали длинными полосами слой луба. Эти слои — ленты — складывали в корзины. Для детей это было настоящее сладкое лакомство. Потом мы сосем его — вкусно!»

Г. Н. Смирнова (1933 г. р.) вспоминает: «Наша постоянная еда в войну — это оладьи. На зиму мы старались сделать запасы. Всегда у нас была бочка клюквы, брусники, бочка грибов, капусты. Мама нас, детей, отправляла в лес пасти козу, а мы ж, маленькие, козу к елке привяжем, а сами пойдем гулять и искать вкусные ягоды. Мы собирали много красного клевера, мама его сушила и пекла с ним лепешки. Получалось очень вкусно».

М. Н. Щукина (1933 г. р.) рассказывает: «Картошки чугун поставят на стол, капусту, рыжики. Выращивали брюкву, из нее ино-

гда варили рассол вместо супа, а на вечер делали лакомство: брюквы в чугунок положат, добавят немного воды и поставят на ночь в печку, а утром брюква становится коричневой и сладкой, вот ее с хлебом наедимся, то, что останется, положим на противень и снова в печку. Наутро мама достает паренку, она была детям вместо конфет». Вот такие радости были у наших бабушек в детстве!

Трудно было с едой во время войны. Не у всех была корова или другая живность, которая спасала от голода. Сегодня мы даже представить себе не можем стол, на котором не было бы хлеба, а тогда кусок хлеба был настоящей роскошью.

Кто во что одет

О покупке вещей во время войны речи не шло. Вещи донашивали старые либо перешивали из старого гардероба. Г. Н. Задориной мама сшила фланелевое платье с рисунком в кружочек и с цветами. «Я пришла в школу, и все девчонки ахнули: “Какая ты нарядная! Какое платье красивое!” У мамы было из чего сшить. Например, из старых бабушкиных платков».

Е. Я. Макарова помнит, в случае крайней нужды можно было приобрести что-нибудь на базаре. Базар находился в 15 км от их села. «Вот пошла как-то мама купить Валентину (брату) костюм, совсем он пообносился. А еще надо было налог заплатить. На базаре подошла к ней цыганка и попросила разменять деньги. Мама разменяла. А когда стала пересчитывать деньги, то обнаружила обман. Цыганка вроде подавала ей сотенные купюры, а в руках оказались полусотенные. Маме надо было налог платить, а денег-то и нету. Поревела, поревела… А куда денешься? И такое бывает. И в такие тяжелые времена мошенники находились».

Прабабушка тоже говорит о том, что в войну никакой одежды не было, перешивали из того, что было куплено до войны. «Помню, мама из наволочки сшила мне юбку, ведь надо ходить хоть в чем-то. Тут уж кто как изворачивался».

М. Н. Щукина вспоминает: «Носили мы обычную одежду: фуфайки, пальтушки, валенки — в ту пору ни у кого ничего особенного не было. В магазинах и до войны был маленький ассортимент, а в войну донашивали старую одежду. Однажды то ли английский, то ли американский конвой прислал железнодорожникам помощь — одежду. Мой сосед Витька где-то об этом прослышал и позвал меня к месту распределения вещей. Мы зашли в помещение

и увидели трех мужчин, раскладывающих вещи по кучам. Нас они не замечали. Тогда мы покашляли. Мужчины обернулись.

— Вы чего, ребята?

— Мы за гостинцами, — ответил Витька.

— Фамилия?

Станция небольшая, все друг другу известны, тем более если родители работали на железной дороге. Он ответил. Ему много одежды дали для каждого члена семьи. Тогда мужчины повернулись ко мне:

— А твоя?

— Шахова.

— Тебе не полагается, отец не работает в депо!

Отец только рассчиталася из-за больной руки. Витька шепчет: “Реви!” Я реветь. И тогда мне дали вишневый сарафан из лавсана и шерсти, я долго его носила, юбку для сестры, футболку и еще кое-чего. Как я была довольна! Мама подшила мне сарафан по фигуре, и я его потом долго носила».

Война учебе не помеха

Во время войны учебные занятия в школе продолжались повсеместно. Г. Н. Смирнова жила на станции Няндома и в 1941 году пошла в школу им. Пушкина. Очень скоро здание школы заняли под госпиталь. «Какое-то время я училась во временно обустроенном под учебные занятия здании. В школу мы сами добирались, никаких автобусов не было. У нас было по одному учебнику на несколько человек, а тетрадей не было. Где-то доставали подшивки старых газет или бумагу, на которой уже что-то было напечатано. На другой стороне листа мы и писали. Писали чернилами. Школьников было много: четырехлетняя начальная школа, неполная — семь классов и полная — десять классов. В школе нас немножко подкармливали: давали воду, в которой была намешана ржаная мука, и по кусочку хлеба. Я, бывало, отказывалась есть, потому что среди нас был мальчик из очень бедной семьи. Он приходил с котелком, в который некоторые ребята выливали свои порции. У нас все были дружные, помогали друг другу. Кто хлебом поделится, кто супом. В школе кормили всех».

Геннадий Трофимович Щипков провел детство на Вологодчине. «Никогда не забуду учебу в школе. Шла война, а мы продолжали учиться. Никто никаких занятий не отменял. Школа была

в километре от нашей деревни. Ходили пешком, как бы трудно не было. Учителя с детьми занимались и обращались очень хорошо. Бывало, вьюга заметет дороги зимой, тогда детей, особенно первоклашек, домой не отпускали. Комната специальная была, в ней детей оставляли на ночь. Там их и кормили. Учебники были только у учителя».

Моя прабабушка ходила в школу в соседнюю деревню. Недалеко, около километра. Четыре класса, небольшие; всего два учителя. «В школу ходили не по времени, часов ни у кого не было. Как рассветет, тогда и пойдем. Кто не пришел — подождут, пока все соберутся».

«Я окончила семь классов, — вспоминает Е. Я. Макарова. — Четырехлетняя школа находилась в нашей деревне, а дальше нужно было ходить за 5 км. Нас было человек пять. Вставали рано, в 6 часов, шли больше часа. Зимой получалось дольше, нужно было обходить реку.

В школе нам давали бесплатно маленький кусочек черного хлеба, без чая. Папа мечтал, что всех нас выучит. Но мечты его не сбылись. Я закончила семь классов, а брат и сестры по четыре. Тася, самая младшая, закончила десять».

М. Н. Щукина в 1941 году пошла в первый класс. «Школа была недалеко от дома. Учительница занималась с ребятами дополнительно по домам, потому что школа работала в три смены. Третья смена — для вечерней школы. В школе писали в тетрадках, а домашнее задание делали в брошюрах. Немецкий язык преподавал настоящий немец с Поволжья — Кернен Иоганн Михайлович. Ребята его обижали, кидали снежками, пинали, так как война была с немцами. Но он был очень хороший учитель. Года через два он уехал. В школе было очень холодно, топили-то сырыми дровами. Дрова заготавливали сами учителя и технички. Придем, так в пальтушках и сидим. В школе на больших переменах давали 50 г хлеба. Поэтому ждали эту перемену как праздника. Старшие ребята торговали в школе жмыхом. Перерабатают подсолнух, масло из него выдавят, а остатки — жмых — оставляли. Ребята кусочками продавали нам жмых по 10 копеек. И мы его катали во рту целый день. Это было наше лакомство».

К. Л. Ворончихина не могла позволить себе долгого обучения. «В школу-то я только три года ходила, возможности не было дольше. Мама на ферме работала, 17 коров кормила, поила и доила. Мне надо было дома печи натопить, да за младшими присматри-

вать. Но мне маму было жалко, что она так рано встает и много работает, так я после трех классов решила не учиться больше, а маме помогать. Она не отказалась. Вот утром вставали в 4 утра и шли к коровам. Мама коров кормит, а я за телятами ходила, как и мама. Телят десять у меня было. Всех надо было напоить, воду им подогреть, накормить. Мама меня и не будила, да я сама вставала, у меня забота была».

Г. Д. Задориной хорошо запомнился первый день в школе: «Молодая учительница, Вера Павловна, рассказала нам сказку про репку. Ну и урока не было, она отпустила нас. На второй день надо было карандаши принести, бумагу. А ничего у нас не было. И я запомнила, что мы писали на газетах и чернила делали из сажи. Мама наливала эти чернила в маленькие бутылочки, и вот с этими чернилами мы ходили в школу.

В школу-то мы как ходили! К 9 утра — целых 8 км по железной дороге, полтора часа. Идем, поезд навстречу, надо сворачивать в сторону, а снегу — выше колен. А потом мы что придумали: один километр проедем на поезде. Там такой подъем есть, и поезд тихо-тихо двигается. Сядем в тамбур какой-нибудь и едем. Как только поезд начинает набирать скорость, мы прыгаем. Так хорошо, что прыгали удачно. Зимой-то в снег, а без снега таких шишек наколачивали! Ходило нас четверо. Зимой топаем в 40 градусов мороза, придем, а на школе висит красный флаг, значит, уроков нет, отменили. И мы обратно. Мама, бывало, как пойду я в школу, натолкает мне в рукавицу горячей картошки и говорит: “Ну, давай, хоть руки не замерзнут, пока идешь. А остынет, так съешь картошку”. У нас ведь там ни столовой, ничего не было. Чаем даже не поили. Так мы эти 8 км топаем, пять уроков отсидим, да обратно домой надо идти. Домой приходили в четыре, в пятом».

Спрашивая своих собеседников о школе, я думала, что большинство из них в военное время не училось. То, что все они продолжали обучение, удивило меня. Удаленность школы от места проживания, отсутствие тетрадок, учебников, изношенная одежда и обувь — ничто не препятствовало ребятам в получении образования. А многие из них до сих пор помнят имена своих учителей.

Детские игры

Г. Н. Смирнова рассказывает: «В основном играли на улице в догонялки, прятки, на качелях качались. Игры были обычные,

а игрушек у нас не было. Только самодельные куклы. Помню, стояли в магазине куклы на самой верхней полке, но их никто не покупал — очень дорого. В парке отдыха тогда очень хорошо было. Там была парашютная вышка (мы просились прыгнуть, но нас не пускали, говорили, что надо подрасти), летний кинотеатр, футбольная площадка. В парковых аллейках стояли скульптуры детей, спортсменов, девушек. Помню скульптуру Сталина. А самым главным развлечением для детей были разные карусели».

Прабабушке мой вопрос про игры не понравился. «Никаких детских игр у нас не было. Да было ли время играть! Я вот запомнила, в первый класс пошли — нам сказали: вот вырвете столько-то льна, тогда возьмут вас в школу, а иначе и не возьмут. Специально нас так строжили. А мы в школу хотели очень. Вот намеряют для нас 10 соток льна, мы должны его вырвать. А рвать чем мы могли? Это сейчас перчаточки надеть можно, а мы голенькими ручками работали. Я сколько себя помню — всегда у нас лен растили. Сначала сеяли, потом всходы пололи от сорняков. После прополки поле чистое, красивое становится! А как красиво лен цветет! Цветочки голубенькие такие. Ой, какая красотища! Вот как в море волны переливаются, так и поля льняные от ветра колышутся. Глаз не отвести — до чего красиво! Лен выращивали, потом высушивали, потом обколачивали, просеивали — вот и семена. Семена шли на льняное масло. Ну а остальное сдавали в колхоз, обрабатывали его полностью».

Рассказы моих респондентов про игры довольно скупы. Конечно, играли, но вот в памяти больше сохранилось другое: тяжелый недетский труд, голод, похоронки…

Все для фронта! Все для победы!

Несмотря на то, что опрошенные мною люди жили в тылу, все они оказывали помощь фронту. Прабабушка вспоминает, что с началом войны жизнь круто изменилась. Всё, что заготавливалось, отправлялось на фронт. «Мы зимой картошку чистили, нарезали (вот как чипсы сейчас продают), выкладывали на большие противни, и мама картошку в печке сушила. Целыми мешками картофель этот отправляли. А весной да летом, когда крапива подрастала, охапками ее рвали. Большие горы натаскивали! А рвали-то голыми ручонками! Крапиву сушили и в правление сдавали. Не давали нормы — кто сколько может, а все старались как можно больше сдать. Пока сырую рвешь, ее много, а высушишь, так ничего и не

Галина Никифоровна
Смирнова (Лупандина)

Страда

Нина Ивановна Еременская (Романова) с младшим братом

Юрий Михайлович Смирнов

остается. А все равно целыми мешками отправляли на фронт. Там витамины, а они нужны солдатам».

Мама Юрия Михайловича Смирнова вместе с другими деревенскими женщинами заготавливала лес, а потом его грузили и отправляли на фронт. «В зимнее время каждому дому было задание заготовить лес по 30–40 кубометров. Если не сдал, значит, ты — враг народа».

Анна Матвеевна Жукова (1924 г. р.) и Олимпиада Васильевна Новикова (1924 г. р.), жительницы Няндомы, войну встретили 17-летними. По тем временам они уже считались взрослыми, поэтому были отправлены на оборонительные работы.

Анна Матвеевна вспоминает: «Осенью 1941 года нас направили на оборонительные работы в Грязовецкий район. Сказали, что на две недели. Мы зимнего ничего с собой не брали, а пробыли там семь месяцев. Копали противотанковые рвы по пять метров в глубину и всё вручную, специальной техники не было. Много людей тогда умерло от голода и холода. Мороз, помню, был 42 градуса, а паек по маленькому кусочку хлеба и кружке манки на семь человек. Поэтому когда нас отпустили домой, я не стала даже поезда ждать, 40 км до Вологды пешком шла. Там по пути увидела огромный штабель. Подумала, что шпалы, а это были умершие на оборонных работах люди. Домой вернулась с поморожеными ступнями и настолько исхудавшая, что даже не могла ходить. Думала, отъемся у мамы, а у нас на постое 60 солдат. Они остановились по дороге в Каргополь. Так что поправляться мне было нечем».

А О. В. Новикову в начале войны отправили на оборонные работы на Карельский фронт — на лесные делянки и аэродром. Работали там в основном девушки да женщины. «Когда нас направляли на фронт, говорили, что ненадолго, мы и одежды теплой не брали. Из дома уезжали, у меня на ногах только полуботиночки брезентовые были. Затем наступила осень, за ней пришла зима, — вспоминает Олимпиада Васильевна. — Там рядом колония была, и чтобы мы не замерзли, нам одежду и валенки колонистов давали. Валенки все большого размера были…»

Голос войны

Жить, не думая о войне, было невозможно. Она постоянно давала о себе знать. Письма, похоронки, далекие звуки канонады, летающие в небе самолеты…

Еще в детском саду (в Карело-Финской ССР) накануне войны Галина Дмитриевна Задорина слышала это, тогда еще совсем непонятное, слово «война». В старшей группе детсада детям то и дело давали противогазы — готовили к войне. «Мне так эти противогазы надоели. Я иду, а он у меня по земле тащится. Я всё время маме жаловалась: “Мама, не пойду я больше в садик, как мне этот противогаз надоел!” А когда началась война, мы продолжали ходить в садик. И если во время прогулки в небе появлялись самолеты, то завывали сирены, и мы скорее бежали в здание детсада. В бомбоубежище почему-то не бегали, а в садик прятались. Хотя, наверно, и бомбоубежище где-нибудь было.

Бывало, что мама работала, а мы оставались дома одни. Тогда она нам наказывала: “Если сирена завоет, то вы никуда не выходите. Сидите дома, прячьтесь”. Так вот, как начинала выть сирена, мы бросались прятаться: кто под стол, кто под кровать, кто куда. Думали, это нас может спасти».

Осенью 1941 года людей начали эвакуировать. «Или на Урал, или в Сибирь, этого я уже не помню. На Урал, скорее всего. И сказали: «Даем срок 24 часа, чтобы все были готовы». С собой можно взять багаж 5 кг на человека. Ну а что мама могла взять? Двое маленьких детей. Она в чемодан собрала кое-какую нашу одежду. Посадили нас в теплушки, сейчас так коров перевозят, наверно. Такие деревянные вагоны, а в них нары были сделаны и печка — буржуйка для обогрева. И столько нас там было! Все женщины с детьми, полный вагон. А из мужчин один старенький дедушка. Приехали мы сначала в Кемь, остановились, а стояли везде долго на остановках. И вдруг над составом самолеты залетали. Тревога! Тревога! А мама отошла в столовую, купить нам пирожков каких-нибудь. Выходит она из столовой, и тут как ударит бомба по этой столовой! Разнесло всё в клочки. Начали бомбить. Женщины запричитали: “Ой, куда-то надо бежать. Прятаться! Детей прятать!” А старичок встал у двери и говорит: “Я вас никуда не выпущу! Если сейчас побежите, то вас немцы на низком полете сразу всех расстреляют! Лучше здесь сидеть. Ждать, когда кончится тревога”. Страху мы натерпелись… Но это было только начало пути.

Потом нас повезли дальше. Везли очень долго. Самолеты летали очень часто. И мы не раз видели разбомбленные составы. А нас Бог спас от такой же участи. Мне казалось тогда, что всё дело в дедушке, что сам Бог послал нам его. Всю дорогу он нас охранял. Остановимся где-нибудь в лесу, опять тревога, опять самолеты летают,

женщины-матери в панике хватают детей и пытаются бежать, но старичок опять: “Никуда вас не пущу. Что вы в лесу будете делать? Что? Голодные…” Мы ехали осенью, по-моему. А еще иногда так дернет состав! Один раз как дернул — моя маленькая сестра полетела с нар, да чуть не на горячую печь упала, а плита была горячая всё время. Вот подъехали мы к Коноше, двери открыли, и я как закричала: “Закройте двери, а то сейчас самолеты налетят, разбомбят нас всех!” Даже заплакала. Еле успокоилась.

Мама решила не ехать на Урал, а остаться в своих родных местах. В Коноше мы и вышли».

Прабабушка рассказывает, что письма от отца приходили регулярно. «А однажды пришло письмо от его товарища. Он писал: “Мы были вместе в бою, и я видел, как Иван упал…” Еще не было извещения о смерти, а семья уже из письма знала, что отец погиб. Это был 1944-й год. 6 июля он погиб, а до мая 45-го еще была война.

В каждой семье кто-то погиб. Как похоронку принесут кому-то, так и рев стоит на всю деревню. Все шли в эту избу и плакали вместе.

Мы хоть и в тылу жили, но войну ощущали. На заре мы четко слышали звуки канонады. Жуть как слышно! А зарево — во всё небо, вот как палили! Прекрасно слышно было. Над нами пролетали немецкие самолеты. Мы головы задерем, смотрим. Низко летят и флаг на них прекрасно видно».

Из рассказа Е. Я. Макаровой: «В деревне мужчин было очень мало, все были на фронте. Председатель некоторым семьям выписал справку, что их отцы, мужья до войны числились рабочими, а не колхозниками. И этим семьям полагался какой-то дополнительный продовольственный паек. Помню, мама очень сильно обижалась, что не попала в число этих счастливчиков. Во время войны многие пропали без вести. И папа пропал без вести. Мама как повязала после проводов черный платок, так и проходила всю войну. И платья шила себе только темные. Мама у нас умерла рано, наверно, всё сказалось ей».

Жительницы Няндомы вспоминают о том, как военные, проходя через станцию, останавливались у местных жителей на ночлег и как выступали перед ранеными в госпиталях. Г. Н. Смирнова говорит: «Воинской части в Няндоме не было, но военные шли проходом и останавливались в домах местного населения. У нас, бывало, ночевало сразу человек десять. Постояльцы давали нам, детям, кусок сахара, подкармливали.

Школьниками мы выступали в госпитале перед солдатами. Я пела песню “Есть на севере хороший городок”. В этот госпиталь на лечение два раза попадал и мой двоюродный брат.

Уже после войны к нам в госпиталь привезли пленных немцев. Тогда обнесли госпиталь колючей проволокой. А мы, дети, подходили близко к проволоке, дразнили пленных и кричали: “Гитлер капут!” Нас гоняли, конечно. Потом военнопленные немцы прокладывали дороги в Няндоме и за ее пределами».

А вот рассказ М. Н. Щукиной: «В Няндоме во время войны было три эвакогоспиталя: школа Пушкина, ПТУ и железнодорожный клуб. Мы, школьники, дарили раненым тетрадки и химические карандаши. Наша пионервожатая водила нас, детей, выступать перед ранеными. В клубе вместо зрительских рядов стояли кровати, а мы выступали на сцене. Я читала стихи и пела песни:

…Приезжай, товарищ Сталин,
Приезжай, отец родной!..

А раненые нас очень хорошо принимали, хлопали нам. Бывало даже, что раненные в плечо или руку, солдаты хлопали здоровыми руками: один — левой, другой — правой. И приглашали меня на бис. Я любила эту песню, потому что знала, что Сталин у нас главный человек, отец родной, именно он ведет народ к победе! А еще я любила песню про Витю Черевичкина. И вот за эти концерты дали мне ордер на валенки. Это была награда, другим артистам тоже что-то давали.

Случалось, что и в Няндому залетали самолеты, но никогда не бомбили, а бомбили Архангельск и Плесецк. Наверно, это были самолеты-разведчики. Нам было велено соблюдать светомаскировку, местные жители закрывали окна. Для укрытия были вырыты окопы. Но в этих окопах всегда (если не зима) стояла вода. Поэтому никто никогда в них не прятался.

Когда Ленинград был в блокаде, многие воинские подразделения привозили в Няндому. Вечером зайдут в наши дома и скажут: “Тут пять человек встанут на постой, тут — десять”, покушают и повалятся на пол. В шесть утра поднимутся, перекусят и пешком в Каргополь, а оттуда — на прорыв блокады Ленинграда. Наши постояльцы научили нас вместо лучины пользоваться керосиновой лампой. Керосина не было, потому и жгли лучину. А солдаты на-

лили в лампу бензина, насыпали соли, чтоб бензин не вспыхнул пламенем, и зажили мы снова с лампой».

О выступлениях перед ранеными в бывшем железнодорожном клубе, ставшем одним из зданий госпиталя № 25/26, рассказывает и Анна Костив: «“Программа” была следующая: сначала я включала патефон, потом всё прокручу и говорю: “Дяденьки, давайте я вам свой концерт дам”. И начинаю петь частушки, песни старинные. И спою, и станцую, и рассказы по памяти расскажу. Чаще всего “Семеновну” пела, еще двести частушек знала. Еще газеты им читала и по радио что услышу — расскажу».

Благодарные зрители пытались накормить юную «артистку», но девочка категорически отказывалась от предлагаемых угощений, так как ведущий хирург госпиталя Полина Корниловна Поварнина сразу строго предупредила: «Ходить — ходите, но если кто-то кусочек хлеба или сахара у раненых возьмет, больше в госпиталь не пущу».

А кушать хотелось, ведь по карточкам давали 200 г хлеба, немного сахара, соли и маленький кусочек мыла.

С госпиталем связана еще одна история. «Я и письма писала раненым, — рассказывает Анна Александровна. — Как-то один мужчина с забинтованным лицом попросил написать своей жене куда-то в Сибирь. Диктует: “Я работаю в госпитале. Вашего мужа привезли к нам в госпиталь в Няндому вчера вечером. У него было сильное ранение. Сегодня утром он уже был мертвый. Похоронили его на нашем кладбище. Так что домой не ждите”. Сказал, чтобы я сразу отправила это письмо. Я конверт запечатала, а сама думаю: “Не отправлю”. От моего папы никаких вестей, как такое посылать, вдруг и нам тоже так про папу напишут? Дома письмо маме показала. Она спрашивает: “Неужто будешь посылать?” Отвечаю: “Мама, я не дура. Я была в пионерах, должна только правдой жить”. Села и написала той женщине свое письмо: “Пишет Вам Аня. Я не работаю в госпитале, хожу песни им пою, веселю солдат. Ваш муж живой и здоровый, диктовал мне такую глупость. А я пионерка, пионеры не должны лгать. Я пишу Вам правду. У него завязано лицо, руки целы, про ноги не знаю, они были под одеялом. Почему он такую глупость заставил написать, не знаю. Ложу Вам его диктовку, это письмо и свой адрес”. Назавтра перед работой всё это отправила. Мужчина тот спросил: “Отправила письмо?” Говорю: “Конечно, отправила”. А соседи его по палате на меня с жалостью смотрят,

думают, что я глупая и маленькая. Прошло дней 20. Прихожу в госпиталь. Мужчина этот живой, у него уже бинты сняли, на лице видны царапины. Смотрю, а возле него женщина в белом халате. Подходит ко мне: “Это и есть Нюра маленькая?” Я оторопела. Отвечаю: “Да, я”. Она меня обняла, целует и говорит: “Золотая ты, Нюра маленькая. Не зря ты написала, что пионеркой была и врать нельзя. Я за мужем приехала. Сегодня ночью уезжаем. Все документы уже готовы”».

«После войны в госпитале лечились пленные немцы, — вспоминает Анна Александровна. — Я подговорила наших мальчишек и девчонок в этих немцев камнями кидать. Набрали камней, пошли. Подошли к школе, смотрим, у крыльца пять мужчин стоят, говорят по-немецки. На наших мужчин похожи, а в карикатурах рисовали, что они лысые или рыжие и с рогами. Всё равно я скомандовала, стали в них камнями кидать. Ни в одного не попали, да и они быстро убежали в школу. Оттуда нянечка выскочила и нам кричит: «Да вы что, ошалели, что ли?! Камнями-то кидаетесь!».

ДЕТИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ. СУДЬБА ЕЛЕНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ БАРАНОВСКОЙ

Елена Васильевна Барановская родилась в 1933 году в селе Черные Ославы Ярмчанского района Ивано-Франковской области. В семье было трое детей. Колхоза в деревне не было, каждая семья держала свое хозяйство.

«У нас был свой дом, который построил отец, просторный. Во дворе большие сараи для скота. Овцы, куры, две коровы, лошадь. Лошадь особенно выручала наше семейство. Кому дров привезти, кому землю вспахать, отец запрягал лошадь и шел на заработки. Скотина хоть и своя была, но излишков у нас не было, надо ж было налог заплатить. Домашней работы хватало и взрослым, и детям. Надо было и за скотиной ходить, и корм заготовить, и на огороде поработать. Жили ни бедно, ни богато — в селе считались семьей со средним достатком. А потом началась война».

Война и немцы

«Когда началась война, всё по-другому стало.

Помню, отца дома не было, а в небе то и дело раздавались раскаты грома. Мы, ребятишки, думали, что гроза собирается. А мама

позвала меня и велела бежать к отцу на покос. “Скажи, говорит, отцу, что война началась”. Я маленькая была и не толковала, что война — это страшное что-то. Побежала на покос и еще издали кричу радостно да подпрыгиваю: “Тата, тата, война началась!” Отец — косу на плечо и к дому!

Можно сказать, что нашей семье повезло — отца не взяли на фронт. А не взяли его потому, что был он инвалидом, да и годов ему было много. Инвалидом он стал еще до войны. На него упала телега, груженная сеном для лошади, раздробила ногу. Больница далеко, лечиться негде, да и не принято было обращаться в больницу, если можно было без доктора обойтись. Без врачебной помощи нога срослась неправильно, а отец с тех самых пор стал прихрамывать.

Линия фронта приближалась к селу, всё чаще случались бомбежки. Окна завешивали черным тряпьем или жженой газетой, чтобы летящие самолеты не увидели свет в окнах и не пустили снаряд. В селе было много сгоревших домов. Бывало, что по ночам люди от страха собирались в одной избе. Вместе не так страшно.

Помню, как однажды вся наша семья оказалась под бомбежкой. Куда бежать? Где прятаться? В самом дальнем краю двора у нас была большая выгребная яма, вот в этой-то яме мы и укрылись. Не передать словами, как страшно было. Взрослые перепугались, а уж про детей и говорить нечего. А отец из ямы следил за происходящим. Вдруг один из снарядов упал на сарай, в котором была наша корова. Отец, не задумываясь, выпрыгнул из ямы, и побежал спасать корову. Корова — это кормилица. Как без нее жить? А линия фронта была уже настолько близко, что мы слышали немцев, расположившихся неподалеку. Увидев отца, они закричали: “ПартИзан, ПартИзан!” Удивительно, что они тогда же его не пристрелили. Один из немцев что-то стал объяснять остальным немцам и выстрела не последовало. А отец после спасения коровы, понимая, что был под прицелом у немцев, говорил: “Три войны прошел, а так страшно никогда не было!”

А потом немцы вошли в деревню. Они ходили по домам и смотрели, сколько человек можно определить на постой. Немцы не жили у нас постоянно: одни приходили, через какое-то время уходили, потом другие являлись. Это потому что вокруг нас повсеместно шли бои, и наши с немцами поочередно то отвоевывали, то сдавали позиции.

Немцы всякие бывали и вели себя по-разному. Одни нас выставили из дома в сарай и в дом не пускали, а когда уходили, то забрали лошадь и телегу. А на следующий день пришли уже другие немцы с переводчиком и спрашивают, что у нас есть. Мать им и отвечает, что приходили вчера ваши и всё забрали, ничего нет больше. Немцы притихли. Потом посовещались между собой и ушли, а вечером того же дня вернули нам всё наше "богатство". А еще в придачу нам, детям, шоколад и макароны привезли. Один немец подошел к восьмимесячному Ивану, положил ему шоколад на грудь и заулыбался, будто и не враг. Эти немцы жили у нас недели две, а может, и больше. Их готовили на передовую, кормили как на убой (а может, так нам, голодным, тогда казалось). Но они ели сами и кормили нас. Всем по тарелке еды ставили. Мы так сытно и хорошо никогда ни до, ни после и не жили. Поэтому, когда немцам нужно было уходить на фронт, мы плакали, а они говорили, что не хотели войны, что в том, что происходит, виноват Гитлер. А один из них достал фотографию из кармана, а на ней — девушка красивая, кудрявая с двумя ребятишками. Оказалось, жена с детьми. Сказал, что война для всех горе, их семьи тоже осиротели без отцов и мужей. Я тогда очень хорошо запомнила и поняла, что немцы тоже люди, и среди них встречаются разные.

А переводчик, что был у немцев, полюбил местную девушку Анну. Когда уходил, обещал ей, что после войны обязательно вернется и заберет ее в Германию. (Много лет спустя, приехав в родное село, Елена Васильевна узнала от местных жителей, что ухажер слово свое сдержал, вернулся и увез Анну на "неметчину").

Еще нашу лошадь немцы то и дело уводили для своих нужд, а потом нам с кем-нибудь передавали записку, что лошадь можно забрать. И действительно, возвращали».

Переселение

«В 1946 году представители власти принесли нашей семье постановление о выселении с территории Украины. Этот указ не был для семьи неожиданным, выселение уже шло повсеместно, и многие семьи в нашей и соседних деревнях уже были высланы.

Приказали собираться. Дали на это не больше 30 минут и сказали, что "переселят нас в другую область". Мама собрала в узел

немного одежды и еды, которая была в хате. Жилье закрыли и забили досками.

Младших детей, Ивана и Анны, в этот момент дома не было, они находились в разных деревнях у родственников. Потом мы узнали, что сестра завербовалась с другой девчонкой в Запорожье и там осталась жить. А Иван приехал к нам, когда ему было уже 14 лет.

Везли нас в товарных вагонах. Разрешили взять только самое необходимое. Что везли мои родители — я не помню. Людей было очень много, весь состав заполнен. Все дети бегали по вагону и радовались, мы не понимали, куда нас везли и, понятное дело, ничего не боялись. Детям радостно было от того, что впервые уезжали из села, впервые видели поезд и даже ехали в нем. Нисколько не смущало, что вагоны товарные. Дети есть дети. Нас не пугал завтрашний день. А ехали мы очень долго. Никто не объяснял нам, куда конкретно нас везут. И вот нас привезли в Иксу (маленький лесной поселок рядом с Няндомой). Сопровождавшие нас военные сказали, что мы вывезены в эти места навсегда.

Почему нас вообще вывезли с Украины, я не знала и не понимала — ведь ничего плохого мы не делали. Но обратно мы уже не вернулись, так как денег у нас не было, а из писем, которые приходили нам из родного села, стало известно, что дом наш уже разрушен, соседи растащили всё, что в нем оставалось: домашнюю утварь, посуду. Даже сам дом разобрали на бревна.

Обустроились мы сначала на Иксе. С этого началась наша новая жизнь. Переселенцы выменивали последние вещи на продукты, помогали по хозяйству за харчи, голодали и умирали от холода. Позже, из рассказов местных жителей, мы узнали, как работники районного НКВД инструктировали население регулярно за нами следить и докладывать о нашем поведении, разговорах, настроениях. Кроме жителей с Украины были еще цыгане и русские. Первое время было тяжело привыкнуть даже к климату. Я всё сидела дома у окошка и плакала, потому что хотелось обратно. Есть было совершенно нечего. Приходилось собирать и варить крапиву. По весне я ходила на огороды и пыталась найти мороженную картошку, из нее моя мама пекла лепешки.

Но на Иксе мы не остались, а уехали в лесной поселок (квартал) в 10 км от Шожмы. (Шожма располагалась тоже недалеко от Няндомы, но в отличие от Иксы — на железной дороге). В квартале жили

такие же переселенцы, как и мы. Поселили нас в бараке. Встретил нас председатель, тоже переселенец, и подбодрил: “Вам повезло — в бараке жить будете, а нас привезли, здесь только земля да небо было”. Выписал нам муки да картошки на первое время.

Раз уж в войну учиться почти не довелось, пошла я в местную школу. Мне даже ботинки по такому случаю выдали! Но вот беда — я ничего не понимала, в школе все говорили по-русски, а я понимала только по-украински. И другое: на букву смотрю, а мне вместо одной три видится. Это от голода было. Какая уж тут учеба? Так что в школу я месяца три походила и бросила. И ботиночки у меня забрали.

Привыкать к новому климату и месту было очень непросто, дети трудились наравне с родителями, а еды все равно не хватало. Люди не жили, а выживали. Была в то время карточная система. Отец умер в 1948 году (мне 14 лет было), уже не маленькая, но и не велика еще. Не поверите — я обрадовалась. Обрадовалась не тому, что отец умер, а что отцова карточка нам останется, а значит, хлеба будет больше. Оказалось, отца еще и не захоронили, а уже пришли и карточку забрали.

Дома, на Украине, мы не знали, что такое голод. А здесь голод был жуткий. Поэтому мы, как могли, старались добыть еду. Помню, по весне мы с подругой пошли в лес собирать клюкву (наверно, нам подсказал кто-то, ведь мы такой ягоды не знали). То, что насобирали, — сдали в магазин. Нам за это дали полбуханки хлеба. Или вот еще как можно было заработать. Отделение почты находилось в Шожме, а до Шожмы по особой надобности ездили на вагонетке. Мы с подругой, желая заработать хоть что-то, иногда ездили получать почту (посылки) для жителей квартала. Едем-едем, слышим поезд, надо быстро вагонетку с железной дороги убрать — иначе авария. А она, зараза, тяжелая! Но обратный путь еще сложнее, ведь кроме вагонетки, надо успеть снять всё, что на нее нагружено. Это было так тяжело, что мы даже писались. А вся благодарность — это стакан муки или стакан крупы!

Мама работала при кухне, на подсобном хозяйстве, пилила дрова. Повариха, добрая, душевная женщина, жалела ее и остатки еды складывала в тарелку. Эту еду мама тайком приносила домой. Когда мама заболела, я пошла вместо нее пилить дрова. Было тяжело. На всю жизнь запомнились мне эти холодные, голодные годы. Люди ели все, что можно и нельзя. Вечером садились у окна и выглядывали, где больше крапивы растет; вста-

нешь рано утром, чтоб нарвать ее и сделать лепешек, а ее уже и нет — кто-то опередил. Еще помню, что погибших лошадей (не знаю по какой причине) закапывали, но от сильного голода мужики ночью их раскапывали, отрезали от них мясо, варили, жарили и ели».

После Иксы

«Когда я стала постарше (мне было 18), председатель пригласил меня на разговор и спрашивает, грамотная ли я. А я отвечаю: “Конечно! Я же три месяца в школу ходила!” (Елена Васильевна смеется). Председатель объяснил мне, что хочет назначить меня десятником. Меня это очень удивило и испугало, так как это была очень ответственная работа, а у меня какая грамота?! Но вскоре я освоилась на новом месте. Если чего-то не понимала, просила помощи, и никто мне не отказывал. Председатель поощрял нас за качественную работу. Я накопила денег, и мы купили козу. С тех пор у нас было молоко, но хлеба по-прежнему не хватало.

Потом мы переехали в Няндому. Нас поселили в лесопункте. Здесь была столовая, больница, баня и много домов. Потом мама заболела, и я пошла подрабатывать. Денег не хватало, в сутки всем выдавали хлеб: детям — 350 г., неработающим — 250 г., подсобным рабочим — 500 г. А тем, кто работал в лесу, — 650 г.

Многие люди умирали от голода или от болезней.

Позже всех тех людей, которых вывезли с Украины, реабилитировали (добавили деньги к пенсии, восстановили в правах, предоставили льготы). Хотели таким образом искупить вину перед народом. Да разве это возможно?»

ПОБЕДА У НАШИХ СТОЯЛА ДВЕРЕЙ…

Самым долгожданным для всех переживших войну людей был день Победы.

«О победе мы услышали в школе. Учителя объявили. И мы из-за парт выскочили и домой побежали. А нас никто и не останавливал. Радости-то сколько было! Все прыгают, друг друга поздравляют, смеются. Наконец-то война кончилась, всё!» — рассказывает моя прабабушка.

Сохранила в памяти это событие и М. Н. Щукина: «9 мая 1945 года утром мы пришли в школу, техничка открыла

класс, а печка углем вся была исписана сверху донизу: “Ура! Победа! Гитлеру капут!” И учителя, и ученики стали обниматься друг с другом, радоваться. Это было огромное счастье для всех, кто пережил войну!»

Запомнился День Победы и Анне Александровне Костив: «Жили в бараке на улице Красноармейской. Я как узнала, что война закончилась, босиком побежала в госпиталь, некогда обуться было. Пока добежала туда, ноги в кровь стерла. Плачу: “Дяденьки, милые, вы-то поедете домой, а у меня от папы никаких вестей”. Они отвечают: “Посмотри, у тебя ноги-то в крови”. Прибежала медсестра, мне ноги йодом помазала и перебинтовала, как белые сапоги надела. Как узнали там о победе, все стали целоваться, обниматься, друг друга поздравлять. Я домой пошла. На улицах где гармошка играет, где балалайки, люди поют, пляшут. Я в своих “белых сапогах” тоже плясала».

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Но жизнь людей после победы не стала легче.

Галина Никифоровна Смирнова считает послевоенные годы самыми трудными. «Когда карточки отменили, за хлебом были большие очереди. По карточкам нам выдавали хлеб (на детей давали по 500 г), этого было мало. Чтобы купить хлеб, мама ездила в Мурманск за рыбой, она была там дешевая. Эту рыбу она обменивала на деньги. А чтобы поехать в Мурманск, мама продала сначала патефон, потом швейную машинку.

Однажды мама пошла получать хлеб по карточке, а хлеба не было и вместо него дали мороженную картошку. Мама перемолола ее в мясорубке, добавила муки и испекла оладьи. Ничего, никакие продукты, пусть и не особо хорошие, не выбрасывались.

Когда я чуток повзрослела, мама сказала, что ей нас всех не потянуть, надо учить младших. Мне было 17 лет, а я выглядела как ребенок. Приду на работу устраиваться, а мне говорят, что детей не берут. Я объясняю: да какой же я ребенок, мне семнадцать! Потом всё-таки повезло: в леспромхозе меня взяли печатать на машинке. Научилась печатать, потом устроилась машинисткой. Плохо жили после войны, тяжело, в магазин придешь, а покупать нечего. Обувь носили по очереди.

Постепенно жизнь стала налаживаться. В магазинах стало кое-что появляться. Помню, был сахар колотый и пиленый. В магазине

стояла голова такая конусом, фиолетовая, в бумагу завернутая, эти головы раскалывали и кусками продавали. Сахар такой, что аж искрился весь! Мне так сильно хотелось сладкого! Когда я получила первую зарплату, то не удержалась и купила 100 г конфет. Пока шла до дома, всё съела. Велика ли моя получка, получала-то я 270 рублей. Маме подала деньги, а она говорит, что мало. Пришлось сказать, что профсоюзные заплатила. Потом всё повторилось, я опять конфет купила и съела. Мама, конечно же, догадалась, на что я тратила деньги».

Геннадий Трофимович Щипков также утверждает, что после войны было даже хуже, чем в войну. Особенно 1947 был очень голодным годом, когда карточную систему отменили, а люди страшно голодали.

Прабабушка вспоминает: «Все старались, работали. А вот что интересно, и меня до сих пор это удивляет, ведь все работали бесплатно, а себя не жалели. А только вот доска на правлении вывешивалась, где отмечали кто на каком месте по наработанному: кто на первом, кто на втором, кто на третьем. А мама у нас все время пахала, три или четыре пахаря всего было в деревне. И вот у нее первая строчка. Больше всех вспахивала. Она с лошадью хорошо умела управляться. Не все могли. Это тоже наука и наука хорошая.

А что интересно, воров у нас совсем не было. На дверь даже замков не весили. Палка поставлена, значит, хозяев дома нет.

Но жизнь сразу не наладилась. Я еще, когда училась в педучилище, получала карточки, на них отпускали 500 г хлеба. Хлеб был как кирпич. Хлеб мы до столовой не доносили, на уроках и съедали. Голодно. Сядем за стол уроки готовить и думаем, чтоб нам хоть буханка хлеба на стол упала. Как хочешь, так и учись. А еще давали нам прикрепительную карточку, на нее полагалось немного крупы и сахара. Крупу мы сдавали в буфет, из нее нам крупяной суп варили, а сахар забирали себе. Суп идем в столовую есть, а хлеба уж нет — съели. Но, бывало, что корочку оставим небольшую. А сытыми всё равно не были».

И Екатерина Яковлевна Макарова вспоминает, что жилось попрежнему трудно. Для колхоза она работала на торфяном болоте на заготовке торфа. Это очень тяжелая работа. Но заработать денег в колхозе было невозможно, поэтому девушкам хотелось получить паспорта и уехать куда-нибудь. А паспорта не давали. «Тогда мы с девчонками решили выправить паспорт другим способом.

Поехали во Владимир, выпросили, чтобы нас отправили рабочими куда-нибудь. Мне исполнилось 18 лет, я была самая молоденькая из девчат. Нас отправили в Костромскую область, дали немного подъемных денег. Сначала мы ехали поездом, потом нас посадили на машину. А большинство едут заключенные. Они напились да разодрались. Страшно было ехать. Привезли нас на место. Первую ночь спали в сарае на сене. Потом нам частную квартиру нашли. Ездили в лес, сучки рубили. Возьмем хлебушка немного поесть, денег платили нам немного. Хлеб поджаривали на костре и ели. Там была столовая, но у нас денег не было. А справки нам всё равно не дали, сказали, мало отработали. Мы зиму только поработали. Вернулись в Осинки. Я вышла замуж, паспорта у меня так и не было. У Павла, мужа моего, был паспорт. У него дядя был председатель сельсовета, вот и мне он дал справочку, что я рабочая. Только тогда я выправила паспорт».

Из истории мы знаем, что после введения паспортной системы в 1932 году уйти из деревни никому не представлялось возможным. Чтобы получить паспорт, необходимо было получить в сельсовете справку, а сельсовет ее не выдавал, так как не хотел терять рабочие руки. Вот и прикреплялись крестьяне к своим деревням.

Возможность уехать из деревни до наступления возраста получения паспорта давала шанс не только покинуть деревню, но и попытаться изменить жизнь в лучшую сторону. Вероятно, детям в колхозах действительно было тяжело, раз они решались остаться без опеки и отправлялись «в люди».

***

Закончив свое исследование, я поняла, что поколение людей, чьи детские годы пришлись на военное время, было лишено счастливого детства. Эти годы оказались для них самыми тяжелыми в жизни. В 1930-е и 40-е годы в каждой семье (а семьи были многодетными) чуть ли не каждый второй ребенок умирал в младенчестве. В военные годы деревенские ребятишки работали в колхозах наравне с взрослыми, помогая фронту.

Из рассказов всех опрошенных можно сделать вывод, что семьи содержали подсобное хозяйство. Они возделывали огород, выращивали домашний скот. Довоенное время они характеризуют как неплохое: и с едой, и с одеждой было более-менее благополучно.

Совсем другая жизнь настала с началом войны и после ее окончания. Голод вынуждал есть траву, собирать крапиву, кашку, колоски на полях, мерзлую картошку в поле — всё, что позволяло немного утолить голод и выжить. Респонденты, вспоминая эти факты, сегодня сами удивляются тому, что такая еда не сказывалась на их желудках. По их мнению, эта природная пища, наоборот, способствовала укреплению здоровья.

С одеждой тоже было непросто. До войны купить что-либо в магазине могли далеко не все. Работа в колхозе «оплачивалась» трудоднями. На трудодни товар не отпускали. Поэтому колхозники обслуживали себя сами: обрабатывали лен, пряли шерсть. А вот люди других профессий (ветеринар, слесарь, путеобходчик и др.) получали деньги, поэтому могли позволить себе магазинные покупки. Эти запасы и выручали их в тяжелые времена.

Спрашивая своих респондентов об учебе, я была уверена, что большинство из них в военное время не училось. То, что все они продолжали обучение, по-настоящему удивило меня. Удаленность школы от дома, отсутствие тетрадок и учебников, изношенная одежда и обувь — ничто не могло помешать стремлению ребят учиться. А многие из них до сих пор помнят имена своих учителей. То, что дети повсеместно продолжали обучение, свидетельствует и том, что народ верил в завтрашний день, верил в победу.

В тылу был свой фронт, трудный, мучительный. Люди работали на износ, выполняя и перевыполняя указанные нормы. Война диктовала свои условия. Людям приходилось думать не только о себе и о своих семьях, надо было заботиться и о тех, кто сражался, проливая кровь.

Судьбы детей, оказавшихся на оккупированных территориях — это совершенно особые истории. Несмотря на обрывочность воспоминаний, вырисовываются довольно яркие зрелищные картины. Каждый эпизод оставляет неизгладимые впечатления. Странно было узнать о том, что немцы бывали всякие и вели себя по-разному. По фильмам мне представлялось, что все немцы — звери. Оказывается, немцы тоже люди, и среди них встречались как жестокие, так и сердобольные.

Возможность уехать из деревни до наступления возраста получения паспорта давала шанс не только покинуть деревню, но и попытаться изменить жизнь в лучшую сторону.

Мои респонденты сегодня живут в Няндоме. Но их детские годы прошли в самых разных областях нашей страны (Владимирской, Костромской, Горьковской, Архангельской, Вологодской, Винницкой, Ивано-Франковской) — это подтверждает, что невыносимо тяжело в военное время было всюду. Не было такого уголка, где можно было спрятаться от войны.

Когда я собирала материал, мне приходилось встречаться с людьми, которые родились в 30-х годах прошлого столетия. Сегодня троих из моих собеседников уже нет в живых, в их числе и моей прабабушки, Нины Ивановны Ерёминской. Но их воспоминания останутся, и это еще раз убедило меня в том, что моя работа была нужной и важной.

Боль в песенных строках: песни, записанные бывшими фашистскими узниками в проверочно-фильтрационном лагере № 219 летом 1945 года

Анна Антонова
Лицей, г. Урюпинск, Волгоградская область
научный руководитель Николай Алексеевич Серебряков

В музей Урюпинского Лицея принесли реликвию — маленький блокнот в твердом переплете. На его страницах были записаны песни узников фашистских лагерей. У нас появилась уникальная возможность понять через строки песен, что пережили эти люди. Основными источниками исследования стали песенник и личные документы Степана Ивановича Попова.

Степан Иванович Попов, ветеран Великой Отечественной войны, один из лучших механизаторов Антошинской МТС, а затем совхоза «Искра», умер 25 февраля 2004 года. Так получилось, что сегодня подробно рассказать о его жизни уже некому. У него не было детей, скончались сестра и брат. К счастью, у дальних родственников сохранились его личные документы и фронтовой блокнот. По этим материалам, хранящимся в архиве семьи Кудрявцевых, мы попытались рассказать о человеке, сохранившем ценнейшую военную реликвию.

СВИДЕТЕЛЬСТВА БЫЛОГО...

Степан Иванович Попов родился 21 декабря 1917 года в небольшом хуторе Сурочий, спрятанном на дне степной балки, в северо-восточной части Урюпинского района. Как и многие его сверстники 20-х годов, чье детство прошло на селе, смог получить только начальное образование. После коллективизации освоил профессию тракториста-комбайнера. 15 сентября 1938 года был призван на действительную службу в Красную Армию, где служил в 14 отдельном полку связи телефонистом. Уволен в запас 12 декабря 1940 года.

22 августа 1941 года его мобилизовали на фронт Урюпинским РВК. В октябре Степан Иванович направляется шофером в 209 пушечный артиллерийский полк Резерва Главного Командования. Весной 42-го полк находился в составе 6 армии Юго-Западного фронта. Залпами его орудий в районе поселка Михайловка Первомайского

района 12 мая 1942 года началась трагическая Харьковская наступательная операция. Из-за просчетов советского командования войска фронта оказались в окружении. Красная Армия потеряла 277190 человек, из них 170958 безвозвратно. Артиллеристы с их тяжелыми пушками и тихоходными тягачами не имели шансов вырваться из окружения. 27 мая 1942 года Степан Попов был контужен в голову и попал в плен. В концлагере он работал на шахтах вместе с чехами и югославами. 29 марта 1945 года лагерь освободила американская армия. После передачи советской стороне с сентября 1945 года он проходил службу санитаром в 530 медико-санитарной роте.

Так получилось, что самыми счастливыми днями его военной жизни стало время пребывания в проверочно-фильтрационном лагере № 219, куда он попал после освобождения из плена. Здесь он встретил свою любовь — украинскую девушку Надю, угнанную на работы в Германию. Эта чувство наложило отпечаток на всю его жизнь. Война разлучила их. Вернувшись домой, он долго искал свою любовь. Довоенный брак с Поповой Александрой Егоровной распался. В семейной жизни он так и остался несчастлив, но как самую дорогую реликвию хранил он всю жизнь блокнот, в который они с Надей записали свои любимые песни.

О ЧЕМ РАССКАЗАЛ СТАРЫЙ БЛОКНОТ?

Нельзя оставаться равнодушным, когда держишь в руках старые документы. А попавший в наши руки песенник вызывает особые чувства.

Блокнот размером 205 на 125 миллиметров содержит записи, выполненные карандашом и перьевой ручкой на двух языках. В верхней части страниц просматриваются первичные двухстрочные надписи латиницей. Их перевод вызвал определенные трудности. В разрешении возникшей проблемы нам помог друг нашего музея пастор лютеранской общины города Бремена Эрнст Уль. В годы Великой Отечественной войны его отец умер в лагере для военнопленных № 123 располагавшемся в Урюпинске. В октябре 2013 года он посетил наш музей. Ему мы и переслали фотографии некоторых записей. По счастливой случайности Эрнст Уль обучался в школе в конце 30-х в начале 40-х годов, когда в немецких школах преподавался рукописный шрифт «Sütterlin». Именно этой графикой, не понимаемой большинством современных немцев и иностранцами, сделаны записи. Они принадлежали слесарю, который выполнял частные заказы по до-

машнему ремонту, и содержали сведения о заказчике, видах и стоимости выполненных работ.

Ниже на страничках находятся записи песен на русском языке. Большинство из них записаны двумя людьми. На это указывают особенности почерка. И только песня «Огонек (ответ)» записана третьим человеком. Подпись под этой песней «Лагерь № 219 п/п 52703/19» позволила нам определить место записи. Они сделаны в проверочно-фильтрационном лагере НКВД для бывших военнопленных и перемещенных лиц. Располагался он в городе Витшток в 80 км северо-западнее Берлина. Время составления песенника можно определить лишь примерно — лето 1945 года. В нем записаны 16 песен, и лишь для двух указано время записи. Четвертый текст вписан 4 июня 1945 года, а десятый — 8 июля того же года.

Автора восьми текстов можно легко установить по автографам в конце песен. Они записаны Надей, девушкой, угнанной на работы в Германию. Эти подписи являются посвящением любимому человеку. В них трогательно подчеркиваются очень близкие отношения, возникшие со Степаном: «писала твоя жена Надя», «писала Надя Попова».

Мы думаем, что блокнот изначально принадлежал С. И. Попову, который не подписывал своих песен. Русские и украинские песни Надежда записывала при помощи национальных алфавитов. Это может говорить о том, что она была из восточной Украины. Более грамотные украинские тексты, ошибки в русском языке, связанные с особенностями украинского произношения, свидетельствуют о том, что именно украинский язык был для нее родным. Видимо, переход в песнях на русский язык произошел по просьбе слушателей, товарищей Надежды по несчастью. Что касается вопроса об азбуке, то, действительно, до 1939 года, когда к СССР были присоединены западные земли Украины, существовало несколько азбук. Но в рукописи Надежды нет никаких следов иных азбук, чем та, которой пользовались в советских школах. А судя по лексике, таких следов вообще быть не может, потому что, скорее всего, это девушка из восточных или южных районов Украины, там, где русский язык оказал более сильное влияние даже на сельских жителей. В тексте песен нет диалектных слов, по которым можно было бы определить, из какой местности происходит Надежда.

Перевод 5 строфы первой украинской песни «Наша жизнь» подтверждает этот вывод. Текст блокнота «Ох! Зачем меня мать породила, Ох! Зачем меня мать роділа, Лучше б в море была утопила чем в германскую жизнь одала» разительно отличается своей лексикой от

классического украинского языка — «Ох! Навіщо мене мати породила, Ох! Навіщо мене мати народила, Краще б в море мене була втопила, Ніж (чому, аніж, що) в німецьку життя віддала».

Многое о Надежде могут рассказать и жанры любимых ею песен. Преимущественно это переделки — «Синего платочка», песен, относящихся к «тюремному романсу»: «Из далеко Колымского Края», «Коли, дівчата, була я з вами», «Здравствуй, мать, прими привет от сына…»; литературно исторические песни и романсы «От павших твердынь Порт-Артура» и «Я люблю вас так безумно». Можно с уверенностью предполагать, что родилась и выросла она в городе или малом промышленном центре. В отличие от нее у Степана Ивановича, выросшего в казачьем крае, преобладают народные песни и песни, ставшими любимыми у солдат в годы войны.

Огромную ценность представляет содержание песен, записанных в блокноте. Наряду с общеизвестными и любимыми произведениями здесь представлены только что созданные «переделка» на танго «Огонек» — «Ковыляй потихонечку» и производная от «Спят курганы темные» — «Позор девушке гуляющей с немцами». А «Ответ девушек» на последнюю песню — возможно, уникальная запись. Мы не нашли этого варианта песни ни в песенных сборниках, ни на тематических сайтах интернета. Но особенно интересным показался фольклор узников фашистских лагерей и «остарбайтеров». Его содержание и будет рассмотрено подробно. Русские тексты отредактированы автором данной работы; украинские — Виктором Владимировичем Федотовым.

СТРОКИ, ПРОПИТАННЫЕ БОЛЬЮ

Первые песни, записанные в блокноте, содержат переживания, связанные с фашистской неволей: освобождение, недолгое пребывание в проверочно-фильтрационном лагере НКВД не смогли стереть из памяти душевных и физических мук. В произведениях, созданных узниками, с особым трагизмом звучит тема вины за то, что они оказались в немецкой неволе. Эту вину они возлагают в первую очередь на предателей в Красной Армии.

«На память песенка из жизни русского пленного»:

Не жалея ни жизни ни крови,
мы дрались, отражая десант,
Но изменник и трус по дешевке
предал нас генерал-лейтенант.

Красноармейская книжка Степана Ивановича Попова

Степан Иванович Попов

Блокнот С. И. Попова с песнями

37

Stender

Бай Абоклудрат 25,-

Ох! зачем меня мать породила
Ох! зачем меня мать родила,
Лучше в море была утопила
чем в германскую жизнь отдала,
Я лягу на германской постелі
вспоминаю про родной я дом,
Ох ї как вспомню про маму родную
то залюсю горячей слезой.
~~Я умру на германской постелі~~
~~вспоминаю про родной я дом,~~
~~Ох! как вспомню про маму родную~~
~~то залюсь горячей слезой.~~
Я умру на германской постелі
похоронятъ меня кое как,
Трое чехлов із старого леса
і наденут германской халат,

Gerlach

Jan. Paul [illegible] 25.-II

И никто про меня неузнает
ни отец они родная мать,
Только вольные птицы слетятся
над моею могилой спивать.
Пропоють они жалубную песню
про германскую жизнь же мою,
Которые часто же пели
вспоминая про жизнь же мою.
Досвідання друзья дорогие
мое тело прокроет земля,
Дак прошу друзья дорогие
передайте родным про меня.

Конец он

писала 4/VII-45 р. у серед

Lauer

Песня

Хороша была жизнь на в Краіні
а в германії жизнь тяжела,
сколько мук впереди і страдания
вот сичас раскажу вам друзья
Ти германія тисяча велика
вербувала ты всю молодёж
посадила ты іх за решотку,
і на волю тепер неидёшь
Привезли нас в товарных вагонах
на работу идём под конвоём,
По 12 часов за машиной
зовут голодной, хоч бальной не стой.
С работы приходим мы поздно
но несразу ложимся мы спать,

Kiebin, Marlashr.

54-

Из за кислой баланды без хлеба
нам приходится долго стоять.
Попоевшу баланду без хлеба
мы на нары ложимся опать,
И неспим и все вспоминаем
свою родную любимую мать.
А на утро еще до расвета
Все слышно авшеги нам кричать
покидаем мы нары с соломой
кусок хлеба идем получать.
Получивши кусок хлеба
полицай нам наряд выдает,
А второй спотнявший плетку
отправляет бессильних в завод.
заводе работа тяжелая
по неспразу ложимся спать.

Freck

~~Frauenauftrag~~

~~Kranz Kopf ... Nachfrage ...~~

сам против них тобою влад

А тапер мы сидим сложивши

как живется в родному краю,

И от скуки и муки страданья

мы сложили вам песню свою

Конец.

...писала броз ...

~~Печенеги~~

г. ~~Переслава~~

~~Переславски~~

рубеж

Löbbert

März Kohlenbadeofen von 110,50
Spitzenabfluss ausgeben 25.–

Платочек.

Синенький скромный платочек
поданных опущеных плеч,
Ты говорила что незабудешь
радосных, ласковых встреч.
Порой ночной мы раставались с тобой
нет прежних ночей,
Синий платочек
милый хороший родной!
Помниш при нашей разлуки
ты принесы мне к реке,
С лаской прощальной грусть незабудок
в шелконом, синим платке.

[illegible]

[illegible]

[illegible] 7,50

И мне нераз
снятся в предутренний час,
Кудри платочки-нежны цветочки
девичьих радостных глаз.
Кончилась зимняя стуга
дышит голубая ясна,
стелется лето солнцем согрето,
но невернулась весна.
И вновь весной
вновь под зеленой сосной,
Мелькнёт как цветочек синий ~~плато~~
платочек
милый желанный родной,

Bischoff – Kleiber

Ласковой нежной улыбкой
Ты повстречала меня,
В черном жакете в синем берете
„Оля" на груди у тебя.
Помню как ты улыбалась
и говорила в ответ
„Оля" оторвется пальто сотрется
Ты позабудешь меня.
Жаркой ночной
Ты повстречалась с тобой
Не позабыть мне нежной улыбки
девушки русской с „Олей".

Может быть встретимся снова
время унас в переди,
В черном жекете в синем берете
но без „Веба" на груди.

КИНЕЦ.

„писала твоя жена Надь"

Боль слышится в строках, посвященных погибшим товарищам:

Только ворон по ветру услышит
вздох последний груди молодой.

Плен осознается как крушение жизненных надежд, предчувствие неизбежной гибели, горя, омрачившего будущую жизнь. Но надежда вернуться домой не покидает пленников:

Ах ты Русь ты моя дорогая,
не вернемся мы больше к тебе.
Кто вернется, тот век не забудет,
все расскажет родимой семье.

Всё расскажет, покатятся слёзы,
рюмку выпей, вскружит голова,
Дай господь нам вернуться до дома,
продолжать трудовые дела.

В песнях по-разному описаны положение пленных и угнанных на работы в Германию. Так общей и для остарбайтеров и военнопленных является тема голода. Но для первых это скорее проблема недоедания:

Получивши кусок хлеба
полицай нам кафе видает,
а второй с поднявшей плеткой
отправляет бессильных в завод.

Питание пленных было настолько мизерным, что многие из них умирали от голода:

На кормежку нельзя обижаться,
нас кормили сказать на убой,
Грамм по двести с опилками хлеба
и пол литра баланды с ботвой…

А по утру, всех мертвых свозили
в тот безвестный большущий сарай,
Как обоймы в порядок складали,
для отправки готовили в рай.

Народные песни передавали детали страшной лагерной жизни, где и отношение немцев к советским людям было особо жестоким:

Не забыть и о вас полицаи,
все ребята один к одному,
Один бьет, а другой убивает,
умер вечная память ему.

Те из остарбайтеров, кто работал на фабриках, пусть и находились в рабочих лагерях, но получали даже маленькую зарплату и имели право выхода в город, хоть и с отличительным знаком «OST» на груди. Тем не менее, они повсюду чувствовали презрительное отношение к себе и могли быть подвергнуты немотивированному насилию. Песня «Наша жизнь», на мотив украинской народной песни «Коли, дівчата, була я з вами»:

Костюм з остом тут скрізь провіряють
і прохода ніде не дають,
З ресторанів, — крамнць выганяють
і сабакаю русскою звуть.

В обстановке насилия и унижений на чужбине с особой силой ощущалась тоска по родине, которая, в основном, олицетворялась с родным домом и, в первую очередь, с родной матерью. Эта тема присутствует в каждом произведении, слова которого писались в неволе. Звучит она и в народных песнях, собранных в блокноте, — «От павших твердынь Порт-Артура» и в переделанной «Здравствуй, мать, прими привет от сына…»:

Я ляжу на германской постелі
вспоминаю про родной я дом,
Ох как вспомню про маму родную
то залюсю горячей слезой.

Со временем пребывания в проверочно-фильтрационном лагере, пусть еще и не на воле, но в окружении своих соотечественников, стираются из памяти пережитые ужасы. На место лагерных песен приходят новые. Главной их темой становится любовь. Вспыхнувшее между бывшим солдатом и угнанной с Украины девушкой чувство Степан передает в записанных песнях. Надя же буквально подчеркивает

свою любовь. В названии записанного ей 2 июля 1945 года романса «Я вас люблю» слово «я» подчеркнуто 5 пирамидально сокращающимися черточками, слово «вас» — шестью, а слово «люблю» уже семью черточками. И эти песни она подписывает «писала твоя жена Надя». Но их внезапное счастье омрачалось осознанием не только предстоящего неизбежного расставания, но и пониманием того, что Степана дома ждала его жена Александра. Эту тревогу Надя воплотила в измененные, возможно, ею самой строчки «Синего платочка»:

Ласковой нежной улыбкой,
ты повстречала меня
В черном жакете
в синем берете
«Ост» на груди у тебя.

Помню, как ты улыбалась
и говорила шутя
«Ост» оторвется,
память сотрется,
ты позабудешь меня.

Порой ночной,
мы повстречались с тобой.
Но не забыть мне
нежной улыбки
девушки русской с «Остом».

Может быть, встретимся снова,
время у нас впереди,
В черном жакете,
в синем берете,
и без «Оста» на груди.

Не только близкая разлука тревожила Степана Попова. Возможность скорого возвращения домой вызывала не только надежду и радость, но и беспокойство о том, как его встретят дома. Они нашли отражение в вариантах песни «Огонек» и ее переделке, обретшей самостоятельную жизнь — «Ковыляй потихонечку». По существу это одна песня, но в первом случае говорится о любви и верности, а в другом — об измене «искалеченному» в сражениях воину.

Но еще большую тревогу вызывал вопрос, как встретят на Родине красноармейца, попавшего в плен к немцам, и девушку, работавшую в годы войны на фашистскую Германию. Как отнесутся к ним окружающие?

Не случайно последние два текста сборника отражают эти переживания. Песня «Молодые девушки» на мотив «Спят курганы темные» имеет название «Позор девушке гуляющей с немцем». Она родилась на Украине в годы немецкой оккупации. После освобождения Донбасса ее записал журналист газеты «Правда» Б. Л. Горбатов. Он вставил ее в повесть «Непокоренные», изданную в 1943 году. Благодаря этой книге песня стала необычайно популярной в последние годы войны. В ней говорилось об украинских девушках, позабывших своих «лейтенантов-соколов» и подаривших свою любовь немецким солдатам. Символично, что последней записью в сборнике является «Ответ девушек», где содержится попытка оправдаться в несправедливых обвинениях. Эти строки проникнуты горечью и обидой:

Дорогие соколы разве позабыли вы,
сколько горя девушкам принесла война.
Плачут они бедные, горем убиваются,
проклинают девушки свои лагеря…
С матерями старыми и детями малыми,
отдали вы немцу нас
Лейтенанты летчики, соколы отважные,
Сколько раз о верности Родине клялись,
Но в пору тяжелую клятву позабыли вы,
В первых же сражениях немцы взяли нас.

Этими строками и обрывается этот дневник — уникальный документ Военной эпохи, обрывается и история любви и жизни двух людей, сохранивших в песенных строках чувства и переживания людей, переживших фашистскую неволю.

Работа над изучением блокнота помогла мне научиться анализировать исторические источники. Научила вчитываться и понимать каждое слово попавших к нам в руки документов. Песенник является уникальным памятником военного фольклора, и я уверена, что нужно сделать его доступным для профессиональных исследователей и любителей истории и народной песни.

прошлое — далекое и близкое

«Я другой такой страны не знаю!» Страна Советов: мифы и реальность

Сергей Намятов
школа № 17, г. Полевской, Свердловская область
научный руководитель Людмила Сергеевна Панфилова

«ПО ТУ СТОРОНУ ПРАВДЫ...»

Для меня и большинства моих сверстников советская эпоха — уже далекий и, пожалуй, не всегда понятный период в истории страны.

Поэтому замечательно, что рядом с нами еще много живых свидетелей прошлого, которые могут подробно рассказать об интересных фактах, могут привести любопытные и характерные эпизоды, относящиеся к советскому периоду в биографии государства.

Если вспомнить строки популярных советских песен: «Эх, хорошо в стране советской жить!» или «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!», звучавших повсюду, то все они кажутся мне прекрасной былью о сказочном государстве, где «человек проходит, как хозяин, необъятной Родины своей!»

Но действительно ли советская эпоха, если рассматривать ее с исторической точки зрения, может быть обозначена восторженным восклицательным знаком? И так ли уж замечательна была жизнь в этой лучшей стране мира, каковой долгое время считали ее многие граждане?

Чтобы ответить на эти вопросы, я по крупицам собирал сведения о советском этапе истории страны в государственных и личных архивах, в периодических изданиях и материалах школьных музеев, а главное — выявлял их в ходе откровенных воспоминаний свидетелей, жителей моего родного города Полевского. В центре моего исследования — обычные люди. Люди, каких было много и в моем городе, и за тысячи километров от него.

«ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ, СЛОВНО СТОРОЖ У ДВЕРЕЙ ИСТОРИИ...»

Для начала своего, как мне кажется, непредвзятого исследования я отобрал из фондов школьных музеев нашего города не-

сколько учебников и книг советского времени и попытался проанализировать их содержание, сравнив взгляды авторов с точкой зрения людей, в чьей памяти еще сохранились реальные ощущения советского периода жизни.

Всё, что я узнаю, заставляет меня думать, что и авторы книг и учебников, исполняющие социальный заказ, и мои респонденты, воспитанные под влиянием определенной идеологии, полностью зависели от жесткой политической системы, в которой жили.

Одна из моих респонденток, 82-летняя Людмила Ивановна Хенкина, директор школы с многолетним стажем, рассказала мне следующее: несмотря на то, что царская Россия в 1913 году достигла наибольшего расцвета в своем развитии, в книгах и на плакатах в годы ее детства дореволюционная Россия представала перед школьниками лапотной деревней, населенной забитыми мужиками. А еще — страной, где правили спесивые дворяне да хамовитые в рубахах в крупный горошек, как их изображали на картинках, кулаки-мироеды. Страной, где трудами безграмотного работного люда заводов и фабрик, рудников и шахт пользовались лишь толстобрюхие буржуи в цилиндрах. Читаю в Учебном пособие по Конституции СССР для 7 класса (М.: Учпедгиз, 1936) цитату из Сталина: «У них, у капиталистов, ухудшение материального положения трудящихся, снижение заработной платы рабочих и рост безработных. У нас, в СССР, подъем материального положения трудящихся, повышение заработной платы рабочих и сокращение безработицы». Слова не подкрепляются никакими цифрами — судя по всему, народ обязан верить, что всё, сказанное вождем, — реальный факт!

Руководитель музея моей школы, 76-летняя Лия Александровна Плюснина, объяснила мне: «Для нас в те годы было свято только то, что завоевано и установлено Октябрем, декретами Советской власти и стояло по эту сторону революции». Школьники, как, впрочем, и многие взрослые, фанатично верили своим кумирам.

Но, как откровенно призналась мне моя собеседница, позже, когда она повзрослела и начала понимать всю правду о предательстве, лжи и политическом фанатизме периода сталинизма, народные любимцы показались ей уже не столь привлекательными, какими выглядели раньше.

ВОИНСТВУЮЩИЙ АТЕИЗМ. «СЕРПОМ — ПО ХРИСТУ, МОЛОТОМ — ПО КРЕСТУ...»

Очень заинтересовала меня статья Учебного пособия по Конституции СССР о свободе совести. Она оказалась не просто противоречивой, но и саморазоблачающей. В ней говорится, что «Советская власть декретом от 5 февраля 1918 года провозгласила свободу совести и отменила всякие ограничения, связанные с религией». И люди тому верили: у широких слоев населения в то время еще не было осознания бесповоротности событий, которые принесла грянувшая социалистическая революция.

Наш Полевской приход перед Октябрьской революцией насчитывал почти 5 тысяч верующих, службу несли два священника, дьякон и два псаломщика. Однако после революции тем же декретом от 5 февраля 1918 года Советская власть, рассматривая историю государственно-церковных отношений исключительно с антирелигиозных позиций, отделила школу от церкви, беспощадно ударила по верующим, лишив их права свободно воспитывать своих детей в духе православной или иной веры. Хотя в пособии для семиклассников пишется, что власть не только не преследует верующих граждан, но и «защищает их от гонений за религиозные воззрения», на самом деле, всё было по-другому. На повестке дня стоял провозглашенный большевиками воинствующий атеизм.

Протоиерей Сергий Рыбчак рассказал мне, что произошло с находившимся в нашем городе Петро-Павловским храмом.

Из его рассказа я понял, что участь Петро-Павловского храма была такой же гибельной, как и многих других храмов России, — его полностью разграбили и уничтожили, сняв церковные колокола и разрушив позолоченные купола. Судьба же большинства священнослужителей ничем не отличалась от судеб других неугодных новой власти граждан того времени: аресты, тюрьмы и лагеря — таким был их удел.

В ходе исследования я познакомился с Фаиной Петровной Кулаковой, которая в 1962–1964 годы работала в школе пионервожатой и сохранила четыре довольно объемных тетради в коленкоровом переплете с записями с ежегодных областных курсов вожатых. Было интересно рассматривать эти пожелтевшие страницы и читать строки, написанные много лет назад. Они еще раз подтвердили мое мнение, что советские школьники подвергались

тщательной атеистической «обработке» — подробные курсовые записи Фаины Петровны свидетельствуют о целенаправленной работе педагогов по атеистическому воспитанию детей в пионерской дружине. Вот взятые мною из тетради некоторые темы бесед с учениками тех лет: «Борьба с религиозным прошлым», «Отрицание Бога», «Воспитание воинствующих атеистов» и т. п.

По словам Кулаковой, в школах организовывались кружки юных атеистов, шли просмотры антирелигиозных фильмов, размещались плакаты типа «Пионер, смело борись с религией!» и др.

Учителя и пионервожатые заставляли детей заполнять анкеты, чтобы выявить отношение их родителей к религии, организовывали встречи с людьми, порвавшими с церковью. В музее нашей школы я отыскал книжечку «Спутник атеиста» за 1962 год и в ней увидел подборку статей под рубрикой «Мы порвали с Богом».

По-своему типична для советского периода история упомянутого Петро-Павловского храма. В период Великой Отечественной войны его здание перестроили — там некоторое время находились инструментальные мастерские механического завода. После переезда мастерских в новые корпуса станки, стоявшие в храме, выворачивали прямо с кусками бетона, в который они были залиты при установке. Церковное здание при подобном варварском отношении пошло трещинами. В 1961 году освободившиеся помещения храма передали под местный автовокзал.

Очевидцы рассказывали, что во время ремонта здания церкви под автовокзал православные фрески пытались забеливать, но они все время проступали сквозь известь. Тогда строители вырубили их кирками, ободрали стены и покрыли их толстым слоем краски. Здание кое-как отремонтировали, в одном из его приделов оборудовали кочегарку, в другом — диспетчерскую и кассу. А ведь именно с этого храма начиналась церковная жизнь Полевского, и с его официальным закрытием она искусственно была прекращена на 50 лет. Но старожилы говорят, что духовные верования моих земляков не прервались — просто они на многие годы переместились в подполье: немало людей по-прежнему сохраняли в душе православную веру.

Старейшая жительница нашего города Галина Федоровна Шахмина поделилась со мной такими воспоминаниями: «Рождество и пасху мы отмечали каждый год, пели церковные славос-

лавия Христу. Собирались тайно и потихоньку сами совершали молебны. Незнакомым людям об этом не рассказывали: время было безбожное — за такие дела запросто можно было лишиться работы».

Еще одна полевчанка, Мария Прокопьевна Андреева, рассказала, что когда однажды воспитательница детского сада увидела на детях Андреевой нательные крестики, то вызвала Марию Прокопьевну к себе и потребовала немедленно снять крестики. «Мне ничего другого не оставалось, как тут же подчиниться», — с горечью и обидой заключила моя собеседница.

Автовокзал в здании церкви просуществовал до конца 1980-х годов. Потом началось возрождение церковной жизни в Полевском и горожане принялись за восстановление Петро-Павловского храма, который, несмотря на тяжелые исторические перипетии, сохранился, был отреставрирован и вновь действует.

СОВЕТСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО. «В УСЛОВИЯХ НЕОЧЕВИДНОСТИ...»

В том же Учебном пособии по Конституции СССР для 7 класса в статье под названием «Советский суд и его задачи» говорится, что суд необходим советскому государству для борьбы с врагами.

В ту пору людям внушали: страна кишит шпионами, диверсантами и террористами. Враги народа организуют на производствах, в колхозах, артелях диверсии и террористические акты, готовятся убить товарища Сталина. Так говорили. На самом же деле простые граждане страны многого не знали и не понимали — всё исходящее от высшего партийного начальства считалось безоговорочно законным.

Приведу пример о «справедливости» суда в Стране Советов не из учебника, а из реальной жизни Леонида Александровича Голубева, бывшего директора средней школы № 3 города Полевского. В 30-е годы дед Леонида Голубева был объявлен кулаком, и всю его семью насильно сослали в Сибирь, где взрослые и дети вдосталь хлебнули лиха.

19-летнего Леонида Голубева арестовали якобы за поджог детского дома, в котором он работал. Только через год Леонид Александрович был оправдан, как было сказано в решении суда, «в условиях неочевидности совершения преступления». Реабили-

тировали же Голубева, как и большинство его сограждан, лишь спустя много лет.

В том же учебном пособии разъясняется, что советский суд был крайне необходим «для обеспечения среди трудящихся новой социалистической дисциплины». Затем приводятся примеры того, как за неявку на работу без уважительной причины, за самовольный уход с работы, за выпуск недоброкачественной продукции и т. д. и т. п. граждан Страны Советов следует судить и приговаривать к исправительно-трудовым работам или тюремному заключению на различные сроки. По моему мнению, по этой статье запросто могли осудить кого угодно.

Например, от бывшего учителя физкультуры средней школы № 17 Геннадия Васильевича Гилева я узнал о подобном случае в судьбе его двоюродной сестры: вместе с другими девчатами 18-летняя Зинаида Новикова работала на рубке пихтового лапника для завода, который занимался выгонкой пихтового масла. Труд с утренней зари до темной ночи, голод, холод, болезни. После смерти отца и матери Зина решила бросить работу и с помощью добрых людей уехать из Богом проклятых мест. Но нашлась «доброжелательница» и донесла властям — девушку схватили, осудили и этапировали в ссылку, где ее ждала непосильная, каторжная работа на лесоповале. Полагаю, именно таким образом власти заботились об обеспечении среди трудящихся «новой социалистической дисциплины».

В пособии я прочитал, что советский суд сурово наказывает граждан страны «за хищение государственной собственности».

Мои респонденты привели мне немало примеров вовсе незначительных по нынешним меркам «хищений государственной собственности», за которые люди, тем не менее, жестоко карались судом.

Появился даже закон «о трех колосках», в котором говорилось, что каждого пойманного с горстью колхозного хлеба ждет суровая кара, так как воровство зерна — это «антисоветское действие».

По словам моего научного руководителя, нередко измученные матери прятали в подгиб юбки зернышки с уже убранного поля, чтоб ребятишкам принести. Их осматривали, находили спрятанное, вытряхивали и отправляли «виновных» под суд.

Вот воспоминания В. В. Винайкиной, жительницы нашего города: «В 1944 году мою маму посадили в тюрьму на три года за то, что она принесла с колхозного поля две горстки зерна, чтобы

накормить детей. Я осталась одна с младшей сестрой и братьями, пришлось пойти работать, так как я была самая старшая. Жили в бараке, бедно, кушать было нечего, ходили в поле собирать мерзлую картошку».

Другая жительница Полевского, С. А. Сиялова, тоже помнит: осталась женщина с четырьмя детьми без мужа — он на войне погиб. Четырьмя! В голодный год. Женщина и унесла несколько клубней. Ее арестовали. Мать четверых малолетних детей получила 7 лет заключения. По году тюрьмы за каждый клубень!

И люди покорно подчинялись этой бесчеловечной политике «великого вождя всех времен и народов»! Многие даже не осознавали, что происходит в стране.

Вспоминает Полищук Вера Петровна, бывший учитель истории школы поселка Станционный-Полевской: «Мне было 9 лет, когда умер Иосиф Сталин. Наша семья проживала недалеко от железнодорожного вокзала, и я помню, как в день похорон вождя с раннего утра и потом в течение целого дня до нашего дома доносились не прекращающиеся паровозные гудки. Папа был на работе. Мой пятилетний братишка капризничал и все просил, чтобы его “покатали на паровозике”. Бабушка и мама слушали радио и громко рыдали, причитая: “Как же мы теперь будем жить?!”»

Слушая эти воспоминания, я подумал, что тогда, в условиях тоталитарного государства, многие граждане Страны Советов жили вечными несмышленышами при мудром «отце народов», который все за всех решал. Знамя его побед над собственным народом в те времена было окрашено в цвета величия и непогрешимой святости.

Вера Петровна продолжала свой рассказ: «Помню, что только дедушка, казалось, никак не реагировал на происходящее: прислонившись к печи, сидел бледный и молчаливый. Но потом тайком быстро перекрестился и прошептал: “Слава Богу, отмучились!..”

Став старше, я узнала, что брат моего деда, рабочий паровозного депо, был арестован как “диверсант и враг народа” вместе с двумя его сослуживцами. Через месяц все трое были подведены под расстрельную статью…»

Анализируя учебное пособие советской эпохи, я сделал для себя вывод, что его составитель полностью зависел от политической системы, в которой жил, и попросту выполнял социальный заказ.

Отсюда нелепицы и неразбериха в приведении фактов. Книга была рассчитана на школьников, у которых мнения и взгляды на жизнь еще четко не сформировались. К тому же красочные иллюстрации демонстрировали грандиозность масштабов социалистического строительства и затмевали печальную историческую правду о том, какими человеческими жертвами это строительство свершалось.

В сегодняшней российской школе тема репрессий замалчивается и практически не рассматривается. Но это наша история, и поэтому я считаю, что изучение ее печальных событий — знак памяти и дань уважения тысячам невинно пострадавших.

РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЕ. «В ЖЕРНОВАХ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ...»

Учебники 1930–1940-х годов... Когда я просмотрел несколько пособий по обучению грамоте и учебников русского языка, у меня сложилось не то что мнение, а твердое убеждение: они не были просто учебными пособиями, по которым школьников учили грамотно писать. Все учебники того периода были насквозь пронизаны плакатной идеологией, восхвалением социалистического строя, Коммунистической партии и лично товарища Сталина. Каждая страница школьных книг и практически все приведенные в них письменные упражнения и правила, предложения и устные задания внушали детям, что они живут в самой могучей, самой свободной и самой справедливой в мире стране!

Чего стоят одни только названия текстов в «Букваре для школ грамоты» (составители — В. Воскресенская и Р. Павловская; М.: Учпедгиз, 1936): «Как было раньше» (рассказ колхозницы Смирновой), «Классовый враг не спит», «Капиталистические страны и Страна Советов», «У нас и у них», «Чему учил нас Ленин» (рассказ рабочего Иванова), «Наш Иосиф Виссарионович Сталин» (статья Н. К. Крупской) и т. п.

Примеры предложений в букваре вроде бы предназначены для тренировки правописания, а по сути — агитируют за колхозы: «Весело и споро работает колхоз. Работу в поле и на жатве выполнили до срока. Хороши удои у колхозных коров. Лошади у колхоза сытые. Бригада с утра дотемна убирала сено. Ни одного кило сена не пропало у колхозников…» И так далее.

Воспеваются преимущества колхозного образа жизни: «Одно горе было матерям с детьми раньше. Теперь в редком колхозе нет

яслей. Там за детьми хороший уход. Детей в яслях кормят по часам. У каждого ребенка — чистая постелька. Редкая мать не несет детей в колхозные ясли…»

Другой пример обучения грамоте тоже сравнивает ужасное прошлое и прекрасное настоящее: «Осипу уже 50 лет. С семи лет работал он на барина в стужу и в дождь. Немало бед испытал Осип у барина. Теперь Осип работает в колхозе. Он развел рыбу в колхозном пруду. Осип — ударник. Хорошо Осипу в колхозе!»

А вот про красноармейца, который тоже стал колхозником: «Приехал Иван Чуркин из Красной Армии. Скоро вступил Иван в колхоз, стал бригадиром, жил и работал по часам. Ни один день у него не пропадал даром. По его примеру стали и другие бригадиры учитывать работу по часам».

Примеры один за другим агитируют за колхозную жизнь: «В колхозе не было радио. Яше 15 лет. Прочитал Яша книги о радио, год собирал разные части. Яша добился своего. Теперь в колхозе хорошо: все слушают радио».

А вот еще: «После жаркой летней работы все уснули. Но не спят ударники колхоза! Потому что их колхоз отстал от соседнего. Подумали и порешили: поставим работу по-иному…»

Но есть в букваре и примеры о жизни рабочих: «Гудки заводов звали к труду. Сотни рабочих вышли из домов и поспешили к заводам. Задымились трубы, закипела работа. Хороша жизнь в Стране Советов!»

Скажете, наивно? Отнюдь, нет. Как пояснила мой научный руководитель, в те времена такие вещи воспринимались народом как непосредственное и неукоснительное руководство к действию.

Многие страницы учебника обучения грамоте убеждали учеников в правильности и незыблемости мыслей и решений великого вождя Иосифа Сталина о беспощадной борьбе с лентяями, кулаками и другими врагами колхозного движения.

Например, в тексте «Лодырей из колхоза вон!» школьники читали: «Лодыри — колхозу помеха. Вот был у нас Иван Косой. Мы на работу, а он норовит в сарай уйти на сено. Мы пашем, косим, а он курит или спит. Таких колхозников нам не надо. Лодырей, помогающих врагам, из колхоза вон!»

А теперь хочу обратиться к фактам из жизни, разоблачающим напечатанные в букварях и учебниках мифы. По воспоминаниям старожилов, которые хранятся в Полевском городском архиве,

в нашем районе — в селе Раскуиха — тоже был создан колхоз под названием «Красный пахарь». Постепенно он пришел в упадок и распался. По мнению руководителей района, это случилось потому, что в колхоз, якобы, «пришло много лентяев и пьяниц». На мой взгляд, подобное обоснование выглядит недостаточно достоверным, потому что на таких людей попросту списывались проблемы, возникающие из-за политики властей. Большинство жителей деревни запомнили первые годы существования созданного колхоза как «очень тяжелые».

По сути, люди в коллективном хозяйстве почти ничего не зарабатывали — получали «одни палочки», означавшие количество трудодней. А выплата по ним — в конце года. «Можно ли на этих условиях прокормить семью с оравой детей?» — спрашивал колхозник П. И. Талашманов (Материалы Полевского городского архива. Ф. 1. Ед. хр. 35. Л. 11.).

Но государство этот вопрос абсолютно не волновал. Крестьян фактически грабили узаконенным способом.

А сейчас процитирую несколько текстов из «Букваря для школ грамоты» 1936 года. Например, этот имеет явную идеологическую окраску борьбы с кулачеством: «Селькор Жуков написал в “Правду” письмо. В правлении колхоза засели Коньков и Оськин. Коньков — кулак. Оськин раньше держал лавку. В колхозе — только убытки. Борьбу с кулаками никто не ведет. “Правда” проверила письмо селькора. Раскрыла проделки кулаков. Обнаружила кражу. Передали дело в суд. Суд осудил кулаков на 10 лет».

Какой «грамоте» учили такие учебники? Прежде всего, политической — школьников призывали быть непримиримыми в борьбе с «врагами Советской власти».

Вот отрывок из текста «Подвиг конюха Астахова»: «Вор нанес Астахову несколько ударов ножом. Астахов поймал лезвие ножа, изрезал всю ладонь. Потом конюх увидел, что другой вор уводит трех коней. Рванулся Астахов, оставил в руках врага полрубахи. Забежал в палатку, взял ружье и бросился в погоню. Он догнал воров и открыл по ним стрельбу. Воры оставили лошадей и бросились бежать. Истекая кровью, Астахов забрал лошадей и на заре вернулся в загон. Правление колхоза премировало Астахова». Подвиг смелого конюха, который во время ночного вступил в борьбу с врагами, спасая колхозных лошадей, непременно должен был вызвать у школьников желание быть похожими на героя и, если потребуется, так же пожертвовать собой ради общего добра.

Иду в своем исследовании дальше. В нашем школьном музее есть «Учебник русского языка» Р. И. Иванова и В. С. Соколова (М.: Госпедиздат, 1932), где в пояснении, предназначенном для учителя, написано: «Советская школа готовит активных и сознательных строителей социализма. Работа по русскому языку должна помочь этой цели. Исходя из постановления ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе, авторы дают в книге материал для систематической работы по русскому языку, способствующий формированию социалистического самосознания школьников».

В тексте этого учебника под заголовком «Ликвидировать кулачество», представляющим собой отрывок из речи товарища Сталина, я прочитал, что кулак — это враг советской власти, с которым в советской стране идет беспощадная борьба. Сталин говорит: «Наша политика в отношении кулачества есть политика его ликвидации как класса. Мы терпели этих кровопийц, пауков, вампиров, проводя политику ограничения их эксплуататорских тенденций. Политика ликвидации кулачества как класса должна проводиться со всей той настойчивостью и последовательностью, на которую только способны большевики…» И так далее.

Читаю в том же «Учебнике русского языка» такое стихотворение:

Весь колхоз трудом охвачен,
Жизнь бурлива, как река,
Наша главная задача –
Вырвать с корнем кулака!

Могу себе вообразить, каким благодатным агитационным «удобрением» для умов мало что понимающих в политике школьников могли стать подобные стихи!

Благодаря такому содержанию учебников, у подростков формировали определенное мировоззрение и воспитывали из них Павликов Морозовых.

Читаю в учебнике Р. И. Иванова и В. С. Соколова текст «Наш колхоз», в котором говорится, что на пути его организации было много трудностей, кулаки всячески мешали беднякам, но жители деревни добились своего и колхоз был организован. Более того, колхозники «забрали у кулаков 240 мешков зерна» и вовремя закончили начатый сев.

От моего руководителя работы знаю, что в те времена по указанию товарища Сталина у кулаков безоговорочно отбирали имущество и передавали в фонды колхозов. Вместе с тем в своих речах вождь утверждал, что село получает от государства ситец, всякого рода машины, семена, плуги, удобрения для поднятия и социалистического преобразования крестьянского хозяйства. Но поскольку ничего подобного в реальности не было, у меня складывалось впечатление, что все то, о чем говорил товарищ Сталин, происходило не в Стране Советов, а совершенно в другой, какой-то поистине сказочной стране.

И конечно я больше склонен верить не «вождю всех времен и народов», а моему респонденту Алексею Николаевичу Кожевникову, который подтвердил факт, что колхозы жили не благодаря радению партийной элиты страны, а за счет присвоения чужого добра. Например, когда дед Алексея Николаевича отказался вступать в коммуну, к нему в дом нагрянула колхозная «голытьба», и все нажитое отняли — дед простился и с жеребцом, и с коровой. Людям даже не объяснили, что происходит. Просто приехали, просто отобрали, просто так власти нужно.

«О ЖИЗНИ ТИПИЧНОЙ, ТРАГИЧНОЙ, НО ВСЕ-ТАКИ СЧАСТЛИВОЙ?»

Как школьника, меня в ходе исследования, естественно, интересовало, чем же жили ученики тех лет, что их волновало, какими были их интересы. Общаясь с моими респондентами, читая учебники, я снова и снова приходил к выводу, что вся жизнь в тоталитарной стране была типична — в том числе, и для советской школы, которая тоже все время находилась под мощным контролем партийных органов.

Уникальные материалы записей ежегодных областных курсов пионервожатой Кулаковой Фаины Петровны, о которых я уже говорил, также подтверждают мое мнение, что вся работа педагогов шла в соответствии с указаниями КПСС по любым направлениям учебно-воспитательной деятельности школы. В одной из тетрадей вижу, например, записи директив по вопросам пионерского движения, которые включают систему идейно-политического воспитания пионеров-ленинцев — формирования у них коммунистических убеждений, любви к Родине и «ненависти к врагам революции» на примере жизни и деятельности В. И. Ленина!

Интересным мне показался рассказ бывшего директора средней школы № 1 Аллы Сергеевны Полежаевой о вступлении школьников в ряды ВЛКСМ. По ее словам, до каждой школы доводились ежемесячный план и график приема. Так было, когда пионерка Алла вступала в комсомол; ничего не изменилось в этой привычной для всех «обязаловке» и тогда, когда Алла Сергеевна стала директором.

Сначала ребята долго готовились, учили Устав, затем их первоначально принимали на заседании школьного комитета комсомола, а затем приводили в городской комитет ВЛКСМ, где проходило бюро. Сопровождал группу вожатый или кто-либо из комсомольцев-учителей. Школьников по одному вызывали в кабинет секретаря горкома комсомола, где члены бюро задавали вопросы — в основном, по Уставу или текущей политике партии.

Листая страницы школьных учебников, по которым учились советские дети, изучая художественную литературу и тексты периодических изданий тех лет, я все больше убеждался в следующем: не только учебники, но и все пионерские и комсомольские газеты и журналы были направлены на формирование у ребенка ощущения, что он живет в стране с чудесным будущим, название которой — Союз Советских Социалистических Республик. А значит, каждый советский ребенок, родившийся в большой и дружной Стране Советов — самый счастливый человек на земле!

«В наши молодые годы, благодаря усилиям коммунистической пропаганды, к дореволюционному прошлому своей страны и жизни “несчастных” людей во Франции, Англии и других западных странах мы чаще всего относились с жалостью и даже презрением», — поделился со мной Станислав Тимофеевич Тараканов, бывший учитель физики нашей школы № 17. «Но потом, когда, повзрослев, мы начали делать попытки самостоятельно осмыслить и сопоставить плакатную идеологию и знания из школьных учебников, то хорошо усвоили все контрасты и преимущества жизни “здесь у нас” и “там у них”». Слушая его, я подумал: скорее всего, такое сравнение было далеко не в пользу Страны Советов.

Чем тщательнее я анализировал документы и архивы школьного музея, записи воспоминаний людей о 1940–50-х годах, чем внимательнее слушал рассказы моих респондентов, тем ярче проявлялся контраст между картинками счастливого детства в советской стране, показанными в учебниках и книгах, и теми тяжелы-

ми условиями, которые составляли реальный быт учащихся и их семей.

Сужу об этом, прежде всего, на основании моей встречи с учителем немецкого языка средней школы № 14 Тамарой Афанасьевной Брагиной. Моя просьба рассказать о повседневной жизни их семьи в те годы, когда она была школьницей, ее очень удивила. Но она согласилась и стала вспоминать свое «счастливое» детство в родном доме. Например, о том, что жили они в бедности в коммунальной квартире: в одной комнате — их семья, во второй — еще три родных сестры папы. Папа был слесарем на металлургическом заводе, мама работала на этом же заводе маляром. Материальный достаток по тем временам был невысоким, едва хватало на жизнь.

Тамара хорошо помнит свой «праздничный наряд». Мама купила на базаре поношенное, большого размера платье из тонкой шерсти — сиреневое, с мелкими полосками. Из него дочке сшили обновку ко дню рождения. Тамара очень радовалась своему «новому» платью.

А парусиновые белые туфли она тоже никогда не забудет. Девочка постоянно чистила их зубным порошком, чтобы туфли выглядели, как только что из магазина. То единственное сиреневое платье с тесёмками и эти белые парусиновые туфли мама носить каждый день не разрешала. Только «на выход»! В будние дни Тамара бегала в шароварах на веревке — старые резинки давно растянулись. На ногах были растоптанные тапки, а чаще и вовсе приходилось бегать босиком.

Во время нашего общения еще один респондент — Валентина Ивановна Завьялова, бывший учитель истории средней школы № 21, поведала мне, как в послевоенные годы приходилось страдать от холода: «Одевались, кто как мог, чулки из ваты вязали. Кто-то отдал моей маме немецкую шинель, видимо, осталась после войны от пленного, и она сшила мне пальто. Так я и ходила в этой ненавистной мне “фашистской” одежке».

«Маме одной пришлось растить восьмерых детей, отец погиб на фронте, — рассказывала Тамара Алексеевна. — Чтобы прокормить такую ораву, мама целые дни работала, где только можно: копала огороды, стирала людям белье, вечерами с ребятишками ходила собирать на поле оставшиеся овощи и колоски. Питание было плохое, но в школе все-таки выдавали по 50 г хлеба. Вместо портфелей мы носили самодельные холщевые сумки, а к ним

были привязаны чернильницы-непроливашки. Валенки — одни на всех. Остальные дети — либо в ботинках, либо в лаптях. В школе дров не было. Мы каждый день шли на уроки с поленом в руке. Весной сами заготавливали дрова на следующую зиму…»

Тамара Афанасьевна Брагина также вспоминала, что дети советской эпохи вынуждены были сами запасать дрова для школьной котельной. Учебников не хватало, выдавали один учебник на пять человек. Тетради сшивали из обыкновенной газеты: разрезали газету, прихватывали листки иглой с белой ниткой, получалась тетрадка. Писали на такой тетрадке между строчками пером, привязанным к палочке, учили уроки по ночам при свете коптилки, читали при свете печки-буржуйки.

От нее я узнал, что за хорошую учебу в течение одного месяца школьникам давали бесплатные талоны на обед на одну неделю в городскую столовую, устроенную специально для всех школ города. Выстояв в очереди, можно было получить тарелку горячего супа из мороженой капусты и кусочек ржаного хлеба с «маргуселином» — это что-то похожее на заменитель маргарина сегодня. Давали чай со сладкими кристалликами сахарина. «Поешь, а ощущение голода остаётся. Час пройдёт, и под ложечкой снова сосёт — спасу нет! Опять кушать хочется!» — говорила Тамара Афанасьевна.

Пенсионер Борис Федорович Мамчич, родственник моего научного руководителя, житель Екатеринбурга, вспоминает: «Семья наша долгое время жила в поселке Монетный в 30 км от Свердловска. Все мужчины и женщины работали на местном торфяном заводе. Торф служил топливом и заменял уголь и дрова. Даже лозунг такой висел на конторе: “Нужен торф для завода как хлеб для народа!” После уроков нас, школьников, часто отправляли помогать рабочим. Помню, как в 1950 году мы, 14-летние подростки, попарно таскали тяжеленные тележки с сырыми торфяными брикетами сначала в сушилку, а потом отвозили уже высушенные торфяные кирпичики на склад. За эту работу нам выдавали по 100 г хлеба и талон на обед. Он состоял из “затирухи” (это такая кашица из поджаренной муки, разведенной водой) и кружки сладкого чая. Ради этой награды мы “пластались” по 4–5 часов ежедневно! А теперь ответь: до учебников ли нам было после такого тяжкого труда?» — закончил свой рассказ мой собеседник.

Зинаида Захаровна Болкова, ветеран педагогического труда школы № 1, Заслуженный учитель РФ, так вспоминала о своем

детстве: чтобы купить хлеб, надо было с 7 часов вечера занять очередь, которая писалась на руке. Тетя занимала очередь вечером, мама караулила ночью, чтобы не вычеркнули из списка. Вечером Зине писали номер на руке и утром отправляли на целый день в булочную ждать, когда привезут хлеб. Не дай бог опоздать на перекличку — из списка вычеркивали, и хлеба в этот день нельзя было купить. Зина помнит случай, когда она однажды привычно опустила руку в карман, карточек там не оказалось. Зина быстро убежала из очереди, а дома забралась под кровать и долго плакала. К слову сказать, весной 1947 года мама нашла те злополучные хлебные карточки в подкладке рваного пальто, когда со слезами убирала дочкину ветхую одежду в кладовку. Зинаида Захаровна передала те карточки, как драгоценную реликвию, на хранение в школьный музей, и там во время экскурсий их часто показывают удивленным ученикам. Я их тоже видел.

В нашем школьном музее хранятся сочинения учащихся разных лет, которые могут служить (в отличие от текстов, напечатанных в учебниках) правдивым свидетельством о жизни советских детей после войны. Вот, например: «В семье моей бабушки было пять детей, а она старшая. Родители целыми днями были на заводе. Бабушка вспоминает, как ей приходилось воспитывать братьев и сестер, стирать на них, штопать. А носить было нечего: валенки — на пятерых, туфли — матерчатые, галоши иногда приходилось обувать прямо на босу ногу. Еды тоже было мало — одна картошка с солью. Счастье, если мама сварит кашу. В школе ребятишкам на большой перемене кипятка наливали да давали кусочек хлебушка. А вот учительнице доставалась лишь кружка кипятка вместо обеда».

Живет в нашем городе Диана Александровна Сорокова — удивительно интересный и умный человек, по профессии врач. Она помнит, как ее маме, деревенской женщине, после войны выдали американскую ночную сорочку — была в 1946 году такая помощь от американцев! И она приняла шелковую сорочку за самое модное платье: гордо шагала в ней по пыльной деревенской улице. Оказывается, в «счастливой» советской стране люди понятия не имели о таком «наряде».

Приведу ещё один факт из воспоминаний Дианы Александровны: «Мы собирали ягоды и грибы, продавали их и меняли на хлеб, ходили с мамой пилить дрова, копать огороды. Помнятся вечера, когда всей семьей садились вокруг печки-буржуйки

и прямо на ее каменные бока приклеивали круглые пласты картошки. Ох, и вкусна была эта картошка с золотистой коричневой корочкой!»

А для сравнения приведу воспоминания о 1980-х годах, о том, какой стала жизнь при социализме в последнее десятилетие его существования. Большое впечатление произвел на меня один эпизод, рассказанный Светланой Васильевной Вторыгиной, бывшим директором средней школы № 4, о том времени, когда студенты трудились летом в строительных студенческих отрядах — ССО. Ее сын, отработав на строительстве жилого дома в леспромхозе на севере Свердловской области два месяца без выходных по 12 часов в сутки (!!!), смог воплотить свою давнюю мечту — купить кожаную куртку!!! Однако воспоминания его мамы об этой покупке не такие уж и радужные. Она рассказала, как вместе с сыном они обошли чуть ли не с десяток комиссионных магазинов Свердловска (в обычных магазинах такие вещи не продавались или были слишком дорогими!), пока нашли ту вещь, которая соответствовала, прежде всего, имеющейся сумме, а уж потом — размеру.

Не могу не сказать и о бессовестной эксплуатации студентов советским государством во время обязательных осенних сельхозработ на бескрайних полях Родины в течение целого месяца.

Та же Светлана Васильевна сохранила письмо от своего сына Алексея за 1987 год, где он пишет родителям: «Поселили нас в бывшей конюшне, где мы наскоро сколотили нары, потом нам выдали видавшие виды одеяла, а матрацы и подушки сказали набить соломой. На них мы и спали».

А ведь прошло уже 40 лет после окончания войны! И далее Алексей докладывает: «За неделю с 5 по 11 сентября мы уже убрали 50 га картофеля из 60-ти, так что нам осталось ещё 10 плюс 25 га свёклы — как говорят, дел максимум на 4 дня, а то и меньше. Работаем с 8-00 до 21-00 (иногда до 21-30), а магазин работает до 18-00, хотя столовая сносная, но к ночи аппетит зверский».

Я понял, что спать студенты ложились чаще всего голодными, хотя дальше сын успокаивает родителей: «4 сентября нам выдали аванс 15 рублей, так что денег хватает».

И еще в письме Алексея сообщаются такие подробности: «Пообещали зарплату за весь период минимум 150 рублей. Не знаю, насколько это верно (видно, могли и обмануть?! — *С. Н.*), хотя, пожалуй, за такой труд эти деньги — жалкие гроши! — се-

тует студент. — Ведь порой мы наработаемся так, что имя свое забываем».

«Однако ведь не бунтовали!» — размышляю я. Очевидно, в счастливой Стране Советов все это было как бы само собой разумеющимся.

В конце студенческого письма читаю призыв, написанный крупными печатными буквами: «ДОГОНИМ И ПЕРЕГОНИМ АМЕРИКУ ПО РУЧНОЙ УБОРКЕ КОРНЕПЛОДОВ!» И эта фраза скрывает, на мой взгляд, и иронию, и обиду за плохо механизированный сельскохозяйственный труд, за эксплуатацию дешевой рабочей силы бесправных студентов в «могучей, кипучей и никем непобедимой» советской стране. Справедливости ради стоит сказать: люди поколения 1970–80-х, в том числе моя мама, считают те годы замечательными. А многие мои собеседницы называют их счастливыми, даже рассматривая через призму бесконечных социальных потрясений.

Людмила Николаевна Шарипова, моя учительница биологии, рассказала, что в советской стране у всех всегда было много так называемых обязательных «общественных» поручений, в том числе и у педагогических работников. Так, учителя должны были готовить и проводить политинформации, организовывать торжественные собрания перед советскими праздниками, участвовать вместе с детьми в коммунистических субботниках и воскресниках, перед каждой выборной компанией проводить среди местного населения поквартирную многодневную агитационно-разъяснительную работу. Вообще система образования в советской России претерпевала постоянные реформы и преобразования, связанные с различными зигзагами политического курса.

Светлана Павловна Кочева, учитель физики школы № 4, Заслуженный учитель РФ, вспоминает, что в конце 1980-х (это были годы перестройки!) Полевской, как и многие другие города, опоясывали очереди за дефицитными товарами. В школе учителю выдали талон на приобретение зимних сапог 35 размера (а у нее был 38-й!), и Светлана Павловна вспоминает, как потом несколько дней обзванивала учителей других школ города, чтобы поменять купленные по талону сапоги на нужный ей размер.

По свидетельствам моих респондентов, в 1990–1991 годах, уже последних в существовании СССР, «социальный зигзаг» привел к тому, что педагогам перестали платить зарплату, а все заработанные средства компенсировали выдачей продовольственных

товаров. По воспоминаниям моих собеседниц, в то «счастливое» время квартиры многих учителей превращались в подобие продуктовых складов и были забиты мешками с сахаром, крупами, макаронными изделиями, ящиками с тушёнкой и сгущёнкой.

Эти и многие другие приведенные в данном исследовании факты отражают, на мой взгляд, суровую, подчас жестокую, реальность человеческого бытия, навязанную простым гражданам советской страны и резко расходящуюся с массированной пропагандой политических и идеологических мифов о всеобщем благе.

Моя бабушка рассказала, что когда к ним в школу приехала молодая учительница и организовала кружок бальных танцев, в него записалось много старшеклассников, девочек и мальчиков. Они разучивали разные танцы, в том числе латиноамериканские, и занятия всем ученикам очень нравились. Но однажды, когда на кружок «заглянула» заместитель директора (она была секретарем партийной организации учителей), то занятия сразу прекратились — очевидно, администрация школы испугалась, как тогда говорили, «тлетворного влияния Запада».

В чем заключается феномен «ностальгии» по их жизни в черно-белую полоску и по тому времени, которое они называют счастливым, я старался выяснить при каждой встрече с моими респондентами. И понял: просто это было их детство, юность, они были молоды, ну а поскольку другой жизни, находясь «за железным занавесом» своей страны, эти люди не знали, то и сравнивать было не с чем.

Еще один рассказ Людмилы Сергеевны, моего научного руководителя, дает представление о жестких политических условиях существования граждан Страны Советов. Ее дядя Василий Панов (родной брат отца) в 18-летнем возрасте ушел воевать с фашистами и оказался в плену. Когда англичане освободили Василия из лагеря для военнопленных, то молодой человек, напуганный возможным тюремным заключением, которое в сталинские времена грозило всем попавшим в плен, уехал жить в Австралию. Людмила Сергеевна, будучи школьницей, стала переписываться с дядей. Ее предупреждали, что это небезопасно, однако девочка не верила, ведь она до этого никогда не оказывалась под прицелом властей. Но несколькими годами позже наличие родственника за границей сыграло в судьбе моего научного руководителя отрицательную роль. Когда Людмилу рекомендовали как лучшую студентку

факультета иностранных языков Свердловского пединститута в качестве стажера для практики во Франции, то, несмотря на всю комсомольскую активность и отличную учебу, власти в выдаче визы ей отказали. В СССР в те годы партия и ее вожди были беспощадны ко всем, кто имел хоть какое-нибудь отношение к людям, «провинившимся» перед Родиной. Даже к девчонке-студентке, не имеющей ничего общего с военной судьбой дяди.

А вот еще один эпизод о нюансах «вольного дыхания» в Стране Советов — привожу его со слов Аллы Сергеевны Полежаевой, которую тоже неоднократно цитировал. В 1958 году она в составе группы журналистов побывала в Англии. В Лондоне делегация советских туристов посетила Хайгейтское кладбище, где похоронен Карл Маркс. Вернувшись из поездки, Алла Сергеевна, полная впечатлений, написала статью в местную газету «Рабочая правда», и вдруг после публикации ее неожиданно вызвали в городской комитет КПСС. «Меня жестко отчитали, — вспоминает пожилая учительница. — Представляешь, за что? За то, что я совершенно точно перевела фразу с надгробия на могиле Маркса: “Рабочие всех стран, соединяйтесь!” А нужно было перевести: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”» За отступление от «освященной» формулировки чиновники-коммунисты обвинили Аллу Сергеевну в идеологической безграмотности.

Слушая моих респондентов, я вновь убеждался, что, видно, не всё складывалось так уж правильно и хорошо в судьбах советских людей, живших, как утверждали государственные власти, по самой справедливой Конституции в мире, коли собеседники привели мне массу примеров «обратной стороны медали».

«НЕОБРАТИМОСТЬ ПРОИСШЕДШЕГО...»

Работа над темой «Я другой такой страны не знаю!» потребовала от меня тщательного изучения и сличения многих исторических источников: вещественных, изобразительных, письменных, которые необходимо было свести в единый и по возможности непротиворечивый комплекс с целью получения достаточно независимой, объективной информации о тех или иных событиях советского периода истории страны.

Особенно поражают меня те годы, когда в стране властвовали сталинская Конституция, сталинская идеология, сталинский режим. Я понял: народ практически не участвовал в назначениях

«великих» партийных деятелей советского периода, но тот же народ на себе испытал, из каких немилосердных элементов создавались неприступная власть Кремля и в целом весь советский строй.

К счастью, время необратимо. Однако описанные мной события, связанные с этим периодом — были. И вычеркнуть их невозможно. Каждое воспоминание показывает основные этапы жизни отдельного гражданина и является частью истории большой страны, меняющей любую судьбу и приносящей не столько радость, сколько невзгоды, беды и испытания. Они словно посланы для проверки, сколько сможет выдержать человек: сломается ли, превратится ли в послушное орудие власти или нет?

В итоге исследования я пришел к убеждению: в СССР самой мощной индустрией была индустрия идеологическая, которую на современном языке смело можно назвать неким фанатичным идеологическим шоу. Вся жизнь советского государства была охвачена им: наука и культура, медицина и педагогика, промышленность и сельское хозяйство, радио и печать. Повсюду использовалась специальная наглядная агитация, размещались красочные плакаты типа: «Коммунизм начинается сегодня», «Коммунизма зримые черты», «Страна Советов — родина коммунизма!»

Поскольку у людей в те времена не было альтернативных источников информации, то при полном отсутствии влияния извне не поддаться воздействию подобного, весьма своеобразного маскарада (когда маска скрывает истинное лицо), а по сути, хорошо обставленного и умело декорированного политического насилия, народу было невозможно.

Мои встречи с бывшими учащимися и учителями Страны Советов подтверждают эти мои мысли и дают богатую пищу для размышлений.

В своих откровенных рассказах мои собеседники, иногда сами того не ведая, развенчивают патетику и оптимизм многих документальных источников советского периода, в том числе школьных учебников.

Респонденты напрямую говорят, что в отличие от партийных деятелей, восседающих на Олимпе власти, подавляющая часть населения — вначале крайне доверчивая, а затем униженная и деморализованная — не ощущала себя гражданами страны, где «человек проходит, как хозяин». Люди не жили, а выживали в жестко ограниченных рамках советской политики ущемления всех прав

и свобод. Об этом Андрей Платонов писал так: «это сверху кажется — внизу масса, а тут — отдельные люди живут…»

Надеюсь, что на основе архивных документов, страниц учебников, материалов школьных музеев, записей встреч с моими респондентами мне удалось доказать: Счастливая Страна Советов — это был всего лишь миф, подобный Эльдорадо.

И я долго размышлял: какой же знак препинания поставить в конце фразы «Я другой такой страны не знаю», взятой мною в качестве заголовка. Вначале я хотел поставить знак вопросительный. Но, глубоко вникнув в содержание исследования, решил: здесь необходим знак восклицательный, только обозначающий отнюдь не пафосную гордость за Страну Советов, а ужас от реальных фактов ее истории — не просто печальных, а страшных!

Откуда мы будем. История моей семьи

Наталия Малова
школа № 3, г. Кашин, Тверская область
научный руководитель Анна Петровна Малова

Я родилась и живу в Кашине Тверской области. Это древний город с богатой, интересной историей. Среди 15 тысяч жителей Кашина много приехавших в разные времена и по разным причинам. Мне стало интересно, когда и как в Кашине оказались мои родители? Вот что я выяснила. Семья моего отца приехала в Кашин из областного центра, города Калинина в 1975 году, когда здесь стали проводить газ, и дедушке, руководившему этим процессом, дали квартиру в городе. Семья мамы приехала в Кашинский район в 1978 году из Казахстана.

Я стала расспрашивать родителей, бабушек и дедушек, как они жили, почему переезжали, и узнала много интересных подробностей из истории нашей семьи. Дедушка и бабушка всегда старались хранить память о предках и даже создали дома своеобразную фотогалерею, чтобы мы, внуки, знали о них. Мне помогала и мама, которая работает в краеведческом музее. Несколько лет назад по маминой просьбе ее тетя Валентина Степановна Коновалова, старшая сестра бабушки, прислала из Казахстана письмо со своими воспоминаниями. У нас сохранились некоторые документы и много фотографий; многие из них были подписаны, кто изображен на других — рассказали бабушка и дедушка. Для уточнения сведений пришлось обратиться к родственникам, старшим сестрам бабушки и дедушки, живущим в Казахстане и в городе Орле.

Мне захотелось обобщить все сведения, объединить уже имеющиеся «островки памяти». С помощью моих родных я попыталась распутать клубок судеб и дойти до начала. Вот что у меня пока получилось.

СЕМЬЯ МОЕЙ МАМЫ

Моя мама, Анна Петровна Малова (в девичестве Бочарова), родилась в 1971 году в Казахстане, в городе Караганде, но там она провела только первые семь лет своей жизни.

Ее отец, мой дедушка Петр Алексеевич Бочаров, родился в Караганде, но его родители были из Тамбовской губернии (я немного расскажу о них позже). С детства он привык трудиться и быть в центре общественной жизни. После 8 класса в возрасте 15 лет пошел работать на деревообрабатывающий комбинат. По комсомольской путевке поехал, чтобы участвовать в строительстве «казахстанской Магнитки» в Темиртау под Карагандой. Без отрыва от производства заочно закончил исторический факультет Карагандинского университета, вступил в ряды КПСС. В 1978 году Петр Алексеевич с женой Верой Степановной вместе с несколькими семьями из Караганды приехал в новый совхоз «Комсомолец» в Кашинском районе Калининской области. Мой дед был избран секретарем партийной организации совхоза, то есть был там главным «идеологом». Дедушка вспоминал, что когда семья приехала на новое место ранней весной, из-за распутицы машина застряла, пришлось искать трактор и тащить машину на буксире до села. Уницы — старинное село, на базе которого был создан совхоз. На окраине Униц в два ряда построили новые дома для переселенцев. Каждый дом был рассчитан на две семьи, с отдельным входом. Мама помнит, что сначала, пока достраивался их дом, пришлось жить в семье других переселенцев из Караганды — Клочковых, которые их приняли очень радушно и стали практически родными. Мама вспоминает, что они с сестрами ходили в детский сад «на дому», располагавшийся в одной из квартир. Женщина, которая не работала, присматривала за детьми из других семей. Это позже в Уницах будет построен детский сад, школа, проведена дорога. Но тогда, в 1978-м, ничего этого не было.

Моей маме пришло время идти в 1 класс, и ее родители решили переехать в другой совхоз Кашинского района — «Красноборский», где в старинном селе Славкове они прожили 5 лет, сначала в небольшом доме, а потом в доме, который им, детям, казался огромным по сравнению с предыдущими. Рядом с домом был сад и огород, даже целая «усадьба» — большой участок при доме, где Петр Алексеевич косил и даже для дочерей заказал у местного мастера небольшие деревянные грабельки. У мамы осталось много ярких впечатлений об этом времени. Как-то в гости в Славково приехала из Караганды бабуля (Мария Алексеевна, бабушка моей мамы) и пошла в магазин, чтобы ку-

пить сахарного песку. Она попросила сахара, как его называют обычно в Караганде, но ей ответили, что сахара нет. Когда же она показала на сахарный песок — ей ответили: «это не сахар, а песок». Вот так, просто «песок», называют в нашей местности этот продукт. И еще, по воспоминаниям мамы, бабулю неприятно поразило то, что в селе многие матерятся. В Караганде такого не было. В семье моей мамы тоже.

Родители старались привить дочкам не только правила вежливости, но и приобщить к культуре, знаниям. Главным подарком, который привозил отец с партийных семинаров, были книги и грампластинки с записью сказок и разных литературных произведений. Моя бабушка была заведующей сельской библиотекой и ее единственным библиотекарем, она часто брала детей на работу, где они вволю «рылись» на книжных полках, рассматривали и читали всё, что хотели. В 1 класс Славковской школы мама пошла, уже бегло читая. Она вспоминает, что 1, 2 и 3 классы учились вместе у одного учителя и в одном помещении (всего человек 12). В Славкове Бочаровы обрели друзей, с которыми очень жаль было расставаться, но Петра Алексеевича по партийной линии «перевели» председателем колхоза «Заря» на совсем другой стороне Кашинского района.

В «Заре» пришлось сначала жить в деревне Новая Слобода в старом доме с настоящей русской печкой, а потом семья перебралась в деревню Шепели, во вновь выстроенный дом. Дедушка сам делал чертежи и планировку дома, принимал участие в строительстве, уже имея такой опыт. Бабушка в Шепелях работала в сельской библиотеке, как и раньше. Маме в этой деревне особенно запомнился старинный каменный барский дом (как потом оказалось, единственный сохранившийся в Кашинском районе, там была сельская больница), заброшенный парк со старыми липами и прудом. Весной, когда в парке не было больших зарослей, дети любили там гулять, любоваться подснежниками и слушать птиц. А когда стали постарше, кажется, после 7 или 8 класса, мама с сестрой Машей даже подрабатывали на ферме — доили коров аппаратами. Единственный мамин одноклассник тоже жил в нескольких километрах и частенько не являлся на занятия, так что она была практически на индивидуальном обучении, каждый день отвечая учителям уроки (это большой плюс сельской школы). Школа в Шепелях, как и во многих селах, была восьмилетняя, и когда мама заканчивала 8

класс, родители не захотели, чтобы дети, получая среднее образование, жили в интернате, и подыскали место поближе к районному центру.

Так в 1986 году семья моей мамы переехала в деревню Четвертево — совсем рядом с Кашином, нужно было только перейти через речку. Здесь мама уже пошла в 9 класс, а сестры в 8-ой и 6-ой. Дорога до школы занимала минут 40, но учеба в городской школе имела свои преимущества. Мама и ее сестры успешно закончили среднюю школу № 3 города Кашина и продолжили свое образование. Мама поступила в Калининский (затем Тверской) государственный университет и по его окончании стала работать в Кашинском краеведческом музее. В Кашине мама встретила своего будущего мужа Андрея, вышла замуж, здесь родились я и мой брат Степан. Бабушка Вера и дедушка Петя по-прежнему живут в своем доме в Пестрикове, где мы, дети и внуки, любим собираться.

Многое уже изменилось с тех пор, перестали существовать почти все колхозы и совхозы, в том числе и те, где работали бабушка и дедушка. Из Униц некоторые семьи вернулись в Караганду, а другие переехали еще куда-то. Школы в Уницах, Славкове, Шепелях и многих других селах закрыты, деревни пустеют. Но некоторые карагандинцы всё же осели в сельской местности и в райцентре. Когда распался СССР, в эти края приехали русскоязычные переселенцы из Узбекистана, Азербайджана и других бывших союзных республик. Мои же бабушка и дедушка были в известном смысле первопроходцами, работали, как могли, несмотря на все трудности. Главное, они исполнили свою мечту — жить в России, работать на земле и вырастить здесь детей.

Мы с мамой подсчитали, что они с родителями сменили семь домов. Мама вспоминает, что ей было тяжело менять привычный уютный дом на новый; каждый переезд приносил какие-то утраты, жизнь приходилось начинать словно заново. Когда они уезжали из Славково, мама плакала, ей было 12 лет, и она расставалась со своей первой любовью. Запомнились маме и «бытовые мелочи», например, в 6 классе родители купили ей за 50 рублей красивые чехословацкие сапоги на каблучке, а в 8 классе на 15-летие подарили первые в ее жизни наручные часы. Вспоминает мама и забавные эпизоды — когда ее и сестер спрашивали, где они раньше жили и где родились, они отвечали: «в Кара-

ганде» — ровесники часто смеялись и не воспринимали всерьез, считая это поговоркой. Мало еще кто в российской глубинке знал, что это за Караганда такая.

МОИ ПРЕДКИ В КАРАГАНДЕ

Я начала свой рассказ с переезда бабушки и дедушки из Караганды в Россию. Знали они друг друга со школы и, как любит вспоминать дедушка, он начал ухаживать за своей будущей женой уже в 6 классе. Дедушка и бабушка родились в один год — в послевоенный 1946-ой, только бабушка родилась на Дальнем Востоке. Дедушка родился в Караганде, но его родители приехали туда из Тамбовской губернии. Какими путями их семьи оказались в степях Казахстана, я и постаралась выяснить.

Возникновение города Караганды, как говорят историки, тесно связано с появлением Карлага — Карагандинского исправительно-трудового лагеря, одного из крупнейших исправительно-трудовых лагерей в 1930–1950-х годах, подчинявшегося ГУЛАГу НКВД СССР и появлением крестьян-спецпереселенцев в 30-х годах. До этого Караганды как таковой не существовало. Только на месте нынешнего Старого города (одного из районов сегодняшней Караганды) стоял построенный англичанами еще при царе флигель из красного кирпича под бордовой жестяной крышей. Англичане же пробили первый шурф на месте будущей первой шахты им. Костенко и добыли первый уголь, который был вывезен на верблюдах. Несколько русских поселков на этом степном участке появилось в начале XX века: Старая Тихоновка, Большая Михайловка, Дубовка, Федоровка, Крещеновка. Всё изменилось после 1930 года.

«В программу первой пятилетки входила задача освоения целинных земель Центрального Казахстана и разработка Карагандинского угольного бассейна. Поскольку для осуществления этой задачи требовалась предельно дешевая рабочая сила, в начале 1931 года была создана комиссия, которая совместно с ОГПУ занялась решением этого вопроса. И комиссия решила: выслать в Центральный Казахстан 52 тысячи крестьянских семей, что вместе с детьми и стариками составляло около полумиллиона человек. И начались в феврале–марте 1931 года массовые аресты крестьян и отправка их по этапу в знойные степи Центрального Казахстана. Под строгой охраной ОГПУ пошли

в сторону Караганды эшелоны, битком набитые крестьянскими семьями» (*Королева В. В.* Живой воды неиссякаемый источник: Карагандинский старец преподобный Севастиан. М.: Паломник, 2014. С. 23–24).

БОЧАРОВЫ В КАРАГАНДЕ

Мой прадед, Алексей Васильевич Бочаров (1906–1985), был признан «социально-опасным по классовому признаку» как «кулак» и выслан на поселение в Караганду в 1934 году из села Бахарево Сампурского района Тамбовской области. Однако его дети Клавдия Алексеевна и Петр Алексеевич (мой дед) утверждают, что их отец приехал в Караганду позднее, в 1936 или 1937 году, к родителям — Василию Федоровичу и Анне Агаповне Бочаровым, всего у которых было пятеро детей. У Алексея Васильевича тоже было несколько маленьких детей (Раиса, 1924 г. р., Виктор, 1927 г. р., Евгений, 1929 г. р., Зинаида, 1932 г. р., Мария) и, может быть, поэтому он не был сослан сразу. Некоторое время он жил в доме своего деда Федора Петровича Бочарова, который до и после революции торговал мануфактурой, имел частичную аренду земли, ½ часть конной молотилки и был обложен твердым заданием. В ссылку в Караганду отправились родители Алексея. Василий Федорович как кулак был выслан в Караганду из села Бахарево, где у них был крепкий кирпичный дом, зажиточное хозяйство и даже своя мельница. Всего этого мои предки добились своим трудом и природной смекалкой. Двоюродный дед Василия Федоровича, Василий Петрович Бочаров, строил дома и церкви, а позже, как один из самых грамотных и авторитетных жителей Бахарева, по словам дедушки, избирался односельчанами ходоком к В. И. Ленину. Анна Агаповна, по воспоминаниям родственников, была очень предприимчивой, торговала мануфактурой, тканями. В Караганде они вместе с сыновьями Семеном и Алексеем создали строительную бригаду и участвовали в возведении многих современных зданий Караганды — многоэтажных домов, больниц, универмагов. Василий Федорович одно время работал и прорабом, сын Семен — плотником на руднике № 3 шахты № 2. Во время Великой Отечественной войны Семен, мой двоюродный прадедушка, 1903 г. р., в мае 1942 года (не сразу, так как был спецпереселенцем и считался политически неблагонадежным) был

Алексей Григорьевич
Коновалов.
20 октября 1942

Мария и Степан
Коноваловы
с детьми.
15 октября 1942

Семья Коноваловых.
Бабушка Вера
на руках у матери.
1947

Семья Коноваловых
(бабушка Вера
внизу в центре).
1952

призван в армию и пропал без вести на Сталинградском фронте в июле 1942 года. Алексея Васильевича на фронт не взяли — он был завхозом областной больницы.

Почему Алексей Васильевич решил переехать в Караганду? На Тамбовщине тогда был сильный голод, а Караганда строилась и здесь была работа. С хлебом и продуктами здесь всё же было легче. Это и увидел Алексей, сначала приехав к родителям «на разведку», а потом уже вызвал сюда свою семью. Родители не хотели отпускать Марию из Бахарева, но она решительно отправилась к супругу, заявив: «Здесь мы не выживем». Проведя две недели в пути, Мария Григорьевна (1904–1991) прибыла в Караганду с пятью детьми (Виктором, Евгением, Раисой, Василием, Зинаидой), а шестая девочка, Мария, умерла в дороге. Каким был этот переезд — можно лишь догадываться. Как и все переселенцы, они ехали в холодном и грязном «телячьем» вагоне. Серафима, Клавдия и Петр родились уже в Караганде, в 1939, 1941 и 1946 годах. Мой дедушка Петр Алексеевич Бочаров был младшим, восьмым ребенком Бочаровых.

В Михайловке на улице Новой Бочаровы построили себе небольшой саманный дом, похожий на землянку (саман — это кирпич-сырец, приготовляемый из глины с примесью навоза и резаной соломы). Когда братья и сестры стали создавать свои семьи, они сообща строили друг другу такие же дома. Дочери тоже помогали, например, Клавдия Алексеевна вспоминает, как они месили голыми ногами глину с навозом для изготовления саманов. Свадьбы были многолюдные и веселые, а Алексей Васильевич еще в Бахареве считался лучшим гармонистом. Его сын Василий окончил в Ленинграде институт культуры, умел играть на различных инструментах. Всего пятеро детей Бочаровых из восьми получили высшее образование.

Мама с сестрами и родителями часто приезжала в гости в Караганду. Откровением для многих из нас стало, когда мы узнали, что на соседней Западной улице в Михайловке жил известный святой подвижник Севастиан Карагандинский (1884–1966). Батюшка в феврале 1933 года по статье 58-10 был приговорен к 7 годам исправительных трудовых лагерей, в Карагандинском лагере он находился с 1934 по 1939 гг., и к нему сюда стали съезжаться духовные дети. В доме на Западной улице была устроена небольшая домовая церковь, где батюшка Севастиан тайно совершал литургию. В 1953 году власти разрешили от-

крыть молитвенный дом, а в 1955 году в Большой Михайловке была освящена церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы, настоятелем которой и был батюшка Севастиан. К святому подвижнику приезжали люди со всех уголков Советского Союза. В 1997 году Севастиан Карагандинский был причислен к лику святых. Вот в таком святом месте жили мои предки — на соседней улице в Михайловке. Очевидно, им тоже привелось встречаться со святым старцем. Дедушка рассказывал, что его мама Мария Григорьевна уходила обычно очень рано в церковь, иногда брала с собой и детей, крестила и причащала их, а потом и внуков.

КОНОВАЛОВЫ В КАРАГАНДЕ

Родители бабушки Веры — мои прадед Степан Григорьевич Коновалов (1900–1964) и прабабушка Мария Алексеевна (1908–1986) приехали в Караганду в 1952 году с Дальнего Востока, куда они были сосланы в 1931-м из Самарской области. Рассказ о том, как их семья жила в Караганде, я записала в основном со слов моей бабушки, Веры Степановны Бочаровой (Коноваловой) и ее старшей сестры Зои Степановны:

«В Караганде мы жили в Михайловке, в бараке на ул. Строительной, 23 с момента нашего прибытия в 1952 году. Я оттуда и замуж вышла в 1968 году. Бараков на нашей улице было много, кажется, более десятка, на соседней улице они тоже были. В поселке рядом жили чеченские переселенцы в саманных землянках. А наши бараки представляли собой длинные здания из кирпича. Рядом были такие же длинные сараи, у каждой семьи свой, где хранили уголь, дрова, что-то еще, держали скотину, обычно поросят. А у нас там была устроена и банька. Во дворике между бараком и сараем была небольшая летняя кухня. За сараями находился туалет — обычная будка, разделенная на две половины, мужскую и женскую. Дальше находились огороды, у каждой семьи был небольшой участок, но потом эту землю отдали под строительство домов. Помню, у нас остался совсем небольшой огородик под окном барака. В бараке у нас сначала была одна комната, потом присоединили еще одну освободившуюся, прорубив дверь. В одной комнате была печка (топили углем), умывальник, вешалка для одежды, стол, шкаф для посуды и кровать родителей. В другой комнате спали брат Вена с женой (вскоре

им дали квартиру), в другом углу стояла железная кровать, где спали мы с сестрой Зоей. Помню, как мы с ней переворачивались на другой бок одновременно. Здесь еще стоял стол и сундук с одеждой и бельем. В каждой комнате по одному окну, полы обычные, деревянные.

Папа работал на конном дворе возчиком. Дома он много читал, был очень спокойный, никогда не кричал, не ругался. Мама работала дома — шила, вязала, вышивала на машинке и стегала одеяла. Не знаю, шила ли она на заказ, возможно, если ее кто-то просил, но нас она обшивала полностью, перешивала платья из старых. Когда в 1964 году папа умер, мама, чтобы прокормить нас, пошла работать кастеляншей в детский сад.

Жили мы просто, но не помню, чтобы было холодно и голодно. Чем конкретно мы питались, я не помню, видимо, это была простая еда — супы, каши, картошка. Мама сама делала лапшу. Осенью она подрабатывала на овощных базах, там работу оплачивали овощами — капустой, помидорами, огурцами. Раз в неделю покупали мясо. Запомнилось, что в выходные мама варила большую кастрюлю компота и пекла какие-нибудь булочки, которые мы ели целый день, и это был для нас праздник.

В нашем бараке жили в основном русские переселенцы, но был, например, и японец с русской женой, а еще литовская семья — с их старшим сыном дружил наш брат Вена, а я часто нянчилась с Ремигутиком — так звали младшего ребенка, за которым меня просили присмотреть.

До школы идти было довольно далеко. Училась я хорошо, у меня было много друзей. Галя окончила горный техникум в Караганде. Люба работала воспитателем. Единственный наш брат Вениамин после школы сразу пошел в армию, а после армии стал работать на шахте и там погиб во время аварии в 1983 году. Наверно, в юности он и хотел бы учиться, но нужно было содержать семью, в том числе и нам, сестрам, помогать, ведь мы рано остались без отца. Зоя получила специальность экономиста на вечерне-заочном отделении Института народного хозяйства в Алма-Ате. Она работала на заводе, производящем оборудование для шахт. В 1971 году ей от завода дали квартиру, куда они с мамой Марией Алексеевной переехали из барака. Остальные сестры и брат к тому времени уже уехали из барака, обзавелись своими семьями.

Я после школы поступала в медицинский институт, но не прошла по конкурсу. Окончила курсы Красного креста и стала работать лаборантом. В 21 год вышла замуж и стали мы жить у Бочаровых, родителей мужа, а потом с помощью родных построили рядом свой дом».

КОНОВАЛОВЫ — ИЗ БЛАГОДАТНОГО В КРЕСТИКИ

Историю семьи Коноваловых нам описала в письме старшая сестра моей бабушки Валентина Степановна Коновалова.

Как я уже упоминала, в Караганду Коноваловы прибыли с Дальнего Востока. Но и там они были не коренными жителями.

Когда в 1931 году в Поволжье началась коллективизация, трех братьев Коноваловых — Алексея, Федора, Степана — лишили прав за применение наемного труда. Архивная справка о наличии сведений № 391-К от 23.01.97, выданная нам Государственным архивом Самарской области, сообщает, что в 1921–1930 гг. в хозяйстве имелся участок земли до 500 га, посевы до 50 га, 3 лошади, 8 верблюдов, рабочих быков 12 голов, сноповязалка, конная молотилка, конная косилка, 3 сажалки, 2 постоянных и 5 человек сезонных работников. Из справки следует также, что до революции хозяйство у младшего из братьев, Степана Григорьевича, было еще больше — он имел свой хутор, участок земли также до 500 га, но площадь посевов достигала 150 га (в 3 раза больше, чем к 1930 году), лошадей до 20, овец до 100 голов, 8 коров, 15 голов мелкого рогатого скота, из техники еще были две лобогрейки (жатвенные машины), а работников наемных — 4 постоянных и 15 сезонных. В январе 1931 года имущество Степана Григорьевича было конфисковано. В анкете указан состав его семьи: жена Мария — 23 года, сын Владимир — 2 года.

Дочь Валентина родилась как раз в те трагические месяцы — в феврале 1931 года, и о судьбе своей семьи позже узнала от родителей и бабушки. Как ей рассказывала бабушка Агафья Ивановна, Степана Григорьевича хотели выслать одного, но его жена, которой родители предлагали уехать в Куйбышев с детьми и раствориться там, сказала: «Пропадать, так вместе!» и поехала с ним. Брата Федора с семьей сослали в Караганду, в поселок Тихоновку, сестра Анна (в замужестве Брагина) была сослана на Дальний Восток. Степана с семьей и его стар-

шего брата Алексея с женой Дарьей тоже сослали на Дальний Восток.

О высылке Алексея красноречиво пишет его дочь Валентина Степановна: «Как их везли, лучше не писать, потому что я эти рассказы слушать без слез не могла. Рассказывали и мама и папа. Перестрадали они очень много. Сама суди — мои пеленки им приходилось сушить у своего тела. Время года было не теплое — март месяц. На Дальний Восток приехали, было еще очень холодно. К тому же семьи переселенцев на одном месте не держали, постоянно куда-то всех везли. Мама рассказывала: сколько раз не оставалось надежды, что я выживу. Обращались с ними хуже некуда. Папа рассказывал, как умирал Володя; хотя он был совсем маленький, умирая, глядел, как взрослый, был в сознании, нечем было помочь. Надо было похоронить Володю, а начальство приказало собираться, сниматься с мест и ехать дальше на Восток. А было это, — кажется, мама и папа называли Суражевку, это Хабаровский край. Кое-как разрешили похоронить умершего ребенка и пришлось ехать дальше. С каким сердцем уезжали, можно представить, и сколько слез пролили. Наконец оставили всех переселенцев жить в Лукачке. Это в горах, в Хабаровском крае. Я уже кое-что из той жизни помню. Папа работал на рудниках, а маме приходилось работать на лесоповале, там она много здоровья оставила».

Продолжаю цитировать письмо Валентины Степановны: «Там все немного обжились, и даже есть фотографии тех лет — мама и папа, мы с Любой. Наверное, в году 1935 или 36-ом решили организовать колхоз, так как переселенцы-то были крестьяне и поэтому из Лукачки увезли нас в Куравинск, там и организовали колхоз. Летом 1937 года к нам в деревню приехали из НКВД военные люди (это было в воскресенье) и созвали всех мужчин в контору на собрание. Так сказали. Больше никого из мужчин не выпустили, арестовали их и увезли. Я этот арест помню очень хорошо. Так как сильно плакала и цеплялась за своего отца, не могли оторвать, всё хваталась за руки папины и все тоже плакали. Военные-то из НКВД грозили наганами, меня мама оттащила. Увезли всех мужчин и деревня (колхоз) практически осталась без рабочей силы. Мама работала от темна до темна, Люба и Галя были в яслях, а я, уже большая, весь день одна с такими же, как я, девчонками. Природа хорошая в тех местах, много

брусники, вот мы и пропадали днями в лесу. Кукушкины слезы были там чудные и ивы у реки. До сих пор помню. 1937–1938 — это уже близился конец ежовщины. Арестованных мужчин из нашей деревни отпустили, тех, кто жив остался. Многие не вынесли лишений и побоев и умерли. Папа вернулся, год не помню, по-моему, это был уже 1939-й».

В Книге памяти Амурской области Степан Григорьевич Коновалов, 1900 г. р., упоминается как житель поселка Куравинский Мазановского района, арестован 15 июля 1938, осужден 11 марта 1939 АОУ (административно-организационным управлением) НКВД, обвинение по ст. 58-2, 58-1 УК РСФСР, приговор: дело прекращено.

«Папа остался больным навсегда. Вскоре его увезли в больницу, так как в нашей деревне не было больницы, только — амбулатория, правда в ней работал очень хороший фельдшер, тоже ссыльный, но у папы была серьезная болезнь желудка. Потом наш отец, а твой дед, когда поправился, был направлен на курсы ветеринаров, так как был грамотнее других. И после работал ветеринаром в колхозах, пока не был реабилитирован в 1953 году, и тогда ему было разрешено выехать».

Как считает Зоя Степановна Коновалова, родители тогда написали прошение о переезде к старшему брату в Караганду для того, чтобы младшие дети могли учиться не в интернатах и жить дома с родителями. Возможно, им хотелось вернуться на родину в Самарскую (тогда Куйбышевскую) область, но им разрешили поехать только в Караганду, которая тоже была местом ссылок. Когда они приехали в Караганду, моей бабушке Вере было около семи лет, и здесь она пошла в первый класс.

***

Написать это исследование мне было важно в любом случае, даже не для участия в конкурсе, а для себя самой, чтобы узнать о своих предках, понять, как они жили. Результаты этой работы я сохраню для своих детей, чтобы они знали историю своего рода, а через судьбы своих семей — лучше бы знали и понимали историю нашей страны. Надеюсь, когда-нибудь еще будет возможность поработать в архивах и дополнить историю моей семьи более точными фактами.

С проблемой я столкнулась во время опроса моих родных — они не очень охотно вспоминали прошлое свое и своей семьи, особенно в страшные 1930–40-е годы. Причин, как мне показалось, может быть несколько: 1) неприятно и больно вспоминать; 2) страх и опасение если не повторения, то каких-либо последствий; 3) людям кажется, что ничего особенного они не помнят. Но, оказалось, именно разные бытовые, на первый взгляд, незначительные «мелочи» помогают воссоздать картины прошлого, сделать их яркими и живыми. И становится понятно, что история страны — это история конкретных людей.

А еще мне подумалось, какой была бы наша страна, если бы крепкие крестьянские семьи не разрушали, не лишали домов, имущества, не переселяли бы в нечеловеческие условия, когда умирали дети. Да, страна была бы не та, но и мы были бы уже не мы, ведь история не знает сослагательного наклонения…

Те трудности, которые сейчас переживаем мы, показались мне не такими уж серьезными по сравнению с теми, с которыми столкнулись мои прапрабушки и прапрадедушки. На фотографиях они, сорокалетние, уже выглядят стариками после работы на рудниках и лесоповалах. Пример жизни моих родных показал, что очень важна для родственников поддержка друг друга, а люди хорошие есть везде, куда бы не занесла судьба, и везде можно оставаться человеком, найти себе дело.

Очень показательны, как мне кажется, слова из письма В. С. Коноваловой моей маме: «Вот бабушка моя рассказывала мне, что после того, как разорили деревню, восстановиться было им трудно. Они все (и мамины родственники и папины) вынесли много лишений, голодали и холодали… страшно всем досталось. Из [нашей семьи] крестьян не осталось, то есть, я хочу сказать, на земле никто не работает, только вот твои родители, чувствуя зов крестьянского происхождения, уехали в деревню — вот и крестьянствуют, дай Бог им здоровья…» Парадоксально (или закономерно?) судьба сложилась у моих бабушки и дедушки — когда-то их родных выслали из России в Казахстан, который стал второй родиной, дал хлеб и кров. И их отцы поехали туда уже в поисках лучшей доли. А когда обезлюдели деревни Центральной России, они, в свою очередь, поехали их «поднимать».

Получается, если перед моими будущими детьми встанет традиционный вопрос: «Откуда вы будете?» — они уже, зная

свою историю, смогут найти свои корни не только в Тверской области, но и в Самарской, и в Тамбовской, и на Дальнем Востоке, и в степях Казахстана. И ведь такое происхождение — большое богатство; получается, что Родина у нас очень большая.

Я помню дни армейские…

Оксана Елисова
гимназия № 20, г. Саранск, Республика Мордовия
научные руководители
Юлия Владимировна Горшкова, Алёна Владимировна Елисова

Согласно армейскому фольклору: «Армия сделала и сделает из обезьяны — человека». Несомненно, что для многих армия является школой жизни. Молодой человек, собиравшийся на службу в армию, понимал всю важность этого процесса. К сожалению, сейчас так говорить уже не приходится. Современная молодежь относится к службе в армии скептически. Многие молодые люди с большим удовольствием занялись бы другими, более нужными, по их мнению, делами.

В ряды армии начала и середины 1950-х годов призывались те люди, чье детство и отрочество выпало на годы войны. Мои деды — Халим Усманович Тенишев и Зягидулла Хасянович Шехматьев — служили с такими же, как и они, детьми войны.

ОСОБЕННОСТИ АРМЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ. «ОТСЛУЖУ, КАК НАДО, И ВЕРНУСЬ»

Армейские годы моего деда — Тенишева Халима Усмановича, 1934 г. р., пришлись на середину 1950-х годов. Его должны были призвать на службу в армию еще осенью 1953 года, но на медкомиссии дали отсрочку на год. В районной больнице лечил деда доктор Стрелков — московский хирург работал в то время в селе Пурдошки; как говорили, его выслали из Москвы «за политику». Посадить не посадили, а в глухомань отправили. И ходили к нему местные, зная, что Стрелков сделает всё самым лучшим образом. В райцентре таких грамотных специалистов ни до него, ни после никогда не было. Моего деда этот московский хирург быстро вылечил. Восстановившись после операции, дедушка начал готовиться к службе в армии.

Осенью 1954 года, когда деду уже шел 21-й год, пришла повестка. Ехать надо было в Саранск, а это от деревни около 140 километров. Автобусов в Саранск тогда не было, поэтому нужно было заранее договариваться с водителем какой-либо грузовой машины. Деду повезло: в Саранск, чтобы встретить директора МТС, ехала

легковая машина из этой организации. В вещмешок деду в дорогу положили несколько пресных лепешек, вареных яиц и кусок черного домашнего хлеба.

На следующий день будущие солдаты поехали товарным поездом, в теплушках, к месту постоянной службы. Привезли в Молотовскую область (дед, говоря про свои армейские годы, до сих пор так ее называет, не признавая современного названия — «Пермская»). После выгрузки и размещения дали один день отдыха: призывники просто ели и отсыпались. На другой день всем выдали военную форму и отправили в баню. Вместе с формой дед получил кирзовые сапоги, которые надо было постоянно мыть и чистить, так как в октябре 1954 года стояла очень плохая погода — постоянно шли дожди. Началась «учебка», как и у большинства молодых солдат того первого послевоенного десятилетия. Жили в длинной дощатой казарме, внутри которой стояли двухъярусные нары, матрасы и подушки были набиты соломой, благо этого добра — соломы в России хватало всегда. Попал дед служить в железнодорожные войска. После присяги солдатам вручили кавалерийские карабины — они короче обычных. Автоматы ППШ были только у взвода охраны. Номер своей военной части дед помнит до сих пор, хотя прошло уже 60 лет: в/ч 33162.

Казарма находилась в лесу, у реки, из нее на паре лошадей постоянно возили воду в столовую. Рядом проходила железная дорога, а в метрах 200–300-х была возвышенность, где располагался особо охраняемый склад. Новобранцы заметили, что солдаты из комендантского взвода никогда не занимались строевой подготовкой, а только охраняли этот объект. Часовые на этой территории менялись каждые 2 часа. Дед спросил у знакомого охранника из комендантского взвода — Стерпова: «Что там находится?» В ответ услышал: «Взрывчатка, тол». Через пару дней тот же Стерпов рассказал, что солдаты поймали одну из бродячих собак, живших и кормившихся около столовой воинской части, привязали ей на шею тол и отпустили. Собака побежала в противоположную от казарм сторону, а через некоторое время раздался громкий взрыв. Дед сказал про это кратко: «Озорство». А если бы собака с толом побежала в сторону складов с взрывчаткой? Никто тогда не задумывался о том, какие могут быть последствия у весьма глупых солдатских шуток. Ведь взрыв был бы не меньше, чем на линкоре «Новороссийск», только годом раньше. В этом месте не осталось бы не только складов с толом, но и казарм, столовой и других по-

мещений, могла быть полностью уничтожена железнодорожная станция. Вот чем грозило обернуться такое «озорство».

Летом 1956 года деда перевели в Куйбышевскую область на станцию Батраки: «Всё поближе к дому», — как говорит Халим-бабай. Кормили уже гораздо лучше, чем в Молотовской области. Несколько месяцев жили недалеко от города Сызрань уже не в палатках, а в нормальной казарме. Деда удивило то, что в столовой хлеб выдавали не по кускам, а он лежал в тарелках на каждом столе: бери, сколько хочешь. Матрасы были набиты ватой, а не соломой. Солдатам стали один раз в неделю в столовой показывать кино. Именно тогда дед увидел «Бродягу» с Раджем Капуром. В то время в кино дед никогда не мог досидеть до конца сеанса — всегда с середины фильма уходил в казарму. «Не привык я тогда в кино-то ходить. Мы в деревне все больше работали, а не без дела сидели», — так он об этом сказал.

СОЛДАТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ

Уже через пару месяцев после призыва воинская часть, в которой начал служить дед, была переведена на новое место. Казарма теперь уже была добротная, бревенчатая: «Плотника, — с ударением на последнем слоге сказал дед, — делали». Несколько месяцев учебки солдаты были заняты, в основном, благоустройством поселков, военных гарнизонов. Засыпали выбоины терриконом: делали землю ровной, приводили поселки в нормальный вид. За время учебки редкий раз доводилось пострелять из карабина. Чаще всего были заняты на хозяйственных работах.

Дед вспоминает: «После учебки повезли нас на новое место уже в жилых вагонах, а не в теплушках. Жили мы в лесу в больших армейских брезентовых палатках, человек на 40. Изнутри защитного цвета брезент палатки был завешан белыми простынями. Спали на двухъярусных кроватях на тех же набитых соломой матрасах и подушках. Укрывались одним байковым одеялом, под ним — простыня, пододеяльников не было. Морозы за –45 С, а нам в палатке не холодно. Кормили неважно, но никто не жаловался. Хлеб давали черный с какими-то примесями. Да и где можно было найти другой? Страна 10 лет назад пережила такую тяжелую войну. Но мы молодые были — всё могли вытерпеть. Истопником у нас был киргиз — Алим Богушев: он следил за тем, чтобы в палатке всегда была нормальная температура, печку-буржуйку топил и днем, и ночью».

Солдаты тогда занимались заготовкой леса: народ пилил-грузил, а дед, как грамотный — он окончил 8 классов, кубометры считал. Западные украинцы, глядя на деда, говорили: «Работа у него — не бей лежачего».

Летом 1955 года ему пришло письмо из дома, в нем рассказали о том, что в начале июня того же года, его отца, моего прадеда — Тенишева Усмана Фятхотдиновича — привлекли к ответственности за 2 лишние сотки картошки, что он посадил у себя на огороде весной. Решено было прадеда за это судить. Во время заседания суда выяснилось, что два сына служат в армии: Алим, 1932 г. р., — последний год и Халим, 1934 г. р., — первый год. Именно это и спасло прадеда.

Деду, как человеку деревенскому, привыкшему всю жизнь работать на земле, запомнился один осенний ночной марш-бросок. «Идем, а на что наступаем — непонятно». Только утром, когда уже рассвело, солдаты увидели, что шли по полю с созревшими помидорами. «Это сколько же мы помидоров испортили, просто втоптав их в землю?! Ими же можно было людей накормить, а мы просто по ним шли!» Деда с детства приучали с уважением относиться к тому, что немалым трудом выращивается на земле, поэтому он, как и многие другие солдаты, не мог спокойно смотреть на загубленный урожай.

Во время проведения каких-либо хозяйственных работ иногда происходили несчастные случаи. Рядового Лашмайкина из Мордовии убило случайно выкатившимся бревном при разгрузке полувагона. После случившегося командир роты был немедленно арестован и отдан под суд.

Рядового Горду со Станиславской области убило куском террикона, которым выравнивали ухабы проселочных дорог. Террикон лежал на земле в больших пирамидообразных завалах. Постепенно его забирали оттуда. Зимой, при погрузке этого материала в машину, рядовой Горда погиб от упавшего ему на голову большого куска террикона. Горду похоронили в Молотовской области. На похороны из Станиславской области приехал его отец. «Одного сына под Сталинградом убило, другого здесь», — эти слова, сказанные отцом рядового Горды, надолго врезались моему деду в память.

В Молотовской области в феврале 1956 года четыре солдата ночью ушли в самоволку в соседний поселок, что находился в четырех километрах от воинской части. Там выпили так, что трое из них не смогли вернуться в казарму — дошел только один. Ночью за само-

вольщиками были отправлены солдаты, они-то и привели обратно обмороженных сослуживцев. Одному из них — рядовому Силакову — в госпитале удалили два пальца. Командир роты, капитан Хаймин, был немедленно уволен из армии за ненадлежащее исполнение служебных обязанностей. Дед сказал по этому поводу: «Законы тогда были строгие, поэтому и порядка было больше в стране».

НЕМНОГО ОБ ОТЦАХ — КОМАНДИРАХ

Командный состав части был таким же многонациональным. Замполит, что занимался политической подготовкой и воспитанием подчиненных в духе коммунистической морали — майор Лейтас, еврей. По словам деда, командир он был требовательный, но справедливый: если считал, что солдата наказали необоснованно строго, отменял взыскания младших по званию офицеров. Начальник штаба — майор Кийко, украинец. Заместитель начальника штаба — майор Ульяновский, русский. Начальник тыла, интендант — майор Лещенко, украинец. Командир части — подполковник Суходольский, русский. У него в подчинении было четыре заместителя — также подполковника. Этот офицер был раньше полковником, но за развод с женой Суходольского понизили в звании, тогда на это смотрели очень неодобрительно. Должность командира части ему оставили, из рядов партии не выгнали, а с полковников сняли. «Звезду одну с погон убрали — и правильно сделали. Не разводись!» — так дед высказался о той ситуации. Дед человек такой, что разводы не понимает и не принимает: женился — должен жить всю жизнь. А как по-другому?

В то время в Сызрани военным комендантом города был подполковник Дворяк — очень строгий и требовательный офицер, про которого солдатам сразу сказали: «Нежелательно в увольнении попадаться на глаза этому командиру, — иначе без гауптвахты не обойдешься. Он найдет, к чему придраться». Как и большинство офицеров тех лет, Дворяк прошел всю войну, был ранен: у него не было одной руки. Но, тем не менее, он не был демобилизован сразу после войны, а продолжал служить.

Про то место, где дед служил сразу после учебки в Молотовской области, велено было говорить «117-й» и всё, больше никаких подробностей. Так как это были железнодорожные войска, солдат постоянно перебрасывали на новое место: определенного местоположения части никогда не было. Офицеры с семьями имели «более

комфортные», по сравнению с солдатами, условия проживания: командир роты — старший лейтенант Долгачев с женой получил угол в сторожке лесника. Весь дом — одна небольшая комната с печкой, Долгачевы ютились в углу за ситцевой занавеской, в другом углу жила семья лесника. Жене Долгачева — учительнице, окончившей пединститут в Пскове, работать было негде: в лесу школ нет. Поэтому она, уже устав от постоянных переездов и жизни на чемоданах, как-то сказала моему деду: «Знаешь, Тенишев, детям своим, внукам не разрешай ни офицерами становиться, ни замуж за них выходить». Тяжело было не только военнослужащим: офицерским женам приходилось не менее «стойко переносить тяготы и лишения воинской службы», как в Уставе говорилось.

«СОЛДАТ ЕСТ — СЛУЖБА ИДЕТ»

В части было более 500 человек. Чтобы накормить такое количество солдат и офицеров нужно было очень много продуктов: одного только мяса в день требовалось полкоровы или одна свинья. Солдатам-мусульманам, а их было немало, приходилось тяжелее всего: их религия запрещает есть свинину.

Интересный эпизод о свинье и квашеной капусте запал в душу деду Халиму. Свинью держали в дощатом сарае на территории части. Кормили ее отходами из столовой: в день свинье доставалось около двух ведер такого корма. В конце октября 1955 года свинья стала такой большой, так отъелась на остатках солдатских харчей, что ее задние ноги уже не могли ходить — их просто не было видно за большими складками жира, а передними ногами свинья стояла в корыте с едой и продолжала есть. Майор Лещенко, увидев свинью в таком виде, отдал приказ: «Зарезать к 7 ноября». К празднику Октябрьской революции свинью зарезали, и солдаты получили на обед щи из свежего мяса.

Осенью 1955 года солдаты ходили на Каму разгружать с прибывших барж картошку и капусту. Личному составу нужно было обеспечить постоянное трехразовое питание согласно установленным нормам, поэтому в воинской части делались большие запасы продовольствия на зиму. Для квашения капусты использовалась большая бетонированная прямоугольная яма, как дед говорит, «размером с наш деревенский дом». Над ямой — бревенчатый сруб. Перед входом в помещение снимали кирзу — к капустной яме шли только в портянках, в них же спускались по небольшой приставной

лестнице к самой капусте. С последней ступеньки лестницы обувались в стоящие на квашеной капусте резиновые сапоги, в которых ходили прямо по капусте, нагружая ее в довольно большой цинковый бачок. Именно столько капусты уходило для приготовления щей или борща для пятисот человек.

О НАЦИОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ СОВЕТСКОЙ АРМИИ (ЖИТЕЙСКИЕ РАССКАЗЫ)

В разговоре о людях служивших вместе с ним, дед всегда заявляет, что никаких ссор и скандалов не было. Говоря современным языком о таких взаимоотношениях — у них была сплошная «толерантность».

В части служили солдаты и офицеры 26 национальностей. Дед вспоминает, что в середине 1950-х годов начали призывать в армию советских немцев, в части их было двое: Эртман и Майер. В сознании людей «немец» и «фашист» значили тогда одно и то же. Вот и к Эртману и Майеру еще в 1954 году у солдат было настороженное отношение. Но со временем всё это сгладилось: никаких противостояний на национальной почве никогда не было. Дед вспоминает: «Да нормальные они люди. По-русски лучше меня, татарина, говорили». Никогда в части плохо не относились к людям иной национальности.

Были в части два румына из Черновицкой области: Телегуз и Сапонару. Дед так о них говорит: «Служили, как все. Ничего плохого сказать не могу». В хозвзводе служил цыган по фамилии Сухан. Он никогда не расставался со своей скрипкой, носил ее везде с собой. Дед вспоминает: «Был этот цыган маленького роста, чернявый. Но как начинал играть — мы заслушивались. Не знал ни одной ноты, но зато как играл!» Много было людей разных национальностей в воинской части, но они всегда мирно уживались между собой, не конфликтовали.

Конечно, более тесно общались с представителями своих национальностей: всегда можно поговорить на родном языке, спеть свои песни. «Вроде, как дома побывал, когда с ребятами-татарами поговорил», — так об этом сказал Халим-бабай.

В воинской части, где служил Халим-бабай, было много солдат, призванных с западной Украины: из Тернопольской, Черновицкой и Станиславской областей. Эту область, несмотря на то, что ее уже 52 года назад переименовали в Ивано-Франковскую, дед до

сих пор называет Станиславской: «Так ее западные украинцы в армии называли, а они оттуда родом были». Грамотных среди солдат, призванных с Западной Украины, не было: жизнь сложилась так, что русскому языку они начали учиться уже в конце или же после Великой Отечественной войны, когда советские войска вернулись на недавно присоединенные к СССР территории. Может, на украинском языке кто-то из них и умел писать, но на русском они только говорить могли, а читать или писать не умели. Дед вспоминает: «Между собой “западные” всегда по-своему разговаривали».

Когда у западных украинцев спрашивали: «Ну а как немцы во время войны с вами себя вели? Сильно обижали?», они про немецкую оккупацию никогда плохо не говорили: «Немцы давали нам, детям, остатки еды, что они не доели в столовой. Только всегда говорили: “Подождите, пока наши солдаты поедят, а что останется — вам дадим”. Обижать не обижали». Украинским однополчанам деда в 1941 году было по 11–12 лет (все они были старше деда на 4–5 лет). Почему-то их призвали довольно поздно, у многих уже были семьи и дети.

Деду запомнилось, что в свободное время западные украинцы постоянно пели: перед вечерней поверкой они затягивали свои народные песни, и те солдаты, кто был рядом, бросив все дела, с удовольствием их слушали. Дед сам всегда поет «Распрягайте, хлопцы, коней», говоря, что этой песне он выучился у своих однополчан. Именно тогда, сначала в песне, а потом и в речи деда появляется характерное южнорусское «г».

Было много литовцев: Маркунас, Янкаускас, Укин, Марчулайтис. Дед запомнил слова Укина о времени входа советских войск в Прибалтику: «Мы до вашего прихода “карашо” жили». У деда до сих пор на слуху это искаженное укинское «карашо». Никто из литовцев открыто не говорил, что им не нравится жить в Советском Союзе, но в каких-то недомолвках, полунамеках иногда это проскальзывало.

Между собой солдаты жили дружно: делить им было нечего. Дед вспоминает: «Тяжело было всем. Кормили неважно — порции маленькие, поэтому не наедались. Жили зимой в палатках в лесу, отопление — буржуйки. И служили в армии подолгу: кто больше трех лет, а кто и около четырех. Тогда срок службы начинал засчитываться только с Нового года, и неважно, когда кто был призван — весной или осенью: до 1 января следующего года служба в зачет не шла. Сейчас и служить-то надо всего 1 год, но и от этого

Халим Усманович
Тенишев. Осень 1955

Халим Тенишев
и Зяки Наркаев

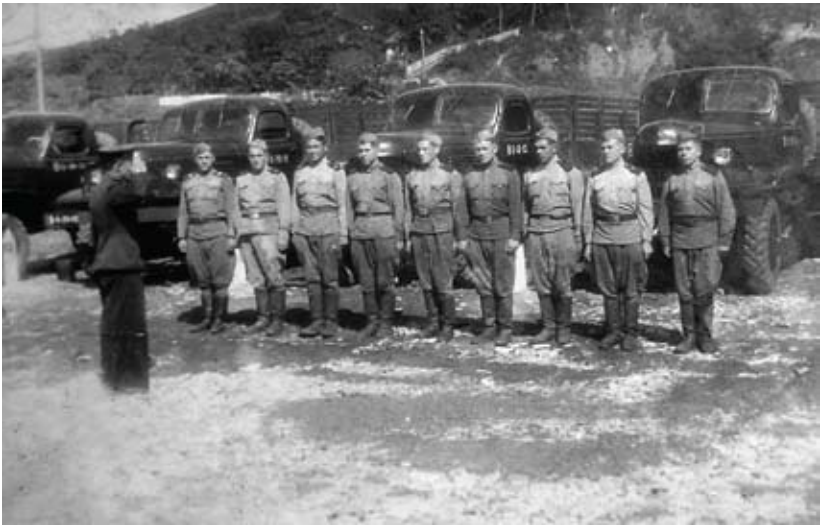
Халим Тенишев с армейскими товарищами

З. Х. Шехмаметьев (крайний слева).
27 марта 1953

«...Прошу не мять
и малым детям в руки
не давать».
З. Х. Шехмаметьев
жене Шуре (Сяре).
27 апреля 1955

З. Х. Шехмаметьев
и Василий Дубинин. 7 ноября 1953

З. Х. Шехмаметьев (третий слева в нижнем ряду).
Подготовка к Первомайскому параду. 30 апреля 1955



Батарея тяги

Дед Зяок —
Зягидулла Шехмаметьев

З. Х. Шехмаметьев
(крайний слева).
На груди у него значок
«Отличный шофер»

пустячного срока пытаются увильнуть. А тогда у ребят даже мысли такой не было, чтобы в армию не пойти. Если в деревне кого-то из ребят не брали в армию, то потом за него и замуж никто не выходил. Девчата считали так: раз в армию не взяли, значит, больной. "Дедовщина" появилась уже после нас. А мы просто служили и ждали возвращения домой. Мы были обычными советскими солдатами, и делить нам было нечего». Даже когда призванный из соседней деревни Мордовские Пошаты Андрей Федосеевич Чопанов в начале службы постоянно плакал, никто из сослуживцев не осуждал его. «По дому скучает», — так решили солдаты. Из этой же деревни вместе с Чопановым был призван Михаил Ларин. У него разлука с домом проходила более спокойно: «Служил, как все, не плакал», — вспоминает дед.

ВЛИЯНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЭПОХАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ НА ЖИЗНЬ СОЛДАТ

«Сын за отца не отвечает»

Летом 1955 года рядового Лунева вызвали в канцелярию воинской части, откуда через какое-то время он вышел совершенно подавленным. Другие солдаты пытались что-то у него узнать — бесполезно, ответов не было ни на один вопрос. Через солдата, что был писарем, выяснили, что за сотрудничество с немцами во время войны на Украине арестована мать Лунева. Самого Лунева не тронули, он продолжал служить, как раньше. И ни офицеры, ни солдаты никогда не вспоминали больше об этом случае. Дед сказал: «Вот так мы убедились в том, что действительно «сын за отца не отвечает».

Дед служил в армии, когда состоялся XX съезд. Через несколько дней после съезда проводилось плановое политзанятие, перед которым кто-то из солдат спросил: «Опять будет "как жили и боролись"?» Замполит в этот день выглядел не как обычно, а был каким-то странным: не было привычной уверенности в своих словах. А когда он начал знакомить солдат с материалами съезда, у всех застыл на губах один и тот же вопрос: «Как?!» И далее сами же себе и отвечали: «Не может этого быть! Это провокация!» Замполит и сам был в полнейшем шоке: «великий вождь и мудрый учитель», который, по мнению многих, был просто непогрешим, вдруг оказался не таким, каким его представляли с самого детства (а замполиту тогда было лет 30). Он не мог спокойно знакомить солдат с материалами съезда: голос срывался, замполит говорил с боль-

шим трудом, так и не оправившись от такого морального потрясения. Солдаты просто не могли осознать и поверить в услышанное. Западные украинцы и литовцы молчали. Может, им и было, что сказать про время сталинского правления на их родине, но промолчать для них было как-то спокойнее.

О венгерских событиях (23 октября — 9 ноября 1956 г.) и радиоприемнике

Осенью 1956 года решили купить радиоприемник: «Когда новости будем слушать, а когда концерт какой», — сказали солдаты. Сложились по 5 рублей, сходили в военторг: «Будем как культурные люди на гражданке — с приемником». Вечерами, когда было немного свободного времени, все с удовольствием слушали передачи из Москвы.

Но в конце октября того же 1956 года замполит предупредил солдат насчет радиоприемника: «Или продайте, или изыму». А так как это было время венгерских событий, когда солдаты могли слушать «вражеские голоса», на следующий день радиоприемник был изъят.

Во время венгерских событий командир части построил весь личный состав на плацу, кратко рассказал о том, что происходит в Венгрии. Потом спросил: «Кто хочет добровольцем поехать в Венгрию?» Ехать решили единогласно: «А как скажешь, что не хочу? И не я один такой был». В 1958 году дед разговаривал с жителем деревни Старые Русские Пошаты, что находятся не так далеко от нашего села Новое Кадышево. Дед запомнил его фамилию — Долбилин: «Нашим стрелять не разрешают, а венгры из толпы стреляют. Наши ночью десант сбросили, а венгры им трассирующими патронами парашюты сожгли. Всех положили. Но и мы Будапешт тоже хорошо порушили». Долбилин был в Венгрии во время тех событий: его часть экстренно перебросили туда из СССР. «11 тысяч наших положили», — говорил Долбилин. Но воинскую часть деда в Венгрию не отправили, хотя некоторые солдаты уже хотели ехать: «Поможем венграм разгромить контрреволюцию, ну и на заграницу посмотрим!» Не довелось!

В армии дед служил 3 года и 3 месяца. Деду повезло: он до Нового, 1955 года, прослужил всего 3 месяца, а с 1 января 1955 года началась его официальная трехгодичная служба. Дед точно помнит день своей демобилизации: 21 января 1957 года. Домой ехал со своим другом — Халимом Акбулатовым. Сестре Нюрии, 1939 г. р.,

привез подарок, купленный в военторге: в пакете два одеколона и пудру в круглой упаковке.

К Акбулатову съездил через 50 лет, летом 2008 года. Вспоминали армию, молодость, армейских товарищей.

АРМЕЙСКИЕ ГОДЫ ДЕДА ЗЯОКА

Зягидулла Хасянович Шехмаметьев, 1931 г. р., всю свою жизнь прожил в татарском селе Лобановка Ельниковского района. Его энергии и трудолюбию можно только позавидовать — он ни минуты не сидит без дела, постоянно выполняет какую-либо работу. Найти его летом дома невозможно: он заготавливает сено, ухаживает за скотиной, занимается какими-либо делами во дворе. И это в 83 года!

От бабушки я узнала, что в начале 1950-х годов дед Зяок (это сокращение имени Зягидулла) служил в армии. Вот об этом он и рассказывал в конце августа прошлого года, когда мы с бабушкой и моей сестрой Алёной отправились в Лобановку, чтобы побеседовать с дедом Зяоком. Бабушка сама родом из села Лобановка, поэтому она знает Зяок-бабая всю жизнь.

Говорили мы на татарском, поэтому потом интервью с дедом Зяоком, записанное на диктофон, пришлось перевести на русский язык. Дед Зяок хорошо говорит по-русски, даже акцента нет: всю жизнь проработал шофером среди русских и мордвы. Но в татарском селе все говорят на родном языке, просто так принято, поэтому рассказывал он о своей службе в армии по-татарски. После интервью он спел нам несколько армейских песен: оказалось, что дед Зяок еще и очень хорошо поет. Он интересный рассказчик, и память для его возраста у него прекрасная. У деда Зяока много армейских фотографий: он их с удовольствием показывал. Запомнилась надпись на обратной стороне одной фотографии, присланной им из армии: «Жене Шуре». Бабушка сказала, что жену Зяок-бабая звали Сяра, просто Шурой он называл ее на русский манер. До призыва дед Зяок уже был женат, у него рос маленький сын.

Повестка ему пришла 5 января 1952 года, а 9 января сосед отвез его на лошади в рабочий поселок Первомайск (сейчас это уже город) Горьковской области. Зимой можно было проехать через замерзшую реку Мокша, поэтому короткая прямая дорога в Первомайск составила всего 27 километров. Из Первомайска поездом отправили в Саранск, где в республиканском военкомате деда Зяока с другими призывниками направили во Владивосток. Дед Зяок

рассказывает: «Везли в телячьем вагоне 3 недели. Внутри — голые нары, чтобы призывникам было, где поспать. На нарах постелей не было — когда спал, укрывался собственной фуфайкой. В поезде был вагон-кухня, поэтому в дороге кормили вполне нормально. За 3 недели, что находились в пути, поправился на 2,5 кг. Во Владивостоке учебка была при части, начал служить в оружейном расчете зенитной батареи.

Через два месяца после призыва — 15 марта 1952 года — присяга, текст которой дед Зяок помнит до сих пор.

В артиллерийском дивизионе, где служил Зягидулла Хасянович, было 4 батареи. Зяок-бабай как-то узнал, что берут учиться на шофера двух человек с батареи. А до армии, в 1948 году, он учился на тракториста в Санаксарской школе механизации. Школа располагалась в монастыре, построенном еще дядей адмирала Ушакова. В 1920-х годах монахов кого выгнали, а кого посадили. Обучающиеся в школе механизации жили в бывших монашеских кельях. Три года до армии — в 1948–1951 годах дед Зяок работал в МТС трактористом. Вот поэтому рядовой Шехмаметьев и решил учиться на шофера. Написал заявление, отдал документы. Но почему-то учиться на шофера Зяок-бабая поначалу не пускали. И только капитан Давыдовский решил этот вопрос: учиться поедут рядовой Горлов и рядовой Шехмаметьев. У Горлова дома был мотоцикл, который он умел водить. А у капитана Давыдовского тоже был мотоцикл с коляской, в которой сломалась ось. Мотоцикл Давыдовского нужно было отремонтировать. И сделать это могли «один — тракторист, второй мотоциклист», — как их назвал сам капитан. На шофера учились 3 месяца, экзамен сдавали в ГАИ города Владивостока. Первое время дед Зяок работал на студебеккере, одном из тех, которые были поставлены по ленд-лизу еще во время войны. Зяок-бабай возил орудия на стрельбище, на учения, на салют. Служил в батарее тяги.

Солдатам, призванным в январе 1952 года, в мае месяце еще не выдали нормальную форму, мотивируя тем, что «срок не вышел». А когда этот срок у формы вышел, — нужного обмундирования на складах уже не было. Дед Зяок вспоминает: «Гимнастерка была уже много раз зашита-заштопана. Выглядела так, как будто ее сшили из множества лент». И вот в один из дней, когда дед Зяок был дневальным в казарме, приехал с проверкой начальник политуправления Тихоокеанского флота адмирал Клевенский вместе с группой старших офицеров. Первый вопрос адмирала Клевенского:

— Почему в такой форме?

— Товарищ адмирал, больше нечего носить!

— Как нечего?! Ну-ка старшину сюда.

Старшина подтвердил, что носить солдатам действительно нечего: формы на складах нет. Клевенский потребовал вызвать начальника обозно-вещевого снабжения части. Им был капитан Гордин. Он также доложил адмиралу, что солдатской формы на складе нет. Тогда Клевенский приказал: «Выдать офицерскую». Всем 30-ти солдатам этого призыва выдали офицерскую форму. Дед Зяок привез эту форму в родное село Лобановку, когда приехал в отпуск в 1954 году. Долго носил ее уже после армии. Потом его жена Сяра сшила из офицерского кителя фуфаечку-бушлатик их маленькому сыну. «Солдатик-бушлатик» — так его иногда называли.

Дед Зяок был отличником боевой и политической подготовки. Начальник особого отдела дивизии — капитан Колфин даже написал статью о рядовом Шехмаметьеве в газете Тихоокеанского флота «Боевая вахта», чем Зяок-бабай очень гордился.

Дед Зяок возил боезапас в порт, где потом привезенные торпеды грузили на корабли. Он всегда приезжал на 38-й причал. Когда объявили о смерти Сталина, всем кораблям в порту в определенное время нужно было дать протяжный гудок, а машинам (их было 48) тогда же приказано было давать долгий звуковой сигнал. В это же время во Владивостоке гудели все находящиеся там поезда.

Вспомнилась небольшая история из жизни нашей семьи: Было 5 марта 1953 года. По радио, черной тарелке, сообщили о смерти Сталина. Дома были не то чтобы все расстроены, но как-то растеряны и серьезны (нельзя же веселиться, когда кто-то умер). Через некоторое время пришел из соседней деревни мой прапрадед Айнетдин и начал о чем-то рассказывать, смеяться и шутить. На это ему резонно заметили: «Нельзя смеяться, ведь сегодня Сталин умер». На что этот старый татарин мудро возразил: «Тумаса — якшерак булырыды» («Если б не родился — лучше бы было»). Эту фразу в нашей семье помнят до сих пор. А прапрадеду — Шехмаметьеву Айнетдину Исмаиловичу (1875–1968) было в 1953 году 78 лет. А может и прав был тогда мой прапрадед, сказав эти слова? Но история не терпит сослагательного наклонения.

Из-за начавшейся 25 июня 1950 года войны в Корее солдатам не давали отпуск. Однажды в часть приехал адмирал Почупайло. Построили личный состав. Адмирал приказал офицерам уйти, а солдатам и матросам остаться: «Я вот с ребятами, как отец с сы-

новьями буду говорить». Начали те из матросов, кто уже пятый год служил: «Отпусков нет, увольнительных нет, хлеб горелый, рыба тухлая, овсянка да перловка». Почупайло всё записал, а потом сказал: « Ребята, всё не обещаю, но, может, немножко налажу». После визита адмирала в солдатском меню появился рис.

Махорку курящим матросам и солдатам выдавали по 12 пачек. Она в ящике лежала, а некурящим вместо махорки выдавали деньги.

Довольно часто объявляли боевую тревогу: каждый раз, когда самолет американский пролетал, ведь Владивосток — это последний рубеж, граница, а она должна быть на замке.

Были в армейской жизни Зяок-бабая и полковые смотры, на одном из которых батарея тяги, где служил дед Зяок, спела «Зависали в небе тучи грозовые». Сама песня — про Кубань. Запевалой был Кулагин, родом с Кубани. Комдив Осипчук, тоже кубанец, так растрогавшись от песни, сказал: «Благодарю за песню. Всем увольнительную. До 12 часов».

25 октября 1955 года Зягидулла Шехмаметьев вернулся из армии. На груди был значок «Отличный шофер».

***

В своих воспоминаниях о службе в рядах советской армии Халим Усманович Тенишев и Зягидулла Хасянович Шехмаметьев рассказывали о событиях, запомнившихся лично им: о службе, о трудных условиях, в которых приходилось жить не только солдатам, но и офицерам и их семьям. Ведь тяжело было не только военным: офицерским женам приходилось не менее «стойко переносить тяготы и лишения воинской службы». В современном обществе часто возникает вопрос о национальной принадлежности, что иногда приводит к так называемым межнациональным конфликтам. Командный и солдатский состав армейской части был многонациональным, но ни о каких конфликтных ситуациях мне не рассказывали.

Согласно расхожей фразе, служба в армии «делает из мальчика — мужчину». Тяготы и лишения армейской жизни закаляют характер. И, несмотря ни на что, армейские годы навсегда остаются в памяти.

«Иногда мы не понимаем, с кем воюем»

Светлана Зверева
школа № 2, г. Лихославль, Тверская область
научный руководитель Светлана Владимировна Зверева

Впервые об Афганской войне я услышала не на уроках, а во время подготовки торжественного мероприятия, посвященного выводу Советских войск из Афганистана.

Я училась в 8 классе, когда мне предложили быть ведущей на этом концерте. Читая свои слова, иногда делала ошибки в названиях мест, упоминаемых в тексте. «Саланг», «Кандагар», «душманы», «шурави» — эти слова для меня были далекими и непонятными.

Готовясь к написанию этой работы, я специально подсчитала, сколько строк, посвящено этой теме в учебнике по истории России для 9 класса. Можете не проверять — всего 22 строчки, и то половину страницы занимает фотография о выводе наших войск из Афганистана. Чуть больше в учебнике по истории России для 11 класса. У нас в стране часто переписывают учебники истории, поэтому оценки одним и тем же событиям порой совершенно различные. В учебниках советской поры об участии нашей армии в Афганской войне говорится как о «выполнении интернационального долга». Но нередко читаешь и совсем иные оценки, поэтому я захотела разобраться во всем сама.

Я решила узнать, как освещалась тема Афганской войны в нашей районной газете «За коммунизм», и была очень удивлена, потому что только в 1988 году на страницах районной газеты появились статьи об Афганистане и об участии в афганских действиях наших земляков. А до этого года ни одной заметки!

Самая первая статья — 11 февраля 1988 года — опубликовано Заявление М. С. Горбачёва о подготовке вывода Советских войск из Афганистана.

Затем несколько статей о тех, кто служил, и каким примером они являются для молодёжи. В статье «В гостях — “афганцы”» З. Угличина рассказывает о наших земляках — участниках Афганской войны, которые встречались с учащимися СПТУ-43. Статья «Шурави — “советский”» Ю. Копейкина (16.12.1989) рассказывает об отношении афганского населения к нашим ребятам. А статья З. Соловьевой «Город принял» (02.02.1988) посвящена Александру Волкову, который

проходил службу в Афганистане, а в 1988 году служил в милиции. К. Фурсову посвящена ее же статья «Он был на войне» (08.05.1988). Но это всё общие слова, общие фразы — и ничего о трудностях, о проблемах.

Я взяла список «афганцев», которые проживают сейчас в нашем районе, их оказалось 50 человек. А по данным военкомата, всего принимало участие — 110 человек; получается, что за 25 лет со дня окончания войны ушло из жизни более половины «афганцев». Узнав домашние адреса воинов-интернационалистов, я встретилась с К. В. Фурсовым и поинтересовалась, кто мог бы рассказать о своей службе, потому что не каждый готов об этом рассказывать.

Перед каждой встречей, я звонила тем, чьи фамилии назвал Константин Владимирович, и говорила о своём желании побеседовать с ними и записать их воспоминания. Признаюсь, что иногда мне приходилось прибегать к помощи моего научного руководителя, Светланы Владимировны Зверевой, которую в нашем городе знают лучше, чем меня.

Если сейчас вспомнить беседы, которые у меня состоялись, то я скажу, что не все они проходили одинаково. Кто-то, согласившись на встречу, был очень общительным и старался рассказать даже о незначительном; было ясно, что человек готовился к разговору. Были и те, кто во время записи интервью был скован, старался побыстрее закончить разговор. Тем не менее, во время разговора с бывшими «афганцами» я познакомилась с судьбами моих героев и многое узнала о войне, о которой многие хотели забыть.

Первым погибшим солдатом нашей армии стал Сергей Ибрагимов, уроженец Калининской (ныне Тверской) области.

Из воспоминаний Д. П. Самородова: «Источником этой информации является не напечатанный архивный документ, а устная информация, которую автор этой книги получил от одного ветерана. Согласно этой версии, дело было так. Не только рядовой состав Ошского батальона, но и офицеры раз в 1,5–2 недели получали возможность посетить Кабул. Понятно, что важной для молодых офицеров целью такого “культпохода” была покупка модных товаров, ширпотреба. На машине группа офицеров, переодетых в гражданскую одежду, организованно выезжала в столицу ДРА. Причем штатное оружие (пистолеты) офицеры оставляли на “базе” в расположении батальона. Пистолеты при себе имел лишь старший группы убывающих офицеров.

Во время одного из таких выездов в Кабул и произошло несчастье. Один из офицеров, переодетый в “гражданку”, оставил дежур-

ному по роте свой пистолет, который был снят с предохранителя. По всей видимости, дежурный, балуясь с оружием, и произвел выстрел в рядового Ибрагимова» (Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1(I). С. 773-777).

Мать Сергея Ибрагимова вспоминает: «Однажды написал, что собирается в отпуск, уже подарки купил. Потом писем не стало, я очень волновалась, но продолжала верить и ждать. Но вскоре меня пригласили в поселковый совет, где меня ждал, как оказалось, военком Заволжского района. Пришел, чтобы сообщить мне страшную весть… Не верила до последнего момента, пока через девять дней не привезли сыночка в цинковом гробу… плакала не только моя семья, плакал и встречал Сережу весь посёлок — гроб стоял в Доме культуры, был почетный караул, звучала траурная музыка. Выходит, эта проклятая война и нас всех достала» (Афганистан. …И боль и слезы… Тверь, 1997).

А в апреле 1981 года и на нашу Лихославльскую землю, в деревню Гнездово пришла весть о гибели их земляка Василия Николаевича Кутузова.

По воспоминаниям К. П. Кутузовой, ее сын Вася был добрым и отзывчивым мальчиком, всегда был готов всем помочь. Никогда не проходил мимо чужой беды. Мечтал вернуться поскорее домой, даже заказал маме свои любимые пироги с капустой, но за две недели до демобилизации его не стало.

6 апреля 1981 года Василий Кутузов вел машину в автомобильной колонне тяжелогруженых машин и бронетранспортеров, которая растянулась на несколько сотен метров. Колонна продолжила движение по узкому горному серпантину. Пятьсот метров, восемьсот, тысяча… И тут раздался взрыв. Машина Василия подорвалась на мине. Кутузов был тяжело ранен в ноги, но нашел в себе силы вывести машину из-под огня. Дело в том, что он шел головным. И если бы он остановил свой КАМАЗ на дороге, то и остальным машинам пришлось остановиться, а тогда они стали бы удобной мишенью для душманов. Василий решил отвести машину на обочину, хотя прекрасно знал, что именно на обочины враги ставят мины-ловушки. После возобновления движения его автомобиль вновь подорвался на мине; он умер от потери крови. За мужество и отвагу Василий Николаевич Кутузов награждён орденом Красной Звезды.

Сегодня мама Виктора уже умерла, не выдержало сердце. Его родная сестра, Галина Николаевна, от встречи со мной категорически отказалась, сославшись на занятость.

Вместе с Василием Кутузовым служили Алексей Курочкин и Александр Антропов. Почти два года были вместе. Когда Василия отпустили в отпуск, по случаю смерти отца, он заходил к Л. И. Курочкиной, она вспоминала, что он всё успокаивал ее, говорил, что служба не такая опасная и трудная, как пишут в газетах. Ждал дембель, рассказывал, что будет в колхозе работать и что любимая девушка есть.

И у А. Курочкина и у А. Антропова судьба после Афганистана сложилась неудачно. И один и второй не нашли себя. Семьи распались, хотя оба, по словам Л. И. Курочкиной, женились по любви, на девушках, которые дожидались их из армии. Никак не могли привыкнуть к мирной жизни, долго не могли найти работу, стали выпивать, жены долго терпели, а потом Алексей узнал, что у его Елены появился любимый мужчина. В нашем маленьком городке быстро всё стало известно. И как призналась Лилия Ивановна, позора не выдержал и повесился.

Лилия Ивановна продолжает: «Умер он в 1991 году. А спустя десять лет и Саша Антропов умер. Он к тому времени превратился в бомжа. Он после армии женился, дети родились, а он все правду искать стал, пытался что-то доказать чиновникам. И из-за того, что у него ничего не получалось, пристрастился к бутылке. Из-за этой страсти и жену потерял, ушла она от него, и мать с горя умерла, родственники обманули и с квартирой, и с дачей, да еще на три года в тюрьму посадили. Вернулся, а жить негде. Он и в подвалах жил, и на чужих дачах. Хозяева били, однажды избили так, что и паспорт потерял, а без паспорта и на работу не устроиться. Военкомат стал выправлять паспорт, как “афганцу”. Мне позвонил с вокзала, что придет, я его ждала до утра. А часов в восемь позвонили из районной больницы, что он умер. Оказывается, он ко мне шел, но недалеко от нашей улицы подошли два парня и что-то у него спросили. А он якобы им грубо ответил, и они его его же тростью и избили, он в армии в ногу был ранен. А избили так, что отбили все внутренние органы, переломали и руки и ноги. Я его и хоронила, больше-то некому было. Так и хожу на кладбище, сначала к Алеше, потом к Саше. Я думаю, что это Афганистан им жизнь сломал, ведь никто не знает, что им пришлось пережить».

Совсем иначе сложилась жизнь еще одного друга Василия Кутузова — Михаила Петрова. В армию он был призван в 1979 году. Как обычно, прошел курсы первоначальной подготовки, затем отравили в Узбекистан. «Прошли трехмесячное обучение, а потом была сформирована 66 отдельная бригада. Большую часть нашей брига-

ды составляли представители Средней Азии: таджики, туркмены, узбеки — у них языки похожи на афганский. Готовили к боевым действиям. Никто из командиров молодым солдатам ничего не говорил, куда их готовят».

Только когда в самолет сели, командир сказал, что летят в Афганистан. Про Афган слышали многое, но они даже не могли представить, что их ждет. Так в части поговаривали, что сначала в Афган отправляли тех, про кого говорили «оторви и брось»: из дисциплинарного батальона, тех, кто преступление совершил.

«Сентябрь или октябрь был, — рассказывает Михаил, — но когда нас посадили в вертолет, мы поняли, что везут нас далеко. Привезли в Кабул в октябре, хотя официально войска были введены в декабре. Расположилась наша часть недалеко от дворца президента Амина. Сами обустраивали себе лагерь, потому что никаких условий для жизни не было, никто для нас ничего не подготовил. Первоначально жили в палатках или разрушенных зданиях. Днем жарко было, а ночью очень холодно, даже замерзали. Жили в таких условиях, что вши стали для нас обыденным делом. Мы их "феликсами" звали, были они большие, жирные и очень кусачие. Полтора года жили со вшами, хотя и мылись (правда, не в бане, а в арыках или горных речках; вода-то привозная была, поэтому и экономили). Но как только пересекли границу, они сразу пропали. Может климат другой, но приехал я домой без вшей.

Привезли полевую кухню, ведь, как говорил Суворов, солдата нужно кормить!

В горах спали на земле, ели сухпайки, а если уходили надолго, то продукты сбрасывали с "вертушек". Чтобы не хотелось пить, под язык клали соль. С ребятами из бригады подружился и написал рапорт о переводе в бригаду, в которой я и дослужил до мая 1981 года.

Никому не поверю, что на войне не страшно! Нам по 18 лет, а вокруг стреляют, вокруг смерть, гибнут такие же пацаны, как ты сам. Это потом страх притупляется, кажется обыденным, а сначала очень даже страшно!»

Среди одиннадцати человек, чьи воспоминания стали основой моей работы, большинство служили почти в конце военных действий — с 1985 по 1987 год, возможно, поэтому очень многое в их рассказах повторяется.

Александр Анатольевич Волков вспоминает: «Набирали 30 человек, тех, кто что-то умел делать: рисовать, фотографировать, а я сказал, что вешалки умею делать. Приехал к нам офицер с пистолетом

и солдат с автоматом. 26 марта 82-го попал в Афганистан. Привезли нас целый самолет. В чем были, в том и поехали. А были мы в зимней форме. Все в рубашках, а мы — как пингвины, в шинелях. В Кабуле сдали зимнюю форму, получили, что полегче. Все новое белье было во вшах, вагончик, в котором оно лежало, "шевелился". Никогда бы не поверил, что такое может быть! Но своим глазам — поверил. Мы в солярку забирались, чтобы избавиться от вшей. Они в солярке погибали, а мы потом уже могли спокойно форму носить. Времени не было в каптерку отнести, жили в машине, что найдешь — в то и переоденешься.

Приехали, получили машину, и сразу в рейс. Всё было необычным, пока ехали до Кабула, смотрели по сторонам.

На аэродроме — стрельба, страшно, страх, а вдруг отсюда не уедем? Но были мальчишками — воспринимали всё легко. Кто заболевал — желтуха, тиф. Массово болели все. Из 50 человек в роте более сорока переболели. Отпуска отменили, раньше если болели легкой формой, то отпуск — 15 дней, средняя форма — 30 дней, тяжелая — 45 дней, тем, кто болел тифом соответственно — 30, 45 и 60 дней.

И если солдат раз переболел, не возвращали в Афганистан, редко возвращали в часть, только по желанию. Кабул был красивым, но бедным. В кино одно, а вживую — совсем другое. И одеты они были кто во что, а что они ели, я даже не знаю, мне казалось, что у них на всех полях наркотики росли. А дети всегда есть просили. Мы часто с ребятами смеялись: "Если бы лихославльскую свалку вывезти в Кабул — стали бы миллионерами". У них на свалке ничего кроме змей и целлофановых пакетов. Всё съедали, никому и в голову не приходило, что-нибудь съедобное выкинуть».

Александр Анатольевич признался, что снабжение было не особо хорошее, в основном получали сухой паек. Ведь постоянно были на выезде, выполняли задание. «Выезжали в 9 часов утра и до 18–19 без остановок, останавливались только для заправки, не успевали даже поесть. Зимой нам выдавали сливочное масло в трехлитровых банках, хлеб давали на несколько дней, а через день–два на жаре он уже превращался в сухари. Хлеб разрубишь, плесень срежешь и грызешь. Иногда в реку кидали гранату, чтобы добыть рыбу. Иногда ели живую рыбу, крабов ели — такие голодные были. Водки было много, а вот еды не было. Но человек привыкает ко всему, ведь жизнь дороже».

Жаловался на плохое снабжение и В. В. Кондратьев: «Питались мы, полученным сухпайком. В него входило: банка тушенки, пер-

ловка, гречка, галеты, заварка, сахар, сгущенка. Когда мы охраняли трубопровод, брали цинковые коробки из-под патронов, обжигали их на костре и варили в них кашу. Основное, чего не хватало, — это воды. Старшина в бочке привозил ее с водокачки, потом переливал в термосы и развозил на точки. Мы старались брать воду там, где берут жители. Чтобы не заболеть, воду хлорировали».

А вот в последние годы обеспечение солдат изменилось к лучшему. Дмитрий Валерьевич Кратов, служивший с 1985 по 1987 год, говорит: «Правда, мы проживали в землянках, в блиндажах; в земляных жилищах не так жарко, ведь температура воздуха поднималась до 73 градусов на солнце. Нас первые две недели даже не трогали, мы должны были привыкнуть. Чтобы сбить жажду, заваривали верблюжью колючку. В расположении была своя баня, пекарня, сад, подсобное хозяйство, питомник для собак. Снабжение было хорошим, всегда свой свежий хлеб, бочки с красной рыбой, греча, консервы с мясом. Когда сухой паек надоедал, жарили пышки, блинчики пекли. Однажды под обстрел попал верблюд, мы кусок мяса поджарили, но невкусный, очень жесткий. А вот черепаший суп — вкусный, их по весне много было. Праздники все отмечали, конечно, не так как на гражданке, но всё равно всё было по-праздничному».

Среди моих собеседников были представители различных родов войск.

Дмитрий Кратов выбрал себе военную профессию кинолога. «В питомнике я познакомился со своей собакой — Цугой. Это была восьмимесячная немецкая овчарка. Все эти месяцы я изучал рефлексы собаки и готовил ее к розыску мин. Мы прятали тротил в тряпку, затем зарывали на глубину около полуметра. Но Цуга ни разу не ошиблась, как только почует тротил, сразу же садится на землю, моя задача была обозначить место и вызвать саперов. Занимались подолгу, от 8 до 10 часов: нас знакомили с подрывным делом, с минами-сюрпризами, мы их называли “итальянками”. Потом был у меня пес Енай, я его еще пылесосом называл, в любой пыли мины находил. Очень хотел забрать после демобилизации, но не дали, сказали, что он на балансе армии, хотя, когда уезжал, в питомнике видел свою Цугу, мне она показалась измученной, отощавшей».

Дмитрий Валерьевич много писал родителям из Афганистана, он предложил мне их прочитать, и я очень удивилась, что в своих письмах он часто и подробно пишет о своих собаках. Мне сложно представить, глядя на солидного мужчину, сидящего передо мной,

что он может с такой нежностью писать о своих четвероногих помощниках.

Александр Анатольевич Волков служил водителем. «Первый рейс запомнился на всю жизнь, не успели выехать, ребятишки стали бросать камни в машину, обзывали оккупантами. И только когда очередь из автомата дали, только тогда они и отстали. С апреля ездили в командировку на перевал Саланг — 100 км. 50 км подъем, 50 км спуск и 2 км тоннель. После прохождения наших 3–4 машин в тоннеле скапливалось столько выхлопных газов, что становилось темно, и ничего не было видно. Однажды в этом тоннеле задохнулось более 2 тысяч афганцев. После этой крупной аварии, проезд по тоннелю решили регулировать. Один день в одну сторону, другой день в другую сторону пропускали машины. 3–4 машины пройдет, 30 минут "вытягивали" воздух. Мы служили на машинах больших, поэтому нас уважали, не обстреливали. Наша задача была вывозить разбитую технику, а на территорию Афганистана завозить строительную технику».

Михаил Вячеславович Петров служил водителем-механиком. «Мы перевозили продовольствие и боеприпасы из Кабула в Джелалабад. А расстояние — 300 км. Наши "Уралы" и КАМАЗы сопровождали "бээмдэшки" (бронированные машины десанта), танки, "вертушки". Ведь "духам" тоже нужны были и продукты и боеприпасы. Не знаю, как они узнавали, но обязательно устраивали засады. Если вдруг пропустили одну колонну, то уж сто процентов, что следующую не пропустят».

Михаил Вячеславович дважды подрывался на мине. «Они ведь не дорогу минируют, а обочину. Стараются в ущелье с двух сторон подбить машины, чтобы колонну остановить и не дать возможность другим машинам выехать. Затем зажимали в кольцо и просто расстреливали. Но мне везло в том, что у "Урала" "морда" длинная, так, что он если и подрывался, то мне немного доставалось. А вот те, кто на КАМАЗах, тем не позавидуешь, они на колесах сидели. Так, что после взрыва, без ног оставались». Именно так погиб В. Н. Кутузов. Каждый раз приходилось вступать в бой, отстреливаться. Но в бою взаимовыручка была, друзей и сослуживцев не бросали, с боями отходили и раненых с собой несли.

Александр Петрович Демидов с 1984 года служил в Афганистане офицером. Он вспоминал свою службу так: «При прибытии старослужащие сказали нам, чтобы мы забыли всё, чему учились в учебке. И действительно, здесь было всё по-другому: оружие, боеприпа-

сы совсем не такие, как во время учебы. В Афганистане у нас часто проводилось такое занятие: мы ложились за бугор, и нас начинали обстреливать из разного вида оружия. Старшие офицеры говорили, что это занятие проводится для того, чтобы мы чувствовали, как пули свистят.

Иногда мы не понимали, с кем воюем: сейчас за одних, а завтра за других. В общем, здесь я выдержал всего два месяца, потом перевели в роту связи, служить стало легче. Моей задачей было осуществление связи, много важной информации передавалось через меня. Поэтому мне с собой приходилось всё время носить гранату. В случае, если я попаду в плен, должен ее взорвать, не раскрывая никаких сведений душманам. Много времени проводили в горах и долинах».

Сергей Петрович Медков с 1983 года службу продолжил в Афганистане, в звании старшего лейтенанта, командиром взвода артиллерийских корректировщиков. Задача его взвода — идти вместе с пехотой и корректировать огонь артиллерии. «Наши функции: обеспечивать безопасный провоз грузов, продовольствия, снарядов, а также живой силы. Зона ответственности от Кандагара до Кушки, а также охрана правительственных и промышленных объектов. Вести войну было тяжело, карты старые, выпущенные в 40-е годы. Иногда смотришь на карту, корректируешь огонь, по карте расстояние от тебя до места обстрела одно, а снаряды разрываются рядом с тобой. То есть карты — устарели, всё изменилось. На карте — аул, а на самом деле он давно разрушен.

Иногда сопровождали батальонную разведку, чаще всего прочесывали “зелёнку”, ведь где вода, там и жизнь. Наша задача — поддержка огнем артиллерии пехоты. Мы должны были не только определить координаты врага, но и скорректировать огонь, иногда приходилось вызывать огонь на себя».

Если служба была у всех моих собеседников разная, то многое было схожим. Например, все, кто служил в Афганистане, отмечают, что в незнакомой стране для них очень неожиданным было большое количество наркотиков.

С. П. Медков вспоминает: «Много было и наркотиков. Когда на задание ездили, прямо на дороге стояли мальчишки и предлагали кокаин, гашиш был смешан с табаком, поля опиумные были повсюду. Приезжаем на огневую точку, солдаты чай пьют, смеются, оказалось, они в котелке вместе с чаем заварили маковые головки. Многие подсаживались на наркотики, ведь в СССР про наркотики

никто не знал, а в Афганистане многие становились наркоманами. Страшно смотреть на ребят, которые очень быстро теряли человеческий образ».

К. В. Фурсов вспоминая о жителях Афганистана, писал, что это очень бедная страна, в которой люди жили за счет продажи наркотиков. Купить у местных наркотики можно было свободно, а можно было и поменять. Афганцы с удовольствием меняли на продукты, а некоторые наши солдаты меняли и на оружие. «Самое страшное было то, что когда мы отправлялись на задание, нередко получали пулю, выпущенную из нашего автомата, проданного до этого местным. Ведь они как — утром с тяпкой землю обрабатывают, а ночью — с автоматом».

В. А. Михайлов рассказывает: «Мне они не понравились. Ведут себя как-то неестественно — улыбаются, хотят показаться добрыми, миролюбивыми, любили с нами поговорить и постоянно предлагали у них травку купить».

Еще меня интересовала проблема дедовщины, ведь о ней всегда говорят, когда речь заходит об армии. Поэтому каждому своему герою я задавала вопрос о неуставных отношениях.

В. А. Михайлов с теплотой вспоминает своих сослуживцев: «Дедовщины как таковой не было, было терпимо. Правда, порядка в армии не было — настоящий дурдом. Старались помочь друг другу, ведь, в любой момент могла потребоваться помощь в бою, кто ж ссориться будет, когда в руках автомат!

Офицеры относились нормально, по-человечески, жили дружно. Но были и такие, кто не понимал солдат. Однажды, при ссоре офицер взял и застрелил дембеля». (А родителям, наверное, написали, что погиб, выполняя интернациональный долг.)

К. В. Фурсов признался: «Вообще-то дедовщина была, конечно, но не до такого, как показывают по телевизору или рассказывают, что избивают до полусмерти. Мы же в разведке служили, всегда с оружием, поэтому за очередной скандал, будучи на задании, можешь получить пулю в спину. Да, было трудно. Были люди разные. Например, один парень-спортсмен. Вначале вел себя, как король, был приближен к сержантскому составу, но что-то там не получилось, и чтобы удрать он пил грязную воду из тазиков. Заболел желтухой, и его отправили в санчасть».

Д. В. Кратов тоже с теплотой вспоминает ребят, с которыми служил: «У нас были представители 15 национальностей, мы даже смеялись, что мы — СССР в миниатюре, но больше всего дружил с укра-

Александр
Волков
(слева)

Василий
Кутузов

Михаил Петров
на фоне дворца
Тадж-Бек, Кабул

Дмитрий Кратов

инцами и белорусами. Никакой дедовщины не было, ведь в блиндаже мы хранили боевое оружие, гранаты. Правда, за стол садились первыми деды, а так убирались вместе, никто не заставлял стирать чужие вещи, нас "деды", наоборот, учили всем армейским премудростям, поспать давали».

М. В. Петров: «Вот сейчас о дедовщине говорят, но это не про нас. Ведь в руках боевое оружие, которого было достаточно. Самое современное к нам присылали: первые автоматы 5-45, гранатометы "Муха", системы "Град" — всё у нас было на вооружении. Так что нельзя было ссориться. Ведь утром могли отправить на задание, а там кто знает, может помощь понадобится. Боялись получить пулю в спину, поэтому никаких ссор, обид не было. Наоборот, дружили между собой очень. Я когда узнал, что в бригаде соседней земляки: Курочкин, Антропов, Кутузов, я им обязательно форму новую брал, когда привозили, или еще что-нибудь. Держались друг за друга. Взаимовыручка в бою очень нужна».

А с точки зрения офицера А. П. Демидова, дедовщина в его батальоне была страшная. «Но я особо не пострадал, так как был после института назначен офицером. Если кто-то из солдат не успевал выполнить какую-нибудь работу, то наказывали всех. У нас проходило много тренировок. Например, бегали с грузом: заворачивали железный блок в плащ, брали в руки автомат и бегали при жаре в 40 градусов. Два раза в неделю ходили на стрельбище и вообще выполняли разные физические упражнения, которые позже в службе даже не пригодились. А сколько сил всё это отняло и времени!»

С. П. Медков откровенно рассказал, что не все служили одинаково. «Офицеры тоже разными были. Прислали однажды офицера — настоящий карьерист, приехал за орденами и за деньгами. На задании стал корректировать огонь и стал передавать координаты, где размещались мы сами, я узнал об этом, не выдержал, ударил его и стал передавать другие координаты. Офицера перевели в другой полк, а вскоре узнал, что его убили. То ли "духи", то ли наши».

В. А. Михайлов говорил: «Офицеры получали двойной оклад: 220 плюс 220 рублей, солдаты — 70 рублей. На 70 рублей, 200 чеков, на базе был магазин "Внешторг", можно было купить и сигареты, и соки в банках, и жвачки (в Союзе это был настоящий дефицит!). Чеки можно было поменять на валюту, на афгани. Дефицит можно было купить и привезти в СССР».

Е. П. Малышеву тоже запомнились «отцы»-офицеры. «Помню, офицер у нас был один очень наглый. Пропуск никогда не показы-

вал. Я его решил проучить: идет с КПП, пропуск не показывает. Я автомат передернул, он с солдатами на землю упал. 40 минут держал их под дождем, потом ребят жалко стало, позвонил в штаб, разобрались. Он зуб на меня точил, всё ждал, как бы со мной посчитаться, но его потом за какую-то провинность в Союз отправили».

Я уже рассказывала о Сергее Ибрагимове, который первым погиб в Афганистане, и это был не единичный случай нелепой смерти. Во время разговора мои собеседники признавались, что не редко солдаты погибали или становились калеками из-за халатности и невнимательности.

В части у В. А. Михайлова среди новобранцев был молодой солдатик, который по-русски говорил плохо, да и понимал не лучше. Не понял, как обращаться с гранатой, а во время учебных занятий граната у него прямо в руках взорвалась, парень стал инвалидом.

М. В. Петров рассказал: «Не нужно было в Афган молодых отправлять. Ведь мы приезжали — совсем мальчишки, многие возьмут гранату, а что с ней делать не знают. Чеку выдернут и смотрят, пока у них в руках не взорвется. Или подожгут бикфордов шнур, а он тлеет внутри, а они смотрят и ждут, когда он ярко загорится. В результате — взрыв происходит в руках».

А. А. Волков подтверждает, что много было неопытных бойцов, отсюда и жертвы. «Я помню, когда вернулся из отпуска, пришло пополнение. Молодым тяжело было привыкнуть к службе, некоторые служащие покупали в магазинах водку. И вот один напился, лег под машину, а утром проехало 20 тонн по нему. Водитель получил 3 года тюрьмы. А родителям сообщили о смерти сына, сказали, что погиб при исполнении боевого задания. Если честно, одна треть солдат погибла по собственной дурости: один наркоман был, пошел за травкой, а его снайпер застрелил; несколько человек сгорели при пожаре. Одного убили из гранатомета, когда его чистили, и это не единичный случай».

А Евгений Малышев сам чуть было не оказался виновником гибели своих сослуживцев. Он признался, что однажды, в первые ночи после приезда в часть в Афганистан, они сидели в окопе, разговорились о доме, семье. «Я хотел пойти местность проверить, а тут прорыв. Меня контузило. Воевали больше двух часов. Патроны закончились, да и сами настолько устали, что ничего не соображали. У друга в стволе гранатомета застряла граната. Я взял доску и вытащил ее оттуда. Потом только дошло, что она могла взорваться, и я, и друг бы погибли.

В расположении был обелиск нашим 8 погибшим солдатам. Но хочу сказать, что чаще всего погибали по глупости или при отсутствии дисциплины. Пошли купаться, девять человек, сбросили одежду и оружие, залезли в воду, на карауле никого не оставили. Все девять погибли. Или во время отбоя, "кукушки" (мы так называли караульных) засыпали, в результате — новые потери. Во время обстрела все прятались, а один остался пышки жарить — получил ранение. Или был еще случай: сидит в туалете и гранату разбирает — ну и что, два пальца оторвало».

Все мои собеседники награждены боевыми наградами, но говорили они о наградах неохотно, словно стеснялись.

В. А. Михайлова наградили медалью «За боевые заслуги» за то, что находясь на посту, принял бой, когда душманы пытались захватить блокпост. Один из снарядов разорвался совсем рядом, Василий Анатольевич получил ранение, но пост не бросил.

К. В. Фурсов награждён орденом Красной Звезды. Его взвод должен был охранять прохождения наших войск. Но душманы напали на колонну в ущелье, завязалась перестрелка, больше суток шел бой. Константина Владимировича тяжело ранили, погибли 11 человек из взвода, но душманы не смогли захватить колонну.

Когда я слушала рассказы, читала записанные воспоминания, меня интересовал один вопрос: неужели среди солдат не было тех, кто отказывался служить? Я спросила, а были ли в их частях дезертиры, и, как оказалось, были.

И. Г. Мазякин вспомнил, что за время службы в его роте было 2 дезертира. Один с поста ушел, когда рота находилась на боевой операции, а до этого еще туркмен перешел на сторону душманов.

К. В. Фурсов тоже вспомнил о том, что из его части один солдат убежал, а второй покончил жизнь самоубийством, гранату взорвал. А почему это произошло, солдаты не знали, ведь офицеры солдатам причины не сообщали. Константин Владимирович считал, что трудностей хватало, и это отразилось на солдатах.

Я перечитала еще раз все воспоминания «афганцев». Молодые солдатики, вынужденные ехать Бог знает куда, Бог знает зачем, а главное, ради чего? Еще не успевшие жизнь попробовать были вынуждены смотреть на смерть людей, с которыми уже успели подружиться… Чтобы «стать мужчинами», пройти «школу жизни»? Да скольким эта «школа» жизнь поломала! Сколько домой после нее не вернулось!

Разве, чтобы стать мужчинами, нужно научиться убивать таких же людей, как и они сами, научиться бить, быть жесткими, бессер-

дечными? А ведь Афганистан учит именно этому. Те, кто вернулся домой живыми, не могли быстро адаптироваться к мирной обстановке, потому что в их глазах стояли те страшные смерти друзей, страдания, увиденные ими в Афганистане.

Мои собеседники признавались, что после службы столкнулись со многими трудностями. А. А. Волков, выполняя одно задание, вел КАМАЗ с соляркой и попал под обстрел. Он помнил, что его учили, как только начнётся обстрел, нужно сразу же прятаться под машину, он так и сделал, но «душманы» выстрелили из гранатомета прямо в цистерну. Вся горящая солярка вылилась прямо на него. В себя он пришёл только в госпитале. Вместе с гимнастеркой сгорел и комсомольский билет. Так на гражданке ему объявили выговор за утерю билета! А потом постоянно нужно было доказывать, что служил в Афганистане, и бороться за свои права. После демобилизации обещали дать квартиру, для этого нужно было вступить в партию, а когда принимали в партию — заявили: «Знаем мы этих наркоманов». «Я повернулся и ушел. Опять вызвали и потребовали: “Докажи, что служил в Афганистане, вдруг вы с военкомом договорились?” Пришлось ехать в архив, там узнал, что в 1986 году мою часть расформировали, а документы сгорели. Привез на работу справку из архива — сказали: “Ладно, идите”».

М. В. Петров говорит: «Вернуться в Афганистан не хотел бы. Сейчас на всё смотрю по-другому. Ведь, война уносит 7–10 лет жизни у каждого, особенно у тех, кто первым приехал в Афганистан. Столько пережить никаких нервов не хватит. Хоть всё плохое недолго помнится. 30 лет прошло, а иногда так тоскливо станет, нервы-то совсем никудышные! Я после армии до сих пор спокойно спать не могу. Иногда во сне воюю, а рядом свои пацаны».

И. Г. Мазякин демобилизовался в 1986 году. Но после возвращения домой долго не мог понять и принять ситуацию, которая сложилась в стране. Да и любимая девушка не дождалась. Он так ждал, когда же снова окажется на Родине, а получилось, что вернулся в чужую страну. Долго не мог найти работы. Надоело просто так болтаться по улицам, поэтому пришел в военкомат и стал проситься опять в Афганистан. На него смотрели, как на не совсем нормального человека, кто ж в такое пекло сам просится! Сумели отговорить, но Игорь Геннадьевич считает, что зря он не настоял на своем.

М. В. Петров вспоминает: «До сих пор удивляюсь, какая в нас была ответственность. Отправила нас Родина, мы дали присягу, и как бы она, наша Родина, себя не вела, мы должны были всё вы-

полнять. Боевые офицеры были порядочные, о солдатах заботились, а среди штабистов были и мерзавцы, про таких говорили, но мне с ними не приходилось встречаться. Я гордился, что служил в Афгане. Ни о чем не жалею».

В. В. Кондратьев согласен с Петровым, при встрече он сказал, что если бы сейчас, спустя уже больше 30 лет, ему предложили вернуться в Афганистан, он бы согласился, потому что хотелось бы посмотреть, как изменилась страна, народ, и самое главное — «ведь там осталась часть моей жизни».

К. В. Фурсов тоже хотел остаться на сверхсрочную службу в Афганистане, не хотелось расставаться со своими разведчиками. Ведь, по мнению Константина Владимировича, служба была хоть и опасной, но интересной, однако от мамы пришло суровое письмо, ведь Константин в семье был самым старшим из троих братьев, отец умер, маме нужна была помощь. Поэтому он демобилизовался.

Совершенно иное отношение к службе у В. А. Михайлова: «Вот некоторые считают, что служить в Афгане — это приключения и романтика. Но это совсем не так, служить в Афгане — значит постоянно ощущать, что находишься на “бочке с порохом”. Если бы в настоящее время мне предложили пойти и пройти тем путем в Афгане, я бы категорически сказал “нет!”».

***

Я уже почти закончила свою работу, когда нашла книгу Светланы Алексиевич «Цинковые мальчики». Признаюсь, мне трудно было читать эту книгу, там война в Афганистане показана совсем не такой, какой я ее увидела по воспоминаниям моих собеседников. Я понимаю, что они берегли мою детскую психику.

Когда я читала книгу, во мне боролись два чувства. С одной стороны, это ужас перед той правдой, о которой пишет Светлана Алексиевич, о том, как наших ребят заставляли убивать, в каких условиях им пришлось жить и выживать и как их потом встречали дома. Я помню рассказ матери, которая ждала своего сына, а встретила совсем чужого человека: злого, замкнутого, потерянного, не понимающего, что с ним было и как жить дальше. Каждая страница книги взывает: люди, не допустите этого кровавого кошмара еще раз! «Кровь афганской войны на многое открыла глаза ныне живущим. Дорогой ценой. Прозреть бы раньше. Но кого обвинишь? Разве винят слепого в том, что он незрячий? Кровью отмыты глаза наши…»

Думаю, что теперь я понимаю, почему сестра Василия Кутузова отказывалась от встреч. Она не верила, что горе ее семьи кому-то интересно, ведь как пишет С. Алексиевич, «дали пособие — триста рублей. За легкое ранение положено сто пятьдесят, за тяжелое — триста. Дальше живи, как хочешь. Пенсия — гроши. Переходи на иждивение к родителям».

«Война не кончается тогда, когда перестают стрелять. Она перемещается в человеческую душу, где нельзя бывшее сделать не бывшим. И там у нее другие сроки», — говорит писательница. Я с этим полностью согласна: боль, которая остается после гибели родного человека, никогда не утихнет. Рана зарубцуется, но рубец продолжает болеть.

Это подтвердила и встреча с матерью погибшего героя Виктора Гололобова. Евгения Анатольевна Гололобова живет в Подмосковье, а в наш городок приехала в гости к родственнице, которая знает о том, что моя мама — экскурсовод в музее «Дорогами Афгана и Чечни», поэтому пригласила её, чтобы познакомиться с матерью героя. Вместе с мамой пошла и я.

Кажется, много прочитала об Афгане, много слышала воспоминаний во время встреч с воинами-интернационалистами, но исповедь матери, потерявшей там сына, меня потрясла. В ней была неизлечимая боль потери и в то же время — гордость за Виктора, исполнившего офицерский долг. Я слушала, как она уже 35 год начинает свой новый день перед портретом сына, как перед иконой.

С 1974 года Виктор служил заместителем командира батальона по политической части в Прикарпатском военном округе. В 1979 году в этой должности он был направлен в Афганистан. В своих письмах писал о том, что честно выполняет свой интернациональный долг и занимается воспитанием личного состава. Он ни разу не пожаловался на трудности, наоборот, гордился тем, что ему доверили такое ответственное дело, как защиту афганского народа, ведь именно так понимали свое участие офицеры Советской армии в военных действиях на территории Афганистана.

В Книге памяти Одинцовского народа Московской области читаю скупые строчки: «12 апреля 1980 года В. К. Гололобов погиб, выполняя воинский долг, проявив геройство и мужество, за что посмертно награжден орденом Красной Звезды».

Эти слова никогда не заменят матери сына, жене — мужа, а дочери — отца.

Кто придумал «перестройку», или Жизнь работников бюджетной сферы в 1980-х–1990-х годах

Ольга Регулярная
школа № 2, г. Няндома, Архангельская область
научный руководитель Галина Николаевна Сошнева

МЫ ИЗ СССР. ПОКОЛЕНИЕ 80-Х

Все наши собеседники «родом из СССР». Школы и вузы они закончили еще в «застойное» советское время, а в самостоятельную жизнь вступали уже на рубеже 80–90-х годов XX века, в эпоху рыночных реформ. Именно этот период для многих оказался наиболее тяжелым.

В 1979 году Виктор Бушуев, закончив школу, поступил на стоматологический факультет мединститута города Архангельска. После распределения Виктор Александрович и его невеста Анна были приняты на работу в городскую поликлинику Няндомы. По закону молодым специалистам полагалось предоставлять благоустроенные квартиры, но в середине 80-х с жильем ситуация была сложная. Когда у Виктора родился сын, он сказал руководству, что собирает с женой чемоданы, так как жилплощадью их не обеспечили. И в течение нескольких дней семье выделили однокомнатную квартиру, чтобы не потерять молодых врачей.

В начале трудовой деятельности Виктор Александрович Бушуев испытал на себе некоторые советские производственные «обычаи». Например, — традиционную «помощь города деревне» в уборке урожая. Виктор Александрович рассказывал, как всех стоматологов и других специалистов отправляли на сенокосы, оставляя в зубоврачебном кабинете всего одного работника. По иронии судьбы именно в такие дни в поликлинике наблюдалось «нашествие» сельских жителей. Как сказал Виктор Александрович: «Сельскохозяйственные работы минули меня стороной, но мне приходилось “разгребать” в поликлинике. И меня удивляло, что во время сенокосов врачей не отпускали в отпуск; на отдых они могли уйти только после завершения страды». Эта ситуация, как я понимаю, результат экстенсивного ведения хозяйства, когда требовалось огромное количество рабочих рук, особенно в сельском хозяйстве, а их всегда не хватало. Вот и приезжали в выходные в колхозы и совхозы

Няндомского района учителя, врачи, работники железнодорожных депо, библиотекари и прочие интеллигенты.

Поколение 80-х взрослело еще в советской действительности, пользуясь социальными гарантиями для молодых. Например, бесплатным высшим образованием на конкурсной основе, гарантированным трудоустройством и бесплатным жильем. Сейчас многие с ностальгией говорят об этом. Так, например, представители малых народов могли гарантированно поступить в институт, независимо от качества подготовки, а на предоставление жилья в сельской местности могли рассчитывать специалисты или молодые врачи.

ПЕРЕСТРОЙКА, ПЕРЕСТРОЙКА… ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Перестройка, перестройка,
Вся я перестроилась,
Я в директора влюбилась
И к нему пристроилась!

Так частушкой начала свой рассказ Ольга Станиславовна Борган (1960 г. р.) о перестройке. В 1985 году, после окончания театрального отделения Культпросветучилища в Архангельске, она прибыла по распределению в Отдел культуры Няндомского района. Как говорит Ольга Станиславовна, до 1985 года их деятельность контролировал отдел пропаганды и агитации Райкома КПСС. Контроль был жесткий. Например, когда готовили какое-либо городское массовое мероприятие, перед членами отдела пропаганды и агитации нужно было показать все наработки и сценарий к мероприятию. Каждую строчку сценария читали и подробно расспрашивали, зачем то или иное в этом сценарии. Часто говорили, что это читать нельзя, а это петь нельзя. Запрещались те частушки, в которых усматривались намеки на критику руководства и власти. Но даже после тщательного корректирования сценария Ольга Станиславовна многое включала в программу обратно. «Делали хитро, один экземпляр сценария отдавали на проверку, а другой, который реализовывали и воплощали в жизнь, оставляли у себя». Как ведущую, Ольгу Станиславовну перед праздником 2–3 раза прослушивали, чтобы ничего лишнего она не сказала, никаких шуток не отпускала… и даже импровизация не приветствовалась.

Еще одним направлением работы отдела культуры являлись выступления агитационных бригад. В них участвовали все желающие,

это были люди разных профессий и возрастов, в основном комсомольцы. С агитбригадой обычно ездили на посевную, сенокосы, на фермы. Работников на фермах не хватало и поэтому во время уборочной после выступления артисты-агитаторы тоже брали в руки грабли или тяпки.

Начавшийся с 1985 года и связанный с именем нового генерального секретаря КПСС М. С. Горбачева период советской истории принято называть Перестройкой. Первоначально новая политика называлась «ускорение и перестройка». Под «ускорением» понималось, прежде всего, повышение темпов развития советской экономики и повышение производительности труда. Этот курс был закреплен на XXVII съезде КПСС в марте 1986 года, когда М. С. Горбачев был с визитом в Тольятти и посетил Волжский Автозавод (8 апреля 1986 г.). Там он впервые употребил слово «перестройка» для обозначения общественно-политического процесса. Этот термин подхватили СМИ и он стал лозунгом новой эпохи в СССР.

Перестройка была нацелена на обновление экономической, социально-политической и нравственной сфер жизни общества. У людей появилась вера в изменения к лучшему: и жилищный вопрос будет решен, и советская экономика выйдет на высокие рубежи благодаря «человеческому фактору» и применению достижений науки, и многое другое.

У Ираиды Васильевны Мозгалевой к концу 1980-х уже была семья и двое маленьких детей. Работая в библиотеке, она отмечала, что с началом Перестройки на людей обрушился шквал невиданной и неслыханной информации. Ей запомнились телепередачи «Взгляд» с Владом Листьевым. В них говорили о проблемах, которые раньше замалчивались. Поразило появление «желтой прессы», в которой писали обо всем, что раньше было недозволенно для печати, например, о личной жизни актеров и певцов.

Также стали появляться произведения, ранее запрещенные: «Дети Арбата» А. Н. Рыбакова, «Жизнь и судьба» В. С. Гроссмана, «Реквием» А. А. Ахматовой, «Софья Петровна» Л. К. Чуковской, «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака, а также произведения А. И. Солженицына и В. В. Набокова. Школьникам стали давать для чтения книги авторов, о которых люди более старшего поколения и не слышали. В библиотеку поступали журналы, например, «Новый мир» и др., в которых раскрывались «белые пятна истории», и у женщины возникало чувство обманутого человека. Столько лет она не знала всей правды о жизни своей страны, что для нее было оскорбитель-

но. Библиотеку в годы Перестройки посещало очень много читателей. У людей на подписку денег не хватало и читать свежие газеты и журналы они приходили в библиотеку.

Курс на «гласность» тоже был провозглашен на XXVII съезде КПСС в 1986 году. Как говорил М. С. Горбачев: «Принципиальным для нас является вопрос о расширении гласности. Это вопрос политический. Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении». И, как отмечали наши собеседники, в результате воздействия новой информации у людей складывалось представление о том, что сейчас, когда стали известны многие негативные моменты истории, подобное не повторится. Кстати, с преподаванием истории складывалась наисложнейшая ситуация, так как учебники изменились не сразу и их содержание совсем не соответствовало той информации, которая появлялась в газетах и журналах.

Ольга Павловна Кузнецова, учитель математики школы № 3, вспоминает, что начало Перестройки повлекло изменения в работе: «На работе Перестройка заявила о себе большей свободой, избавлением от лишних бумаг. В свободной форме разрешили писать планы уроков, разрешили использовать конспекты уроков за прошлый год. Количество собраний сократилось. Остались только педсоветы и открытые партийные собрания. Первоначально ощущалась какая-то новизна, повеяло переменами, но потом они сошли на нет… Я являлась членом КПСС, понимала, что, не будучи членом КПСС, невозможно попытаться сделать карьеру. Но в конце 80-х я вышла из КПСС».

А вот Ираида Васильевна Мозгалева не успела стать членом партии. Она свято верила в партию, ей было важно, что ее оценили по достоинству, раз стали рассматривать ее кандидатуру в члены КПСС.

Вступить в КПСС предлагали и Ольге Станиславовне Борган. Но это в ее планы не входило. Как она сама говорит, в коммунизм она попросту не верила. Ей претило то, что для многих членство в партии являлось возможностью иметь какие-то льготы. И когда ее вызвали в партком, на предложение о вступлении в КПСС, она ответила, что вступать не будет. Но репрессий в ее отношении не было, так как уже активно шла Перестройка, и это восприняли довольно спокойно. «После путча 1991 года, — говорит Ольга Станиславовна, — многие учителя стали выходить из КПСС. Даже самые ярые коммунисты стали оставлять свои билеты на партсо-

браниях. Многие после выхода из партии были рады этому, так как посещать собрания больше не придется, платить ничего будет не надо, да и ответственности становилось меньше». Ранее же членство в партии давало много привилегий, например, когда на школу выделяли дефицитные импортные вещи (обувь и одежду), их в первую очередь получали члены партии, а потом остальные работники.

О веянье перемен говорит и Александра Николаевна Зорина (1971 г. р.): «До поступления в институт я жила в Няндоме, а потом вместе с родителями в 1989 году переехала в Архангельск — вспоминает она сегодня. Перестройка запомнилась появлением таких передач на телевидении как “Прожектор Перестройки”, выявляющий нелицеприятные моменты в советской действительности, “Взгляд”, “Музыкальный ринг”, “Программа А” о различных музыкальных группах. Эти передачи ждали, так как раньше музыкальных передач на телевидении было мало». Новшеством стали и прямые эфиры утренних и ночных передач, общественные дискуссии. Ранее у советского зрителя выбор был весьма ограниченный: главная информационная программа «Время», общественно-политические программы; трансляции съездов, концертов к датам, хоккейных и футбольных матчей, соревнований по фигурному катанию; редкие западные фильмы, прошедшие цензуру; никакой рекламы.

Ольга Станиславовна Борган, переехавшая в Шалакушу и с 1985 года работавшая в школе пионервожатой, тоже вспоминает о новом в школьной жизни. В это время активно развивалось коммунарское движение, центром которого стал Дом пионеров города Няндомы. Цель коммунарского движения — формирование коллектива, развитие социальной активности школьников.

Коммунарское движение, вероятно, стало средством обновления пионерского движения, так как, по словам Г. Н Сошневой, в конце 1970-х уже стало наблюдаться безразличие к членству в пионерской организации и школьники демонстративно переставали носить галстуки.

Тогда приветствовалось всё новое, необычное, и однажды Ольга Станиславовна решила провести факельное шествие, посвященное Дню Победы. Сделав факелы и построившись в колонны, ребята прошли через весь поселок к обелиску, тем самым пытаясь привлечь внимание людей и почтить память героев войны. Зимой ребята лепили для детей детского сада снежные фигуры. Самое интерес-

ное, что делали это ранним утром, перед тем, как малыши должны были прийти в детский сад. Как говорила Ольга Станиславовна, для участников коммунарского движения было очень интересно и важно посмотреть на реакцию малышей, как они удивлялись и радовались, именно это и вдохновляло.

В Перестройку большой популярностью стала пользоваться новая символика: значки со словами «гласность», «перестройка», с портретами М. С. Горбачева, косынки со звездами или серпом и молотом и др.

Но чувства были какие-то противоречивые, как говорит Александра Николаевна Зорина. В 1986 году она ездила школьницей во всесоюзный пионерский лагерь «Артек». В начале смены их собирали и объясняли, как надо отвечать иностранцам (а «Артек» был международным лагерем), на вопросы о том, почему у нас в стране еще имеются отдельные проблемы. Например, так: «У нас была война, не всё еще налажено….» Сейчас это звучит как-то странно. Но другой наш респондент, Ираида Васильевна Мозгалева, тоже говорит, что в лесопункт, где она жила, из средней полосы приезжали люди на заработки и хозяйственные трудности всё еще объясняли пережитой войной. А это уже были 1970-е годы.

Обобщая, стоит сказать, что годы Перестройки действительно запомнились людям как время разительных перемен, формировавших веру в скорейшие изменения в ближайшем будущем во всех областях жизни. Гласность давала возможность людям узнать всю правду о делах минувших дней, раскрыть «белые пятна» и не подрывала веру в социализм. Напротив, стремилась его обновить. Люди стали получать больше информации, для них оказались доступны многие произведения художественной литературы, зарубежные фильмы стали идти в прокате и по телевизору.

О том, что Сталин «плохой», люди знали еще со времен XX съезда КПСС, но информация о том, что и Ленин «плохой», просто ошеломила сознание народа. В этих условиях начинали пробивать дорогу новые идеи. Но многие, привыкнув к старой размеренной жизни, пусть и не такой свободной, тосковали по так называемому «застою» и стабильности. К тому же одной «гласностью» сыт не будешь. Да и сам «перестроечный» эксперимент оказался неудачным. К концу 80-х люди уже разуверились в возможности «обновления» социализма, стал наблюдаться отток из КПСС, хотя первоначально очень многие связывали успешность карьеры с членством в партии, но престиж ее всё падал и падал.

«НЕ ДО ЖИРУ, БЫТЬ БЫ ЖИВУ»

На изменившихся телевизионных экранах во время Перестройки стали мелькать модно одетые люди, артисты, зарубежные и отечественные, которые становились примером для подражания. Но одеться так же могли не многие, так как сохранялся пресловутый советский дефицит товаров широкого потребления. Что-то в магазинах продавали, но не вещи, отвечающие модным тенденциям второй половины 1980-х. «К 1987 году, — вспоминает Г. Н. Сошнева, — в быту мало что еще изменилось, но возникло частное предпринимательство и появились первые кооперативы. Это отразилось и на рынке, который стал насыщаться кооперативными товарами широкого потребления. Учитывая сохранявшийся товарный дефицит в государственных магазинах, некоторые мои однокурсницы купили себе выпускные платья из модной ткани на городском рынке, которые продавали швейные кооперативы. Цены на эти товары были выше, чем в государственных магазинах, но швеи, работавшие частным образом, где-то доставали модный шифон с люрексом. Купить же в магазине что-то стоящее редко удавалось».

Хотелось купить туфли, меховые шапки, но… «Когда поступила в институт, на 1-м курсе понадобились сапоги, — говорит А. Н. Зорина. — Удалось купить в магазине от фабрики “Северянка” на два размера больше. Но радовалась и этому, с носком получалось как раз». Радовались женщины покупкам на фабрике «Северянка» и потому, что к концу 80-х предприятие стало выпускать несколько улучшенные образцы обуви. Раньше местная продукция выглядела совершенно непрезентабельно.

Несмотря на разоблачительные телепередачи, газетные статьи, партийный контроль, продолжал существовать «блат» и купить дефицитные продукты и товары можно было только «из-под прилавка». В няндомской школе, где училась тогда А. Н. Зорина, старшеклассницы получали профессию продавца, поэтому по субботам они отрабатывали практику в продовольственном магазине. Как она говорит, «на складе было товара гораздо больше, чем в магазине». Кое-что им удавалось купить, например, дефицитную тогда сгущенку.

«Мы, конечно, не голодали, — вспоминает Александра Николаевна, — был огород, овцы в домашнем хозяйстве, но всегда чувствовалась нервозность от того, что нужно продукты “доставать”, стоять в огромных очередях за чем угодно. Например, за колбасой

по субботам в магазине “Волна” или “Ударный”. “Дайте, пожалуйста, вашего мальчика (девочку)”, — такую просьбу можно было в очереди часто услышать, так как каждый покупатель имел возможность купить норму на человека (500 г), а заполучив “мальчика” удавалось купить больше».

Г. Н. Сошнева, начинавшая работать под станцией Коноша, точнее в Коноше-2, отмечала, что к концу 80-х в магазинах становилось всё более пусто. «Сейчас даже трудно вспомнить, чем я питалась — говорит она. Кое-что привозила от родителей, но полноценно обедала в школьной столовой, там что-то брала себе на ужин по совету буфетчицы. Оказалось, что так делают многие, учитывая дефицит продуктов в магазине и наличие их в общественном питании». И вот, захватив в школу стеклянную банку с капроновой крышкой, она и покупала себе что-то на ужин. «Холодильника у меня не было, как и телевизора, — продолжает она. — Я бы его купила с легкостью после второй зарплаты, но в магазине ничего не оказалось. Первоначально я даже и не догадывалась, что нет телевизоров в продаже. Попросила учеников помочь привезти из магазина, но оказалось, что телевизоров в продаже нет, и в ближайшее время не предвидится. Поэтому довольствовалась транзисторным приемником, привезенным из дома».

В лесопункте в конце 80-х годов людям жилось лучше, чем в деревнях и селах, это было связано с тем, что лесопункты лучше снабжались товарами и продуктами. Купить можно было практически всё: мебель, одежду, телевизоры, как говорит И. В. Мозгалева. Вот и Г. Н. Сошнева вспоминает, что ее подруга, проживавшая на маленькой станции Вандыш, где располагался лесопункт, одевалась очень модно, благодаря поступавшим в местный магазин импортным товарам.

В самом конце 1980-х — начале 90-х чтобы одеться модно, студенты даже пользовались возможностью купить что-либо в салоне для новобрачных, подав заявление в ЗАГС и получив заветное «Приглашение в салон» розового цвета. «В салоне не оказалось моего размера туфель, — вспоминает А. Н. Зорина, — и я купила, какие были. Потом пыталась продать их на импровизированном рынке, на стадионе “Динамо” в Архангельске. А вот итальянские сапоги по Приглашению оказались замечательными, все подруги завидовали». Рынком и комиссионными магазинами в то время пользовались многие, что-то перепродавая или покупая. Многие вязали и шили для себя сами, так как достать товары в магазинах было

практически невозможно. Схемы вязания брали из газет и журналов. Например, Галина Николаевна Сошнева говорит, что частенько вязала для себя и сынишки.

Восьмидесятые годы многим запомнились острым дефицитом самых разных товаров. «Примерно в 1988 пришла в магазин за детскими колготками, — вспоминает Зоя Николаевна Романова. — Думала купить внукам, но оказалось, что только "многодетным", а тем, у кого два ребенка, уже не полагается». С талонами в конце 80-х — в 1990-м стало легче, считает она. Но продуктов не хватало. Приходилось «растягивать» их и беречь. Введение талонов на водку она тоже поддерживала, потому что считала, что так можно несколько затормозить развивающийся в СССР алкоголизм.

Талоны появились в связи с антиалкогольной компанией в СССР в 1985 году. «Но самогонщикам это сыграло только на руку, — говорит Зоя Николаевна. — Продажу алкогольной продукции притормозили, но нужда у людей не пропала. Самогонщики довольно хорошо развивались до начала 90-х годов, так как государство не особо следило за их деятельностью». Как рассказывала Зоя Николаевна, соседи-самогонщики богатели на глазах. А вот Ольга Станиславовна обменивала талоны на водку на талоны на хлеб, сахар, мясо и прочее. Выкручивались, как могли, кто-то менял талон на талон, а кто-то талон на водку на несколько талонов на другие продукты. Г. Н. Сошнева тоже отмечает, что продукты даже по талонам (которые многие стали называть как в войну «карточками») нужно было еще «достать». Иногда удавалось купить в школьном буфете полуфабрикаты (пельмени или котлеты). Буфетчица специально развешивала по 1 кг в бумажные пакеты для учителей. Такие моменты становились маленькой радостью, так как на какое-то время решался «продовольственный вопрос».

На октябрь 1990 г. пришлась свадьба Галины Николаевны, которая стала испытанием для двух семей, так как необходимо было закупить продукты и вино для гостей. В ход пошли связи в магазинах, талоны. А когда в повестке дня появился вопрос подготовки «приданного» для ребенка, никто и не вспомнил о плохой примете готовить всё заранее. В магазинах она покупала всё, что временами появлялось — и пеленки с распашонками, и штанишки или гольфики на 2–3 года, независимо от цвета.

О периоде начала 1991-го у нее остались тяжелые воспоминания. Даже хлеб тогда продавали по талонам. Спасало то, что муж

стал работать инженером по снабжению в няндомском Химлесхозе, и занимался не только техникой, но и снабжением бригад лесорубов продуктами. Время от времени он ездил с водителем на грузовике на продовольственные базы в Архангельск. Там немного приобретал и для себя.

Ираида Васильевна Мозгалева вспоминает, как занимала с вечера очередь в магазин за чем-либо и с подругой попеременно ходила отмечаться, иначе нужного товара не купить. Между делом она упомянула газетный снимок, на котором были изображены пустые прилавки магазина и два иностранца, со смехом показывающие на прилавки. Как говорит Ираида Васильевна, ей в этот момент было стыдно и обидно за свою Родину.

«В 80-х–90-х на предприятиях появился бартер, — говорит З. Н. Романова. — Например, Тульский леспромхоз (ТЛПХ) отправлял вагоны леса в Финляндию, а оттуда взамен привозили тряпки (одежду) на часть денег. Работодатели продавали данную одежду своим сотрудникам за деньги или выдавали талоны на одежду вместо зарплаты. Тем женщинам, у кого мужья были задействованы в данной сфере, приодеться было легче всего. Многие даже раздавали лишние талоны своим подругам. Продукты тоже давали рабочим, но их уже все брали». Так, начальник ТЛПХ иногда выделял какие-либо товары и продукты учителям школы № 2, в которой учились дети его работников: карамель, крупы, сахар или мясо из подсобного хозяйства. Преподаватель трудового обучения разрубал тушу на куски, а затем учителя выбирали мясо и взвешивали. Каждую осень учителям привозили капусту для засолки. Практически все ее готовили на зиму.

В конце 80-х — начале 90-х годов Ольга Станиславовна каждую субботу пекла пироги. Начинкой служило всё, что росло на грядках. Пекли пироги с морковкой, грибами, вареньем. Светлана Васильевна Евстафеева, жительница небольшой железнодородной станции, тоже рассказала, что «пироги пекли всегда, каждый день или через день, потому что было свое масло, сметана была своя, молоко, яйца и их использовали для выпечки. Пироги в то время в деревне — это пища».

Конфеты тоже становились дефицитом, а Ольге Станиславовне хотелось порадовать ребенка. Она покупала в магазине детское питание, из которого лепила конфеты, а сверху посыпала какао-порошком и клала в морозилку. Конфеты делала и из вафель, которые прокручивала в мясорубке, добавляя сироп или варенье.

Для жителей маленьких железнодорожных станций одним из способов получения каких-либо продуктов были московские поезда. Люди на станции поджидали поезд из Москвы, потом втридорога покупали с этого поезда конфеты, печенье и прочее. Или садились в Няндоме, ехали до своей станции, а в это время в вагоне-ресторане скупали продукты, например, к празднику.

Таким образом, при всем желании партийного руководства оживить социалистическую идею, сделать ее более привлекательной, результат был неудовлетворительный. Несмотря на кооперативы, продолжал сохраняться дефицит на товары широкого потребления. Не помогло и введение талонов на продукты, их не всегда и не всем удавалось отоварить. Из-за отсутствия выбора в магазинах, с прилавков «сметалось» всё, что появлялось.

ДЕВЯНОСТЫЕ… КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

Новый этап в жизни нашей страны стали отсчитывать с конца 1991 года, когда СССР распался, а этому событию предшествовал так называемый путч, или попытка госпереворота, в августе 1991 года.

А. Н. Зорина путч наблюдала, приехав из пионерского лагеря к сестре в Няндому из Полтавы: «Просыпаюсь, по всем двум программам одно и то же. Сообщение о ГКЧП меня расстроило меньше, чем “Лебединое озеро”. Казалось, что само собой всё утрясется. Даже представить было невозможно, что начнется полоса радикальных перемен». Вероятно, люди так привыкли к практически неизменному состоянию советского общества, что радикальных перемен они и представить не могли.

С. В. Евстафеева призналась, что было страшно: «Не знали, чего ожидать. Сначала было такое ощущение, что кто-то умер, потому что когда кто-то из руководителей государства умирал, всегда показывали либо балет, либо что-то классическое. Думали, что умер Горбачев или Ельцин».

Г. Н. Сошневу путч застал в больнице, где она находилась с ребенком. Ее удивила классическая музыка по радио на протяжении нескольких часов вместо новостей и других передач. Удивление сменилось беспокойством: что случилось в стране, чего ожидать? Лишь спустя некоторое время появились первые сообщения о болезни Горбачева и о создании ГКЧП, о том, что отменяются все

преобразования, осуществленные при Горбачеве, и о возвращении к первоначальному курсу.

Граждане СССР встречали эти сообщения по-разному. Например, Зоя Николаевна Романова говорила, что многие даже обрадовались, поверив в то, что новая власть установит порядок в стране. При Л. И. Брежневе люди жили тихо и спокойно, никуда не рвались, и многих это устраивало. Советский народ привык к стабильности. «Жили плохо, но стабильно», — вспоминает она. Другие выжидали, чем же это закончится, но возвращения в прошлое не хотели.

Постепенно всё «утряслось». Горбачев с семьей вернулся с дачи в Форосе, участники ГКЧП были арестованы. Складывалось впечатление, что население не поддержало ГКЧП и в большей степени сочувствовало Горбачеву.

Как нам известно, намеченное подписание нового союзного договора не состоялось, а в декабре 1991 года главы России, Белоруссии и Украины денонсировали союзный договор 1922 года — Советский Союз распался. Каждая из республик отправлялась в «свободное плавание». Россия начинала жить отдельно, а для граждан вскоре началось новое испытание — рыночные реформы.

НАДО ПОТУЖЕ ЗАТЯНУТЬ ПОЯСА...

После рождения ребенка в августе 1991 года Г. Н. Сошнева жила в военном городке Каргополь-2. Хотя в сравнении с Няндомой он снабжался лучше, много времени она проводила в очередях — за гречкой, котлетами, зубной пастой, посудой, обувью, детской одеждой. Последней относительно большой покупкой для ее молодой семьи стал диван, талон на который чудом сохранился в коробке с разными памятными мелочами. Талон этот достался свекру на работе, так как в военном городке Каргополь-2 до конца 1991 года товары распределялись по различным подразделениям и службам. Галина Николаевна говорит, что когда «отпустили» цены, они на глазах выросли в сотни раз. Спасало то, что семья жила с родителями мужа и все вели общее хозяйство. После 1992 года в Няндоме стали во множестве появляться коммерческие магазины с импортными товарами. Около магазина, который в народе называли «90-й», образовался импровизированный рынок, где продавали различные вещи и местные, и приезжие торговцы. Предлагаемые товары редко отличались хорошим качеством, но люди, «изголодавшиеся» при дефиците, их покупали.

Г. Н. Сошнева с сыном, одетым в её детскую шубку. Февраль 1992

8 марта в клубе

Талон на диван

Талон на сахар, который получали жители Каргополя-2

Виктор Бушуев

Праздник в сельском клубе. Посёлок Шалакуша

Выступает Ольга Станиславовна Борган

Агитбригада перед автобусом

«Помнится, мне потребовалось зимнее пальто, — вспоминает Галина Николаевна. — На рынке пришлось купить пальто с ужасным воротником из искусственного меха. Но я перешила воротник со старого пальто свекрови и благополучно носила его несколько лет. А однажды мне пришлось продавать картошку со своего огорода на рынке. Свекрови стало неудобно, я же посчитала, что ничего страшного в этом нет, ведь продавали свои излишки. Да и деньги были нужны. Пока я находилась в отпуске по уходу за ребенком, пособие платить престали и мы жили на зарплату мужа. Свекровь работала на автобазе, и им как-то привезли "ветошь" — куски трикотажного полотна, вероятно с какой-то фабрики. Выбрав подходящие лоскуты, я сшила штанишки и свитер для сына. Вязала и перевязывала для него необходимые вещи».

З. Н. Романова тоже говорила, что одежду внукам дочь Светлана перешивала из поношенной взрослой. Денег не хватало, поэтому детей не могли даже определить в детский сад. В те времена младшие дети донашивали за старшими братьями и сестрами их вещи. Многое родители шили сами.

Галина Николаевна хранит свитер, который она связала сыну, распустив свою детскую кофту. «Из отпуска по уходу за ребенком я выходила в надежде на то, что смогу заработать и будет легче материально. Но зарплата обесценивалась, а потом ее вообще выплачивать перестали».

К середине 90-х годов появились взаимозачеты. Так как не платили зарплату, работающие могли взять продукты в каком-либо магазине под долги по зарплате. Это делалось по договоренности с владельцем магазина, который часть своих налогов в местный бюджет не платил, а разрешал «отовариться» бюджетникам — таким образом им компенсировалась невыплаченная зарплата. Хорошо, если это был частный магазин, и можно было выбрать любые продукты. Но предлагали и магазин Лесхоза, где только по случаю продавали тушенку или сахар, а иногда на прилавках там стоял только черный хлеб. «Как-то взаимозачетом нам дали по мешку репчатого лука. Я сначала недоумевала, что с ним делать, но потом в нашем меню появились макароны с жареным луком и морковкой».

Кроме зарплаты не выдавались и детские пособия. Однажды летом появилась возможность взять взаимозачетом какие-либо вещи, в том числе и детские. Галине Николаевне пришлось простоять в очереди с 11 часов утра до 7 часов вечера, а взять удалось только мужскую куртку огромного размера.

В некоторых магазинах складывалась унизительная для бюджетников обстановка, когда предприниматель на одни полки ставил товар, который покупали за деньги, а на другие те, что полагались по взаимозачету.

Каждую осень, бюджетники, имевшие огороды, делали овощные заготовки: огурцы, помидоры, лечо, овощной плов, кабачки, салаты. Так продолжалось много лет. Все старались заготовить как можно больше, чтобы обеспечить семью. Эта потребность удешевить питание так прочно вошла в жизнь бюджетников, что многие по инерции продолжали делать массу заготовок и в 2000-х годах, хотя они уже не съедались. «Набор был стандартный: суповые заправки, борщ, рассольник, лечо, соленые огурцы и так далее, — вспоминает С. В. Евстафеева. — Делали около 300 банок. Ямы и подвалы всегда были забиты. Варили тушенку (говядину и свинину) из мяса, что оставалось к весне, чтобы не испортилось. Больших холодильников не было, а мясо в тепле портится очень быстро. Из-за этого скотину всегда резали на зиму, тушки вывешивали на веранде в кладовке, где холодно. Из голов тоже варили тушенку и делали колбасы, варили холодец из поросячьих ножек. Летом варили варенье. Для этого требовалось много сахарного песка, и его покупали заранее на вырученные от продажи мяса деньги. Вот такой круговорот денег в домашней экономике».

Евстафеевых спасало свое подсобное хозяйство, привыкли к этому в родительских семьях. Они держали корову, теленка, свиней, кур. Поросят растили больше года, к праздникам забивали, сало часто отдавали родственникам, так как его было много. Скотину кормили картошкой, овощами, комбикормами, заготовляли много сена. Им удалось приобрести списанный трактор и отремонтировать его. Заготовка сена шла быстро. Но трактор использовали не только во время сенокосов, им еще и пахали картофельные поля. Картофельные поля были огромные, землю получили бесплатно, так как после распада совхоза появилось акционерное общество, и членам этой организации бесплатно выделялась земля. Семье Светланы Васильевны было выделено около 6 га земли в аренду.

Еще больше в 90-х заготавливали грибов и ягод. Грибы солили, варили, сушили. Зимой из грибов варили суп и жарили картошку с грибами. Чтобы одеть детей к школе, можно было или продать мясо, или сдать какие-либо ягоды. Светлана Васильевна Евстафеева с мужем и старшим сыном собирали чернику, морошку, малину и сдавали в пункты приема ягод или приносили вместе с подругами

на вокзал и продавали у поездов. Поезд иногда стоял всего 3 минуты, их знакомый обычно быстренько запрыгивал в вагон, брал у них ведра с ягодами, продавал, а потом раздавал женщинам деньги. Чтобы одеть детей на зиму, сдавали клюкву.

Учитывая наличие в Няндоме бройлерной птицефабрики, у бюджетников иногда появлялась возможность взять под зарплату цыплят-бройлеров. В первой половине 1990-х, по рассказу О. С. Борган, долгое время не давали зарплату. И вот как-то перед самым Новым годом ей сказали, чтобы она шла, получала зарплату взаимозачетом. Тогда Ольге Станиславовне дали 3 ящика бройлерных синих цыплят. Часть этой «зарплаты» она отвезла сестре в Петербург, и всё равно эту курятину семья ела долго. Еще зарплату давали молочными продуктами, хлебом. Так как каждый пытался выживать как мог, Ольга Станиславовна завела куриц ради яиц.

«Когда зарплаты перестали выплачивать, в магазинах иногда давали продукты под запись, — говорит И. В. Мозгалева. — Дети настолько привыкли, что родители берут продукты без денег, что однажды, соседский ребенок, увидев по телевизору ограбление магазина, спросил: “Мама, а он тоже под запись?!”».

В это время бюджетники буквально выживали. Семье Бушуевых помогало и молоко, которое стоматологам дважды в неделю давали «за вредность». Учитывая, что супруги вдвоем работали, молока было достаточно. Из него умудрялись готовить творог, а однажды Виктору Александровичу дали рецепт сыра. Он и это попробовал. Его дочь Лена вспомнила, что сливочное масло для бутербродов родители берегли детям, а сами довольствовались маргарином.

В. А. Бушуев говорит, что мясные субпродукты (печень, сердце, легкие) стоили гораздо дешевле мяса, поэтому семья их и использовала. Легкое говяжье, даже хорошо приготовленное — блюдо на любителя. А вот проварив и перекрутив на мясорубке, его добавляли в куриный фарш и делали начинку для пирожков или для картофельной запеканки.

Вспоминая вечное безденежье, Анна Ивановна Бушуева говорит, что она и кошелек то редко с собой брала. Однажды маленькая дочка попросила, идя с нею из садика: «Купи мне хотя бы чупачупс». А в ответ на то, что денег нет, сказала: «Какая же ты мама! Все детям покупают, а ты нет!».

Муж Г. Н. Сошневой работал в те годы в Горэлектросети. Это стало спасением для семьи. Ей по полгода не выплачивали зарплату, а мужу более или менее регулярно, так как в организации во-

дились «живые деньги». Особенно супруга и сын радовались, когда он перед праздниками приносил большой продуктовый набор. Это были те продукты, которые предоставляли торговые точки, частично погашая долги за электричество. Ими предприятие поощряло своих работников. Да и на Новый год муж приносил сыну огромный мешок подарков от Деда Мороза. Учителя и врачи такое позволить своим детям не могли. О традиционных новогодних подарках для детей пришлось забыть.

Зоя Николаевна Романова вспоминает, что когда зарплату задерживали, ее и семью выручала пенсия, которую она уже получала по возрасту. А ведь надо было и дочери с зятем помочь. Дочь находилась в отпуске по уходу за ребенком, а зять — врач-бюджетник. На школу порой выдавали не весь фонд зарплаты на месяц, и поэтому всем не хватало. Директор школы старалась действовать справедливо и выдать сначала тем, кто не имел пенсии и кроме как на заплату ни на что не мог рассчитывать, например, мамам с детьми или одиноким учительницам. Как-то, совершенно отчаявшись, Зоя Николаевна буквально выпрашивала в управлении образования хоть сколько-нибудь денег. И вот ей выдали пачку рублями. Обрадовавшись, она пообещала внуку, что «сейчас они на все деньги купят карамели». На что кассир, приняв слова всерьез, испуганно заметила, что не стоит этого делать, а то следующая зарплата неизвестно когда. А однажды Зоя Николаевна увидела на улице объявление о покупке волос (дорого). Она тут же отправилась в парикмахерскую стричь свои роскошные волосы. После сдачи волос Зоя Николаевна воскликнула от счастья: «Ой! Мне тут на семь буханок хлеба хватит!» Приемщица посмеялась и сказала: «Вы хоть не сразу покупайте!»

В то время коллега Г. Н. Сошневой написала стихотворение на манер «Большой привет, прекрасная маркиза»:

Большой привет, прекрасная маркиза!
Как у меня идут дела?
Ни одного несчастного сюрприза,
За исключеньем пустяка:
Полгода не было зарплаты,
И впредь полгода не видать.
Деньжонок стало очень мало
И даже трудно в долг занять.
А свет грозятся отключить нам,

А также газ и телефон.
Мы за квартиру не платили –
Боюсь, попросят скоро вон.
Нам не до праздников уже,
Позорным стало неглиже.
И кошку нечем нам кормить –
Придется, верно, утопить.
А в остальном, прекрасная маркиза,
Всё хорошо, всё хорошо!

В этих условиях бюджетники и хлеб пекли, чтобы не покупать в магазине. Например, приятельница Г. Н. Сошневой купила у приемщиков металлолома две заводские формы для выпечки хлеба и с легкостью освоила это дело, как и изготовление майонеза в домашних условиях. Стоит сказать, что таких фирм по скупке лома цветного металла открывалось много, и люди тащили туда всё, что имело какую-то ценность, за что можно получить «живые» деньги. Что касается форм для выпечки, они до этого момента явно где-то «плохо лежали». Обычно так говорили наши граждане, приспосабливая к личным нуждам то, до чего не доходили руки государства или какого-то предприятия.

Галина Николаевна тоже говорит, что освоила разные рецепты, даже пряники пекла и покрывала их глазурью. Учитывая, что взаимозачетом иногда давали целый мешок муки, семьи бюджетников так часто пекли блины и оладьи, что смотреть на них уже не могли. Во многих семьях в укромном месте квартиры стоял мешок муки, а у тех, кому повезло, еще и мешок сахара.

Как мы поняли, в смысле питания сельские жители жили неплохо, поскольку имели свое хозяйство. Но и потрудиться для этого требовалось немало.

После того как цены отпустили, рынок стал насыщаться различными товарами, но воспользоваться этим мог не каждый. Например, фрукты покупали только ребенку, вспоминает Г. Н. Сошнева, а взрослым доставалась одна срезанная кожура. А. Н. Зорина рассказала, как они с подругой на двоих покупали попробовать шоколадный батончик «Марс» за 400 руб. «А “Баунти” мы с Лариской попробовали, когда ей друг этот шоколадный батончик подарил, и мы его съели, пока вместе готовились к экзамену».

1990-е годы стали, пожалуй, самым тяжелым испытанием для бюджетников. Реформы очень сильно ударили по россиянам, и осо-

бенно незащищенными категориями оказались работники бюджетной сферы и пенсионеры. Но учитывая, что пенсии выплачивали более регулярно, чем зарплаты, именно пенсионеры старались материально помочь семьям своих взрослых детей. Не получая зарплат, учителя, врачи, библиотекари выживали благодаря подсобному хозяйству. Поэтому второй работой стал огород, уход за скотом, сбор грибов и ягод. Экономика семьи становилась полунатуральной. Заготовки и консервы были не только дешевым, практически бесплатным обедом и ужином, но и экономили зарплату, когда ее удавалось получить.

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС

Вспоминая Советский Союз, все обычно говорят о решении жилищного вопроса в стране за счет государства, то есть о возможности получить благоустроенную квартиру бесплатно, хотя, конечно, очереди на жилье существовали огромные. Но после распада СССР и начала рыночных реформ, хотя очереди и сохранились, получить жилье стало почти невозможно.

Когда после окончания срочной службы Виктор Александрович Бушуев с женой вернулся на родину из Чехословакии, где офицерам платили денежное довольствие, обеспечивали жильем и даже разрешали привезти с собой семью, в душе было некоторое сожаление, так как в стране наступал кризис, в магазинах пусто, да и зарплату (которая постоянно обесценивалась) платить перестали. Анна Ивановна радовалась, что пока жили в Чехословакии, она накупила сыну одежды чуть не до школы. Единственное светлое воспоминание 90-х — это получение трехкомнатной квартиры в 1994 году. К этому времени в семье Бушуевых родилась дочь. Но дом очень долго не могли сдать. У строительной компании не хватало средств для завершения стройки, поэтому дом пришлось «урезать» на один подъезд.

В этом доме квартиры должны были получить и те, кто его строил, и врачи, и другие специалисты Няндомского района. Начальник строительной организации просто выдал своим работникам ключи от квартир, но потом суд признал это незаконным. Только через суд врачи отстояли свои квартиры в этом доме. Это были последние счастливчики, получившие квартиры от государства. На этом строительство жилья для бюджетников в Няндоме практически закончилось.

О РАБОТЕ

В советские времена люди жили более стабильно и, выбрав профессию, редко меняли место работы. Но в 80-х и 90-х всё изменилось. Как говорит А. Н. Зорина, многие однокурсники еще надеялись, завершая обучение на истфаке педагогического института, работать в райкомах КПСС, но монополия КПСС в августе 1991 года закончилась. «Мы даже в школе оказались не нужны, так как из райкомов многие ушли в школу именно учителями. Вероятно, те, кто не сумел пристроиться в бизнесе. Мне удалось устроиться в 1994 году на работу в областной Дворец пионеров». Как мы поняли, истфак был самым политизированным факультетом, и у истфаковцев, действительно, всегда имелся шанс устроиться на работу в райкоме партии.

Устав от безденежья, продолжает А. Н. Зорина, она решила получить юридическое образование и в 1998 году заочно закончила юрфак, после чего поступила на службу в милицию. «Мне сказали, что я пока буду получать мало, а когда присвоят звание — больше. Оказалось, что “мало” — это в два раза больше, чем во Дворце пионеров г. Архангельска! Но в августе случился дефолт и пересчитанная зарплата обесценилась. Цены вырастали на глазах, деньги надо было немедленно потратить хоть на что-то. Успели приобрести мне хорошее пальто и пылесос». (А например, у Г. Н. Сошневой проблемы, куда потратить деньги не существовало. Семья жила, не имея сбережений).

«В милиции тоже задерживали зарплату. Один милиционер на кроссе упал в обморок. Сдачу нормативов никто не отменял. Да и участковые были худющие, — продолжает Александра Николаевна. — Разные подразделения органов правопорядка находились и на разных бюджетах. Особенно тяжело жили те, кто на местном бюджете. Кто-то из журналистов спросил о настроениях архангельской милиции. Представитель УВД сообщил, что оно отчаянное. Дошло до Москвы, и в результате дали зарплату за два месяца сразу».

Зато для инициативных людей открылась привлекательная возможность заняться бизнесом. Так, в 1993–1994 годы Ольга Станиславовна и ее муж, чтобы как-то выжить, открыли кафе в поселке Шалакуша, где они жили. Молодые люди не были его полными собственниками, а являлись совладельцами с еще одной хозяйкой. Семья отремонтировала выбранное помещение, наняли персонал, и кафе заработало.

Помимо кафе, Ольга Станиславовна занималась с детьми в интернате. Днем она работала там, а вечером в кафе. Кафе пользовалось популярностью, так как там проводилось много интересных мероприятий, нравившихся публике. Кроме местных жителей ходили приезжие железнодорожники. Они жили в вагончиках, а вечером приходили в кафе отдыхать. Они всегда заказывали мясо, очень много еды, что для кафе было прибыльно. Эти работники часто брали в долг, так как зарплаты приходили поздно, но долг всегда возвращали, дарили различные подарки (вино, конфеты, шоколад). Проблем с закупкой продуктов, спиртного и сигарет не было. В то время появилось много коммерческих магазинов даже в Шалакуше, в них часто закупали продукты для кафе. И хотя кафе было небольшим, всего на 30 мест, оно давало хорошую прибыль.

В 90-х маленькая Шалакуша оживилась, после того как было основано российско-датское деревообрабатывающее предприятие, давшее местному населению денежную работу.

Деревообрабатывающий цех и всю инфраструктуру датчане строили сами. К удивлению местных, датчане привезли с собой черные цистерны с водой, а жители поселка подумали, что иностранцы привезли какую-то «заразу», чтобы погубить людей. На самом деле иностранцев не устраивало качество воды из реки, которую использовали в поселке.

По словам Ольги Станиславовны, местных строителей отправляли на учебу в Данию, после чего они возвращались на родину, чтобы строить цеха. Офис датчане делали сами, по европейским масштабам, со всеми коммуникациями. После открытия датского офиса стало налаживаться производство клееной доски, очень прочной и качественной. Но эту клееную доску отправляли в основном в Данию. С появлением российско-датского предприятия появились рабочие места, но на работу брали не всех, а только тех, кто умел общаться и не был подвержен вредным привычкам. Зарплаты платили высокие, по сравнению с местным лесозаводом.

Бюджетникам в 90-е приходилось особенно трудно. Цеплялись за любую работу, приносящую доход в семью. Виктор Александрович Бушуев в свободное время, помимо лечения бесплатных пациентов, подрабатывал в зубопротезном кабинете. Кто-то на всё лето отправлялся в пионерский лагерь. А большинство выживало тем, что вело полунатуральное хозяйство, выращивая овощи, разводя скот, продавая собранные грибы и ягоды и покупая на вырученные деньги необходимые вещи.

***

Завершая исследование, хочется сказать, что для поколения молодых людей, родившихся в конце 1990-х, это давно ушедшая эпоха, а для наших родителей, бабушек, дедушек — это время молодости и зрелости. Время, когда перед ними вставали насущные вопросы буквально каждый день, а от их решения зависела жизнь детей и внуков.

Как мы уже упоминали, и «перестройка», и процесс рыночных реформ у всех респондентов воспринимаются как единое целое. Вероятно, потому что с «перестройкой» начинается полоса перемен в нашей стране, которые становились всё круче и круче, пока государство совершенно не изменилось. Конечно, этот исторический период оказался насыщен событиями, поэтому рассмотреть все их мы не могли, и остановились на исследовании бытовых вопросов жизни людей и на том, как они относились к происходящим переменам.

Наше исследование в очередной раз, вероятно, подтвердило, что особенно сложно живется в переломные моменты истории, когда рушатся привычные устои. В 80-х–90-х под воздействием государственных решений людям тоже пришлось менять жизненные представления, а иногда и сферу профессиональной деятельности.

С «перестройкой», как мы поняли, у людей возникла надежда на то, что благодаря новому курсу и установкам на «гласность» и «ускорение» в экономике, жизнь в скором времени изменится к лучшему. Раскрытие «белых пятен» истории, правдивые разговоры о действительности формировали веру в честность людей, пришедших к власти. Радовала большая свобода в области культуры, возможность читать и смотреть то, что ранее являлось недоступным. Вероятно, и школа, и пионерская организация, и комсомол к этому времени были уже «заорганизованы» (ни шага в сторону), потому-то молодежь так открыто откликнулась на перестроечные перемены.

Но многие, привыкнув к старой размеренной жизни, пусть и не такой свободной, тосковали по так называемому «застою» и стабильности. К тому же одной «гласностью» сыт не будешь. Да и сам «перестроечный» эксперимент оказался неудачным. К концу 80-х люди уже разуверились в возможности «обновления» социализма, стал наблюдаться отток из КПСС, хотя первоначально очень многие связывали успешность карьеры с членством в партии, но престиж ее всё падал и падал.

Но если в 1980-е людей главным образом интересовал вопрос, где и что можно достать, как не «потерять» свою очередь, в 90-е главной проблемой стало найти деньги в условиях невыплаченных зарплат. Девяностые оказались еще более сложным испытанием, особенно для людей, работавших в бюджетной сфере. Теоретически, изменения в экономике являлись объективной необходимостью, но реформы очень сильно ударили по россиянам.

Видимо, поэтому основную часть наших граждан в эти годы в большей степени интересовали вопросы материального обеспечения семьи, нежели внутриполитические процессы в стране, такие как отмена руководящей роли КПСС после путча 1991 года, штурм «Белого дома» в 1993 году. Даже дефолт не всем запомнился, так как у большинства бюджетников денежных сбережений уже не существовало.

Действительно, над людьми был поставлен эксперимент: удастся обновить социализм или нет? Выяснилось, что не удалось. Велось много споров о том, как необходимо было реформировать экономику, но бесспорно то, что о людях думали в последнюю очередь.

О конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век»

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» проводится Международным обществом «Мемориал» совместно с Союзом краеведов России, Международным благотворительным фондом им. Д. С. Лихачева и Кафедрой региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета с 1999 года.

В жюри конкурса входят известные российские ученые, писатели, общественные деятели. С момента основания конкурса бессменным председателем жюри был выдающийся историк, краевед, действительный член Российской академии образования Сигурд Оттович Шмидт (1922–2013). С сентября 2013 года жюри конкурса возглавляет писательница Людмила Улицкая.

Цель конкурса — способствовать сохранению исторической памяти и сближению поколений. Его задача — привлечь школьников к изучению российской повседневности, региональной и семейной истории.

Молодые люди находят темы и материалы для своих работ, записывая рассказы о прошлом, работая в региональных архивах и школьных музеях, изучая семейные фотографии и документы.

Работу школьников направляют педагоги — учителя школ, руководители краеведческих и исторических кружков.

За шестнадцать лет существования конкурса в архиве Международного «Мемориала» собрано более 36 тысяч исторических работ. Около трети из них прислано из региональных центров. Остальные — из малых городов и деревень.

Лучшие работы прошедших исторических конкурсов опубликованы в шестнадцати сборниках на русском языке. Это «Человек в истории. Россия — XX век» (2000, 2001, 2002, 2003), «Время местное, прошедшее» (2006), «Верх по реке времени: Российские школьники об истории XX века» (2012), «По крупицам: Российские школьники об истории XX века» (2013), а также восемь тематических сборников: «Быть чеченцем: Мир и война глазами школьников» (2004), «Цена победы: Российские школьники о войне» (2005), «Мы все с одной деревни: Школьники села Новый Курлак Воронежской области о судьбах своих земляков» (2006), «Полустертые следы: Российские школьники о еврейских судьбах» (2006), «Как наших дедов забирали: Российские школьники о терроре 30-х годов» (2007), «Круг семьи и колесо истории: Российские школьники о судьбах своих семей» (2008), «Пути следования: Российские школьники о миграциях, эвакуациях и депортациях XX века» (2011), «Пи-

шет вам ваш сын и брат: Человек, общество, армия в работах российских школьников» (2014), «Век двадцатый — век необычайный: Российская история XX века глазами школьников» (2015).

На немецком языке был издан сборник лучших работ нашего конкурса «Russlands Gedächtnis. Jugendliche entdecken vergessene Lebensgeschichten» («Память России. Молодые открывают забытые страницы биографий», издательство Edition-Koerber-Stiftung, 2004). В том же издательстве в 2006 году вышел сборник «Unruhige Zeiten» («Смутные времена»), включающий работы российских и немецких школьников, победителей конкурсов «Человек в истории. Россия — XX век» и аналогичного немецкого конкурса. Сборник «Быть чеченцем» переведен на норвежский («Å være tsjetsjener Vitnesbyrd fra krigens barn», издательство «Humanist forlag», 2006), итальянский («La Cecenia dei bambini. I giovani raccontano la tragedia del Caucaso», издательство «Einaudi», 2007) и немецкий («Zu wissen, dass du noch lebst», издательство «Aufbau», 2007) языки.

Конкурс проводится при поддержке Фонда Михаила Прохорова (РФ), Фонда Кёрбера (ФРГ), Фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ), Филиала «Фонда Фридриха Науманна за свободу» (ФРГ) в Российской Федерации.

С 2001 года конкурс входит в сеть европейских исторических конкурсов Eustory.

Адрес оргкомитета конкурса:
127006, Москва, улица Каретный Ряд, 5/10
Тел. 495 699-65-04
E-mail: konkurs@memo.ru
www.urokiistorii.ru/konkurs

САЙТ «УРОКИ ИСТОРИИ»

В мае 2009 г. был открыт сайт «Уроки истории» (www.urokiistorii.ru). Это консультационный и методический портал для подготовки исторических исследований, дискуссионная площадка для обсуждения проблем отечественной истории. Сайт освещает актуальные события, касающиеся современного состояния культуры памяти и исторической политики, развития исследований истории XX века.

На сайте размещены сборники работ участников конкурса «Человек в истории. Россия — XX век», информация о российских и международных конкурсах, выставках, аннотации учебников, книг и научных статей, рецензии на фильмы, теле- и радиопередачи, затрагивающие историческую тематику.

Жюри конкурса

Людмила Евгеньевна Улицкая
председатель Жюри конкурса
писательница, Москва

Даниил Александрович Гранин
писатель, Санкт-Петербург

Александр Юльевич Даниэль
директор программы «История инакомыслия в СССР» Международного «Мемориала», Москва

Сергей Аркадьевич Иванов
историк, профессор НИУ ВШЭ, Москва

Ирина Владимировна Карацуба
историк, доцент МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

Александр Валерьевич Кобак
исполнительный директор Международного благотворительного фонда имени Д. С. Лихачева, Санкт-Петербург

Владимир Фотиевич Козлов
заведующий кафедрой региональной истории и краеведения РГГУ, председатель Союза краеведов России, Москва

Ксения Андреевна Ларина
журналист, обозреватель радиостанции «Эхо Москвы», Москва

Мария Александровна Липман
главный редактор журнала Pro et Contra, Московский центр Карнеги, Москва

Александр Давидович Марголис
генеральный директор Международного благотворительного фонда спасения Петербурга-Ленинграда, Санкт-Петербург

Арсений Борисович Рогинский
председатель правления Международного «Мемориала», Москва

Никита Павлович Соколов
заместитель Генерального директора Музея Москвы по научной работе, Москва

Ирина Лазаревна Щербакова
председатель Оргкомитета конкурса, руководитель молодежных просветительских программ Международного «Мемориала», Москва

Ирина Евгеньевна Ясина
вице-президент фонда «Либеральная миссия», Москва

вырвать век из плена
российская история xx века глазами школьников

Редактор-составитель Ирина Щербакова
Редактор Николай Гладких
Верстка Жанна Махмутова

Международное общество «Мемориал»
127006, Москва
Каретный Ряд, 5/10
e-mail konkurs@memo.ru
www.urokiistorii.ru/konkurs
Телефон 495 650 78 83

Подписано в печать
Формат 60x90 1/16
Гарнитуры Charter, FranklinGothicBook
Объем 20 условных печатных листов
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 1000 экз.
ЗАКАЗ № 155861
Отпечатано в ООО «ГРУППА КОМПАНИЙ ЭЙ БИ ТИ»
107241, г. Москва, Черницынский пр., д.3, стр. 3